

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЮЖНОУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ К. Д. УШИНСКОГО»**

На правах рукописи

Ананьева Елена Павловна

УДК 172.3+130.2+316.61.+1:316.3-047.82

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ
КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

специальность 09.00.03 – социальная философия и философия истории

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант
доктор философских наук, профессор
Боринштейн Евгений Русланович

Одесса
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Раздел I. Концептуальные основания мультикультурализма и толерантности в контексте глобализации социокультурного пространства.....	14
1.1. Развитие глобализационных тенденций в концептологии социокультурного пространства	14
1.2. Мультикультурализм как концептуальная парадигма глобализированного социокультурного пространства	41
1.3 Толерантность в дискурсе социосистемы культуры	58
Выводы к I разделу	79
Раздел II. Парадигма мультикультурализма и толерантности в системе социально-философского знания	79
2.1. Теоретические аспекты исследования мультикультурализма и толерантности: проблема методологии.....	79
2.2. Мультикультурализм и мораль в глобализированном общественном пространстве	112
2.3. Мультикультурная толерантность в свете глобализации как фактор разрешения противоречий современного мира.....	134
Выводы ко II разделу	157
Раздел III. Корреляции мультикультурализма и толерантности в пределах социокультурного развития.....	164
3.1. Развитие типов и форм мультикультурализма в социокультурных трансформациях.....	164
3.2. Проблемы и перспективы классификации толерантности применительно к мультикультурной социальной реальности	193
3.3. Толерантное взаимодействие как социально-личностная ценность в условиях мультикультурной среды.....	218
Выводы к III разделу.....	241
Раздел IV. Стратегии развития мультикультурных связей и толерантных отношений в различных социокультурных пространствах	247
4.1. Парадигма мультикультурализма в социокультурном пространстве стран классической иммиграции (Австралия, Канада, США)	247
4.2. Интеркультурализм и толерантность в странах этнокультурного плюрализма (западноевропейских обществ)	266
4.3. Стратегии мультикультурализма, толерантности и транснациональные практики в социокультурных пространствах полиэтнических сообществ	295
Выводы к IV разделу:	316
Раздел V. Парадигма мультикультурализма и толерантности в современном украинском обществе.....	322
5.1. Аксиологические предпосылки мультикультурно-толерантной парадигмы в социокультурном пространстве мира и Украины	322
5.2. Правовые концепты реализации парадигмы мультикультурализма и толерантности	350
5.3. Развитие парадигмы мультикультурализма и толерантности как фактор прогресса социокультурного пространства современного украинского общества.....	372
Выводы к V разделу.....	400
ВЫВОДЫ.....	Ошибка! Закладка не определена.
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью глубокого осмысления отличительных черт современного глобального мирового сообщества: усиления взаимодействия стран и народов, их сближения и согласованности развития. Мировое сообщество реализует свои духовные и материальные потребности через многочисленные каналы, из которых наиболее существенным в плане направленного воздействия является социокультурное пространство. Социокультурное пространство самым активным образом реагирует на мировые тенденции глобализационного плана и влияет на личностные, международные, национально-государственные и региональные процессы. Глобальное социокультурное пространство понимается нами как особый социально-философский феномен, сложившийся на основе опыта межкультурного взаимодействия и актуализировавшийся в условиях инновационных социокультурных, социально-политических и этно-идентификационных процессов. Это неминуемо обуславливает современные подходы к концептологии социокультурной сферы. Возникает необходимость в продуцировании новейших социально-философских концепций социокультурного пространства, которые смогут явиться средством урегулирования отношений и снижения напряженности в обществе.

Со второй половины XX века в развитых странах мира сформировался новый тип отношений между личностью и обществом, основанный на особой морально-ценностной и нормативно-правовой системе. Придавая значение защите прав и свобод личности независимо от ее культурной принадлежности, этот тип отношений выдвинул в качестве приоритетов согласие, мир и ненасилие. Основой данного типа отношений явилось одно из системообразующих качеств современного мира – мультикультурность социальной сферы.

Мультикультурная парадигма в настоящее время сосредоточивается на предельных основаниях цивилизации – системах формирования личности, что обуславливается социокультурной политикой в рамках общества в целом. При

этом неминувемо возрастает роль мультикультурализма как интегрирующей теории и практики, потенциал которой еще не исчерпан, и которая способна препятствовать процессам разобщения в обществе и форсировать цивилизационное развитие. Идея мультикультурализма распространяется на систему науки, образования, права, ценностей, морали, религии, информации и в связи с этим подлежит исследованию не только как объективная социальная проблема, но и как социально-философский концепт, требующий и отвлеченного осмысления, и практической реализации.

В обстоятельствах мультикультурализма необходимой предпосылкой новых коммуникативно-целесообразных отношений, безусловно, является толерантность, которая стала фактором выживания и полноценной жизнедеятельности общества. Свое выражение толерантность приобретает в различных социальных практиках – выступая как моральная ценность, культурная норма, предпосылка движения людей к единству и сотрудничеству, как механизм функционирования мультикультурного социума.

Значимость очерченного круга вопросов, их недостаточная теоретическая разработка и неоднозначность практического применения выступают **научной проблемой** исследования, которая заключается в необходимости социально-философского осмысления мультикультурно-толерантных взаимосвязей и взаимозависимостей в социуме и разработке концептуальных оснований совершенствования глобализированного социокультурного пространства. Это обусловлено сущностью и спецификой мультикультурного общества XXI века, детерминировано необходимостью функционирования феномена толерантности, а также проблемой развития мультикультурных связей и толерантных отношений в социокультурной сфере в целом, что и определяет актуальность данного исследования, как для научного развития, так и для социальных реалий.

Связь работы с научными программами, планами, темами

Диссертация выполнена в рамках плановой научно-исследовательской темы кафедры философии, социологии и менеджмента социокультурной

деятельности Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского «Инновационность в методологии и технологии научного и социального познания» (государственная регистрация темы № 0109U000194), одной из исполнителей которой является диссертантка.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего диссертационного исследования заключается в предложении модели концептологии социокультурной сферы современности и представлении феноменов мультикультурализма и толерантности в качестве социально-философских концепций глобального социокультурного пространства. Указанная цель обусловила формулировку и решение следующих задач:

- определить концептуальные основания глобализации социокультурного пространства, обосновать его сущностные характеристики и структуру;
- осмыслить мультикультурализм в качестве концептуальной парадигмы глобализованного социокультурного пространства;
- конкретизировать сущность и обосновать перспективы развития феномена толерантности в дискурсе глобальной социосистемы культуры;
- выявить взаимосвязь и взаимозависимость феномена мультикультурализма и моральных установок в социокультурном пространстве;
- прояснить роль мультикультурной толерантности как фактора разрешения противоречий современного мира;
- предложить классификацию мультикультурализма и толерантности в социокультурных трансформациях;
- раскрыть специфику толерантного взаимодействия как социально-личностной ценности в условиях мультикультурной среды;
- исследовать реалии и специфику проектирования мультикультурного социального пространства;

- проанализировать стратегии развития мультикультурных связей и толерантных отношений в различных социокультурных пространствах: стран классической иммиграции, стран этнокультурного плюрализма, современных полиэтнических сообществ;
- установить аксиологические предпосылки мультикультурно-толерантной парадигмы в социокультурном пространстве мира и Украины;
- систематизировать и конкретизировать правовые концепты реализации парадигмы мультикультурализма и толерантности;
- доказать, что парадигма мультикультурализма и толерантности является фактором прогресса социокультурного пространства современного социума.

Объект исследования – глобальное социокультурное пространство.

Предмет исследования – мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции глобализированного социокультурного пространства.

Методы диссертационного исследования избраны в соответствии с представленными целями и задачами.

Принципиальную основу методологии работы составили принципы объективности, историзма, единства теории и практики; неделимости исторического и логического; целостности системного, структурного и генетического подходов. Методологической основой исследования является совокупность методов классического философского анализа и рефлексии; герменевтико-методологический процесс выявления сущности исследуемых реалий; логико-диалектический анализ исследования предмета; научно-логическое понимание процессов социокультурного развития, синергетический подход к осмыслению предмета и объекта исследования. Это позволило определить и обосновать характеристики концептологии современного глобализированного социокультурного пространства; доказать, что развитие современного глобализированного социокультурного пространства может быть

заложено в полной мере в рамках новейших социально-философских концепций.

Как первоочередные использовались общенаучные методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция; метод восхождения от абстрактного к конкретному. Специфическими явились комплексные методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ философской, культурологической, социально-педагогической и социально-психологической литературы, метод междисциплинарного анализа категорий, структурно-функциональный метод. Это позволило уточнить представление о характеристиках путей и средств развития новейших социально-философских концепций социокультурного пространства, которые представлены в виде парадигмы мультикультурализма и толерантности.

Широкое использование герменевтической методологии позволило дать содержательный анализ реализации мультикультурно-толерантной парадигмы в различных социокультурных пространствах современности.

Все указанное дало возможность в последнем разделе диссертации разработать инновационную модель социокультурного пространства, где была бы успешно реализована платформа по мультикультурно-толерантному сотрудничеству.

Методологической базой исследования стали теоретико-концептуальные постулаты современного гуманитарного знания:

- теории: глобализации (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма); самореализации и самоактуализации личности (А. Г. Асмолов, Г. А. Берулава, А. Маслоу, К. Роджерс и др.);
- концепции: социокультурного пространства (П. Бурдье, Г. Зиммель, П. Сорокин); мультикультурализма и мультикультурных практик (Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Брислин, Э. Холл), толерантности и толерантных отношений (О. Грелл, И. Карли, Дж. Лаурсен, В. А. Лекторский, Р. Портер, Л. В. Скворцов, М. Уолцер); синергетических подходов к изучению социальных вопросов (Г. Ю. Ризниченко); идентичности (С. Дацюк, Г. Дилигенский, И. Кононов,

Ю. Красин, А. Панарин); ценностей и ценностных ориентаций (Е. Боринштейн, А. И. Кавалеров, А. Резник, А. Ручка); влияния социальной среды на развитие личности (Л. С. Выготский, Дж. Дьюи, П. Ф. Каптерев, Ж.-Ж. Руссо).

– положения: о многомерности пространства развития личности (С. К. Бондырева, Б. С. Гершунский, В. Э. Штейнберг и др.); о правах и обязанностях человека (Международная конвенция по правам человека; Декларация принципов толерантности; Конституция Украины; Законы Украины и др.)

– собственно философские и социально-философские современные теоретические концепты: принципы системности в философском знании, вопросы философской критики и философской пропедевтики, социально-политической организации общества (Е. Боринштейн, Э. Гансова, Н. Гедикова, Е. Головаха, А. Добролюбский, Ю. Добролюбская, И. Ершова-Бабенко, Т. Заславская, А. И. Кавалеров, М. Каган, С. Катаев, Н. Конох, И. Левяш, Е. Лисеенко, Ю. Маркин, В. Муляр, И. Мысык, Г. Несторенко, В. О कोरोков, Н. Панина, О. Пунченко, О. Резник, М. Романенко, С. Рубинштейн, А. Ручка, И. Скловский, А. Халапсис, Н. Цибра, И. Чхейло, В. Ядов).

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предложена модель концептологии глобализированного социокультурного пространства; явления мультикультурализма и толерантности представлены в качестве социально-философских концепций социокультурного пространства современности. Это привело к необходимости конкретизировать и систематизировать феномены мультикультурализма и толерантности, позволило определить мультикультурализм и толерантность как философские категории эпохи глобализации, доказать необходимость реализации парадигмы мультикультурализма и толерантности для достижения прогресса социокультурного пространства глобального социума современности.

Разрешение конкретных задач способствовало достижению цели исследования, определило и удостоверило научную новизну полученных результатов, что сформулировано в следующих положениях.

Впервые:

- определены характеристики концептологии современного глобализированного социокультурного пространства, которые заключаются в: открытости, толерантности, взаимодействии и взаимозависимости культур. Разработана структура современного глобализированного социокультурного пространства, включающая в себя образовательную, ценностную, моральную, правовую, конфессиональную, информационную составляющие;

- мультикультурализм и толерантность представлены в виде социально-философских концепций глобализированного социокультурного пространства. Отображены категориальные основания мультикультурализма и толерантности как социально обусловленных явлений и философских категорий;

- мультикультурно-толерантная парадигма включена в принципы построения социокультурного пространства современности. Социально-философская парадигма мультикультурализма и толерантности осмысливается как фактор прогресса социокультурного пространства современного мира;

- введен в научный оборот ряд понятий, способствующих исследованию концептологии мультикультурализма и толерантности в глобализированном социокультурном пространстве («глобализация социокультурного пространства», «структура социокультурного пространства»; «мультикультурное социальное пространство»; «моральная личность эпохи глобализации», «мультикультурная личность»; «мультикультурная толерантность», «гуманистический мультикультурализм»; «толерантный глобализм»).

Уточнено:

- специфика требований к социокультурной сфере, которая заключается в: трансформации условий глобализированного социокультурного пространства и становлении мультикультурного социального пространства; научной разработке путей и средств формирования мультикультурной толерантности в современном социуме; формировании толерантного общественного сознания в глобализированном социокультурном пространстве;

– представление о характеристиках новейших социально-философских концепций глобального социокультурного пространства, содержащее: разработку феноменов мультикультурализма и толерантности как инновационных концепций социокультурного пространства; реализацию социально-правовых основ мультикультурализма и толерантности в социокультурном пространстве; осмысление роли парадигмы мультикультурализма и толерантности в прогрессе современного социокультурного пространства;

– понимание цели реализации мультикультурно-толерантной парадигмы в глобализированном социокультурном пространстве, выражающееся в становлении моральной личности эпохи глобализации (обладающей философским мировоззрением, свободным мышлением, способной ответить на вызовы мультикультурного мира, быть толерантной и открытой, не утрачивая при этом своей идентичности).

Получило дальнейшее развитие

– теория глобализации, которая понимается не как процесс, но как сложившийся феномен, порожденный трансформациями общества и обусловленный взаимодействием и взаимозависимостью культур, что ведет к необходимости отдельного исследования и поднимает вопрос о модели новейших концепций социокультурного пространства современности. Социокультурное пространство определяется как часть глобализированных трансформаций общества, что рождает понятие «глобализации социокультурного пространства»;

– представление о формах реализации мультикультурализма как новейшей социокультурной концепции. Формами реализации мультикультурализма представляются транснационализм и интеркультурализм;

– разработка инновационной модели мультикультурного общества, где была бы успешно реализована платформа по межкультурному сотрудничеству, что содержит: решение социокультурными средствами проблем эволюции, принципиальное противостояние расизму, ксенофобии, этноцентризму,

основанным на социокультурных различиях; интегративно-плюралистический социокультурный процесс с гуманистическими источниками.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности углубить и систематизировать осмысление глобального социокультурного пространства и развить понимание необходимости совершенствования путей прогресса социокультурной сферы современности в целом. Полученные результаты могут быть использованы при анализе проблем развития социокультурного пространства средствами социальной философии, способствовать формированию новых подходов, возникновению новых категорий в процессе изучения особенностей социокультурной жизни современности.

Полученный материал и практические рекомендации могут реализовываться в создании моделей трансформации социокультурного пространства регионов, формирования всеобщего и регионального аспектов социокультурного обустройства в нашей стране, разработки перспектив трансформации межрегиональных отношений в условиях кризисного и послекризисного развития Украины.

Основные положения работы применимы в виде тезисов, статей и монографий в процессе социально-философского сопровождения учебной деятельности студентов и магистрантов, в ходе преподавания курсов социальной философии, социологии, политологии, культурологии и спецкурса по основам развития мультикультурно-толерантной парадигмы, с целью гуманизации развития личности и социума в новейших социокультурных условиях Украины.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены в докладах, обсуждены и одобрены на научно-практических конференциях разного уровня:

- на международных научно-практических конференциях, семинарах и симпозиумах, среди которых: «European Conference of Education and Applied Psychology. Section Philosophy of Education» (Австрия, Вена, 2014), «Культура

толерантності в контексті процесів глобалізації: методологія дослідження, реалії і перспективи» (Чехія, Прага, 2014), «Права і свободи людини: проблеми реалізації, забезпечення і захисту» (Чехія, Прага, 2014), «Класическа і посткласическа філософія в духовному просторі сучасного університету» (РФ, Краснодар, 2014), «Сучасна політична реальність і держава: складні методи досліджень» (РФ, Краснодар, 2014), «Сучасна наука. Новий погляд» (Польща, Вроцлав, 2015), «Культура толерантності в контексті процесів глобалізації: методологія дослідження, реалії і перспективи» (Чехія, Прага, 2015), «Євразійське наукове об'єднання. Конференція. Секція «Філософські науки» (РФ, Москва, 2015), «Осуществление научных исследований и реализация проектов» (Польща, Краков, 2015), Заочна конференція International Research Journal XLI (РФ, Екатеринбург, 2015), «Сучасна культура комунікації. Соціокультурні процеси в сучасному світі» (РФ, Саратов, 2015), «Традиційна і сучасна культура: історія, актуальне положення і перспективи» (Чехія, Прага, 2015), «International Scientific Practical Conference «Applied technologies», Section Philosophy (USA, Scranton, 2015), «International scientific and practical conference: «European research: innovation in science, education and technology». Philosophical Sciences (Russia, Moscow, 2015).

- на конференціях і з'їздах всеукраїнського рівня: «Культурне різноманітність Криму: взаємовідносини християнства і ісламу» (Севастополь, 2012), «Сучасне гуманітарне освіта: пошук нових способів і можливостей саморегуляції і ціннісних орієнтацій молоді» (Севастополь, 2012), «Актуальні проблеми педагогічної науки» (Миколаїв, 2014), «Методологія та технологія сучасного філософського пізнання» (Одеса, 2014), «Актуальні питання соціально-філософської думки» (Одеса, 2014), «Сучасні проблеми гуманітаристики: світоглядні пошуки, комунікативні та педагогічні стратегії» (Рівно, 2014), «Освіта та соціалізація особистості» (Дніпропетровськ, 2015), «Методологія та технологія сучасного філософського пізнання» (Одеса, 2015), «Соціально-гуманітарні виклики 2015 року» (Львів, 2015), «Сучасна

наука: теорія і практика» (Київ, 2015), «Інновації в сучасній науці» (Київ, 2015), «Наукова дискусія: теорія, практика, інновації» (Київ, 2015), «Актуальные научные исследования различных социальных процессов современного общества» (Одесса, 2015), «Роль общественных наук в процессе развития общества в условиях настоящего» (Днепропетровск, 2015), Міжнародна науково-практична конференція з проблеми вибору (Одеса, 2015), «Толерантність як соціогуманітарна проблема сучасності» (Житомир, 2015), «Актуальні питання сучасної науки» (Львів, 2015).

Матеріали дисертаційного дослідження **многократно обговорювались** на засіданнях кафедри філософії, соціології і менеджмента соціокультурної діяльності ГУ «Южноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського».

Результати дослідження изложены в 2 монографіях, 1 главі в колективній науковій монографії, 1 навчальному посібнику, 25 статтях в журналах, рецензованих ВАК України, 8 статтях в спеціалізованих і зареєстрованих в міжнародних наукометричних базах виданнях іноземних держав – Казахстану, Росії, Франції і 9 тезисах конференцій зарубіжних видавств – Австрії, Польщі, Росії, Чехії; 6 статтях, оцінюваних як друкований труд, 16 тезисах і доповідях на науково-теоретических, науково-практичних конференціях, проводимих в Україні. Загальний обсяг публікацій становить 80,65 п.л.

Раздел I. Концептуальные основания мультикультурализма и толерантности в контексте глобализации социокультурного пространства

1.1. Развитие глобализационных тенденций в концептологии социокультурного пространства

Колоссальное количество самых различных изменений, оказавших влияние на человечество в XX столетии, пробудило понимание реальной взаимозависимости стран и народов. Эта зависимость нашла воплощение в глобальных проблемах, а также определила ответственность человечества за судьбы планеты. Противоречивые тенденции перехода в постиндустриальную цивилизационную эпоху содействовали возникновению новой научной парадигмы всеобщего развития, сконцентрированной в понятии глобализации. Наиболее полную четкость и содержательность концепция глобализации приобрела в трудах тех ученых, которые связывают реальные глобализационные процессы с информационным этапом современной научно-технической революции, и ее реальным влиянием на развитие мировой экономики, финансов, телекоммуникационных и транспортных систем, науки, образования [152, 263, 270, 348, 373, 425, 465].

Термин «глобализация» приписывается Т. Левитту, обозначившему ее как феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями. Глобальное развитие оценивается как путь человечества к такому социальному устройству, которое у П. Дракера получило название «нового общества», у Ж.-Ф. Лиотара – «постсовременного», у Д. Габора – «зрелого», у Д. Макклелланда – «завершенного», у многих других авторов – «информационного» и т.д. Вместе с тем развитие глобальных явлений осложняется препятствиями в виде несовпадающих морально-этических и культурных ценностей разных стран и народов. А. Тойнби, предвосхитивший историческую будущность, писал: «Будущий мир не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили в одном тигле...» [цит. по: 270, с. 13–14].

В последние годы и украинские, и зарубежные ученые все чаще связывают глобализацию с продвижением к предсказанной В. Вернадским эпохе ноосферы. По их мнению, ноосфера, о которой великий провидец писал скорее как о символе собственной веры, чем как о реальности, в середине 90-х годов XX столетия «сгустилась» во вполне зримые интеллектуализированные технологические конstellации, способные соединять совокупную инновационную мощь современной науки с жизнью каждого человека [316, с. 267]. Создатель «Римского клуба» А. Печчеи писал в этой связи: «Именно в человеке заключены источники всех наших проблем... И если мы хотим ощутить глобальность всего сущего на свете, то в центре этого должна стать целостная человеческая личность и ее возможности» [348, с. 183–184].

Действительно, от того, как в условиях глобализации изменяются мотивы, ценности личности, ее отношения с обществом, можно признать, зависит историческое развитие человечества. При всем этом, несмотря на достаточное количество исследований по проблемам социума и культуры, открытым остается вопрос о собственно социокультурных отношениях в рамках перехода к новому типу социальных связей между сообществами и внутри них, основанному на принципах плюрализма и сотрудничества. Можно признать, что выработка новых мировоззренческих подходов, поиск новых сущностных факторов социокультурного развития – обязательное условие перехода к новейшему мировому сообществу эпохи глобализации.

В течение последних десяти лет ученые все чаще обращаются к идее социокультурного пространства при решении философских, педагогических, организационно-управленческих задач. «Социокультурное пространство» – сложное социально-философское понятие. Этот феномен рассматривается на разных уровнях, что зачастую приводит к отождествлению понятий «социокультурное пространство» и «социальное пространство» (А. П. Лиферов, Э. Д. Днепров). В других изданиях речь идет о взаимодействии характеристик возраста (И. Д. Фруммин, Д. Б. Эльконин); в третьих – социокультурное пространство рассматривается как ситуация развития (Н. М. Борытко),

культурно-образовательная система (О. В. Гукаленко). Большинство исследователей этой проблемы (Н. Бастун, С. Бондырева, А. Веряев, С. Гершунский, В. Гинецинский, Б. Сериков, В. Слободчиков, И. Фруммин и др.) под понятием «социокультурное пространство» понимают определенную территорию [281, с. 36–40].

Несмотря на то, что в настоящее время исследователи в своих работах нередко используют словосочетание «социокультурное пространство», на наш взгляд, при этом данный термин раскрывается недостаточно точно, с опорой только на понятия «пространство», «социальное пространство» и «культурное пространство» [477]. При этом очевидно, что социокультурное пространство является не просто объединением социальных и культурных факторов. Категориально понятие «социокультурное пространство» содержит часть социального; в материальном выражении социокультурное пространство может выступать частью культурного – при пересечении социального и культурного пространства. В социально-философском понимании «социокультурное пространство» имеет границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями связанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты участников этого взаимодействия.

В связи со всем этим необходимо признать, что социокультурное пространство – важный аспект формирования модели мира, обладающий характеристиками протяженности и структурности, сосуществования и взаимодействия, координации элементов культуры и смысловой наполняемости структурной организации. Категория «социокультурное пространство» предстает как связка понятий, что превращает ее в универсальную общепhilosophическую категорию, включая образовательное, морально-ценностное, правовое, религиозное, аксиологическое, физическое, информационное и другие составляющие социального пространства.

Прежде всего понятие «социокультурное пространство» можно соотнести с двумя взаимосвязанными понятиями – «социальное пространство» и «культурное пространство». Как заметил А. Б. Гофман, на протяжении XIX –

начала XX в. понятия культуры и общества начинают конкурировать между собой, «наблюдается переход от парадигмы «общества» и «социального» к комбинированной парадигме «общества культуры» и «социокультурного» [144, с. 192]. Учитывая сказанное, интерпретация понятия «социокультурное пространство» невозможна без понимания понятия «социальное пространство», которое является полем социальной деятельности, включающем «совокупность социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [395, с. 273].

В научной литературе указывается, что «анализ социального пространства впервые был дан крупнейшим русско-американским социологом П. Сорокиным». Другие исследователи свидетельствуют, что это был Г. Зиммель, который акцентировал внимание на взаимодействии, полагая, что «если люди не взаимодействуют, то пространство практически “ничто”» [212; 213, с. 102–114; 214]. В связи с этим можно обратиться к работам П. Бурдьё, где говорится, что «социальный мир можно представить в форме многомерного пространства, построенного по принципам разделения и распределения, сформированных действующих свойств в социальном универсуме» [95; 96, с. 15].

Понятие «социокультурное пространство» содержит не только социальную, но и культурную составляющие. В работах исследователей И. М. Гуткиной, Л. В. Силкиной, Ю. М. Лотмана рассматриваются проблемы соотношения культуры и времени, культуры и пространства. Так, у Л. В. Силкиной «культурное пространство – это своеобразный механизм, способ, при помощи которого происходит процесс окультуривания естественного пространства» [383]. По мнению И. М. Гуткиной, культурное пространство характеризует культуру, как явление, «имеющее границы, величину, обладающее способностью к изменению, увеличению и сокращению, имеющее некий идеальный аспект, определяющий сознание, способное взаимодействовать с другими культурными пространствами и с другими сферами гуманитарного пространства» [152, с. 64–66]. Ю. М. Лотман

рассматривал семиотическое пространство как пространство культуры. Категория пространства непосредственно связана с понятием культуры: «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [292].

Эту идею развивал в своих трудах и П. Сорокин. В его работах понятие «общество» рассматривается непосредственно в связи с культурой, так же как «социальное» и «культурное», образует единое «социокультурное». П. Сорокин применяет словосочетания: «социокультурная система», «социокультурное время», «социокультурные процессы», «социокультурное пространство»... Ученый отмечает, что «социокультурное пространство» абсолютно отличается от физического и геометрического, так как оно, по мнению П. Сорокина, качественное, неоднородное и неизотропное. Сущностной характеристикой социокультурного пространства является то, что оно представляет собой множество, заданное тремя парадигмами: значения, ценности и нормы; проводники; человеческие агенты и некоторое число «измерений». Согласно П. Сорокину, парадигма значения, ценностей и норм определяется тогда, когда определено их место в универсуме значений, ценностей и норм. Проводники выступают элементом взаимодействия. Третью плоскость социокультурного пространства представляют человеческие агенты как элементы системы взаимодействия [391, с. 162].

По нашему мнению, структурно значения, ценности и нормы воплощены в морально-нравственном, ценностном, социально-правовом компонентах; проводники воплощаются системами науки, образования и религиозным фактором; человеческие агенты отражены в установках, побуждениях, мотивах, интересах, целях отдельных личностей и социума в целом. В таком подходе в основе рассмотрения остается та же социальная структура: группы, объединенные социальными отношениями; однако личности анализируются как персонифицированное олицетворение форм социального опыта. Таким образом, прилагается еще одна характеристика – культурный опыт. Одну и ту же общественную группу возможно рассмотреть в двух аспектах: «как

определенную социальную структуру со стороны субъекта и с точки зрения истории – как субкультуру в структуре социального и культурного развития» [391, с. 162].

Все сказанное позволяет уточнить определение «социокультурное пространство» и признать, что социокультурное пространство – определяющая концептуальная характеристика общества, которая объединяет две составляющие: идею пространства и идею воплощения духовности – культуры, науки и образования, норм права и ценностных ориентаций социума и личности. Сущностные характеристики социокультурного пространства включают в себя: социокультурную протяженность; структурное взаимодействие социальных, научных, образовательных, конфессиональных, правовых и ценностных систем; наличие ценностно-культурных, научно-образовательных, социально-правовых событий. Социокультурное пространство может быть негомогенным, т. к. состоит из событий и явлений, различных по значимости, объемности. Несмотря на это, социокультурное пространство неотделимо от социально-философских представлений о социально-нравственной, культурно-образовательной, культурно-научной, культурно-религиозной, социально-правовой инфраструктуре общества, его социокультурном и ценностном потенциале [38, 39].

Современная жизнь все больше представляется как социокультурное взаимосвязанное пространство, в котором разворачивается жизнедеятельность человечества. Все это ведет к необходимости осмысления социокультурного пространства методом структурного анализа, что позволит вычленил наиболее значительные составляющие социокультурного пространства, его компонентные характеристики для дальнейшего и более глубокого постижения феномена.

Важной частью социокультурного пространства является образовательное пространство – сложное объединение образовательного комплекса (совокупности учреждений) и многокомпонентной, многоуровневой системы, включающей в себя специфические условия, факторы, связи и взаимодействия

субъектов образования, определяющие характер педагогических процессов. Образовательное пространство включает в себя ряд определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на образование человека. Различие понятий «образовательная среда» и «образовательное пространство» заключается в степени включенности личности в образовательную среду – лишь в случае «среды» обеспечивается взаимодействие окружения с субъектом (учащимся), тогда как пространство может существовать и без него.

В современных условиях глобализации возрастает феномен мультикультурного образовательного пространства, под которым следует понимать структурированную систему, состоящую из ряда образовательно-целесообразных сред, включающих в себя систему культурных этнических и мировых социально-образовательных событий. Мультикультурное образовательное пространство – часть социокультурного пространства, которая создается интегрированными условиями функционирования сфер культуры и образования, этнического и мирового, при которых формируется этнокультурный опыт участников образовательного процесса [41]. В связи с этим необходимо обратиться к исследованиям украинского ученого Ю. С. Кравцова, который рассматривает вопросы философского предназначения образования [201]. По мнению ученого, феномен образования необходимо должен исследоваться в пространстве философских проблем современности [201]. На наш взгляд, мультикультурное образовательное пространство обретает философскую составляющую, когда складывается из нескольких собранных в единую систему пространств, куда входит:

- собственно образовательное пространство – реально существующий пространственно-временной континуум функционирования системы заданных образовательных социальных ситуаций;
- этнокультурное пространство – система этнокультурных сред взаимодействия;

– культурно-информационное образовательное пространство – континуум функционирования культурно-информационных образовательных событий.

Таким образом, мультикультурное образовательное пространство можно определить как образовательное пространство мультикультурного общества, представленное целостной системой пространств, в границы которых включены множества различных культурных сред. Результатом взаимодействия с ними обеспечивается освоение межкультурного социального опыта, приращение индивидуальной культуры обучаемого, формирование нормальной этнической идентичности, этнотолерантности как качества личности, положительных установок на межкультурное взаимодействие субъектов в образовательной среде. Исходя из всего сказанного, образовательное пространство в контексте социокультурного пространства – это система образовательно направленных сред, каждая из которых отражает социально-образовательную сущность, педагогическую структуру и выполняет определенные культурно-образовательные функции.

Человек, являясь субъектом культуры, в своей деятельности, поступках, мыслях, переживаниях опирается на общечеловеческие, духовные и нравственные ценности. Для более глубокого понимания значимости социокультурного пространства в успешности реализации человеком собственных потенций, необходимо рассматривать культуру, как совокупность высших ценностей. Все это позволяет определить ценностную составляющую общественного и личностного развития в качестве структурной части социокультурного пространства, представляемой как ценностное пространство.

В процессе становления жизненного пространства личности происходит трансформация социальных ценностей в личностные. Личностные ценности отражаются в сознании в форме ценностных ориентаций, которые включают в себя также широкий круг социальных ценностей, признаваемых личностью, но не всегда принимаемых ею в качестве собственных целей и принципов. В структуре зрелой личности ценности выполняют функцию перспективных

стратегических жизненных целей и мотивов жизнедеятельности, реализация которых выражается во вкладе личности в культуру [86]. Всякая ценность характеризуется значением и личностным смыслом. Смысл и значение как феномены внутреннего мира личности возникают и существуют потому, что человеку впервые открывается «новое измерение», иная сторона мира: сторона нравственности. Поэтому нельзя не согласиться с В. Франклом, который утверждал, что обладание ценностями облегчает для человека поиск смысла [432, с. 25–97].

Ценностное пространство трактуется нами как пространство оценочных значений, обусловленное субъективным восприятием социальной реальности. В связи с этим возможно обратиться к исследованиям украинского ученого Е. Боринштейна. По мнению исследователя, ценностное пространство представляет собой относительно рациональную целостную конструкцию упорядоченности социальной жизни, в основе которой находятся ценностные отношения [86]. Одним из основных элементов ценностного пространства общества являются ценностно-ориентированные группы. Принадлежность индивида к ценностно-ориентированной группе фиксируется по сходству ценностных доминант. Взаимодействие ценностного и социального пространств происходит по физической протяженности и степени насыщенности влияния. При этом ценностное пространство потенциально обладает конфликтностью (вследствие дифференциации и стратификации) и интегрированностью (в результате согласия), степень выражения которых в той или иной временной зоне приводит к изменению взаимодействий в социальном пространстве [86].

При всем этом ценностное пространство духовной жизни нашей страны может усматриваться как качественный показатель культурной развитости украинского общества. В современных условиях его отличает неустойчивость и вариативность. Конфигурации ценностного пространства украинского общества и ценностного пространства духовной жизни Украины могут не совпадать вследствие различия временных зон по степени локализации,

протяженности и насыщенности ценностно-нормативных систем и доминирования культурных форм.

Каждое исторически сложившееся общество требует определенной меры социального регулирования отношений. Такое регулирование осуществляется путем реализации определенных социальных норм. Особое место в формировании социальных норм принадлежит морали, которая является важнейшим регулятором в системе общественных отношений. Мораль может включать в себя и социальные, и психологические моменты: эмоции, интересы, мотивы, установки и другие слагаемые [293]. Для объяснения моральных действий этика продуцирует понятие «морального пространства». Моральное пространство – это пространство долженствования, часто определяемого понятием статуса в современном мире. В моральном пространстве получают содержательную интерпретацию такие термины, как всеобщее благо, сводимое к рациональной деятельности и регулирующее эту деятельность в качестве конечной цели. Коррелятивным всеобщему благу служит понятие общей воли, которая есть чистый акт разума; добродетель и добродетельный поступок, определяемые как соответствие природе; представление о нормативных законах (в том числе и юридических), которые толкуются как виды естественных законов, входящих в непосредственную компетенцию науки.

Наряду с морально-ценностными формами социального пространства, необходимостью является социальная структура, в которой с помощью норм права устанавливается стабильность в обществе, правопорядок и законность. Так рождается понятие правового пространства как составной части социокультурного пространства, которая является определяющей среди механизмов поддержания социальных связей и отношений социальных субъектов в цивилизованном социуме.

Правовое пространство – часть социокультурного пространства, которая выступает объективным условием существования правового государства, предполагающего развитое гражданское общество, в котором высшим авторитетом обладает закон. Фактически различные люди

рассматриваются в правовом пространстве в качестве равных, вне зависимости от тех или иных отличительных признаков, чьи взаимоотношения регулируются, измеряются и оцениваются посредством всеобщего масштаба, одинаковой для всех равной мерой. Правовое пространство, имея в своей основе такие нормативные критерии как свободу, равенство, справедливость, объективно направлено на устойчивость и стабильность социальной материи (общества). Гуманистические ориентиры правового пространства полагают, что человек развивает в себе способность и потребность к уважению права как необходимого регулятора общественной жизни [41].

Правовое пространство обладает юридическими пространственными характеристиками, при этом сфера правового пространства нашей страны распространяется на всю ее территорию. Причем, унитарное устройство Украины не предполагает наличия самостоятельных правовых пространств субъектов государства с равными правовыми возможностями самого государства Украины. Правовое пространство обладает также и временными юридическими характеристиками, которые связаны с изменением правовых норм во времени, и увязаны с их устареванием, обновлением и развитием с течением времени. На наш взгляд, именно правосознание и правовая культура в настоящий период времени могут стать в сфере социокультурного бытия факторами гармонизации жизни в нашей стране, посредниками между общей формулой закона и отдельной личностью с тем, чтобы формальное, строгое, последовательное и неумолимое применение закона не породило в жизни несправедливости.

В настоящее время Украина переживает эпоху, когда правопорядок может становиться непрочным: не соблюдаются законы государства, нарушаются права и свободы человека и гражданина, когда государство стоит перед возможностью распада. Преодоление этого кризиса, на наш взгляд, не может быть достигнуто одними внешними и формальными реформами, необходимо, в первую очередь, начать движение за переформатирование украинского правосознания, как условия формирования правового пространства Украины.

Сегодня надо добиваться, чтобы все граждане Украины глубоко прочувствовали свою ответственность перед государством, а строгое исполнение закона стало осознанной потребностью всех граждан. Если граждане Украины хотят видеть свои личные права защищенными, то необходимо поместить свое правосознание в правовое пространство страны.

Пространство духовности – культуры, права, морали, ценностей – является установочно-базовой в моделировании фундаментальных и в то же время элементарных бытийных структур для характеристики конкретных видов деятельности человека в условиях цивилизационного трансграничья. В связи с этим в методологическом плане характеристик составляющих социокультурного пространства вычленяется религиозное пространство. Необходимость осмысления сущности религиозного пространства как составляющей части социокультурного пространства с неизбежностью вытекает из социально-культурного подхода к истолкованию религиозной культуры, поскольку она понимается в качестве особого типа человеческой объективной реальности [60, с. 145–148]. Посредством религиозной культуры, как составной части религиозного сознания, происходит «трансляция» смыслообразов «священного». Понимание религиозного пространства как деятельностной функции трансцендентной идеи дифференцирует пространство на «внутреннее религиозное пространство» – пространство веры, психологии религии и религиозного опыта и «внешнее религиозное пространство», опосредованное процессами диффузии функциональных составляющих «внутреннего религиозного пространства» в социальное пространство «объективного» [60, с. 145–148].

Обеспечение системности и устойчивости общества в рамках пространства религиозной культуры осуществляется через антропологические обоснования, определяя религиозные ценности как личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного трансцендентного опыта человека в его субъективности.

Социокультурное пространство включает множествосопряженных, функционально выделяемых пространственных компонентов, для которых свойственно несовпадение конфигураций зон и границ. Особое место в этой системе принадлежит информационному пространству. В информационном пространстве происходят процессы, имеющие определяющее значение для развития цивилизации: формируются и циркулируют научные представления, продуцируются и распространяются технологии, фиксируются поведенческие стандарты. Современные концептуальные и прогностические модели общественного развития подчеркивают новую роль информации в обществе. Информационное пространство в качестве неотъемлемой части социокультурного пространства выполняет в обществе свои особенные информационно-системообразующие функции, к которым относятся: функция социальной памяти; формирование социальной структуры общества; обеспечение социальной функции коммуникаций.

Характерная черта нашего времени – экспоненциальный рост информации, которой необходимо манипулировать в будущем для принятия эффективных решений. Отсюда вытекает необходимость использования новых методов работы с информацией. В связи с этим по мере развития общества значение информационного пространства, с точки зрения выполнения им роли памяти общества, возрастает. Информационное пространство играет особую роль в процессах стратификации. Неравенство в социальном пространстве выражается через социальную дистанцию, которая имеет две формы проявления: дистанция между статусными позициями и дистанция межличностных отношений. Первая форма социальной дистанции лежит в области практической деятельности людей, обретения социального статуса в межличностной коммуникации. Вторая форма социальной дистанции лежит в сферах личной жизни, досуга. Статусные позиции в социальном пространстве различаются с точки зрения как направления расположения, так и дистанции между ними. Они составляют сеть, которая формируется множеством осей (экономическая, властная и т.д.). В качестве одной из возможных осей, вдоль которой могут быть расположены

статусные позиции, может быть возможность доступа к определенным видам информации. В этом случае информационное пространство формирует стратификационные вертикали, т.е. конфигурирует социальное пространство, определяет его социальную структуру [220]. Уровень развития информационного пространства – это и результат, и одновременно фактор социально-экономического статуса общества. Данное обстоятельство отражает повышение роли информационно-коммуникационных технологий в обеспечении развития, как личности, так и общества, и государства.

Особенностью современного цивилизационного развития является тот факт, что уровень использования современных технологий определяется не только развитием материальной базы, но и главным образом – степенью интеллектуализации общества, его способностью производить, усваивать и применять новые знания. В этих условиях всеобщее научное знание, обеспечивающее систематическое многоаспектное взаимодействие личности и общества, становится одним из наиболее значимых социальных институтов. Доказательством этому служит опыт функционирования социокультурного пространства в лице его информационной, ценностной и образовательной составляющих, что возымело свое отражение в Докладе Международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокровище», представленное ЮНЕСКО, где сформулирован Комплекс противоречий глобализирующегося мира:

- противоречие между глобальными и локальными проблемами: человек должен постоянно становиться гражданином мира без утраты собственных корней и при активном участии в жизни своего народа и общины;
- противоречие между универсальным и индивидуальным. В условиях глобализации культуры существует опасность забвения уникального характера каждой личности, ее предназначения выбирать свою судьбу и осуществлять все имеющиеся у нее возможности;

- противоречие между традициями и современными тенденциями: адаптация без отрицания собственных корней, диалектическая связь независимости со свободой и развитием других;
- противоречие между долгосрочными и краткосрочными задачами;
- противоречие между необходимостью соревнования и стремлением к равенству возможностей;
- противоречие между невиданным развитием знаний и ограниченными возможностями их усвоения человеком;
- противоречие между духовным и материальным миром [230, с. 58 – 59].

Все сказанное приводит к выводу о том, что имеет место глобализация социокультурного пространства, которая выражается в процессах объединения или сближения социальных и культурных норм и принципов в странах, где прежде культура и общество имели ярко выраженные национальные черты. При этом, несмотря на ярко выраженный социальный запрос, мировое социокультурное пространство пока не в состоянии удовлетворить все возрастающий спрос на объем и качество организации социокультурной жизни и деятельности. Налицо вероятность разрыва между социокультурными потребностями человечества и возможностями их удовлетворения. Социокультурное пространство в глобальном масштабе имеет тенденцию становиться консервативным образованием, не способным эффективно содействовать решению самых разнообразных проблем человечества. В результате возникло противоречие между естественным правом человека на организацию социокультурной жизни и традиционной системой социокультурного пространства. Возникает и вопрос о практике формирования модели социокультурного пространства, в которой могло быть разрешено противоречие между обществом и социокультурным пространством во всех его составляющих частях.

Все ключевые понятия феномена модернизации имманентно содержат в себе фактор новизны, что вполне естественно для эпохи глобальных

преобразований. В связи с этим обратим внимание на термин «инновация», которым выражается феномен новизны в процессе модернизации образования и, шире, в процессе глобализации [81, с. 58]. Известно, что понятия «инновационность», «инновационная среда» возникли после известного доклада Римскому клубу, а последний, в свою очередь, является одним из центров разработки глобалистской доктрины. Следовательно, мы можем утверждать, что глобализм является и социальной основой инновации, и ее гносеологическим началом. В связи с этим следует обратиться к размышлениям относительно теории успешной личности, заложенной в основу теории социокультурных инноваций. Сама теория успешной личности восходит к этике персонализма и гносеологии прагматизма, где индивидуальным ценностям дается преимущество перед другими нравственными ценностями и, следовательно, нравственно все то, что определяет успех индивида. Таким образом, гносеология прагматизма и этика персонализма составляют философскую субстанцию инноваций, которая приобрела высшее развитие в постмодернистских представлениях и практике социокультурного реформирования на рубеже XX–XXI веков. При всем этом необходимо признать, что инновационные проекты содержат деструктивное начало, связанное с особенностями постиндустриального мира, который требует реформирования сложившихся форм общественного бытия и сознания. Данный факт дискомфорт ментальности, утрату жизненных ориентиров, катализирует девиантность в поведении индивидов и социальных групп. В культурно-идеологическом плане эти явления обозначаются понятием «постмодерн», которое в научной литературе характеризуется так: «мир прилива, отлива и фрагментации без абсолютных ценностей; конец преобладания всеобщей веры в научную рациональность и унитарную теорию прогресса; замена эмпирических теорий изображения и истины; усиление акцента на важности подсознательных, свободно плавающих знаков и образов; множественность точек зрения» [343, с. 427].

Постмодерные трансформации в обществе ведут к преобразованиям в социокультурной концептологии – изменениям в представлениях о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы – национальной, групповой, общекультурной или индивидуальной. Социокультурный концепт – это вербально выраженная содержательная единица национального сознания, которая включает понятие, но не исчерпывается им, обогащается социальными, культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями и изменяется вместе с развитием общества и культуры. Признаки концепта: ментальность (концепт – объект идеальный, существующий в психике); обобщенность (отражается во всем многообразии социокультурных связей); способность к развитию (динамическая, природа концепта, что включает актуальные, пассивные и кинетические признаки, как результат «осадка» культурной жизни разных эпох); многокомпонентность, что обусловлено широтой и глубиной фоновых знаний; инвариантность (в рамках национального самосознания) и вариативность (в рамках индивидуального самосознания); наличие ядерной и периферийной зон.

В структуре содержания социокультурного концепта выделяют: понятийную (отражающую ядерные и периферийные концептуальные признаки, а также его дефиниционную структуру), образную (складывается из когнитивных метафор, отражающих национальный образ мышления), значимостную (определяемую местом, которое занимает имя концепта в системе конкретной области знания) и ценностную (включающую концепт в общий культурный контекст с выделением аспектов оценочности и актуальности).

Очевидным является то, что создание новой, универсально-целостной, парадигмально-холистической концепции социокультурного пространства давно уже является актуальным в контексте поисков в области концептуализации социально-духовной жизни общества. В связи с этим уместно будет допустить, что методологические и гносеологические поиски обоснования новых концептуальных подходов в социокультурном

пространстве необходимо выявляют потребность в онтологическом объяснении развития личности и социума в мире, что, можно представить как единую тему всей мировой философской традиции – от древности до наших дней. Отметим, что кризис традиционных форм рациональности, осуществленный в различных философских дискурсах постмодерна, еще больше обостряет вопрос относительно места социокультурного пространства в действительности. А объяснить и осовременить социокультурное пространство посредством его же самого и продуцированных им самим форм, в проектах постмодерна столкнулась с рядом серьезных проблем. Самой неоднозначной из данных проблем, в контексте нашего исследования, является выяснение сущности и форм взаимодействия социокультурного пространства и личности в рамках современного мультикультурного глобализированного сообщества.

Все вышеперечисленное связано с тем обстоятельством, что характерным признаком современности стала так называемая «посттенденция»: постмодернистская, постиндустриальная, в основе которой прослеживается изменение ценностных систем. Современные социокультурные трансформации являются результатом переосмысления исторического опыта человечества, реакцией на разрушительные воздействия войн, политических конфликтов и противостояний. На фоне глобализационных преобразований все активнее выступают этнокультурные системы, которые защищают свою самобытность. При этом сохранение элементов этнокультурного наследия усматривается в качестве условия стабильности современного мира и сохранения мировой цивилизации. Действительно, «покушение на многообразие в сфере политической и культурной жизни всегда вызывает ответную реакцию самозащиты» [141, с. 382].

Проблема взаимодействия и равноправия этнокультурных и социокультурных образований приобретает особое значение в процессе исторического развития человечества. Современный мир развивается противоречиво и неоднозначно. Всегда существовали цивилизационные, религиозные, этнокультурные, политические отличия, которые усиливались на

фоне масштабных геополитических изменений. Сегодня самые разные страны находятся в процессе разработки новых моделей развития, которые согласуются с мировыми тенденциями и способствуют сохранению собственной своеобразия. З. Бауман отмечает, что в условиях «текущей современности» реалистичным вариантом единства как формулы сосуществования является создание условий сожительства через признание различий между социокультурными образованиями, а не их отвержение, через согласование и переговоры [66, с. 191]. Исследователь называет в качестве одного из основных признаков современности постоянную неуверенность как обратную сторону пространства выбора, который у нас появился. В связи с этим ученый В. Мамонова утверждает, что «вместо культурной глобализации следует признать сложный и неоднозначный процесс формирования глобальных культур, что, как правило, берет начало в национальных и региональных» [437].

Можно согласиться, что конструирование новой системы ценностей, которая опирается на коды локальных культур, вращается кризисом идентичности и порождает локализацию. Глобализация и локализация – взаимосвязанные процессы, характеризующие изменчивость культурных систем в условиях трансформации социокультурного пространства. Человечество все в большей степени начинает жить в многополярном цивилизационном мире, который представляется общей основой для мультикультурных цивилизаций. Мультикультурность становится системообразующим принципом всех глобальных составляющих мирового сообщества. Именно в мультикультурных цивилизациях разрабатываются правила диалога культур и межкультурного взаимодействия, направленные на преодоление острых противоречий для дальнейшего развития. В этих условиях противоречивость современных социокультурных процессов как проявления нового глобального мироустройства приводит, с одной стороны, к унификации цивилизационных проявлений, а с другой – вызывает к необходимости сохранения этнокультурных особенностей.

В целом социально-философская мысль на постсоветском пространстве методологически исходит из общепринятого в настоящее время постулата о смене парадигмы социокультурного развития, который, как показывает опыт, воспринимается сегодня в качестве аксиоматического императива. Тем не менее, несмотря на огромное количество предлагаемых вариантов новой методологии социокультурной жизни на уровне ее рационального осмысления, можно констатировать, что эти варианты не являются до конца последовательными, поскольку не претендуют на статус и роль социально-философской поддержки социокультурного пространства. Хотя, по нашему мнению, именно новейшие концепции социокультурного пространства, объединенные с достижениями социогуманитарных исследований, могут сыграть роль методологической основы для построения новейшего социокультурного мировоззрения, способного функционировать в новой открытой, нелинейной картине мира. При этом очевидно, что эти концепции социокультурного пространства с необходимостью должны быть гуманистическими. Социокультурные системы в глобализированном общественном пространстве видятся мультикультурными, причем мультикультурными в широком смысле: предполагающими не только собственно культурные, но и национальные, расовые, религиозные, образовательные, возрастные, гендерные и т.п. различия. Соответственно, сознание человека, возрастающего в такой разноликой среде, предполагается толерантным к различного рода отличиям.

Путь, которым пойдет социум, зависит от характера социальных институтов, от человеческих ценностей, от носителей новых социальных ролей и их решительности формировать и контролировать судьбу личную и общества. Нынешние мировая экономика, общество и культура построены на интересах, ценностях, институтах и системах правления, ограничивающих в принципе коллективную креативность и направляющих энергию к сокрушительной конфронтации. Для того, чтобы произошел переход от идентичности сопротивления к идентичности проекта, должна вырасти критическая масса

представителей самоорганизованного труда, формирующих основы новой политики. Ее отличительной чертой должно стать объединение информационных технологий с ценностями и проблемами, возникающими из настоятельных нужд и жизненного опыта людей в информационную эпоху. Экстраординарная роль здесь принадлежит новой политике и новой методологии социокультурного пространства.

Развиваясь под влиянием общемировых философских традиций, но, преломляя их через национальный менталитет и систему ценностей, украинская социальная философия выработала ключевые идеи и понятия, органичные для национального мировосприятия и ставшие базовыми для анализа социокультурного пространства. Прежде всего, среди них можно назвать идею соборности (в украинской философской традиции). Исходя из этого, Вселенная представляет собой единое, иерархически организованное целое. Взгляд на мир как на единое целое подразумевает и единую парадигму познания. В таком представлении очевидно, что жизнеспособные концепции социокультурного пространства должны не только базироваться на национальных традициях и лежащих в их основе мировоззренческих позициях, но также отвечать на вызовы времени. С этих позиций представляется возможным сформулировать основные методологические принципы, на которых могут и должны базироваться основы современных концепций социокультурного пространства. Нужно, однако, признать, что часть принципов являются общеизвестными и детально разработанными, однако традиционность не делает их устаревшими и нежизнеспособными. На наш взгляд, требуется дополнить разработанные социально-философской наукой принципы социокультурного пространства положениями, продиктованными новейшими трансформациями, связанными с процессами мировой глобализации. Назовем и охарактеризуем данные принципы:

1. Принцип самоценности социокультурного пространства.

В социокультурном пространстве формируется, во-первых, личность как таковая, во-вторых, полноценный член социума. Сегодня в Украине в основу

социальных реформ кладется на наш взгляд, малообоснованный и неэффективный принцип – рыночно-прагматистский, или утилитаристский. Этот принцип, прежде всего, ведет к противоречиям в системе социокультурного пространства. Рыночно-прагматистский подход к социокультурной жизни не способен выполнить даже свою прямую функцию – подготовки современной личности к органичному функционированию в различных областях жизнедеятельности. Этот подход также открыто понижает статус духовной жизни как таковой. К тому же данный подход не выполняет функцию формирования целостной личности гражданина одного из крупнейших государств Европы, каким является Украина.

2. Принцип фундаментальности социокультурного пространства.

Он подразумевает развитие на новом уровне путей и средств, прежде всего, образовательного пространства. На наш взгляд, нуждается в коррекции в новейших условиях рассмотрение дискуссионных вопросов современной науки. Получаемые сведения более определенно должны вписываться в социально-культурный, политико-экономический контекст. Требуется усиления синтетической компонента в интеллектуальной сфере. Опора на принцип фундаментальности научного знания, как основы социокультурного пространства, будет соответствовать общемировым тенденциям социокультурного развития, где интегративные процессы и комплексные исследования играют все большую роль.

3. Принцип универсальности социокультурного пространства.

Данный принцип берет свое начало в социокультурных программах, изложенных ренессансными гуманистами, с традициями обязательного освоения древнегреческого и латыни. С позиции внутреннего духовного стержня социокультурный проект Ренессанса несет в себе немало продуктивных для современности идей. «Гуманистические» подходы и сегодня в состоянии предложить несколько существенных, субстанциональных положений, которые могут быть востребованы новейшей социокультурной парадигмой.

Прежде всего, следует упомянуть о филологическом аспекте ренессансного гуманизма. Утверждение «классических основ языка» было не только приобщением к «древним языкам», не просто техническое овладение ими, что помогало осваивать античные ценности, но ориентировало на проникновение в иную культурную онтологию. В современном мире, ввиду «обеднения» языковых конструкций, а также всеобщей тенденции тотальной безграмотности, возвращение к классическим основам, к высокой языковой культуре видится результативным.

Идея социокультурного видения Ренессанса способствовала разностороннему развитию личности. Ренессансная культура не была культурой специфической, а ренессансный гуманист стремился к универсальной полноте. Цель развития виделась в приобретении разнообразных сведений, формирующих свободный ум, высокую нравственность. И сегодня, в современной мультикультурной ситуации, в процессе возникновения междисциплинарных наук, идеалом становится мыслитель-универсал. Таким образом, возрожденческий опыт универсализма, несомненно, актуален и может быть востребован современным социокультурным пространством.

Провозглашенный ренессансной культурой гуманизм предполагал не просто пристальное внимание к человеку, его экзистенциальным проблемам, но усвоение определенной системы духовных ценностей, что немаловажно в эпоху прагматично-утилитарных правил. Особенно ценно, что при разнообразии оттенков нравственных рекомендаций все гуманисты были единодушны в светской ориентации всей системы культуры, нацеленной на формирование свободного человека, широко эрудированного, высоконравственного и граждански активного. Светская этика сообщает индивиду универсальную концепцию самосовершенствования – перфекционизм, востребованный современной культурой. Таким образом, принцип универсальности социокультурного пространства предполагает формирование мыслящего

интеллекта с широким кругозором и устойчивой системой ценностей, а также с активной гражданской позицией.

4. Принцип мультикультурализма в социокультурном пространстве.

Современное мультикультурное общество – это такое состояние, когда личность имеет равный доступ к различным культурам и может вырабатывать собственную позицию. С одной стороны мультикультурализм – это идеология, надстраивающая общенациональные ценности над этническими, провозглашающая определенный канон поведения и четко определяющая границы толерантности. Со второй – это практическая реализации права на своеобразие и свободную, ничем не ограниченную самоидентификацию индивида и, соответственно, государственная политика, направленная на поддержание культурного разнообразия. Глобальное мультикультурное социальное пространство – такая форма жизнедеятельности, которая выводит личность и общество в широкий мир этнической и мировой культуры, намного расширяет возможности личностного саморазвития, самореализации и самоопределения. В настоящее время это интегрирующая идея, вокруг которой выстраивается стратегия социокультурной жизни [340, с. 349–353].

Сегодня возникает социальная потребность в организации целенаправленной работы по формированию мультикультурной личности, сочетающей в себе системные знания в области этнокультуры, гармоничное национальное самосознание, ориентацию на духовные ценности, толерантность и способность к межэтническому диалогу. Это своеобразный социальный заказ эпохи, настоятельно требующий освоения общечеловеческих ценностей, приобщения к культуре других народов, сохранения многовековых традиций, создания условий для их развития.

5. Принцип толерантности в социокультурном пространстве.

Становлению мультикультурного сознания способствует воспитание толерантного мировоззрения, в основе которого лежат объективированные смыслы, а мультикультурное сознание, в свою очередь, способствует становлению толерантной личности, т.е. формирует личностные смыслы.

Нынешнее социокультурное пространство, основанное на позициях повеления и запрещения, формирует (в открытой или скрытой форме) интолерантное сознание. Если интолерантное сознание, воспитуемое в традиционных «неразрешительных» подходах, линейно, однозначно, нетерпимо по отношению к чужому сознанию, то толерантное сознание означает уважение, доброту, любовь, альтруизм. В последние годы философские и социологические исследования во всем мире, и в Украине, в частности, фиксируют тенденцию понижения качества личности человека, особенно его нравственной устойчивости, способности к выживаемости, культурного обустройства собственной жизни. Самые разнообразные источники интолерантности порождают сегодня в украинском обществе насилие, жестокость и отчуждение. Поэтому воспитание толерантности следует рассматривать в качестве неотложной, важнейшей задачи, если хотим сохранить страну, общество, человека и «человеческое в человеке».

Институт социокультурного пространства во всем многообразии его организационных форм занимает особое место в формировании сознания и поведения человека. Внимание к проблеме толерантности, в конечном счете, есть забота о высоком качестве социокультурной жизни, что само служит фактором социальной гармонии и устойчивого развития общества. В то же время путь к толерантности – это серьезный эмоциональный, интеллектуальный труд и психическое напряжение, ибо оно возможно только на основе личностных усилий. Явление толерантности в современной действительности вынужденно проходит через все социокультурное пространство, что в конечном результате должно привести к опыту мультикультурного общения и коммуникации, а в идеале – к толеранизации общественного сознания [340, с. 349–353].

В эпоху глобализации развитию современных концепций социокультурного пространства отводится особая роль. Это связано с тем, что, во-первых, социокультурное пространство осталось ведущим элементом общественной гуманистической практики; во-вторых, социокультурное

пространство несет в себе потенциал развития – результат внутреннего устройства, а не внешнего влияния; в-третьих, будучи включенным в различные системы, социокультурное пространство активно функционирует в мультикультурном социальном пространстве. Очевидным является то, что создание новой, универсально-целостной, парадигмально-холистической концепции социокультурного пространства давно уже является актуальным в контексте поисков в области концептуализации социально-духовной жизни общества. В связи с этим уместно будет допустить, что методологические и гносеологические поиски обоснования новых концептуальных подходов в социокультурном пространстве необходимо выявляют потребность в онтологическом объяснении развития личности и социума в мире, что, можно представить как единую тему всей мировой философской традиции. Отметим при этом, что кризис традиционных форм рациональности, осуществленный в различных философских дискурсах постмодерна, еще больше обостряет вопрос относительно места социокультурного пространства в действительности. При этом попытка объяснить и осовременить социокультурное пространство посредством его же самого и продуцированных им самим форм, в проектах постмодерна столкнулась с рядом серьезных проблем. Самой неоднозначной из данных проблем, в контексте нашего исследования, является выяснение сущности и форм взаимодействия социокультурного пространства и личности в рамках современного мультикультурного глобализированного сообщества.

Известный математик, кибернетик и философ, родившийся и получивший свое первое образование на Украине, в г. Днепропетровске, Ю. Шрейдер отмечал: «Самая страшная из грозящих нам катастроф – это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого) на Земле, сколько антропологическая, т.е. уничтожение человеческого в человеке» [244]. Применяя современные философские подходы к размышлениям о «человеческом в человеке», трудно не согласиться с известным современным философом Е. Князевой в том, что «понимание синергетических принципов

коэволюции частей в целом есть основа «современного искусства жить вместе, содействуя утверждению толерантности и сохранению разнообразия» [244].

Внесение в общие принципы построения социокультурного пространства мультикультурализма и толерантности в качестве социально-философских концепций предоставляет возможности для формирования тех сторон личности, которые выражаются во внутреннем настрое цивилизованно решать все спорные проблемы. Именно в современном глобализованном социокультурном пространстве могут быть сформированы черты сознания и поведения, которые складывают общую жизненную позицию личности, соответствующую идеям мультикультурализма и толерантности, достигаемым через институт социокультурной жизни.

В целом социокультурное пространство нашей страны является неоднородным, фрагментарным, неравномерным, конфликтным, в ряде обстоятельств поглощаемым социокультурными пространствами, сгенерированными другими историческими субъектами (цивилизациями, государствами, нациями и др.). Внешние границы социокультурного пространства Украины становятся все более неопределенными в силу неопределенности позиций политической и культурной элиты страны. Особую тревогу вызывает также характер глобального социального суперкласса, который пытается сформировать и зафиксировать, как свою принадлежность, доминирующий статус посредством норм права и систем образования. На сущностные характеристики и состояние украинского социокультурного пространства также оказывают влияние процессы глобализации. В связи со всем этим для современной Украины социокультурное пространство – интегрирующая идея, вокруг которой возможно выстроить стратегию культурного развития, возвести систему науки и образования, сформировать нормы права и отшлифовать систему ценностей. Во взаимосвязи этих факторов осмысление новейших концепций построения социокультурного пространства являет собой стратегическую цель национального развития.

1.2. Мультикультурализм как концептуальная парадигма глобализированного социокультурного пространства

Мировая тенденция развития современных обществ привела к активным взаимодействиям, интегрированию наций, регионов, стран. Данный процесс сопровождается ростом напряженности, межнациональными конфликтами, миграционными процессами, влияющими на этнокультурную и социальную жизнь. Понимание этих явлений подвело гражданское общество большинства цивилизованных стран к осознанию феномена мультикультурного взаимодействия. В связи с этим концепт мультикультурализма был предложен как одна из форм либеральной идеологии, призванной осуществлять политику согласия и стабильности, содействовать культурному плюрализму и защищать культурное многообразие. Специалисты по проблемам мультикультурализма за рубежом Ф. Барт, Дж. Грэй, В. Липп, Ч. Тэйлор и другие, а также российские ученые А. Куропятник, Н. Лебедева, В. Малахов, Г. Палаткина, украинские исследователи А. Бандурка, Р. Шульга в феномене мультикультурализма усматривают «механизм» стабилизации общества, развития его этнического и культурного многообразия на основе равенства прав национального большинства, этнических и культурных меньшинств [62].

Среди российских исследований следует выделить работы В. Малахова, который изучает и общие закономерности, и частные проявления мультикультурализма. Большой вклад в понимание российской практики мультикультурализма внесли труды В. Тишкова. Продуктивными для настоящей работы оказались исследования М. Тлостановой. Необходимо также отметить работы Н. Высоцкой, С. Червонной, В. Иноземцева, В. Согрина. Украинские ученые проблему мультикультурализма связывают с вопросами национальной идентичности и толерантности (И. Бубнов, Ю. Халилова-Чуваева). Большое значение имеет изучение ценностных оснований и операционных принципов мультикультурализма (А. Бандурка), а также вопросов межкультурной коммуникации на украинских территориях (Б. Слющинский). Особую ценность, на наш взгляд, представляют

исследования мультикультурной среды (Р. Шульга) [477, с. 124–141]. Большинство исследователей разных стран полагают, что доктрина мультикультурализма выступает в качестве существенного методологического фактора, определяющего современные этносоциологические и антропологические исследования.

При осмыслении в целом темы и новых аспектов мультикультурализма непосредственный интерес представляют работы ведущих западных теоретиков и историков мультикультурной научной парадигмы. Это, прежде всего, разработки канадских философов Ч. Тэйлора и В. Кимлики, шведского исследователя Г. Терборна, американского ученого Н. Глейзера. Начало философской теории мультикультурализма было положено канадским философом-коммунитаристом Ч. Тейлором. Тейлор ввел социальное измерение в понятие аутентичности: личностная идентичность, по его мысли, является частью общего представления о благе с учетом конкретной жизненной ситуации индивида. Именно мультикультурализм высветил принцип универсализма: более важно то, что нас объединяет, а не наши различия [407, 408].

Значительность мультикультурализма проявилась в том, что он дает право индивидам идентифицировать себя с той или иной культурой, но только в том случае, если эта идентификация не нарушает прав человека, прав других людей или законов страны. Кроме того, мультикультурализм – это политика расширения либеральных ценностей и первостепенной заботы о правах личности. Мультикультурализм требует от большинства учитывать интересы меньшинства, но он и следит за тем, чтобы последние не разрушали целого. Равным образом, мультикультурализм предоставляет право образовывать сообщества по самым разным признакам, но он сохраняет за обществом и государством права следить за тем, чтобы по отношению к членам данного или иных сообществ не нарушались их права, в том числе и право выходить из сообщества или вообще не принадлежать никакому из них. Мультикультурализм – это политика компромисса между групповыми и

государственными интересами и одновременно – компромисса между групповыми интересами и интересами личности.

Особый интерес в связи с этим вызывает теория американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства У. Кимлики. Основой теории У. Кимлики является утверждение принципов либерализма, которые, по его мнению, представляют собой залог стабильности и процветания общества. Основной концепт У. Кимлики можно выразить в следующем положении: мы относимся к людям как к равным, если устраняем не все неравенства, а только те, которые причиняют кому-либо ущерб [500]. Неравенство можно считать приемлемым, если оно приносит всем пользу, способствует развитию талантов и разных видов деятельности. У. Кимлика считает, что наличие у индивидов неравных долей социальных благ считается справедливым, если индивиды заслужили эти неравенства, то есть если эти неравенства являются результатом выбора и индивидуальных действий. Однако неравенство в природных способностях и социальном положении нельзя признать справедливыми – это вывод, вытекающий из концепции У. Кимлики [238, с. 145]. Обсуждая проблему политического равенства в мультикультурном обществе, У. Кимлика углубляет и заостряет проблему значимости и статуса прав меньшинств. Он считает, что национальные меньшинства имеют право полагать себя культурно-дистинктивными сообществами только при условии, что они сами руководствуются либеральными принципами. По мнению Кимлики, либерализм и терпимость и исторически, и концептуально неразрывны [238, с. 145].

В целом мультикультурализм в современных условиях можно определить не только как научное понятие, фиксирующее рост культурного разнообразия в современном мире, или термин, используемый социологами, культурологами, социальными философами для описания этого мира. Мультикультурализм – это общественное состояние, производимое глобальной экономикой, политикой и культурой, которое отражает вопросы прав и свобод различных, прежде всего этнических, меньшинств, с вопросами индивидуальных свобод личности и

стремлением государств сохранить свою целостность. В настоящее время мультикультурализм – это ведущая парадигма общецивилизационного развития сообщества, где человечество сосуществует в порождаемом их бытием децентрализованном и неиерархизированном пространстве. При этом за каждым членом мультикультурного общества признается право по выбору быть частью одного или нескольких сообществ одновременно. Право выбора прямо вытекает из идеи «свободы культуры», артикулируемой в докладе ООН «2004 – Доклад о развитии человека «Культурная свобода в современном многообразном мире» [171, с. 20]. Рождение в конкретной культурной среде для индивида не является реализацией свободы – скорее, наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид осознанно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив. Более того, «чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии, и воспринять всемирные ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности» [171, с. 21].

Однако ни к одному из этих аспектов в отдельности мультикультурализм сводить нельзя. Мультикультурализм – это не политика в защиту меньшинств, способствующая «мозаичности» и затрудняющая формирование идентичности. Это политика нейтрализации или деполитизации этнических различий, уменьшающая их потенциал как угрозы стабильности и внутреннему порядку общества. Отражение этого – несколько иная модель мультикультурной интеграции, выработанная странами, в которых не сработала модель мультикультурализма как «плавильного котла» – в Канаде, Австралии и др. Мультикультурализм здесь стал определяться как политика компромисса между требованием единой идентичности и системой ценностей, необходимой для сохранения государственного единства и правом на отличие. Сегодня можно говорить о становлении мультикультурных обществ в этих странах, что представляет собой совокупность множеств, объединенных по разным

признакам (гендер, сексуальная ориентация, этничность и т. п.) и расположенных на одном уровне. Роль государства в таком социуме сводится к установлению правил взаимодействия как между сообществами, так и внутри них.

Можно согласиться с точкой зрения, что порожденное глобализационными тенденциями современное мультикультурное общество – не просто диалог между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, личностью и обществом в целом, а общее коммуникационное пространство, часть социокультурного пространства, которое по своей природе надэтнично. Такое мультикультурное общество адекватно самой сути постмодернизма как состояния современной глобализированной культуры [285, 319]. Общество современной Украины также отвечает этим особенностям. Применительно к реальности Украины в культурные различия следует отнести отличия в образе жизни людей пожилого и молодого возраста, представителей работников государственной службы и «креативного» класса, различия в характере социальной активности представителей молодежных субкультур и делинквентных групп... Основанные на этих различиях сообщества неминуемо требуют признания и регулирования их отношений с другими сообществами, как и обеспечения их членам должного статуса в обществе и государстве. При этом в создавшейся ситуации, когда мультикультурное социальное пространство остается «мифом» для ряда стран, вопросы о нахождении единого технологического философского инструментария с учетом тенденций современной науки и в соответствии с анализом ценностей каждого социума кажутся первостепенными. Это и должно вызвать интерес различных стран к кооперированию для реализации цели, которой является разработка социально-философской парадигмы мультикультурализма в концепции новейшего социокультурного пространства.

В условиях мультикультурной глобализированной среды можно говорить о том, что человек существует одновременно в различных социокультурных пространствах, часть из которых взаимосвязаны и взаимно дополняют друг

друга, другие – слабо связаны между собой или же практически автономны. Философская наука и практика в русле социокультурных исследований вынуждена особое внимание обращать на взаимосвязь культуры, ценностных ориентаций, моральных установок общества, религиозно-конфессиональных предпочтений, права, науки и образовательной деятельности. Понять систему культуры, ценностей, права, религии, науки и образования мультикультурного глобализированного общества – значит понять строй его жизни. Цели морали, права, религии, науки и образования тесно связываются с целями человеческого общества, а культура представляется целью современного человека. Взаимодействие ценностей и права, религии и морали, знания и культуры воспринимается как норма, заданная самим определением культурного развития. Актуальный вопрос заключается в том, как в условиях глобализированной среды перевести систему ценностей и научное знание на более высокий уровень культуры, который, во-первых, понимается как уровень высокого качества, открытости, разнообразия, креативности и продуктивности, во-вторых, рассматривается исключительно как мультикультурный и полисистемный. В этих условиях качество познания мира зависит от такого важного показателя, как взаимодействие культур пространства, которое организуется субъектами социокультурного процесса [258].

В связи со всем этим не подлежит сомнению, что принципы мультикультурализма распространяются не только на политическую, социальную, культурную сферы, но и на систему науки, образования, права и ценностей, религии и морали, найдя свое воплощение в законодательстве ведущих стран мира. Развитие мультикультурной парадигмы общественного развития находит проекцию, прежде всего, в научно-образовательной среде, которая является ведущей частью социокультурного пространства современного мира. В ряде стран идет процесс перехода к новому типу передачи знаний, конструируемого под влиянием мультикультурных процессов. В связи с этим интенсивно развиваются исследования, направленные на изучение основ, закономерностей функционирования и

развития качественно новой системы – системы мультикультурного образования. Само становление теории мультикультурного образования связано с работами Дж. Бэнкса, который выдвинул концепцию четырех моделей образования, отличающихся степенью интеграции различных культур [98, 488, с. 118]. К выдающимся исследователям мультикультурного образования относятся К. Грант, Д. Голник, Ф. Чинн, Р. Такаки, С. Ньюто, К. Слитер, и Дж. Гей [496, 502].

При всем этом научную оппозицию теоретикам мультикультурного образования составили историк А. Шлезингер, педагог Д. Равиц, бывший министр образования США В. Беннет, профессор Йельского университета А. Блум, директор Национального Фонда содействия развитию гуманитарных наук Л. Чейни и др. Работа А. Блума «Закат американской мысли» явилась отражением консервативной морали и обвинила мультикультурализм в разрушении американской культуры и насаждении релятивизма [492].

В работах российских ученых В. П. Борисенковой, Е. В. Бондаревской, Б. С. Гершунского, О. В. Гукаленко, М. Ф. Пафоновой и других «поликультурное (мультикультурное) образование» рассматривается и как феномен культуры, и как механизм передачи социального опыта, и как особая сфера педагогических ценностей, как новая информационная среда и даже, что важно отметить, как образовательная парадигма XXI века. Идеи мультикультурного образования и воспитания последовательно и скрупулезно развиты рядом украинских ученых (В. П. Андрущенко, О. А. Грива, Н. В. Якса). Аспекты, в которых исследуется проблематика мультикультурного образования, чрезвычайно разнообразны: «поликультурное воспитание» (О. А. Грива, В. А. Компаниец, А. К. Солодка); «поликультурная / мультикультурная среда» (А. М. Богуш, А. В. Глузман, А. А. Дубасенюк, В. Г. Кремень, Г. А. Назаренко, А. В. Сущенко); «мультикультурная компетенция / компетентность» (Р. Р. Агадуллин, Л. И. Воротняк, В. В. Кузьменко) [277, с. 276–281]. И тот факт, что проблема передачи знаний в мультикультурной среде не является чисто украинской, что она присуща

культурно-образовательной практике самых разных государств, по нашему мнению, подтверждает масштабы ее значимости.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что в мировой социокультурной практике определились две тенденции. С одной стороны, неуклонно растет роль культуры, науки, образования, осознание ценностей, развитие правосознания в жизни народов, с другой – наблюдается кризис социокультурного пространства и его структур. Мультикультурное социальное пространство при этом рассматривается как факт, который должны принять все народы. Вместе с тем, невзирая на процессы глобализации, не каждая страна стремится интегрироваться в мировой социокультурный рынок.

Многие исследователи говорят о том, что глобальные силы (под которыми имеются в виду глобальная культура или различные глобализирующие идеологии) становятся настолько значимыми, что ставится вопрос о дальнейшем существовании национальных государств. Отдельные ученые возлагают на глобализацию огромные надежды, подразумевая стабильное устойчивое развитие, определяя процесс глобализации как кооперацию и подведение различных национальных систем под одно структурное образование [135, с. 25–33]. Стоит отметить, что глобализация в значительной степени определила постоянный рост уровня интернационализации общества. Несомненно, как справедливо подчеркивает исследователь Н. Н. Панарина, следует различать эти два явления в качестве взаимодополняющих частей современного интегрированного развития мирового сообщества, где глобализация – это возникновение гибридной культуры и смешение национальных традиций, а интернационализация — это становление национальных государств-сообществ и их взаимодействие между собой [355, с. 37–41].

При этом парадоксальным остается тот факт, что социокультурность как процесс и как феномен не во влечена в рассматриваемые изменения. Можно согласиться с Т. А. Жуковой, что появление ряда национальных социокультурных систем на мировом рынке стало возможным благодаря

расширению научного знания, приобретению им междисциплинарного характера [187, с. 97–103]. При этом между участниками взаимодействия выстраиваются социальные связи, и в определенной степени возрастает ответственность за производимое знание, созданное для решения различных проблем. В процессе познания человек усваивает известные науке сведения, пополняя их новой информацией. В связи с этим расширение систем контроля качества над формируемым знанием подразумевает возрастание противоречий между разноплановыми полярными научными видениями различных стран. Это, в свою очередь, способно повлиять на качество формируемого знания вследствие неустановленной системы взаимоотношений между участниками процесса мультикультурного взаимодействия. Последнее, в свою очередь, определяет значимость расширения процессов интернационализации, разработки механизмов взаимодействия, от адекватного внедрения и применения которых зависит сама модель будущего национального социокультурного пространства с учетом степени его интеграции с другими социокультурными системами. Именно интернационализация, по мнению исследователя Т. А. Жуковой, определяет степень сближения национальных социокультурных пространств и превращения науки, культуры, образования, ценностей, религии, права в мировую систему универсализации социокультурного пространства [187, с. 97–103].

В таком смысле применительно к социокультурному пространству глобализацию стоит рассматривать не как процесс универсализации социокультурной сферы, основанный на насильственном сближении систем, а скорее как процесс заимствования достижений. Речь идет не о единой социокультурной системе, а о гармонизации исторически сложившихся неоднородных систем путем создания единых стандартов для облегчения взаимодействия. Ведь глобализация социокультурного пространства нацелена не на создание противоречий в существующих социокультурных системах, а на координацию их действий, без чего невозможно их развитие и адаптация к изменяющимся условиям.

Очевидно, что в условиях XXI века мировое социокультурное пространство должно существенно измениться в соответствии с новыми вызовами, характеризующимися развитием мультикультурных отношений. При этом особая роль отводится высшей школе как координационному центру, исследующему проблемы концептологии социокультурного пространства в условиях нарастающего мультикультурализма и совершенствования межкультурных, межнациональных, межрелигиозных связей. Однако современная сложившаяся ситуация в социокультурном пространстве характеризуется целым рядом проблем, которые могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) наличие различных трактовок в дефиниции концепции социокультурного пространства вследствие разного уровня развития науки;
- 2) значительная дифференциация проблемы разработанности концепции социокультурного пространства в различных странах;
- 3) недостаточный уровень интеграции научных знаний между странами для разработки всеобщей концепции социокультурного пространства;
- 4) отсутствие системы целенаправленной подготовки высшей профессиональной школы в области концептологии социокультурного пространства [187, с. 97–103].

Суждения о том, какой должна быть концепция социокультурного пространства в условиях глобализации и развития принципов мультикультурализма, теряют смысл без выявления основных существенных признаков такой концепции. В этой связи необходимо исходное определение, способное стать основой для последующей конкретизации данной концепции, ее уточнения и углубления, признания ее в виде комплексной доктрины, результативность которой обуславливается наличием специальной социокультурной парадигмы. По мнению многих исследователей, в основе подобной социокультурной концепции могут быть заложены тенденции современного развития:

1) науки, образования, ценностной системы, религии, права в глобализированном информационном обществе, определяющей подходы к рассмотрению различных национальных социокультурных систем с целью конструирования единого социального мультикультурного пространства;

2) университетского образования на территории сопоставимых стран, включающего подготовку кадров в системе социального мультикультурного пространства, а также готовность к созданию и реализации системы такого социокультурного пространства [187, с. 97–103].

В связи с этим можно выделить критерии, по которым необходимо сравнение национальных социокультурных систем:

1. Реализация исторической преемственности культурных ценностей и духовных идеалов поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к культурному наследию.

2. Создание условий для воспитания патриотов страны, граждан правового, демократического государства, способных к социализации, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к культуре других народов.

3. Формирование уважительного отношения к мировой культуре, к окружающим, воспитание чувства личной ответственности за выживание человечества, за его безопасность и устойчивое развитие.

4. Подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и к профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и новых научных подходов.

5. Формирование целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, возможности для развития культуры межнациональных отношений.

6. Непрерывность и опережающий характер получения научных знаний в течение всей жизни человека.

При сравнении различных национальных социокультурных систем по данным критериям становится очевидным, что ориентация на тенденции старой социальной и философской науки не позволяет создать социокультурную систему нового вида – «мультикультурную». Значительное количество возникших вопросов говорит о неразрешенности ряда проблем, которые тормозят процесс создания новой концепции культуры, науки, образования, религиозных отношений, права и ценностей в рамках мультикультурной социальной парадигмы в разных странах. Это проблемы аксиологического характера: ценности внешние и внутренние, национальные и межнациональные, проблемы ментально-научные: соответствие концепции новым научным подходам, а также вопросы технологического характера на всех этапах развития.

Научный анализ проблемы социокультурного пространства в рамках оценивания его с точки зрения мультикультурализма как концептуальной парадигмы глобализированных социокультурных систем позволяет говорить о новейшем социокультурном феномене – мультикультурном социальном пространстве, что ведет к ряду определенных заключений:

- мультикультурное социальное пространство отражает систему социальных связей и отношений в области культуры, науки и образования, религий и религиозных отношений, права и ценностей, характер взаимоотношений общества и социальных институтов, связанных с удовлетворением духовно-интеллектуальных потребностей;
- мультикультурное социальное пространство – место пересечения деятельности всех участников глобализированного социокультурного процесса, где обеспечивается использование и активизация их творческого потенциала;
- мультикультурное социальное пространство имеет временные характеристики глобального общественного развития, существует в модусах: прошлого, настоящего и будущего. Модус прошлого – коллективный опыт, созданная система знаний, которая воплощена в материально-общественные элементы. Модус настоящего – коллективный труд как активное использование

опыта и процесс творчества новых результатов деятельности. Модус глобального будущего – общественно необходимые реальные возможности, проекты, идеалы, все возможные средства их осуществления;

- мультикультурное социальное пространство всегда имеет определенные особенности в зависимости от географии;

- мультикультурное социальное пространство характеризуется глобальным объемом культурно-социальных услуг, мощностью, интенсивностью научной информации, культурно-образовательной инфраструктурой, правовым обеспечением, что включает всебя качественный и количественный состав элементов, их расположение в пространстве и взаимодействие – и функционирует на принципах согласованности различных культурных, научных, образовательных, религиозных институций, правовых систем, порожденных системной глобализацией.

Все это позволяет дать определение мультикультурного социального пространства: Исходя из конкретизированного нами определения социокультурного пространства и сущности мультикультурного образования, мультикультурной научной деятельности, мультикультурно-ценностных установок, мультикультурно-правовых отношений, мультикультурное социальное пространство мы определяем как реально существующий пространственно-временной континуум функционирования системы этнических и мировых культурных, научных, образовательных, религиозных и правовых событий, объективно существующей совокупности факторов и условий, отражающих характеристики этнического, культурного и социального многообразия. Мультикультурное социальное пространство – структурированная система социально-культурных, социально-образовательных и социально-правовых факторов, обеспечивающих взаимодействие, осмысление и постижение личностью всеобщего познания в процессе ее развития в специально организованной мультикультурной глобализированной среде.

В связи с этим возникает феномен проектирования мультикультурного социального пространства – это организационная основа инновационного развития сферы культуры, науки, образования, религии и права в условиях глобализации.

Совершенно очевидно, что мультикультурное образование, наука, конфессиональные учреждения, правовое обеспечение необходимыми «спутниками» и фактором развития мультикультурного социального пространства. Поэтому, говоря о сущности мультикультурного социального пространства, следует отметить, что под факторами мультикультурного социального пространства понимается идея, процесс и инновационное движение в научно-образовательной, морально-ценностной социально-правовой сфере. Эти факторы обеспечивают культурное участие, получение образования, занятие наукой, религиозную свободу и правовую защиту каждой этнической, религиозной или социальной общности путем системного изменения среды таким образом, чтобы она была адекватна интересам каждой социальной группы, если их интересы не входят в противоречие с законом [340, с. 349–353].

Мультикультурное социальное пространство создается интегрированными условиями функционирования сфер культуры, науки, образования, ценностей, религии, права в каждом данном населенном пункте, регионе, стране в целом и включает в себя этническую и общемировую компоненту. В этом случае связь между всеми, прямыми и непрямыми участниками социокультурного процесса такова, что можно говорить о формировании ими культурного опыта друг друга (что и входит в понятие мультикультурных связей).

В рамках развития процессов глобализации общемировые и этнические компоненты несут одинаково важную социокультурную нагрузку. Однако этнический компонент является одной из детерминант мультикультурного социального пространства. Содержательную основу составляет культурный генофонд народа, включающий в себя элементы этнической культуры, такие как язык, народное искусство, материальная культура народа, национальные

обычаи и традиции, этика народа, народная философия и традиционная система воспитания. Формообразующим фактором этнической компоненты мультикультурного социального пространства служит то, что последняя выступает как способ фиксации, сохранения и передачи информации как в рамках одного поколения, так и между сменяющимися друг друга поколениями [340, с. 349–353]. Можно сказать, что взаимодействиеличности и социума, как процесс создания человеком новых культурных ценностей и овладения уже известными, исходит из культурного развития в его динамике. При этом взаимозависимостьнауки, образования, культуры, религии, права реализуетсяразличным образом. Это может происходить посредством мультикультурного образования, в системе культурологической парадигмы; в рамках системы фиксированного знания; путем анализа учебных дисциплин культурологического направления; исследуя пути и способы развития культуры регионов; через описание и прогноз образа личности конкретной исторической эпохи; раскрытием специфики культурной среды религиозной либо внерелигиозной личности; с помощью развития, сохранения и восстановления социокультурных традиций этноса, нации, народа.

Мультикультурная социальная парадигма, взаимодополняющими компонентами которой являются мультикультурное социальное пространство и мультикультурная система образования, науки, религии, права и ценностей в отношении современных трансформирующихся государств (к которым относится и Украина) проявляется в процессах сращения глобализированной социально-экономической среды, научной сферы, глобализированного профессионального образования, религиозно-конфессионального и правового обеспечения.

В настоящее время глобализация экономики предопределила процессы глобализации политики, появление наднациональных политических, финансовых организаций, межнациональных проектов и межгосударственных соглашений, таких, как Мировой банк, Всемирный валютный фонд, Всемирная торговая организация (ВТО), Генеральное соглашение о торговле услугами

(ГАТС), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В сфере науки, культуры и образования действуют ЮНЕСКО, Международный союз транснационального образования и т.д., которые реально участвуют в выработке и формулировании национальной политики государств-участников данной области. Тем не менее, современная социокультурная сфера, в соответствии с ее социальными ролевыми функциями в процессе глобального развития, несмотря на тесную взаимосвязь с рынком труда, в принципе не может эффективно регулироваться с помощью только лишь рыночных механизмов. Социокультурная сфера призвана и вполне способна задавать вектор развития общества. Рыночные механизмы регулирования оказываются неэффективными и не могут существенно влиять на повышение качества социокультурного процесса. Поэтому стратегии развития социокультурного пространства как общественного блага должны в полной мере реализовываться на основе приоритета гуманистических механизмов с условием применения новых технологий. Мультикультурный подход, включающий признание гуманистического равноправия самых различных культурных проявлений – национальных, расовых, религиозных, возрастных, гендерных, имущественных и т.д. – к разработкам социокультурной парадигмы в связи с развитиями глобализированных тенденций трудно переоценить. Именно в рамках мультикультурной социальной парадигмы возникает образ современной личности – высококлассного профессионала в своей области, свободного в выборе лучших технологий и способного к интеграции современного разветвленного и глобализирующегося общества. Сами культура, наука, образование, религиозная жизнь, правовое обеспечение как общественные феномены в этом случае превращаются в мультикультурно-сетевые.

Что касается непосредственно Украины, то исторический опыт наглядно показывает, что настоящего расцвета и действительно мирового уровня развития достигали те общества, которые сумели в максимально возможной степени использовать духовный опыт и достижения различных взаимодействующих с ними культур. Именно так в свое время развивалась

Эллада, с которой так любят отождествлять сейчас Украину. Без активного творческого взаимодействия с другими культурами ни одна цивилизация позитивно развиваться не может. Особенно это важно понять, если учесть, что культурный раскол в Украине носит не внутренний, а цивилизационный характер, вынуждая специалистов говорить о своеобразной «внутренней геополитике» [461]. И это значит, что «битва за Украину» не ограничивается ее территорией, что на ее смысловом и геополитическом пространстве решаются задачи глобального характера, нацеленные на новый мировой передел. Пытаться в этих условиях обеднять социокультурную парадигму, лишая различные части населения Украины воплощения в системе культуры, науки, образования, правовых отношений присущих им ментальных и цивилизационных характеристик – значит переводить социокультурные проблемы в политическую плоскость, чем усиливать противоречия, не имея возможности их разрешить [323, с. 135].

В период глобализационных перемен процесс мультикультурализации неизбежен. Он является сложным социальным явлением, имеющим как позитивные, так и негативные стороны. С одной стороны, мультикультурализм способствует обретению гражданами большей социальной свободы и возможности самовыражения. С другой стороны мультикультурализация может привести к отчуждению отдельных групп населения друг от друга, потере объединяющих нормативных принципов. С нашей точки зрения, главной проблемой мультикультурализма является сохранение прогрессивных достижений национальной культуры в условиях глобализированной среды. Решение этой проблемы требует разделения публичной и приватной сферы общественной жизни. Если в частной жизни гражданам будет предоставлена культурная свобода, то в публичной сфере необходимо сохранять и улучшать работу таких важнейших культурных институтов, как единая система культуры и образования, правовая система, научные учреждения. В общественную культуру также важно привнести ориентацию на гуманистические ценности, принцип мировоззренческой свободы, культурный плюрализм, свободу

самовыражения и уважение прав личности, культурную и религиозную толерантность, активный гуманизм.

Социокультурная сфера является очагом духовного основания общества. В связи с этим существует взаимная связь между общественными процессами и степенью культурной, образовательной, морально-ценностной, правовой развитости любого человека. В обстоятельствах современности доктрина мультикультурализма в качестве социокультурной парадигмы глобализированных социокультурных систем овладевает всем общественным пространством. Это и должно, в конечном результате, привести к совершенствованию мультикультурной и межнациональной коммуникации, а в конечном идеале – к гармонии и согласию в жизни мультикультурного глобализированного сообщества.

1.3 Толерантность в дискурсе социосистемы культуры

При изучении сущностных характеристик и концептуальных оснований современного социокультурного пространства становится необходимым рассмотрение общественного и культурного развития в целом, что дает возможность исследовать культуру как социосистему. В рамках социальной философии культура рассматривается как качественная характеристика многообразия социума и периодов его развития. Этапы развития культуры изучаются и как характеристики локальных обществ: западноевропейская, китайская, российская культура и т.п., и как характеристики эпох развития человечества: доиндустриальная, индустриальная, модерн, постмодерн. К наиболее же перспективным трактовкам культуры, по нашему мнению, относятся те, которые пробуют охватить явление в целом. В этой связи можно назвать «социокодовый» подход к рассмотрению культуры российского академика В. С. Степина. Ученый указывает, что исторически развивающиеся сложные целостности содержат внутри себя особенные информационные структуры, обеспечивающие управление системой. Эти структуры представлены кодами, в согласовании с которыми воспроизводится

организация системы. Если представить общество в качестве целостного социального организма, то культура выступает аналогом генетических кодов. По мнению ученого, развитие культуры является выработкой новейших смыслов, регулирующих деятельность, поведение и общение людей. Исследователь приходит к следующему определению понятия «культура» – это «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее главных проявлениях» [399].

Глобалистские представления современного человечества, понимание его как взаимосвязанной общности, которая формируется через взаимодействие различных общественных и политических структур, определяют мировую социально-культурную систему как единое целое с определенным разделением труда и культурным разнообразием. Сегодня одна из наиболее устойчивых тенденций глобализированного общественного процесса – это кризис развития культуры. Кризисное состояние культуры – сложный социально-исторический феномен, имеющий свое отражение во всех проявлениях общественного сознания – науке, политике, праве, искусстве, религии, сфере образования. Социальные основания культурного развития определяются состоянием мировой экономики, финансово-экономической деятельностью развитых стран мира. В свою очередь результат культурного развития – общечеловеческое мировоззрение – оказывает влияние на образ человеческих отношений, социальное и духовное становление.

Исследование современной социально-экономической и социально-политической жизни привело к выводу, что промышленное перепроизводство, экологический кризис, установка на сверхприбыль, гонка за научно-техническими инновациями и способами их внедрения порождают кризисные процессы и проблемы конфликтности. При этом признание суверенности и ценности взаимодействия является необходимым условием выживания в современном мире. Именно поэтому всеми государствами была принята Декларация прав человека. Так были определены моральные и правовые

правила, которых помогают разрешать конфликтные ситуации. В связи с этим важное значение в современных условиях приобрела проблема позитивного диалога культур и установление механизмов налаживания устойчивого взаимодействия между народами [117].

Процесс глобализации подразумевает переход от системы отношений, построенных на принципах господства и подчинения, к системе отношений, основанных на принципах демократии и плюрализма. Общее мировоззрение оказывает влияние на человеческие отношения, социальное и культурное развитие наций. В этих условиях происходит становление ценностных систем, изменение менталитета, возрастает социальная устойчивость при осознании личностью своего места в общем культурном пространстве.

Однако на уровне поведения отдельного человека не всякое намерение и его результат совпадают с нравственной установкой или ценностью того или иного общества, а также часто не являются моральным критерием. В связи с этим возникает потребность в понимании того, что удовлетворение личных интересов возможно лишь при принятии интересов другого. Проблемы различий касаются не только отдельных людей, но и сообществ. Вместе с социальными изменениями меняются и сопровождающие их идеи, а также эмоции, поведение людей. В связи с этим урегулирование возникающих этнических, культурных и даже межличностных конфликтов на уровне как личностей, так и государств вынуждено происходить с помощью контактов, основанных на взаимоуважении и терпимости. Это – колоссальный результат многогранного взаимодействия многополюсного мира, продвижения его к сотрудничеству.

В ситуации развития многополярности мира терпимость проявляется как необходимое основание общественных связей и современных форм отношений. Из качества терпимости вырастает толерантность, которая неминуемо позиционирует себя в качестве важнейшего фактора полноценной жизнедеятельности социума и выживания в нем. Толерантность проявляется в стремлении людей обрести взаимопонимание, не прибегая к насилию, а

применяя такие формы взаимной деятельности, как сотрудничество, диалог, разъяснение своих позиций. Толерантность приобретает свое выражение в разнообразных проявлениях жизни и деятельности человечества, представляя собой моральную ценность, всеобщую культурную норму. Толерантность проявляется как предопределение движения человечества к сотрудничеству и цивилизационному единству. Проблема толерантности увязывается с качеством взаимодействия, что проявляется в виде взаимопонимания и взаимопомощи, поддерживая людей в области создания жизни, взаимного развития. С точки зрения этической толерантность усматривается как постижение того всеобщего, что делает всех людей нравственными, что и является высшей ценностью человеческой цивилизации.

Вырабатывание культуры толерантности приобретает особенную актуальность по мере формирующихся в настоящее время процессов глобализации. Всевозможные культуры, вероисповедания, цивилизации взаимодействовали и раньше. При этом нередко возникали и острая вражда, и нетерпимость. Однако их существенные центры были разъединены в пространстве, будучи как бы отделенными друг от друга. В наше время глобализированные коммуникационные, экономические, миграционные течения прервали имевшиеся барьеры, перемешивая разнообразные типы жизнеустройства в едином пространстве тотального социума. Нетерпимость в этих обстоятельствах опасна, так как она производит значительные напряжения, способные останавливать жизнедеятельность социальных систем как на национальном, так и на всемирном уровнях.

Вместе с тем глобализация демонстрирует неисчерпаемое многообразие социокультурных форм общественного устройства, норм и ценностных ориентаций, присущих разным сообществам. Публичная активность граждан, их солидарные действия, кооперация усилий во имя общего блага, содержательный диалог между ними немислимы без взаимной социальной ответственности, которая требует наличия высокой степени толерантности. Как говорится в Декларации принципов толерантности, утвержденных Генеральной

конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г., «толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности» [75, с. 262].

Культурное развитие обусловило осмысление вопроса о толерантности. Ретроспектива изучения толерантности позволяет увидеть ее как стремление к «золотой середине» (Аристотель); условие преодоления страданий (Ф. Аквинский) и соблазна (Э. Роттердамский); симпатию (А. Смит, Д. Юм) и сострадание (Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэр); всеобщий человеческий долг (И. Кант); меру равновесия (И.В. Гете) и принцип сохранения естества (К. Ясперс). А также – как внутренний регулятор отношения к другому (Ж. П. Сартр); преодоление своего молчания (А. Камю); показатель развития цивилизации (А. Н. Уайтхед) и др. К особой актуальности размышления о понятии «толерантность» приводят современные изменения в мировом и отечественном социальном и культурно-политическом устройстве. Это происходит в связи с выстраиванием принципиально новой социальной организации, основанной на плюрализме оценок и мнений. Знание о культуре в данных условиях является благоприятным для осмысления проблемы толерантности в новейших социально-исторических условиях. Толерантность в научной литературе сегодня рассматривается как признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию и преобладанию какой-либо одной точки зрения. В такой интерпретации толерантность предполагает признание прав другого человека, восприятие этого другого как равного себе, претендующего на понимание и сочувствие, готовность принять представителей других культур такими, какие он и есть, взаимодействовать с ними на основе согласия и уважения [73, с. 9 – 31].

Если в либеральной культурной традиции толерантность граждан в публичной сфере достигалась вынесением различий за ее скобки как чего-то

частного, не имеющего отношения к общему благу, то новое видение различий исключает подобную рокировку. Различия как выражение многообразия предстают как общественное благо, заслуживающее поощрения [73, с. 9–31]. Более того, поворот к толерантности, воспринимающий «инаковость», понуждает к определенным изменениям в способе мышления, в менталитете. Во всяком случае, это свойственно научному мышлению и в известной мере уже давно для него характерно. Тем более это типично для нынешнего времени, когда знание, образование и наука обретают новые черты – это не только «гибкость» и «пожизненное обучение», но и умение работать в команде, многоплановое мышление, готовность к неуверенности и парадоксам, настроенность на диалог, «мужество к непониманию» [418].

В XXI в. толерантность стала одной из нравственных основ мирового сообщества. Термин «толерантность» оказывается ключевым понятием, можно признать, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных процессов и тенденций XXI в. В связи с этим именно в нашем столетии стал необратимым тезис о том, что только на основе принципов толерантности может выжить человечество в современном плюралистическом, мультикультурном мире. Именно в таком значении толерантность выступает как культурная норма и этическая ценность. Ее функции или значения актуализируются в силу последовательности объективно-исторических ситуаций. Это различные по уровню и степени интеграционные и дезинтеграционные процессы. Сами по себе эти процессы согласованы с совместимостями и интенсивностью человеческих контактов и способов социализации. Это обстоятельство и определяет необходимость исследования феномена толерантности в структуре рассуждений о сегодняшней глобализированной культуре. Задачей исследования толерантности в социокультурном дискурсе видится осмысление феномена толерантности как своего рода культуры взаимодействия, предполагающей, прежде всего, ориентацию на суждение «иного» и взаимное уважение чуждых точек зрения.

Осознание действительности в рамках культурного знания отделяется от всех остальных форм философской рефлексии тем, что оно является не только категориальным рассуждением, но и исторически-ценностным освоением пространства размышления. В данном контексте цель изучения толерантности выходит далеко за рамки констатации взаимоуважения и взаимного принятия различных взглядов, оценок, позиций, причем, не только во временном, но и пространственном измерении. Целевое осмысление толерантности в рамках знания о культуре может явиться концептуальным основанием толерантности и одновременно средством ее формирования, так как история развития культурной и философской мысли в целом содержит идею о позитивном восприятии «иного», что, в свою очередь, служит примером реализации тезиса о гармоничном сосуществовании противоположностей.

Разнообразие обычно рассматривается как ценность, как ресурс для развития и приспособления к меняющимся условиям. Однако заимствованный из экологии тезис о разнообразии как ресурсе системы в перенесении на общество требует особого анализа. Во-первых, разнообразию обществ и культур в экологии правомерно сопоставить видовое, а не внутривидовое разнообразие (а виды не перемешиваются). Во-вторых, культуры скорее следует сравнивать с языками, чем с биологическими видами. Взаимодействие культур, по-видимому, похоже на взаимодействие языков. Обогащение идет через заимствование элементов, но такое заимствование, как правило, не ведет к образованию единого языка. Индивид может быть «двукультурным», как и двуязычным, и подобные индивиды обогащают общество, но никакого «синтеза культур» (как и языков) при этом не происходит.

Если мы обратимся к истории, то увидим множество примеров изменения культуры вследствие завоевания одного народа другим. Яркий пример – культура эллинизма, где высокая греческая культура – культура завоевателей стала элитарной для высоких культур завоеванных стран (Египта, Ирана, ...). Плодом их взаимодействия стали эллинизированные высокие (т.е. связанные с определенной образованностью) культуры этих стран. Однако в результате

возникли эллинизированные культуры Египта, Ирана и Греции, а не единая синтетическая культура. То же демонстрирует и история Средней Азии и Дальнего Востока, где имеется масса примеров воздействия высокой культуры одних народов на культуры народов, не обладавших высоким цивилизационным развитием. Например, в Латинской Америке «креолизация» вылилась в иберийскую высокую культуру завоевателей с включениями индейской культуры в качестве фольклорного материала. По-видимому, единая культура, как и единый язык, могут существовать лишь как еще одна культура. Поэтому глобализация, по нашему мнению, вряд ли ведет к единой культуре и не противоречит многообразию культур, а взаимное обогащение в ходе взаимодействия происходит за счет диалога и заимствования элементов, во многом через поликультурных индивидов.

Все сказанное позволяет признать, что толерантность – проблема современной культуры. Следовательно, существуют особенности современной культуры, призывающие к толерантности, а, может быть, и вынуждающие «исповедовать» только толерантные отношения. То, что основанием призыва к толерантности выступают особенности современной культуры, следует из Декларации принципов толерантности. В этом документе оговорены хрестоматийные черты современной культуры: отказ от абсолютной истины, плюрализм мнений, ценностей, форм и стилей жизни, приоритет международных правовых документов над государственными и т.д. Толерантность декларирована как способ перехода от культуры войны к культуре мира [158, 159]. Все это дает возможность разворачивать рассуждения о толерантности с представления современной культуры.

Современный тип культуры отсчитывают с 1960-х-1970-х годов. С одной стороны – это пик развития индустриальных государств, время технического и экономического подъема. С другой – это время исчерпанности ресурсов и осознания пределов индустриальной цивилизации. В 1970 году вышел доклад Римскому клубу «Пределы роста», в котором остро была поставлена проблема выживания человечества. Это привело к разочарованию в возможности

переустройства общества под знаком определенной идеологии. Еще один рубеж между историческими типами культуры – исчезновение мировой социалистической системы. Днем отсчета «постсовременной» культуры стало 11 сентября 2001 года. В этот день изменилась роль США как мирового лидера, и в целом стал под сомнение вопрос о возможности государства быть субъектом мировой истории [274, с. 360].

В современной культуре достигла колоссальной величины рациональность, обеспечивающая прежде процесс модернизации. Это – умение устанавливать достижимые цели, планировать периоды и контролировать итоги деятельности. Современная культура соединена с высокой степенью управляемости социальными процессами, а сами управленческие стратегии обуславливаются осознанием сложности и относительности культурной реальности. Люди вынуждены разделяться на тех, кто преодолевает нестабильность, приспособляясь к изменениям, и тех, кто может сообщать событиям желаемый вид и распоряжаться нестабильностью. В современной культуре в сферу рыночных отношений вовлечены все без исключения виды человеческой деятельности. В эпоху модернизма существовали значительные сферы культуры, к которым понятие прибыли было неприменимо. Наука, образование, искусство понимались как сферы бескорыстного служения. Сегодня же можно признать, что культура во всех ее проявлениях напрямую увязана с законами рынка. К новым формам капитала относят «человеческий капитал»: образовательный уровень, который может приносить со временем прибыль и самому работнику, и его работодателю. Это «культурный капитал», под которым понимается уже не только уровень образования, но и умение себя вести, склонность к эстетическому досугу, эрудиция и т.д. Эти качества воспитываются с детства, во взрослом возрасте придают дополнительное обаяние, а, следовательно, расширяют сферу возможностей. Это «социальный капитал»: отношения членства в группе, связи, обеспечивающие репутацию и увеличивающие сферу контактов и поддержки. Все это вместе составляет т.н. «символический капитал», что выражается в объеме доверия, на которое может

рассчитывать человек. Названия современных видов капитала не являются метафорами, в культуре постмодерна они носят буквальный смысл. Человек неминуемо оказывается вовлеченным в процесс капитализации межличностных отношений и человеческих качеств. В этом контексте культуру уже недостаточно понимать так, как это делала модерная мысль. Культура – не только сфера духовного достояния человечества, общих для всех людей норм, ценностей, и знаний. Это частное бытие людей, их приватный мир, складывающийся природно-исторически и определяющий существование человеческих связей [274, с. 360].

Современную глобализированную культуру называют информационным обществом. Отличительными чертами информационного общества считаются: увеличение роли информации и знаний в жизни общества; возрастание информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте; создание глобального (общемирового) информационного пространства. В эпоху модернизма знание являлось фактором поступательного движения к более точному пониманию универсальных закономерностей. В культуре постмодерна истина стала мнением, подверженным сотне различных объяснений. На смену поиска универсальных законов пришли интерпретация и сомнение. Эта мысль воспроизведена в «Декларации принципов толерантности» (п.1.3.): «Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека» [159]. Так в качестве альтернативы утраченной истине было предложено международное право.

Знание в глобализированной культуре постмодерна стало личностным. Под этим понимается сложный сплав концептуализированных форм знания и личного опыта. Важнейшим компонентом является осознанное отношение к знанию, к ценностям, к целям как к ресурсу и капиталу. Обладатель «осознанного» знания получает доступ и к знанию, и к деньгам, пуская в ход силу интеллектуальных технологий. Тезис о знании – власти лежит в основе

утверждения о современности как переходе «от культуры войны к культуре мира» [326].

С помощью представления о толерантности обговариваются в настоящее время позиции культурного разнообразия и политика мультикультурализма. Усиление конфликтов принято истолковывать увеличившимися темпами миграции, несогласованности трактовать как культурные или этнокультурные, и полагаться не на политические постановления, а на несовершенство применения принципа толерантности, что якобы препятствует многообразным культурам ужиться.

Автономизация личности – еще одна существенная особенность современной культуры. В процессе социальной модернизации произошло создание нового субъекта культурно-исторического процесса – автономной суверенной личности. Человек культуры модернизма – это личность, осознавшая себя создателем собственной судьбы, убежденная в своем праве на выбор жизненного пути. Прежде человек разделял тяготы социальной несправедливости в близком сообществе. Автономная личность постиндустриального общества склонна обвинять в проблемах лично себя. Такое качество личности, как возложение ответственности за социальные проблемы на себя, культивируется. Потому и возникает призыв – не только придерживаться принципов толерантности, а обратить терпимость в добродетель, воспитать ее в себе [402, с. 35–37]. Однако, на наш взгляд, в таком побуждении к тотальной личной ответственности усматривается бегство от социальных проблем, которые в одиночку человек разрешить не в силах.

Важное значение для развития толерантности представляет нормальное функционирование механизмов интеграции общества. В качестве интеграторов, как правило, рассматриваются религия, государство, культура, территория... Для современного общества характерно ослабление действия всех вышеуказанных интеграторов. В процессе глобальных социальных трансформаций возникли крупные социальные общности – государство, нация, класс. В процессах постмодерных видоизменений в культуре эти общности

лишаются своей реальности. Настоящее общество больше не распределяется на классы. Роль национального государства изменена процессами глобализации, основанием финансовых, экономических, политических структур, стоящих над государством. Сами государства и их границы искажены культурными зонами и различием цивилизаций, рубежи которых не совпадают с государственными.

Одной из важнейших проблем развития современного общества является его гуманизация. В открытом глобализированном мире без духовных границ повышается интерес к этическим аспектам социальной жизни. Усиливается ответственность человека перед обществом, но и возрастает ответственность общества перед личностью, что и определяется самим понятием о толерантности.

Важной социальной предпосылкой развития толерантности считается наличие в обществе массового среднего класса, что имеет место в развитых странах Европы или в США. Трудно переоценить при этом роль правовой базы культурных взаимодействий, а также опыта согласований в рамках толерантности, наработанного как в своем родовом, так и ином обществе. Проблемой Украины в данном аспекте является то, что социальный вес среднего класса в нашей стране не может пока выступать в качестве субъекта толерантности, поскольку нет согласия и стабильности в целом. Кроме того, к высвобождению огромной социальной энергии нетерпимости, нигилизма и разрушения привели неразрешенность многочисленных социальных конфликтов еще в советском общественном пространстве, а также отрицание наличия социальных проблем.

Наступление новой эпохи в рамках глобализированных изменений в мире, на наш взгляд, будет характеризоваться следующим: уменьшением участия глобального капитализма в повседневной жизни людей и в судьбах человечества, отказом от мира главенствующих идеологий и, главное, возрастанием роли таких феноменов, как культура, этика и духовность в формировании индивидуального и общественного сознания и поведения. Такие ценности, как свобода, человеческая жизнь, творческий труд, семья, терпимость

будут играть решающую роль в жизни людей. Определяющими факторами бытия человечества в новом веке неминусемо должны стать культура, мораль и духовность. В этой системе принятие различий в любом выражении становится одной из определяющих ценностей. Новая концепция мироустройства, какой бы неприемлемой она ни казалась, должна быть предложена, ведь «вольнодумство одной эпохи есть здравый смысл другой» [300, с. 29].

Все страны и народы как элементы и части общей социокультурной мировой системы объединяет нечто общее, качественно единое, при той или иной степени сохранения их своеобразия. На единой социокультурной основе складывается социокультурный плюрализм, многообразие ценностей и смыслов. При этом можно выделить следующие элементы, общие для многих культур – варьируется лишь их значимость. В их числе – современная социальная структура со схожими тенденциями стратификации и мобильности; общие базовые логико-смысловые ценности культуры; престиж и высокая ценность науки и научных знаний; аксиология современных политических систем, демократии и плюрализма (правда, в некоторых цивилизациях им придается весьма условное значение); современные системы образования, социальной защиты, медицинского обслуживания; современные средства массовых коммуникаций. Текущий социокультурный кризис послужит отправной точкой для формулирования новых глобальных проектов. И независимо от желания людей, в силу ряда объективных факторов экономического, демографического, геополитического и геокультурного свойства, различным обществам придется принять на вооружение эти проекты – или погибнуть. При этом важно понимать следующее: ценности какой культуры будут приняты (и поняты) большинством других, та культура и станет доминирующей. И наоборот – тон развитию будет задавать такая культура, у которой ценности отличаются наибольшей универсальностью. В настоящий момент чрезвычайно трудно однозначно сказать, какой культуре предстоит стать лидирующей и системообразующей, а какой – ведомой и вторичной. В этой связи представляется необходимым рассмотрение

нескольких видов современных культур в рамках идеи о всеобщем глобальном развитии и принятии социокультурных различий.

О китайской гегемонии в XXI веке и последующих веках говорили и писали многие. В лице Китая многие на Западе (особенно – в США) видели и продолжают видеть вполне реальную угрозу – если не своему существованию, то своим геополитическим позициям, как минимум. Например, Т. Фридман говорит о том, что китайцы «поглощены идеей глобального лидерства» [433, с. 45]. В качестве доводов, обычно приводимых в пользу этих заключений, используют огромную территорию и население китайской цивилизации, а также быстрый экономический и технологический рост. Однако не стоит недооценивать тот факт, что Китай на протяжении большей части своей истории и был самой большой, густонаселенной и развитой цивилизацией мира. Однако, за тысячелетия своего существования Китай редко выказывал намерения завоевать соседей на сколь-нибудь длительный (в историческом плане) срок. В целом китайскую культуру наиболее вероятно рассматривать как мозаичную. Она отражает сложный этнический состав Китая, обилие общностей, исповедующих разные религии и придерживающихся различных традиций. Безусловно, китайская культура безгранично богата, чрезвычайно живуча и органична. Но никогда на протяжении всей ее пятитысячелетней истории китайской культуре не была свойственна глобальность, а это именно та черта, которая станет определяющей в вопросе приоритетности некой одной культуры относительно других.

У другой восточной культуры, исламской, в отличие от китайской, есть сильная глобальная идея, но она носит исключительно религиозный, а не социокультурный характер. Кроме того, у исламского проекта большие трудности с определением «имперского центра» – исламский мир не может выдвинуть страну-лидера. Да и экономические возможности исламского мира не столь велики, так что поневоле на современные, прозападные вызовы приходится применять неадекватный ответ – терроризм. Все это не позволяет всерьез рассматривать исламскую культуру в качестве системообразующей для

будущего развития человечества, хотя и не исключает возможность создания важного геополитического и геокультурного центра притяжения.

Социокультурные особенности Индии и Японии также не в состоянии предложить жизнеспособный глобальный проект, поскольку обе они являются в прямом смысле локальными цивилизациями. Это, однако, не означает, что они легко подвержены влиянию извне, на почве этих самобытных культур будет не просто реализовать любой глобальный проект.

Западные цивилизации – Европа и Америка – также утрачивают свою способность предложить миру сколь-нибудь эффективную (в смысле сохранения баланса цивилизаций, а также гармоничную в контексте отношений человека с природой) модель культур-цивилизационного бытия. Капитализм и либерализм больше не могут оставаться основанием, на котором строится жизнь современного общества. Глобальный кризис отчетливо показал несостоятельность этой системы. Назрела необходимость выдвигания новой парадигмы.

В этой связи, поставив во главу угла парадигму толерантности как фактор взаимного неотторжения и принятия возможности развития многих культур, можно выдвинуть тезис о способности славянской цивилизации предложить такую модель развития, воспользовавшись которой, другие цивилизации смогут не только преодолеть последствия нынешнего культурного кризиса, но и достичь определенного состояния благоденствия. При этом украинский социум и славянская культура в целом, несомненно, являются важными участниками процесса вынашивания идей. Культура Украины никогда не сторонилась глобальных проектов. Напротив, украинская нация нередко испытывала на себе самые рискованные из них.

Важным также является тот факт, что культуры многих стран стандартизировались по американскому образцу, последствия чего наблюдаются в современном социокультурном развитии. Несмотря на это, представители западных обществ при случайных контактах «открывали» для себя Восток, что в будущем может привести к трансформации глобальной

культуры, сформированной по западному образцу, под воздействием восточных ценностей. Азиатизации могут способствовать два фактора: во-первых, происходит смещение центров экономического могущества с Запада на Восток – то есть в Китай, Индию, Корею и Юго-Восточную Азию; во-вторых, колоссальное демографическое давление со стороны Востока, испытываемое сегодня Западной Европой и США, очевидно, будет лишь усиливаться с течением времени. В этой социокультурной ситуации, связанной с востребованностью культурно-цивилизационных идей и решений в поисках гармоничного развития мирового социума, славянский мир дает новый свежий импульс к глобальному развитию и имеет все шансы на успех.

Важно, что основы толерантной парадигмы развития в нашей стране имеют специфическую историю. В Украине, в советское время, государство выполняло функцию обеспечения диалога между различными группами и слоями населения. С начала 90-х годов прошлого века новое государство фактически отказалось следовать этой традиции, предоставив общество самому себе. Духовные основания культуры, существовавшей до начала либеральных реформ, оказались не готовыми ответить на новые вызовы времени. Коммерциализация отношений, приведшая к утрате прежних идеалов и ценностей, инициировала процесс преимущественно индивидуальной адаптации людей. Попытки же вестернизации отечественной культуры наряду с другими факторами оказали неблагоприятное воздействие и привели к обострению конфликта поколений.

Отмеченные социокультурные условия предопределили низкий рейтинг ценности терпимости в общественном сознании нашей страны. Самое главное заключается в том, что нетерпимость одной части общества усиливает аналогичную сторону социального поведения другой части, что затрудняет решение важнейших общественных проблем. Например, в последние годы существования советского государства резко обострились межнациональные отношения, что произошло не только из-за ошибок национальной политики руководства, но и снижения уровня понимания и терпимости в обществе.

Социологические опросы среди наиболее демократичной части общества – студенчества – показали, что от трети до половины опрошенных, представлявших различные национальности, резко отрицательно относились к «чужим» нациям [252, с. 7–12]. Для нашей страны национальные противостояния стали возможны и потому, что терпимость народов, населяющих Украину, по отношению друг к другу не принимала характер расширения своего национального опыта и критического диалога, без чего крайне трудно находить компромисс при решении даже несложных проблем и противоречий.

На основе изучения места и роли феномена толерантности в современной глобализированной культуре следует очертить наиболее возможный, с нашей точки зрения, путь национальных и геополитических преобразований для Украины. Вместе с упадком века тоталитаризма мир нашей страны оказывается в пространстве критического отличия, о котором, как и о ненужности намерений единения культур, может предупреждать принцип толерантности. Если обратиться к генезису принципа толерантности, то известно, что он сформировался в рамках западной культуры и не является универсальным принципом всех культур. С точки зрения логики становления принципа толерантности в западной культуре, в случае с культурой нашей страны мы имеем неблагоприятный набор факторов. «Расколотовость восточно-славянской цивилизации, ее молодость (относительно западной) и принадлежность к пограничному типу, где синтез различных культурных начал затруднен, антиномичность культуры, манихейская доминанта ментальности, недоверие православия к автономной личности и, наконец, обширный и разнообразный опыт насилия на всех уровнях общества трудно считать благоприятными условиями легитимизации толерантности» [53, с. 711–736].

В глобализированном международном сообществе объектами толерантности являются отдельные суверенные государства, различные социальные группы. При развитой демократической системе толерантность проявляется во всех сферах общественной жизни, способствует стабильности и

создает условия для свободного культурного развития. Отсутствие же терпимости ведет к крайне негативным культурным и социально-политическим последствиям. Наступает социокультурный раскол, расслоение социума на враждующие группы, что мешает нормальному развитию общества. Расколото общество живет в условиях постоянной хронической неспособности последовательно преодолевать социокультурные противоречия, вынуждено существовать в условиях острейших несовместимостей, конфликтов во всех формах, подводящих страну к катастрофе [53, с. 711–736]. Толерантность, по нашему мнению, в этом случае является единственным условием общественного согласия, она вынуждена быть основополагающей предпосылкой в социально-культурной деятельности на всех уровнях, особенно на уровне государственного управления.

Из этого следует, что задача возрождения духовных начал всеобщей культуры является наиболее актуальной из всех задач, стоящих перед украинским обществом. Отдавая должное экономическому, военному и геополитическому могуществу, необходимо признать, что они – лишь средство в достижении более высоких целей, ступень на пути, ведущему к принципиально новому человеческому общежитию, построенному исходя из переосмысленных ценностей и цивилизационных миссий и основываясь на не имеющей прецедентов парадигме. Решению этой задачи будет способствовать разрешение многих менее масштабных, но оттого не менее значимых, проблем, среди которых: устранение поляризации общества, смягчение эффектов социальной стратификации, образование элит, способных ответственно и самоотверженно подойти к решению животрепещущих проблем и т.д.

Особое значение для этого имеет диалог коллективизма и индивидуализма в культуре, общинность, соборность, с включенным разумным индивидуализмом и кордоцентризмом, присущие традиционно славянству, которые являются средством противодействия пагубному влиянию социокультурного противостояния.

Идею толерантности при таком развитии событий трудно переоценить. Это связано с тем фактором, что существование противоречий между социально-политическими субкультурами общества характерно для многих стран. Согласие в культурном взаимодействии определяется как стратегия регулирования конфликтов путем сотрудничества и договоренности между противоборствующими сторонами. Поиск путей к согласию и обращение к парадигме толерантности может служить доминантой социокультурной регуляции, стержнем формирования стабильности, межнационального согласия, предотвращения конфликтных ситуаций. В связи со всем сказанным можно определить потенциалы реализации парадигмы толерантности применительно к современным украинским реалиям, а именно:

- реализация парадигмы толерантности заключается в том, чтобы удерживаться от привычных поисков общей экзистенциально-культурной основы различных стран и использовать ее образ для легитимации геополитических действий. Подход к разрешению конфликтов культур требует выработки нетрадиционных представлений. Если классическая идея преодоления конфликтов основывалась на толерантности как контролируемой уступке, то ситуация культурного конфликта требует разграничения формально-политических отношений, с одной стороны, и культурно-политических взаимоотношений – с другой;

- в рамках реализации парадигмы толерантности нет смысла употреблять какие-то санкции относительно собственно культуры, то есть желания людей жить в естественных для них социокультурных формах жизни. Силовая угроза культуре оборачивается в наше время ответной борьбой людей «до последнего». Регулятивный идеал принципа толерантности требует говорить «да» каждой культуре, любому культурному миру жизни;

- в системе реализации парадигмы толерантности возможен путь признания разъединенности украинской и русской культур, их максимальной независимости, навсегда имеющегося абсолютного отличия культурных миров в перспективе цивилизованного взаимодействия, сотрудничества, путь

открытой коммуникации, которую можно рассматривать как перспективу геокультурной демократии. Формулирование крайне обостренной позиции в понимании культурполитических отношений Украины и России содержит надежду на нахождение положительных решений и культурного взаимобмена населения наших стран;

- реализация парадигмы толерантности – это идеал полного отказа от претензий на любую универсалистскую культурполитику. В том числе – отказ от обобщенных утверждений о любой национальной исторической общности, общих культурных ценностях, этнической тождественности. Это не исключает научные исследования, подтверждающие культур-антропологическую общность человеческих сообществ, предшествующее совместное политическое существование, а также существующий сегодня культурный обмен.

Глобальные трансформации современного мира влияют, так или иначе, на изменчивость многих мировоззренческих систем. Насильственные меры, грубая сила, прагматизм малопродуктивны. Признание суверенности и ценности «иного» – необходимое условие выживания в современном мире. В системе рассуждений о глобализированной культуре толерантность становится наиболее современной проблемой, потому что наглядно указывает на ограниченность привычных, в том числе собственно философских, подходов к ее пониманию и способам практического применения. На фоне существования так называемых локальных конфликтов в глобализированной культурной среде постмодерна толерантность радикально меняет смысл. Обсуждение проблемы толерантности переходит в область осмысления вопросов современной культуры, как части общественного сознания. Можно определить толерантность в настоящее время как терпимость в ситуации параллельного бытия со всем культурно и общественно иным без насильственного уравнивания или отождествления. Толерантность – это радикальная возможность принятия культурной несовместимости навсегда. Толерантность как универсальная ценность, понятие, идея, принцип, обсуждаемый применительно к современной глобализированной культуре – это

свидетельство того, что не существует единственного, общего культурно-экзистенциального фундамента для существования человечества. В связи с этим следует признать, что глобализированные изменения в культуре и социокультурном пространстве требуют значительных усилий общества для развития и применения принципа толерантности с целью достижения всеобщего согласия и развития.

Становление новых социально-философских концепций развития в современном глобализированном обществе зависит от особенностей определенных социокультурных факторов. В числе прочих, по нашему мнению, можно назвать:

- изменение нормативно-ценностной сферы общества как ментальной основы культурного устройства эпохи глобализации;
- упорядочивание разных сфер социальной жизни современного глобализированного общества;
- процессы институционального развития общества;
- формирующаяся система социально-культурных и социально-образовательных институтов с позиции их совместимости;
- процессы становления нового глобального экономического порядка;
- становление глобализированных социальных структур как форм ценностного и социокультурного развития;
- легитимизацию глобализированных социальных отношений.

В связи с этим следует признать, что принятие парадигмы толерантности в качестве одной из доминант прогресса в современной социокультурной системе Украины и мира в целом потребует существенных усилий интеллектуальной элиты общества по изменению имеющейся ситуации в положении феномена толерантности в социокультурном пространстве. Определяющее положение феномена толерантности в социосистеме современной глобализированной культуры является необходимым для формирования всеобщего согласия, упорядочения глобальной общественной жизни, создания фундамента для

становления и гармоничного функционирования глобализированного социокультурного пространства.

Выводы к I разделу

1. Глубокие социальные, экономические и политические перемены современности ведут к становлению открытого глобализированного пространства. От того, как в условиях глобализации изменяются мотивы, ценности личности, ее уровень образованности и культуры, зависит историческое развитие человечества. Постмодерные трансформации в обществе ведут к преобразованиям в социокультурной концептологии – изменениям в представлениях о концептах, их содержании и отношениях концептов. Создание новой, универсально-целостной, парадигмально-холистической концепции социокультурного пространства является актуальным в контексте поисков в области концептуализации социально-духовной жизни общества. Выработка новых мировоззренческих подходов, поиск сущностных факторов социокультурного развития – обязательное условие перехода к новейшему сообществу эпохи глобализации.

2. Социокультурное пространство современности определяется как часть глобализированных трансформаций общества, что рождает понятие «глобализации социокультурного пространства». Социокультурное пространство – определяющая концептуальная характеристика общества, которая объединяет две составляющие: идею пространства и идею воплощения духовности – культуры, науки и образования, норм права и ценностных ориентаций социума и личности. Сущностные характеристики социокультурного пространства включают в себя: социокультурную протяженность; структурное взаимодействие социальных, научных, образовательных, конфессиональных, правовых и ценностных систем; наличие ценностно-культурных, научно-образовательных, социально-правовых событий. В структуре социокультурного пространства выделяются: образовательное пространство, ценностное пространство, моральнопространство, правовое пространство, религиозное пространство,

информационное пространство. Социокультурное пространство – важнейший аспект модели мира, интегрирующая идея, вокруг которой возможно выстроить стратегию развития общества.

3. Мировое социокультурное пространство пока не в состоянии удовлетворить все возрастающий спрос на объем и качество организации социокультурной жизни и деятельности. Налицо возможность разрыва между социокультурными потребностями человечества и возможностями их удовлетворения. В результате возникает противоречие между правом человека на организацию социокультурной жизни и традиционной системой социокультурного пространства. Появляется вопрос о практике формирования концептуальной социокультурной модели, в которой могло быть разрешено противоречие между обществом и социокультурным пространством во всех его составляющих.

4. В период глобализационных перемен процесс мультикультурализации неизбежен. С одной стороны, мультикультурализм способствует росту культурного разнообразия, обретению гражданами большей социальной свободы. С другой стороны, мультикультурализация может привести к отчуждению групп населения, потере объединяющих нормативных принципов. Порожденное глобализационными тенденциями мультикультурное общество – часть социокультурного пространства, которое по своей природе надэтнично. Такое мультикультурное общество адекватно сути постмодернизма как состояния современной глобализированной культуры.

5. Принципы мультикультурализма распространяются не только на политическую, социальную, культурную сферы, но и на систему науки, образования, ценностей, морали, права, религии, найдя воплощение в законодательстве ведущих стран мира. Мультикультурный поход, являющийся инновационно и синергетически сформированным, включает признание гуманистического равноправия различных культурных проявлений – национальных, религиозных, возрастных, гендерных, имущественных и т.д.

6. Интегрированными условиями функционирования сфер культуры, науки, образования, права и ценностной системы в каждом данном регионе, стране в целом создается мультикультурное социальное пространство. Мультикультурное социальное пространство определяется как реально существующий пространственно-временной континуум функционирования совокупности факторов и условий, отражающих специфические характеристики многообразия. Мультикультурное социальное пространство – структурированная система социально-культурных, социально-образовательных, социально-правовых, морально-ценностных факторов, обеспечивающих осмысление личностью всеобщего существования в специально организованной глобализированной среде.

7. Принятие парадигмы толерантности в качестве одной из доминант прогресса в современной социокультурной системе Украины и мира в целом потребует существенных усилий интеллектуальной элиты общества по изменению имеющейся ситуации в положении феномена толерантности в социокультурном пространстве. Определяющее положение феномена толерантности в социосистеме современной глобализированной культуры является необходимым для формирования всеобщего согласия, упорядочения глобальной общественной жизни, создания фундамента для становления и гармоничного функционирования глобализированного социокультурного пространства.

8. Формирование модели толерантных отношений как условия новой интеллектуализации современного общества может быть заложено только в рамках новых, ориентированных в сторону глобализированного мультикультурного мирового пространства, социокультурных концепций. Осмысление этой проблематики и синтез наработок по развитию принципов толерантности в мультикультурной среде для Украины представляет стратегически значимую цель.

9. Новейшие социально-философские концепции социокультурного пространства могут сыграть роль методологической основы для построения

новогосоциокультурного мировоззрения, способного функционировать в нелинейной картине мира. Данные социокультурные концепции с необходимостью видятся гуманистическими. Социокультурные системы в глобализированном общественном пространстве представляются мультикультурными. Сознание человека, возрастающего в такой разноликой среде, предполагается толерантным к различного рода отличиям. Идеи мультикультурализма и толерантности в качестве социокультурных парадигм глобализированного сообщества проходят через все глобальное социокультурное пространство, что, в конечном результате, и должно привести к опыту мультикультурного общения и межнациональной коммуникации, а в идеале – к гармонии и консолидации современной общественной жизни.

Исследования, представленные в 1 разделе, отражены в следующих публикациях автора:

в монографии: «Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции образовательного пространства»: [монография].— Одесса: издательство «ВМВ», 2015. – 322 с.;

в учебном пособии: «Основы этико-религиозной толерантности». Учебное пособие / Елена Павловна Ананьева, Наталья Васильевна Левинская – Севастополь: Издательство Академии ВМС имени П.С. Нахимова, 2012. – 159 с.

В статьях:

Социальные, религиозные и психологические основания понятия о толерантности / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. Раздел «Философские науки». – № 198.– 2011. –С. 10–13;

Роль гуманистического прагматизма в развитии принципа толерантности / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. Раздел «Философские науки». – № 225 – 2012. – С. 120–124;

Традиционное и инновационное взаимодействие как фактор формирования толерантного сознания в Украине / Е. П. Ананьева // Культура народов

Причерноморья: науч. журн. Раздел «Философские науки». – № 239. – 2012. – С. 140–144;

Развитие принципов толерантности в процессе глобализации / Е. П. Ананьева // Вісник СевНТУ: сб. науч.пр. – Вип. 126. Філософія. – 2012.–С. 3–6;

Толерантность как культурная универсалия глобализированного мира / Е. П. Ананьева // Сб. материалов международной научно-практической конференции «Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы». – Прага: Изд-во «Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 2014. – С. 167–169;

Мультикультурализм – парадигма образовательных систем глобализированного общества знаний/ Е. П. Ананьева // Материалы XV Всероссийского научного семинара «Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований». – Краснодар–Анапа. – 2014. –С. 57–60;

Мультикультурная толерантность как фактор синергетики глобализированного мира / Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал. – Вип. 3 (61). – 2014. –Одеса. –С. 12–18;

Мультикультурність і толерантність як фактори взаємодії в період глобалізації / Е. П. Ананьева //Матеріали IV Всеукраїнської науково-практичної конференції «Сучасні проблеми гуманітаристики: світоглядні пошуки, комунікативні та педагогічні стратегії». – Ровно. – 2014. – С. 77–80;

Феномен научного знания в системе глобализированного социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Актуальні проблеми філософії та соціології. – Національний університет «Одеська юридична академія». –№ 7. –2015. –С. 3–6;

Развитие глобализационных тенденций в концептологии научного знания / Е. П. Ананьева // Вісник Житомирського державного університету. Філософські науки. – Вип. 3 (81). – 2015. –С. 3–8;

Сущностные характеристики социокультурного пространства /
Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал.– Вип. 3 (65).–
2015.– Одеса. – С. 3–8;

Структура социокультурного пространства / Е. П. Ананьева //
Перспективи. Соціально-політичний журнал. – Вип. 2(64). – 2015.– С. 6–12;

Socio-cultural space: the essence and structure / Elena Pavlovna Ananeva //
International Scientific Journal. – Сб. науч. трудов. Философские науки. – Киев. –
№ 9. – 2015. – С. 74–76.

Раздел II. Парадигма мультикультурализма и толерантности в системе социально-философского знания

2.1. Теоретические аспекты исследования мультикультурализма и толерантности: проблема методологии

Возможности методологии социокультурного пространства в формировании высокого уровня согласия в эпоху глобализации достаточно велики [90]. Еще недавно методология исследования большинства феноменов выстраивалась в инновационной парадигме. Однако в инновационных подходах имеет место деструктивное начало, которое нельзя игнорировать. В условиях глобальных изменений это деструктивное начало может быть трансформировано в креативный фактор с помощью синергетики, где достижение устойчивого равновесия в социальном развитии обусловлено коэволюцией рациональных инноваций и социокультурных традиций. Это может вывести инновационную практику и инновационное общество из тупиков цивилизационных противопоставлений на путь продуктивной модернизации. Синергетический подход базируется на основных принципах: природа иерархически структурирована в несколько видов открытых нелинейных систем; связь между ними осуществляется через неравновесное состояние систем; неравновесность является необходимым условием появления новых систем. Развивающиеся системы открыты и обмениваются энергией и веществом с внешней средой. Исходя из этих положений, инновационно-синергетический подход в социокультурном развитии – это очередной шаг к пониманию феномена человека во всех его разнообразных проявлениях, к раскрытию тайн всего многообразия творчества, коммуникации, процесса встраивания человека в природную, социальную и культурную среду [184; 343, с. 428]. В основе данного подхода используются такие качества личности, как склонность к компромиссам (толерантность), принятие «иного», ответственность перед будущим. Нелинейная ситуация, или состояние неустойчивости современной среды, связана с неопределенностью и необходимостью выбора, способность к которому следует считать жизненно

важным качеством человека. Современные интеллектуальные конструкты помогают личности разрушить уходящий в древность стереотип страха перед неопределенностью и хаосом развития, увидеть красоту двойственности бытия, конструктивность и деструктивность неравновесия мира и общества.

Современное социально-философское знание предполагает важное в методологическом отношении категориально-понятийное осмысление явлений ментального плана, к числу которых относятся феномены мультикультурализма и толерантности. Культура постмодерна, узаконившая множественность в качестве всеобщего начала, устойчиво рассматривает мультикультурализм как наиболее допустимое культурное состояние общества, в котором толерантность к многообразию становится общественно преобладающей ценностью. Методология исследования мультикультурализма вызвала к жизни достаточное количество точек зрения мировых ученых о различных теориях культуры. Так, в украинской и российской философии признание получили деятельностная (Н. С. Злобин, М. С. Каган, В. М. Межуев), семиотическая (Ю. М. Лотман), системно-синергетическая (Э. С. Маркарян) теории культуры. Из зарубежных концепций необходимо подчеркнуть системно-функциональный метод исследования культуры (Б. Малиновский, Т. Парсонс), социальный акционализм (П. Бергер, Э. Гидденс), постмодернистскую концепцию культуры (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари), психоаналитический метод исследования культуры (Э. Фромм, В. Райх, С. Жижек), экзистенциальную (Х. Ортега-и-Гассет) концепцию культуры.

Теоретический анализ современной социокультурной ситуации в данной работе основан на трудах Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара, Ю. Хабермаса, М. Фуко, И. Валлерстайна. Также, исследуя методологию мультикультурализма, автор основывается на работах украинских и российских ученых: Э. А. Баграмова, А. С. Бандурка, Б. Н. Бессонова, А. А. Борисова, А. И. Куропятника, В. С. Малахова, Н. М. Мамедовой, В. М. Межуева, О. А. Сергеевой, Б. Слющинского, К. Б. Соколова, В. О. Тишкова, М. В. Тлостановой, С. Червонной и др.

Отдельно можно указать, что украинские ученые проблему мультикультурализма связывают с вопросами национальной идентичности и толерантности (И. Бубнов, Ю. Халилова-Чуваева, Р. Шульга).

В отечественных и зарубежных исследованиях мультикультурализм предстает как в виде различных вариантов теории мультикультурного общества и обоснования мультикультуральных практик, так и в формах его теоретической критики. Важной является взаимосвязь мультикультурализма с проявлениями постмодерной парадигмы развития. Так, российский исследователь В. А. Мамонова считает, что мультикультурализму, как модели культуры, свойственны общие эстетические и философские установки постмодерна, т.к. «культура постмодерна, легитимировавшая множественность как субстантивное начало, закономерно рассматривает мультикультурализм как наиболее приемлемое культурное состояние общества, в котором толерантность, терпимость к культурной инаковости становятся общественно превалирующими ценностями» [300, с. 29–38].

В свою очередь, исследователь С. Бенхабиб, выступая с теоретическим принятием мультикультурализма, обращает внимание на низкую обоснованность универсальности западной культуры. Ученый отмечает моральную составляющую требований традиционных культур на получение равного статуса с западной культурой [491, с. 254–255]. Исследователи У. Кимлика и Ч. Кукастас предлагают конкретные модели социальной мультикультурализации, обосновывая их идейно [239, 271, 460]. С. Жижек, С. М. Окин, Б. Кагарлицкий, напротив, указывают на слабые стороны мультикультурной теории и практики. Эти ученые определяют мультикультурализм как новую форму социальной реакционности. Так, Жижек полагает, что круг интересов мультикультурной этики ограничен политкорректным уважением к измышлению «иного», когда поиск универсальной истины порицается как форма культурного принуждения [185]. Д. Грей рассматривает проблематику мультикультурализма в ее связи с политическим плюрализмом. Поскольку культурные различия присущи всей

истории человечества, по мнению исследователя, они являются чертой и современных обществ [145].

С. Хантингтон и П. Дж. Бьюкинен, напротив, рассматривают мультикультурализм как угрозу национальной идентичности и единству национального государства в современном мире. По их мнению, мультикультурализация общества приведет к умалению ценностей национальной культуры, обеспечивающих национальное единство и являющихся фундаментом национальной идентичности [97, 446]. Исследователи А. Борисов и К. Гарибян отмечают потенциальную опасность мультикультурализма для существующего социального порядка [88, с. 8–9; 127]. Э. Гидденс в своих работах отмечает угрозу перерастания мультикультурального проекта в культурный релятивизм. По его мнению, если для того, чтобы понять «иного», необходимо абстрагироваться от собственных убеждений и своих исторических ценностей, то как быть в том случае, когда придется признать наиболее варварские традиции и обычаи? [133].

Позицию исследователя Р. Рорти по вопросу мультикультурализма можно охарактеризовать как прагматическую. Философ соглашается со сторонниками мультикультурализма относительно того, что теоретическое обоснование превосходства одних культурных ценностей над другими невозможно. Однако отсутствие такого обоснования не означает отказ от поиска форм солидарности. Рорти полагает, что поддержку национальной культуры можно обосновать из соображений социальной прагматики, которые не нуждаются во внеисторическом обосновании [371, с. 179–209]. Схожую позицию занимает Ч. Тэйлор, указывающий на значимость этнических культурных традиций самих по себе для полноценного развития личности [408, с. 219–248]. Российский исследователь В. А. Тишков, в свою очередь, определяет мультикультурализм как «теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования» различных этнических групп и, обращаясь в прошлое, отмечает, что национальная политика СССР уже содержала в себе мультикультуральные принципы. Следовательно, российская

мультикультурная политика должна обратиться к советскому опыту [411, с. 335]. И. Валлерстайн также наблюдает противоречивые тенденции мультикультурализма. С одной стороны, по его мнению, происходит интернационализация культуры повседневной жизни (питание, одежда), а с другой стороны, отмечается устойчивый рост внимания ко всему культурно-неофициальному. В целом оценивая мультикультурализм положительно, исследователь подчеркивает его роль в общественном прогрессе [100, с. 15–27].

Из достаточного количества приведенных точек зрения можно сделать вывод, что в мировой научной мысли еще не сформировалось однозначной оценки мультикультурализма как социального явления. В этой связи прогнозируется необходимость дальнейшего углубленного исследования проблемы мультикультурализма во всех несогласованностях, в виду того, что мультикультурализм сегодня не только теоретический концепт, но и объективно существующая социальная проблема, требующая как теоретического отражения, так и обусловленного практического решения. Даже поверхностный взгляд на мультикультурализм позволяет выделить для изучения в нем несколько аспектов. Прежде всего, это аспект этнополитический, связанный с политикой государств, принимающих большие иммиграционные потоки. Во-вторых, это аспект культурно-исторический, выражающий специфику современных социокультурных процессов. Сюда следует добавить также аспект либерально-демократических свобод, расширение которых – один из путей решения проблем, возникающих в связи с увеличением культурного разнообразия.

Основная гипотеза этнополитического аспекта состоит в том, что этническая идентичность, межнациональные отношения и этнополитические процессы являются элементами этнополитического пространства, которое складывается обществом на определенной территории. Можно указать, что процессы глобализации актуализировали этнический фактор в международной жизни. При этом данную актуализацию можно свести к четырем основным проблемам: проблема коренных народов (аутентичной

идентичности); выбор государств между политикой идентичности и политикой мультикультурализма; стремление малых народов и этнических меньшинств превратиться в фактор международной политики; общая политизация и актуализация этнического сознания. В этой связи встает вопрос о том, каким образом современное государство может действовать в ситуации, когда возникает угроза его целостности. Особенно это касается полиэтничных государств, где вопросы национальной политики являются во многом определяющими при разработке стратегии развития. Очевидно, это связано с тем, что в условиях стремительного формирования глобального социокультурного пространства приходит осознание того, что экономическую эффективность, экологическую устойчивость и культурное разнообразие невозможно поддерживать и развивать без регулирования процессов межкультурного взаимодействия.

Культурно-исторический аспект исследования мультикультурализма исходит из тезиса о том, что мультикультурализм – феномен, соизмеримый с историей цивилизации. На протяжении многих веков его развитие шло вместе с прогрессивными социальными переменами, при этом основной смысл понятия мультикультурализма остается приблизительно одним и тем же, независимо от времени его формулировки. Особого внимания в связи с этим, на наш взгляд, заслуживает подход П. Штомпки. Ученый рассматривает мультикультурализм в двух измерениях. Во-первых, как «многообразие культур, успешных с точки зрения исторической оценки и сосуществующих на сегодняшний момент» [512, с. 255]. Во-вторых, как идеологическую позицию, подразумевающую право разных обществ на свой собственный образ жизни и поддерживающую тезис об абсолютном равенстве всех культур [512, с. 255].

При изучении в рамках культурно-исторического аспекта мультикультурализм трактуется в контексте культурного многообразия, означающего принятие и уважение индивидуальных черт и уникальности каждой культуры. Речь идет о демократическом сосуществовании как отдельных людей, так и групп, обладающих этнической идентичностью,

собственными ценностями и традициями. Наиболее важно, что культурное наследие представляет собой фактически главный способ существования культуры. То, что не входит в культурное наследие, перестает быть культурой и, в конечном счете, прекращает свое существование. После физической жизни людей культурное наследие остается для других поколений, выступая как общее достояние всего человечества, которое может быть таковым лишь при условии своего сохранения. Поэтому сохранение культурного наследия в любых культурных формах и поддержание разнообразия проявлений культуры в известной мере совпадает с сохранением общечеловеческого культурного развития в целом.

Исследование мультикультурализма в аспекте либерально-демократических свобод порождает два типа дискурсов современной научной теории: первый – «мультикультурализм есть часть демократии» и второй – «мультикультурализм представляет собой отступление от общедемократических норм». В основе этого противоречия лежит возможная дихотомия между групповыми и индивидуальными правами. Совместное существование различных этнических групп в пределах одного государства неизменно создает требующие решения проблемы в сферах политики, культуры и экономики. Тем не менее, история и опыт ряда стран дают многочисленные примеры, показывающие, что в современном мире, несмотря на распространение идеологии этнического национализма, этническое многообразие само по себе не обязательно ведет к острым конфликтам и фрагментации общества. Существует ряд механизмов, обеспечивающих стабильность полиэтничного социума. Еще до недавнего времени наиболее распространенным из них был авторитарный или тоталитарный режим, который исключал политическую мобилизацию меньшинств и подавлял их сепаратистские устремления. Но в современных демократических обществах такой подход не легитимен, поэтому и возникла политика мультикультурализма, которая призвана осуществлять учет групповых прав культурных меньшинств.

Возможности решения вопроса о совместимости демократии и полиэтничности государства лежат в области самой природы демократии: является ли она действительно формой правления большинства, и какую роль должны в ней играть меньшинства. В зависимости от ответа можно прийти либо к мажоритарным вариациям полиэтнической демократии, либо к принципу сотрудничества этнических групп на основе распределения между ними власти. Сотрудничество этнических групп на основе распределения между ними власти является менее изученным подходом в современном мире, менее распространенным и поэтому данный подход нуждается в более внимательной разработке и свободном применении. На наш взгляд, этот способ синтеза демократии и мультикультурализма может явиться предпочтительным с точки зрения обеспечения стабильности социальных структур и сохранения общественных и личных свобод.

Национальные меньшинства, как коренные, так и иммиграционные, сегодня предъявляют к обществу абсолютно новые требования, в основе которых лежит желание «признания». Эти меньшинства желают участвовать в управлении государством наравне с титульным этносом и при этом жить согласно своим культурным нормам и традициям. Если следовать принципам демократии, такое требование логично. Очевидно, что если в государстве проживает большое количество коренных меньшинств и иммигрантов, то их представителям должны быть предоставлены места в органах управления. Однако, представители иммигрантов не могут достичь руководящих постов в силу того, что национальное большинство не позволяет им получить достаточное количество голосов, а если предоставить представителям национальных меньшинств упрощенные условия, то это порождает прямое нарушение демократии, положительную дискриминацию. Однако, такая ситуация должна быть преодолена, должны предприниматься попытки политического равенства. Так как политическое и социальное равенство являются в определенной степени идеальными явлениями, национальные меньшинства могут достигнуть их только через подтверждение и развитие

своих культурных особенностей. Из этого следует, что признание и равенство всех национальностей, проживающих на территории государства, есть, прежде всего, обязанность самого государства как института, формирующего базу демократии.

Функционирование мультикультурных связей порождает тезис о возможности формирования состояния взаимопримирения на время сотрудничества и механизмов, которые создают возможность совместной жизнедеятельности между индивидами с антагонистическими убеждениями. Рассмотренные выше методологические подходы и аспекты исследования усматривают мультикультурализм необходимым для прогрессивных изменений в глобальном социокультурном пространстве. Несформированность и несоблюдение парадигмы мультикультурализма ведет к развитию процессов, которые характеризуются угрозой социальной идентичности, столкновением несовместимых интересов, потребностей, ценностей. При всем этом противоречие, оценочность, непринятие, отрицание и негативные эмоции могут быть преобразованы в уважение, принятие, понимание с помощью применения принципов толерантности. Синергетически связанный с вопросами мультикультурности общества, феномен толерантности в данном исследовании рассматривается как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, отказ от единообразия и преобладания какой-либо точки зрения. В мировоззренческом же отношении автор диссертации следует общему рассуждению относительно того, что есть «толерантность»: научное понятие, норма, ценность, явление, психологическая установка или нечто другое. Автор данного исследования исходит из постулата, что определений и толкований толерантности в украинском, российском и зарубежном социально-гуманитарном знании довольно много, и любое из них может быть приемлемо в зависимости от собственной исследовательской позиции, используемых методов или сферы научных интересов [128, с. 90–101].

Непосредственно связана с идеей толерантности проблема ненасилия. Допущение, что другой человек может иметь иную внешность, пол и возраст, что он вырос в пространстве другой культуры, религии и т.п., означает, что в отношении его не совершается мер насильственного характера. Но это не значит, что все, привнесенные иными субъектами в нашу жизнь – культурную, языковую, религиозную, – отличия, будут приняты и усвоены как свои собственные. Допущение «иного» означает и допущение самого себя в данный конкретный момент в пространстве имеющейся культуры. А это – высшая степень свободы человека, осуществление себя как самостоятельного и самобытного субъекта [339]. Однако многообразие существующих параллельно традиций часто приводит к возникновению противостояния между взаимодействующими субъектами (индивидами, группами, нациями). Вот почему принцип толерантности в качестве определяющей основы взглядов и суждений людей представляется сегодня одной из важнейших и существенных характеристик подлинного демократического мироустройства. Развитие гуманного общества в принципе невозможно без формирования и повышения уровня толерантности современного человека. Следуя мнениям ученых, авторданного исследования придерживается мысли о том, что толерантность, сформированная у человека в пору личностного становления, является одним из важнейших условий снижения напряженности в социуме [242].

Российский исследователь Касьянова Е. И. выделяет несколько групп научных исследований, рассматривающих толерантность. К первой она относит представителей «западной» историко-философской школы, рассматривающих методологию и модели толерантности в цивилизационном подходе (М. Вебер, Г. Гегель, Т. Бокль, И. Кант, Л. Морган, Ш. Монтескье, Ж-Ж. Руссо, О. Шпенглер, К. Поппер, Г. Риккерт, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтон). Вторая группа включает авторов, заложивших основания концепции толерантности в рамках Российской империи и позже (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, И. Л. Солоневич, Н. Я. Данилевский, А. С. Хомяков и др.). Третья группа представлена историко-философскими работами о роли

толерантности как фактора устойчивости общества в исторической эволюции цивилизаций (О. Грелл, В. М. Золотухин, И. Карли, Дж. Лаурсен, В. А. Лекторский, У. Монтер, Р. Портер, Л. В. Скворцов и др.).

В исследованиях, отнесенных к четвертой группе, толерантность рассматривается как философская категория отражения социального поведения человека и его гармоничного взаимодействия с окружающим миром (В. А. Балханов, В. А. Васильев, Б. С. Гершунский, Г. Д. Дмитриев, Д. В. Зиновьев, Е. И. Касьянова, С. Мендус, П. Николсон, Л. В. Скворцов, Б. Уильямс и др.) [303; 385, с. 97–141].

В науке и практике советского периода толерантность рассматривалась с позиций интернационализма (Н. К. Крупская, Л. В. Метелица, В. Г. Пряникова, М. А. Терентий, З. К. Шнекендорф и др.). В социально-философских исследованиях зарубежья принято говорить о толерантности к разнообразным проявлениям самобытности, что нашло отражение в теории и практике мультикультурного общения и образования (Дж. Бэнкс, Я. Пэй, М. Уолцер, К. Э. Эпплайя) [410, 416].

В последнее время исследователи все чаще включают в понимание толерантности интерес к другому (Е. Ю. Клепцова), принятие, уважение и утверждение культурных различий (Г. Д. Дмитриев), позитивный образ иной культуры (Н. М. Лебедева, Ф. М. Малхозова), настроенность на диалог (Р. Р. Валитова), установку на изменение позиций (В. А. Лекторский), сочувствие и сострадание к другому (А. Асмолов), признание ценности и необходимости многообразия (Р. Р. Валитова, А. И. Гусев, А. М. Еременко, И. В. Ершова-Бабенко, В. А. Лекторский, И. З. Скловский, У. Г. Солдатова) [99, с. 33–37; 151; 280, с. 44–58].

Научная мысль в Украине разрабатывает новейшие тенденции в изучении феномена толерантности, связанные не только с социально-философскими, но и с культурно-философскими, социально-культурными, социально-психологическими и социально-образовательными подходами. Это исследование толерантности к неопределенности, в том числе, связи с

проблемами развития идентичности (А. И. Гусев), формирование толерантности в современных педагогических исследованиях (О. Волошина) [151]. Толерантность рассматривается как научно-образовательная ценность, как элемент мировоззрения и культуры (О. Грива, О. Осипова, О. Бабаева, Ю. Тодорцева, Н. Краснова, Н. Санина). Толерантность исследуется как часть духовной культуры переходных эпох, в теории современного научного знания, в контексте психолого-педагогических исследований, как общечеловеческая проблема, современный мировой порядок, как новая идеология европейской молодежи и как категория социализации человека. Новеллами являются исследование толерантности в транзитных демократиях и в философско-этических учениях (Ю. Бойчев, О. Довгополова, Ю. Ирхина, М. Козловец, А. Колесник, С. Ростецкая, М. Рудь, О. Хома) [248, с. 26–28; 372; 374; 448].

Современное глобализированное социокультурное пространство принимает и использует многогранность феномена толерантности. В рамках социально-философского знания можно выделить несколько научных направлений, каждое из которых сосредоточено на своем предмете исследования толерантности. Общефилософские методы исследования толерантности представлены в работах Ю. Бромлея, Р. Р. Валитовой, В. А. Лекторского, И. Б. Гасанова, М. П. Капустина, М. Мчедлова, Л. В. Скворцова и др. Психолого-педагогическому методу посвящены работы К. Ф. Грауманова, Д. В. Зиновьева, П. Ф. Комогорова, К. Уэйна и других исследователей. В. А. Тишков подчеркивает необходимость создания нового направления – «педагогике толерантности» [410; 463].

Особое внимание в философии, социологии и социальной психологии уделялось и уделяется социокультурным и этническим аспектам толерантности. Разнообразие наблюдается в определениях толерантности. Так, в «Социологической энциклопедии» толерантность понимается как воздержание от протеста или осуждения при сохранении себя как нравственного субъекта, небезразличного к миру [395, с. 187]. Лондонская философская энциклопедия подчеркивает, что «толерантность следует отличать от независимости...

Элемент осуждения встроен в значение терпимости. Быть терпимым — значит осуждать и после этого примиряться....Толерантность несводима и к индифферентности,...нет необходимости примиряться с тем, что нас не беспокоит» [510, с. 143–146].

Среди методологических направлений наиболее распространенным и разработанным является аксиологический метод в исследовании толерантности. Социально-философская наука исходит из тезиса о том, что толерантное поведение возможно только в результате актуализации такого личностного ресурса, как ценностно-смысловые образования. Известный исследователь толерантности М. Б. Хомяков отражает процесс становления толерантности как ценности в целом, без учета национальной специфики. Переход от инструментального к ценностному пониманию толерантности связан, по мнению М. Б. Хомякова, с эпохой Реформации, с именами М. Лютера, С. Кастеллиона: «Именно у Кастеллиона толерантность начинает рассматриваться как обязанность, долг христианина, приближаясь по своему значению к моральной добродетели» [452].

В современном обществе ценностный подход к толерантности определяется установкой «Декларации о культуре мира». Толерантность как ценность базируется не на противостоянии, а на сосуществовании, не на отрицании, а на признании другого, не на безропотной терпеливости к насилию, а на его преодолении [159]. Тем не менее, следуя за учеными Л. Дробижевой, М. Хомяковым, можно признать, что сегодня ценность толерантности уже не воспринимается так однозначно. Ценность толерантности подвергается критике с двух основных точек зрения: коммунитаризма (вместе с примыкающим к нему неомарксизмом) и того, что можно назвать теорией различия (к которой относятся главным образом работы постмодернистов и феминистов) [226]. Аксиология рассматривает феномен толерантности в категориях добра и зла, целей и средств, субъективных и объективных, положительных и отрицательных, актуальных и потенциальных, кажущихся и реальных, абсолютных и относительных ценностей и т.д. К числу

универсальных общечеловеческих ценностей толерантность причисляется в энциклопедической статье, посвященной этикету: «толерантность – система моральных установок, определяющих характер общения у самых разных народов; включает набор универсальных общечеловеческих ценностей...» [82, с. 589].

С нашей точки зрения, толерантность как ценность наиболее важна в том отношении, что ей присуща активная позиция в отношении к чужому (иному), отмеченная в «Декларации принципов толерантности». Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека [159]. В качестве теоретического предположения о природе толерантности можно, следуя за новейшими исследованиями, предложить следующую интерпретацию, реализующую аксиологический метод: при формировании толерантного отношения к другому человеку происходит одномоментное восприятие его как целостности и как фрагмента целостности. При этом целостное восприятие базируется на устойчивой системе отношений (ценностно-смысловом ядре толерантности), которая выступает в качестве «психологического фона» единой проявляющейся установки, предопределяющей готовность к появлению толерантности. В систему отношений входят безоценочность, признание, принятие, уважение, открытость. Именно благодаря базовой системе отношений как ценностно-смысловой основе толерантности «фрагментарное» восприятие другого человека, которое включает оценку, несогласие, отрицание, осуждение, будет трансформироваться в примирение, открытость, то есть в толерантное отношение. В этом случае формой проявления толерантности как раз и становится критический диалог. Если вместо указанной базовой системы отношений будут доминировать оценочность, неприятие, неуважение и т.п., то оценка, несогласие и осуждение логически завершатся интолерантностью как открыто проявляемой нетерпимостью. Антагонизм между субъектами межличностного общения — это точка, от которой процесс идет либо как толерантный, либо как интолерантный [280].

Все указанное делает аксиологический метод исследования толерантности, как общественной ценности и индивидуальной ценностной ориентации, оправданным и первичным. При этом аксиологический метод тесно соединен с акмеологическим подходом в исследовании толерантности. Это связано с тем фактором, что в общечеловеческом понимании ценности представляют собой рационально-чувственные регуляторы жизнедеятельности общества и индивида. Они зафиксированы в структуре нормативов культуры, в культурных универсалиях, и, вместе с тем, у конкретного человека они появляются, развиваются и формируются в процессе прохождения жизненного пути, в осуществлении выбора, в непрерывном самоопределении на основе осознания и переживания собственного опыта. Ценности не принимаются извне: они созидаются в процессе переживаний, кроме рациональных компонентов включают иррациональную составляющую, имеют прочную эмоциональную основу. Таким образом, одним из важнейших практических вопросов, связанных с целенаправленным формированием толерантности в межличностном общении, является вопрос о том, за счет каких условий эти ценности могут актуализироваться, занимать доминирующую позицию в иерархии ценностных ориентаций, превращаться в «вершинные» ценности человека. Одним из этих условий и становится качество зрелости личности, исследуемое в системе акмеологии. Поэтому, изучая явление толерантности, нельзя обойти его рассмотрение в рамках акмеологического метода исследования.

Акмеология (от греч. акме – высшая степень чего-либо) – научная отрасль, изучающая феноменологию, механизмы и закономерности формирования личности человека на уровне его зрелости, в том числе, в процессе достижения наиболее высокой степени данного развития. Акмеология исследует факторы и обстоятельства, в результате взаимодействия которых достигается высшая степень личностных достижений, независимо от области, будь то в профессии либо в субъективном личностном развитии. Высшая точка зрелого состояния личности (акме) – многомерная сущность, которая функционирует в

длительном этапе жизни человека и показывает, насколько он успешен. Категории, которыми оперирует акмеология, это – «совершенство», «самоорганизация», «самообразование», «самовоспитание», «самореализация», «самовыражение», «самоутверждение», «признание»... Главная категория акмеологии – «зрелость личности». Именно это качество является выражением процесса самореализации личности, что и отличает самодостаточного человека.

Со стороны внутренней организации зрелая личность характеризуется иерархичностью и целостностью. Во взаимодействии с предметным миром ее отличает активность и самостоятельность. В межличностном плане зрелость определяется по ее возможности содействовать личностному росту других людей. Зрелость личности содействует толерантному поведению. Иерархичность, под которой понимается подчинение низших уровней организации личности более высшим, вносит вклад в формирование толерантности тем, что задает человеку более высокие цели и личностные смыслы. Это дает ему возможность быть более самостоятельным в своих решениях. Активность зрелого человека, будучи одновременно антиподом и пассивности и реактивности, означает наличие активной жизненной позиции, сопричастность многим социальным процессам. Что касается содействия развитию личности других людей, то такая гуманистическая направленность перекрывает критерии толерантного поведения. Толерантное поведение предполагает всего лишь невмешательство в жизнь других людей. Таким образом, мы видим, что зрелая личность имеет большие преимущества для формирования и реализации толерантного поведения в отношении «иных» событий, явлений, людей. Исходя из этого, можно признать, что в рамках акмеологии толерантность в межличностном общении понимается как неотъемлемая характеристика, показатель зрелости личности, сферой чего является взаимодействие в рамках системы «человек – человек» [470, с. 51–55].

Использование потенциала теории познания для уяснения сути толерантности, ее достоверности, отношения к реальности предполагает гносеологический метод исследования. Данный метод способствует выявлению

групповых, личностных, государственно-национальных и общецивилизационных параметров толерантности. Категория «толерантность» в гносеологии воспринимается наряду с категориями «ненасилие», «неагрессивное мышление», «справедливость», «свобода», «уважение разнообразия», «равенство», «солидарность» и является одним из ключевых элементов понятийного аппарата концепции «культура мира».

К гносеологическому методу исследования толерантности примыкают изыскания, связанные с аспектом осознания истины. Так, многие исследователи отмечают в рамках гносеологического метода эпистемический аспект, заложенный в основе феномена толерантности, который заключается в осознании несовершенства собственных взглядов: если я знаю, что мое знание ограничено, значит, логически должен допустить возможность иного взгляда на обсуждаемый предмет. Толерантность в таком случае проявляется как допущение возможности.

В достаточном количестве исследований уделяется внимание такому аспекту феномена толерантности, как границы (или пределы). Толерантность не есть снисхождение к злу, она имеет пределы, определяемые духовным равновесием общества. Нравственные границы толерантности пролегают там, где она вступает во взаимосвязь с интолерантностью – крайним проявлением фанатизма [218, с. 122–126]. Гносеологический метод исследования феномена не только позволяет определить границы толерантности, на которые влияют исторические и политические традиции, а также позволяет избежать вневременных, биосоциальных и универсалистских интерпретаций, учитывать параметры изменения толерантности – под воздействием социальной динамики, уровня духовной зрелости общества.

Чрезвычайно важным является необходимость проследить динамику становления феномена толерантности, выявить специфику явления в культурно-историческом развитии. Исторический метод является общим для всех исследований. Своеобразный исторический подход предлагает исследователь Л. В. Скворцов, который устанавливает зависимость между

доминирующим в государстве в определенный исторический момент общественным сознанием и сложившимся типом толерантности. На основе этого исследования он выделяет несколько типов толерантности: скрытая толерантность на основе мифологического типа общественного сознания; культурная толерантность на основе секулярного типа общественного сознания (принятие этнических и религиозно-культурных особенностей, различий в социальных воззрениях); толерантность в сфере научной ментальности на основе научно-общественного сознания (когда могут быть представлены доводы *pro et contra*, при оценке доводов противника); личностно-ориентированная толерантность (связанная с постмодернистским типом общественного сознания) [385, с. 97–103].

Онтолого-историцистский метод использует М. Уолцер в своем исследовании, посвященном пяти режимам толерантности. Иногда к нему прибегают другие авторы, которые апеллируют к нелиберальным основаниям толерантности. М. Уолцер, понимая, что толерантность легче всего практиковать в условиях «четко обозначенных и общепризнанных отношений господства и подчинения», все же призывает стремиться к «взаимному уважению» [416, с. 65–69]. Постмодернизм с точки зрения М. Уолцера не просто вытесняет современность. А поскольку М. Уолцер приходит к выводу, что такое положение дел сегодня опровергает его же утверждение о том, что любое отношение из спектра «отстраненность–безразличие–стоицизм–любопытство–восторженность» может эффективно обеспечивать толерантность, он подчеркивает необходимость толерантности, «замешанной на некоторой комбинации любопытства и восторженности» [416, с. 74, 106–108].

Исторический метод изучения толерантности ведет к пониманию путей формирования. Однако толерантность в истории чаще всего имеет место в отношениях между отличающимися по общественно-политическим взглядам личностями, общественными движениями, субъектами международных отношений на международном, региональном, общенациональном и

межгрупповом уровнях. Все эти феномены являются предметом политологического знания. Следовательно, необходимо говорить о политологическом методе изучения толерантности.

Предметом политологического метода исследования феномена толерантности является политическая толерантность. Также в предмет политологического метода относительно толерантности входит нахождение консенсуса между переговорщиками, социальными общностями по несовпадающим вопросам, поиск политических союзников; дипломатия (особенно превентивные дипломатические действия); гибкая тактика в пред- и постконфликтных ситуациях. Политические аспекты толерантности проявляются в сфере социальной свободы и соблюдения прав человека, в обосновании политической позиции, в активной реализации политических убеждений, в идеях, в политическом плюрализме. Толерантность обнаруживается во всевозможных областях общественного сознания: персональном, коллективном, научном, повседневном, политическом, этническом, религиозном. Толерантность вынужденно вырабатывается у различных возрастных, социальных и демографических групп людей. При этом настоящая толерантность не отвергает различий и конструктивных противоречий, признает вероятность конфликтогенных обстоятельств, но, в сущности, будучи следствием допустимой конфликтности, воспрещает в действительности существующим в любом сообществе явлениям неравенства, соперничества и превалирования проявиться в насильственных формах. Толерантность осознается современным демократическим обществом в качестве основы, важнейшего элемента демократии, которая без определенной терпимости к антагонистическим убеждениям может быть изжита либо интолерантностью, либо безучастием. Свою концепцию толерантности в политике предложили мультикультуралисты (Майкл Сэндел, Чарльз Тейлор), считавшие, что нейтральность в политике невозможна: как бы люди ни старались, они никогда не смогут полностью устранить влияние своей обусловленности. Иррациональные приверженности человека значат для него

гораздо больше рациональных ценностей, поскольку влияют на него не по заключенным соглашениям, а в силу того, кем он является по своему происхождению [404, с. 203–213; 408]. Эти взгляды в основе своей опираются на концепцию социального либерализма Дж. С. Милля, считавшего, что признание за человеком равного права на счастье, «заключает в себе и признание того, что каждый имеет равное право на средства к достижению счастья». А поскольку интересы меньшинства находятся «в пренебрежении», политика негативной терпимости в его отношении будет недостаточной, мнение меньшинства имеет право на то, чтобы «быть поощряемым и поддерживаемым» [313, с. 188–189].

Одной из центральных и наиболее разработанных областей научного исследования феномена толерантности является ксенология как наука о чужом. Ксенологический метод исследования толерантности основан на различном отношении субъекта толерантности к иному (чужому). В связи с этим М. Уолцер выделяет пять типов возможных отношений, составляющих толерантность: 1) «отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира»; 2) «позиция пассивности, расслабленности, милостивого безразличия к различиям»; 3) «принципиальное признание того, что и «другие» обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь»; 4) «выражает открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться»; 5) разнообразное «восторженное одобрение различий» [416, с. 74, 106–110]. Подобные подходы приводят к рассуждениям о таких эмоциональных проявлениях толерантности, как эмпатия, сострадание. Действительно, сострадание и эмпатия выступают в качестве эмоциональной базы толерантности. Понятие эмпатии шире, чем понятие сострадания, поскольку «оно включает не только сочувствие в беде, но и сопереживание в радости», поскольку эмпатия – это способность к сопереживанию по всему эмоциональному спектру [5].

Ксенологический метод является плодотворным в том смысле, что феномен толерантности в рамках этого метода помогает преодолеть многие из тех нормативов, которые ограничивают поведение человека в традиционном обществе. Ксенологический подход к исследованию толерантности напрямую связан с мотивами поведенческой активности личности, что, в свою очередь, имеет огромное значение для целей и задач современного социокультурного пространства.

Для исследования феномена толерантности в рамках социокультурного пространства видится продуктивным изучение соотношения двух составляющих характеристики личности – уникальности и открытости. Проблема соотношения самобытности и открытости «иному» в самопонимании культурной идентичности в межличностном и во внутриличностном аспектах может быть решена путем анализа ценностного потенциала культурной традиции. Также большое значение будет иметь исследование социальных норм, что и является определяющим в процессе формирования личностных толерантных установок и представлений. Социокультурная составляющая общественного сознания во многом опирается на человеческую психологию. В системе человеческой психологии предлагается рассматривать толерантность как установку на понимание различий, где различие является условием диалога. Толерантность в таком случае – возможность понимание своей личности посредством «иного». Ценность установки на толерантность – в возможности работы над собой, в понимании различия не ради различия, а для возможности более широкого и глубинного понимания смысла личностного бытия. Смысл толерантности при осмыслении своей культурной идентичности – в стремлении человека преодолеть пределы ограниченного круга личностных представлений. Таким образом, толерантность начинает рассматриваться как способность к совместному диалогу, что рождается процессом самопознания и познания окружающего мира.

В этой связи продуктивным видится структурно-функциональный метод исследования феномена толерантности. Структурно-функциональный метод,

опираясь на исследования М. Жижиной, может быть предложен в качестве исследования толерантности как основы для построения модели социокультурной компетентности личности. Социокультурная компетентность рассматривается нами как интегральное социально-культурное и социально-психологическое свойство личности, обеспечивающее ее эффективное взаимодействие с культурной средой. Понятие «социокультурная компетентность» существенно шире, нежели понятия «культурная компетентность» или «социально-психологическая компетентность», и предполагает наличие у субъекта комплекса индивидуально-психологических и социальных качеств, в том числе различных культурных компетентностей, разнообразия интересов и т.д. [186]. Изучение феномена толерантности средствами структурно-функционального метода ведет к обозначению механизмов формирования социокультурной компетентности личности, необходимость чего обусловлена не только реалиями сегодняшнего времени – возрастает динамичность социокультурной жизни, требующая от личности постоянного включения в новые культурные практики, – но и обнаруживающим себя дефицитом адаптивных возможностей комфортного вхождения личности в меняющийся социум. В этих условиях эффективное социальное взаимодействие становится возможным лишь при наличии сформированных социокультурных характеристик, которые образуют такое интегральное свойство его личности, как социокультурная компетентность [186]. Качество толерантности как социокультурная характеристика личности в данном случае неопределимо, так как формирует активное отношение к культурной среде, внесение в нее изменений, личностную осознанность включения в эту среду. Исследование феномена толерантности средствами структурно-функционального метода определяет новые направления эмпирических исследований, результаты которых могут рассматриваться во взаимодополняющих аспектах: со стороны развивающейся и самообразующейся личности и со стороны тех социокультурных институтов, которые выполняют функцию социализации человека.

В системе изучения феномена толерантности применительно к социокультурной сфере современного общества возникает проблема исследования толерантности в контексте самопонимания культурной идентичности. Эта проблема рождает еще один метод исследования толерантности – культурно-идентификационный. Происходящие в мире процессы усложнения и интенсификации взаимодействия людей различных культур предполагают толерантность как системообразующую ценность социального бытия. Вместе с тем, актуализируется рассмотрение сущности толерантности, позволяющей найти меру сохранения «своего» при принятии «иного», и связанная с этим проблема границ толерантности. На внутриличностном уровне это оборачивается напряжением самопонимания самобытности, открытием личностной значимости социокультурных ценностей. В данном контексте ценность толерантности состоит не в поддержании различий ради различий, а в как основание возможности вести критический диалог с иными социокультурными формами [284, с. 3–16]. Диалогичная природа толерантности обращена не только к практикам межкультурного взаимодействия, но и к внутриличностным структурам. Поэтому толерантность можно рассматривать как существенную характеристику целостности человека, его идентичности, что, в частности, утверждает В. М. Золотухин [216].

Феномен толерантности характеризуется не только нравственно-нормативным, но и глубинным социально-позитивным содержанием. Исходя из этого, толерантность, безусловно, принадлежит к философским категориям, поскольку обозначает способ взаимоотношений, особенности сознания. Авторы социально-философского направления подчеркивают различные аспекты специфики толерантности. Эта специфика связана с тем, что необходимыми условиями актуализации толерантности являются: антагонизм в межличностном взаимодействии, отрицание, непринятие, негативные эмоции, оценочность, которая осмысливается многими как необходимый признак толерантности [280, с. 46–54].

Длительный путь осмысления категории толерантности не означает полного единодушия в ее понимании современной социальной философией. Тем не менее, современный украинский ученый О. Хома полагает, что «...толерантность с течением времени превратилась в один из ведущих политико-юридических и моральных принципов. Сейчас мы являемся свидетелями попыток приспособить ее к многокультурным сообществам, сформированным процессами глобализации, попыток, достаточно противоречивых и часто безуспешных» [448, с. 76–78]. По мнению ученого, толерантность XVII столетия, содержательно вполне соответствующая термину «веротерпимость», вряд ли актуальна в мультикультурных конфликтах XXI века. Межконфессиональная толерантность эпохи Нового времени базировалась на единой культурной традиции и довольно слабых религиозных различиях [448, с. 79–90]. В XXI веке локальная толерантность, по мнению О. Хома, выглядит весьма недостаточной, если не «тоталитарной». Меняется культурный ландшафт западных обществ. Поэтому требование культурной толерантности – это требование толерантности к иным культурным укладам, во многом несовместимым с укладами западных обществ [448, с. 79–90]. Важно отметить: по мнению О. Хома, толерантность никогда не сводится к реальности юридической, она безуспешна, если не произойдет в области моральной... Народы не разделяют на «лучшие» и «худшие», они имеют равный «природный» статус, их достоинство обеспечено равенством природы, поэтому любая дискриминация, основанная на нетерпимости, подвигает повеление этой природы [448, с. 90–91].

Социально-философский метод исследования толерантности применительно к социокультурному пространству трудно переоценить. Данный метод исследования приводит к выводу, что толерантность может быть сформирована в определенных общественных и социокультурных условиях определенными субъектами. Сферой проявления толерантности в социокультурной среде являются преимущественно социальные конфликты и противоречия, которые имеют свое начало в социально-культурных системах

различных обществ. Следовательно, изучение основ толерантности в рамках социально-философского подхода напрямую связано с вопросами формирования социокультурных концепций.

Развитие проблемы толерантности как философской категории в социальной философии имеет довольно долгую историю. Социально-философский метод рассмотрения толерантности уходит своими корнями в античность и связан с осмыслением «свое» – «чужое» в контексте диалектики единства человеческой природы и культурно-исторических отличий в ее проявлении [169, с. 7–14]. Подобная тенденция усиливается в средневековой христианской философии [1]. Далее толерантность исследуется как противопоставление гуманистических ценностей различным формам фанатизма и шовинизма, что присутствует на протяжении всей истории европейской философии. В частности, можно отметить трактат «О веротерпимости» Д. Локка, открывший ставшее классическим либеральное истолкование толерантности, а так же «К вечному миру» И. Канта, «Патриотизм или мир» Л. Н. Толстого и ряд других. В связи с этим можно предложить современное исследование толерантности методом противопоставления гуманистических ценностей различным формам фанатизма и шовинизма. Такое рассмотрение толерантности связывается с провозглашением ценности различий, в т.ч. и этнических, в контексте концепции мультикультурализма, в рамках которой и была принята Декларация принципов толерантности [159].

Разнообразие методологических подходов к изучению мультикультурализма толерантности свидетельствует о том, что данные явления действительно являются одним из самых сложных и многоаспектных феноменов современности. Подытоживая анализ методологических подходов и аспектов исследования феноменов мультикультурализма и толерантности, необходимо признать, что принципиальную основу методологии данной научной работы составили принципы объективности, историзма, единства теории и практики; неделимости исторического и логического, целостности системно-структурного и генетического подходов. Как первоочередные

использовались общенаучные методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция; метод восхождения от абстрактного к конкретному. Всеобщим для научных разработок явилось следование принципам синергетики. Характерными стали комплексные методы: сравнительно-сопоставительный анализ философской, культурологической, социально-педагогической и социально-психологической литературы, метод междисциплинарного анализа категорий, метод анализа логико-методологических оснований. Специфическими для исследования стали аксиологический, акмеологический, исторический, гносеологический, социально-философский, структурно-функциональный, ксенологический методы исследования. В качестве новаторского предложены культурно-идентификационный метод исследования феномена толерантности, а также исследование толерантности методом противопоставления гуманистических ценностей различным формам фанатизма и шовинизма.

Методологической базой научной работы стали также теоретико-концептуальные положения современного гуманитарного знания: теории глобализации (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма); самореализации и самоактуализации личности (А. Г. Асмолов, А. Маслоу, К. Роджерс и др.); концепции: социокультурного пространства (П. Бурдьё, Г. Зиммель, П. Сорокин); мультикультурализма и мультикультурных практик (Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Брислин, Э. Холл), толерантности и толерантных отношений (О. Грелл, И. Карли, Дж. Лаурсен, В. А. Лекторский, Р. Портер, Л. В. Скворцов, М. Уолцер); синергетических подходов к изучению социальных вопросов (Ризниченко Г. Ю.); идентичности (Г. Дилигенский, Ю. Красин, А. Панарин, И. Кононов, С. Дацюк); ценностей и ценностных ориентаций (Е. Боринштейн, А. Кавалеров, А. Резник, А. Ручка); влияния социальной среды на развитие личности (Л. С. Выготский, Дж. Дьюи, П. Ф. Каптерев, Ж-Ж. Руссо). А также – положения: о многомерности пространства развития личности (С. К. Бондырева, Б. С. Гершунский, В. Э. Штейнберг и др.); правах и обязанностях человека (Международная конвенция по правам человека,

Декларация принципов толерантности, Конституция Украины, Законы Украины и др.).

Многообразие подходов демонстрирует также значительную противоречивость исследуемых феноменов мультикультурализма и толерантности. Однако, несмотря на обилие точек зрения на указанные феномены, можно признать, что применительно к социокультурной сфере данные явления недостаточно исследованы. Речь идет о рассуждениях на стыке социально-философских, социально-педагогических и социально-психологических, социально-правовых подходов. Необходимым есть выяснение оснований толерантности как коммуникативного свойства личности, механизмов формирования толерантного поведения и вопросов толерантности в мультикультурно-правовом взаимодействии, а также расширение возможности использования толерантно-мультикультурного взаимодействия в рамках конфликтологии. В дальнейшие исследовательские задачи входит сопоставление установки на толерантность конкретной личности с базовыми константами всеобщей и индивидуальной культуры.

Современный многомерный, мультикультурный и многоконфессиональный мир реализует свои духовные и материальные потребности через многочисленные каналы, из которых наиболее существенным и убедительным в плане направленного воздействия является социокультурное пространство. Социокультурная сфера как ведущий общественный феномен самым активным образом реагирует на мировые тенденции глобализационного плана и влияет на международные, национально-государственные и региональные процессы посредством личностного самоосуществления индивида. В рамках функционирования в современном обществе парадигмы толерантности необходим мультикультурный подход к построению социокультурных концепций как основы конструирования нового качества культуры. Плодотворным также является компетентностный подход, фиксирующий те или иные инструменты измерения нового качества личности, необходимо пространство культурного диалога, в котором толерантное

поведение на уровне стереотипа будет «работать» в качестве привычного элемента социокультурного пространства.

Представленные данные подчеркивают, что функционирование мультикультурно-толерантной парадигмы определяется введением в социокультурную сферу отношения к человеку, как к ценности, в интегративном соединении его социокультурных характеристик. Проявление толерантно-мультикультурных взаимоотношений — это реализация модели поведения в социокультурном пространстве. Создание моделей мультикультурно-толерантного взаимодействия субъектов социокультурного пространства может быть заложено только в рамках новых, ориентированных в сторону глобализированного социокультурного пространства, социально-философских концепций. Несомненно, что осмысление этой проблематики и наработки по формированию мультикультурно-толерантной парадигмы для социокультурного пространства Украины представляет стратегически значимую цель.

2.2. Мультикультурализм и мораль в глобализированном общественном пространстве

Межкультурное взаимодействие и формирование глобализированных контактов, усиление применения информационных систем, рост миграционных потоков, потеря культурного единства общества вследствие появления новых субкультур привели современный мир к углублению культурного многообразия и, вследствие всего этого, к незаметному уходу монокультурных государств. Это обстоятельство привело к возникновению и осмыслению в научных кругах понятия о глобализированном общественном пространстве.

Общественным пространством всегда считалось физическое место в любом объекте, населенном людьми, где сосредоточена общественная жизнь его населения, где происходит коммуникация и собственно, совершается формирование сообщества. Процессы глобализации привели мировое научное знание к осмыслению и популяризации концепции глобализированного

общества, с точки зрения которой все люди нашей планеты являются гражданами единого глобализированного общественного пространства, которое состоит из множества локальных обществ отдельных стран мира. Исходя из этого, можно представить дефиницию глобализированного общественного пространства, которая заключается, по нашему мнению, в концепции физического существования, коммуникации и формирования на всей территории Земного шара глобализированного человеческого сообщества, объединяющего в своем составе все человечество, все территории, всех жителей Земли и общества всех стран мира. Само понятие глобализированного общества широко используется в научных кругах XX и XIX века в процессе осмысления такого явления как глобализация. Понятие глобализированного общественного пространства возникло в связи с новейшими социальными изменениями, когда вырабатываются новейшие теоретические концепции, позволяющие с инновационно-синергетических позиций оценить сложившуюся ситуацию в мире.

Одной из таких концепций является теория мультикультурализма, которая была предложена модерным гуманитарным знанием как путь к исследованию и оценке многокультурного состояния современного общества и обоснованию реального, а не условного уравнивания всех имеющихся культур. Однако в эпоху глобализированного общественного пространства теория мультикультурализма обретает парадигмальное место в осмыслении концепций мирового развития социума и культуры. Идея мультикультурализма возникает на европейском социально-политическом и социокультурном пространстве приблизительно в 50-е годы XX века и является первым проектом представления о Единой Европе. При этом отчетливое определение и истинное оформление в качестве феномена мультикультурализм приобретает во второй половине XX века. И происходит это в связи со становлением единого европейского политического сознания, осмысления различий культурных политик соседствующих государств (США и Канады, России и Украины, Чехии

и Словакии), обострения глобализированных общественных процессов и всемирного кризиса идентичности.

Согласно имеющимся научным подходам, мультикультурализм понимается в двух различных разновидностях: как политика и как социальная психология, что выражается в способе идентичности. Мультикультурализм как политика отмечает несколько взаимосвязанных между собой явлений: 1) наличие сообща живущих и взаимодействующих обществ, принадлежащих к разным культурам; 2) наличие субъекта (государства), которое стремится обеспечить равновесные права данных культур; 3) признание за совместными субъектами прав на культурное самоопределение, национальную систему образования и предпочтение языка общения. Мультикультурализм в качестве социальной психологии представляет собой разнородную идентичность, в которой сочетаны многообразные установки мышления, стандарты и отклонения.

Согласно исследованиям в социальной философии, мультикультурализм есть среднее звено между национализмом, интернационализмом и космополитизмом. Национализм – это политика, признающая у наций право на самоопределение на территории их проживания. Интернационализм – это политика сотрудничества наций, которые остаются на территориях своего проживания. Мультикультурализм понадобился для тех ситуаций, когда разные нации и этнические общности, иногда не обладающие своими государствами, проживают по соседству – в одном государстве или в соседних государствах [450, с. 73–100].

Мультикультурализм был средством перехода к космополитизму. В тот момент, когда вместо космополитизма западный мир начал предъявлять мотивации глобализма, понимаемого экономически, он перестал быть интересен другим цивилизациям. А культурный кризис, в результате которого обнаружился т.н. провал политики мультикультурализма, стал следствием общецивилизационного кризиса. В связи с этим современная социально-философская мысль полагает, что искать решение проблем культурного

характера на уровне культуры нельзя, его нужно искать на цивилизационном уровне [231, с. 87–95].

Можно согласиться с мнением М. Хомякова, что получивший свое определение в Канаде, мультикультурализм явился целостной политической философией, возникшей в новейшее время, политической идеологией, в очередной раз претендующей видоизменить мир, руководствуясь его новым осмыслением. Как всякая неоднозначная политическая философия, мультикультурализм имеет свои источники и составные части, выступает в роли комплексной оценки социальной действительности и вступает в самые неожиданные отношения с прочими политическими доктринами [450, с.73–100].

Российский ученый Г. Канарш подчеркивает, что особенность западного мышления (преимущественно англосаксонского) заключается в его аутистичности – особом психологическом свойстве, предполагающем некоторую оторванность от действительности, понятную в связи с особенностями мироощущения замкнуто-углубленных людей. Это идеалистическое мироощущение, противоположное материалистическому и родственное мироощущению многих жителей стран Дальнего Востока, но, в отличие от дальневосточной аутистичности, проникнутое рациональным началом. Как и на Востоке, здесь присутствует прагматизм, но и эта практичность имеет на Западе специфический рационалистический оттенок [231, с. 87–95]. Начиная с середины 1990-х годов характерные западные ментальные особенности, проявляющие себя в указанных свойствах (рационализм, прагматизм, утилитаризм), более или менее успешно реализуют себя уже в отношении новой социальной ситуации – состояния культурного многообразия современных обществ. Поэтому, можно согласиться с точкой зрения, что мультикультурализм как политику и идеологию западного общества можно рассматривать как особого рода идеалистически-прагматическую (характерную для Запада) концепцию социальной жизни,

пришедшую на смену концепции гражданской нации, возникшей в эпоху Нового времени [231, с. 87–89].

В литературе, посвященной мультикультурализму, как правило, отмечаются два основных фактора, сформировавших настоящую политическую и социокультурную ситуацию. Первый фактор – это демократические движения 1960–1970-х годов, включавшие борьбу меньшинств (этнических, религиозных, сексуальных) и женщин за свои права. В частности, эта борьба велась за преодоление расовой (например, в отношении негров в США) и гендерной (подчиненное положение женщины) непропорциональности, искоренение существующих в западном обществе социальных неравенств. Второй и, может быть, наиболее существенный фактор – это «беспрецедентные» миграционные потоки, усиление которых приходится примерно на время 1960–1970-х годов. Стремление мигрантов из стран Азии, Северной Африки и Ближнего Востока улучшить собственное социальное положение совпало с потребностью развитых стран в дешевой рабочей силе, а также с желанием этих государств улучшить свою демографическую ситуацию. В результате этих процессов доля мигрантов (легальных и нелегальных) в общем составе населения цивилизованных стран Запада увеличилась в несколько раз и сегодня составляет от 5 до 20% населения в разных государствах. В этих условиях Запад был вынужден реагировать на сложившуюся ситуацию, получившую в научной литературе название ситуации культурного плюрализма [231, с. 87–92].

Таким образом, наиболее очевидным источником мультикультурализма как общественного явления и как социальной политики, является т.н. «мультикультурный вопрос». Эта проблема возникла вследствие самого хода развития, она связана с глобализационными тенденциями современного мира, к которым можно отнести усиление миграционных потоков, возникновение новых национальных, культурных, религиозных, сексуальных и прочих меньшинств, столкновение ценностно-нормативных систем. Все это привело общественное сознание к мысли о том, что существует многослойный

плюрализм современного мира, являющий себя как плюрализм ценностей, плюрализм образов жизни, плюрализм религий и плюрализм культур. Это – проблема идентичности и различий, которая, конечно, сама по себе еще не была способна породить мультикультурализм как нормативную политическую философию [452].

Однако помимо социальных факторов, в появлении мультикультурализма существует также фактор, связанный с направлением развития общественной мысли. Этот фактор – коммунитаризм конца XX века, который можно назвать собственно философским источником мультикультурализма, одновременно как социального явления и как философской категории. Философский коммунитаризм возник как направление, полагающее, что общины формируют личность, в отличие от либеральной философии, представляющей общины как ассоциацию личностей. Коммунитаристы критиковали мнение либералов о том, что личность может быть осмыслена изолированно от социума. В ответ коммунитаристы выдвинули концепцию индивида, отметив роль общества в формировании ценностной сферы и моральных предпочтений всякого человека. «Социальный тезис» коммунитаризма состоял в утверждении вовлеченности индивида в исторический и культурный процесс, его зависимости от сообщества, то есть в предложении концепции личности, названной Майклом Санделом личностью «включенной» [510, с. 45–68].

В этом смысле можно согласиться, что связь коммунитаризма с мультикультурализмом очевидна. В самом деле, если индивид является социально обусловленным, справедливое к нему отношение требует учитывать и его идентичность, то есть отличие его самопонимания от понимания себя членами других групп. Следовательно, по выражению Тэйлора, «слепой к различиям» либерализм, предлагающий всем группам в обществе жить по общим для всех законам и нормам, признающий одинаковые, общие для всех права индивидов, и тем самым не учитывающий особенностей понимания своей индивидуальности членами различных групп, является попросту несправедливым [453].

Между тем, если самая рациональность культурна, если человек от культуры зависим, нейтральность невозможна и представляет собой лишь маскировку господства доминирующей культуры большинства. Утверждение ценностей культуры большинства, однако, требует защиты культуры меньшинств, а потому справедливое отношение к другим, согласно перфекционизму, влечет за собой защиту мультикультурной политической программы. При этом имеется в виду и либертариистский вариант понимания государства как «сообщества сообществ» с минимальными регулятивными функциями, отрицающий возможность вмешательства во внутренние дела той или иной культурной группы [499, с. 28–56].

Вопросы, которые ставит перед социальной философией актуализация групповых различий, кажутся проблематичными для традиционных способов их решения. К таким проблемам относятся вопросы гражданства и построения нации, вопросы солидарности и возможности отыскания единых универсальных (то есть независимых от самих групповых идентичностей) ценностно-нормативных рамок, в которых солидарность может получить адекватное обоснование и т.д. Данная ситуация порождает серьезную проблему: каким образом в условиях этнической, культурной и религиозной разнородности можно сохранить моральное единство, а следовательно, и стабильность современных обществ. Можно согласиться с мнением исследователя А. Прокофьева, что наличие данной проблемы и поиск ее решения отражают современные, существующие в ряде стран уже с 60–70-х годов прошлого века практические применения теории мультикультурализма, а также нынешняя теория межкультурной справедливости, возникшая на Западе в конце прошлого – начале нынешнего столетия [358, с. 216–237].

Из всего этого следует, что теория межкультурной справедливости тесно увязана с моральными проблемами общества и неминуемо приводит осмысление вопросов, связанных с мультикультурализмом, к современному представлению о морали. В 70-е годы XX века стержневая дискуссия относительно морали разворачивалась вокруг представления о социальной, или

распределительной, справедливости. В 80-е годы прошлого столетия наиболее существенной для западных исследователей стала проблема соотношения права и блага в политическом применении (т.н. спор либералов и коммунитаристов). Конец XX и начало XXI столетия отмечены оживленной полемикой о согласованности мультикультурализма и концепции межкультурной справедливости. Такой поворот размышлений современных ученых не случаен. Вопрос о морали и нравственности в глобализированном мире тесно связан с высокой степенью социальной мобильности, увеличением межкультурных контактов, беспрецедентным ростом и разветвленностью миграционных потоков. В результате этого большинство современных обществ перестали быть однотипными в этнокультурном отношении и охватывают теперь, помимо титульной нации, множество представителей различных культур и народов. Российский исследователь В. С. Малахов пишет об этом так: «Вплоть до середины XX в. государства, построенные на идеалах либеральной демократии, придерживались общей стратегии нациостроительства, а именно: проводили форсированную ассимиляцию культурных меньшинств... Несмотря на существенные различия между «национальными государствами» Старого Света и «иммиграционными странами» Западного полушария, для либеральных демократий этого периода была характерна ориентация на традиционный идеал нации как сплоченного сообщества. И здесь и там культурные различия рассматривались как в принципе преодолимые... Приблизительно со второй половины 60-х годов ассимиляторская стратегия начинает подвергаться ревизии. В течение двух последовавших за 60-ми годами десятилетий различные государства демократического мира приходят к той или иной форме признания культурного многообразия. Они перестают считать культурную неоднородность тем, что подлежит преодолению или устранению» [320, с. 48–251].

Отсюда, возникают единые универсальные стандарты морали, вытекающие из единых универсальных законов рассудка. Рассудок определяет то, что честно, а что нет, и такое суждение о справедливости, в свой черед,

видоизменяет такое качество, как толерантность. В результате всеобщую концепцию справедливости для современного плюралистического мира сформировать окончательно невозможно. Следовательно, напряженность, имеющаяся во взаимоотношениях между представителями разнообразных культур, возникает внутри понятия о морали и требует глубокого философского осмысления и, вследствие этого, появления новейших философских взглядов, концепций, проектов, позволяющих аргументировать и прогнозировать перспективы общественного развития в условиях нынешних мультикультурных реалий. В этом отношении представляет интерес философский проект Юргена Хабермаса, одного из выдающихся представителей постмодерной философской мысли, много лет занимающегося вопросами теории и практики мультикультурализма.

Современное общество, по мнению ученого, представляет собой конгломерат всевозможных групп, вынужденных существовать совместно. Ю.Хабермас полагает, что в подобной мультикультурной среде соединяющую функцию надлежит реализовать коммуникации. Осмысляя диалог культур в глобализированной среде, Ю. Хабермас включает в классический философский проект категорию коммуникации, в которой он связывает рациональность, этику и свободу. Один из ключевых тезисов Ю. Хабермаса состоит в том, что между разумом и бытием существуют посредники – это деятельность и язык. Ученый усматривает возможность в решении социальных проблем в своей теории коммуникативного действия, на основе чего он стремится связать истинность и моральную значимость, справедливость и солидарность [114, с. 21–26].

Моральные императивы должны приобретать убедительное обоснование, по Ю. Хабермасу. Мыслитель понимает мораль как языковую игру, которая осуществляет функцию взаимоотношений независимых индивидов на основе интересубъективных норм и правил. Ученый предлагает искать эффективные формы интеграции социума не в мыслимом природном субстрате нации, а в сфере социальной воли и коллективной коммуникации [440, с. 40–52].

Перевод проблемы «иногo» в круг социального, по представлению исследователя, обнаруживает возможность практического решения. Сущность его заключается в реалистическом признании такого «иногo», что пребывает и функционирует в среде современного мультикультурного общества, а не является измышлением ученых. В силу этого «иное» уже постигает общий для всех язык, разделяет совместные установки и соглашается с отдельными ценностями. По мысли исследователя, отдельный «иной» может не стать безусловным скептиком или негодяем, если его не третировать, например, сокращая его социальные права, заработок или заставляя размышлять и существовать так, как это делают представители основной нации [439, с. 40–52].

В процессе основания теории коммуникативного действия Ю. Хабермас разрабатывает теорию этики дискурса, которая в концепции коммуникативной рациональности является одним из центральных принципов. Этика дискурса зиждется на двух предположениях. Первое – нормативные требования моральной справедливости в то же время являются и требованиями истинности. Второе – моральные нормы и предписания должны пройти через обсуждение в подлинной дискуссии. Ю. Хабермас настаивает на том, что такой важнейший принцип морали, как справедливость, может быть эксплицирован только посредством необходимых оснований практической аргументации. Моральные же принципы и нормы могут и должны свободно обсуждаться членами мультикультурного сообщества. В этой открытости пространства дискурса и заключается, по представлению Ю. Хабермаса, социальная справедливость.

Этика дискурса, по мнению Ю. Хабермаса, соответствует тому, чтобы соединить моральные интуиции, которые характерны для сегодняшнего объединенного общества и кажутся несовместимыми в первичном рассмотрении. Мораль, защищающая внутренний мир человека, должна выполнять двойную задачу: во-первых, она призывает к равному возвышению достоинства каждого, во-вторых, защищает взаимное признание, посредством которого индивиды получают свою совместную идентичность. Эти два аспекта,

по мнению мыслителя, отвечают принципам справедливости и солидарности: справедливость призывает к равноправной заинтересованности и равным правам для отдельного человека, а принцип солидарности заявляет о необходимости заботы о существующем рядом человеке. Мораль в контексте этики дискурса призвана защитить личность. А поскольку личность индивидуирована только в рамках принадлежности к сообществу, то мораль не в состоянии защитить одного индивида, игнорируя иных. Права человека, таким образом, невозможны вне благополучия сообщества. Таким образом, ученый приходит к выводу о том, что в предложенной им модели социальности достигается согласие солидарности и справедливости [441, с. 38–45].

В контексте рассуждений о мультикультурализме Ю. Хабермас предлагает свое представление о консенсусе. Впервые введенный Дж. Ролзом, консенсус носит название – «перекрывающийся консенсус». Он содержит понятие о том, что в мультикультурном обществе граждане, независимо от их этнического и религиозного происхождения, не должны отказываться от своих культурных традиций и убеждений. Одновременно в общественной жизни они должны приходить к единому мнению, несмотря на различия суждений в их частной жизни [440, с. 38–52]. Однако, по мнению Хабермаса, эта идея Дж. Ролза, при всей ее либеральности, является непоследовательной, поскольку индивиды должны идти на компромисс, отречься от своих идеалов и достигать соглашения с мнениями других сограждан только для достижения коллективного консенсуса [439, с. 107, 169, 170]. То есть «перекрывающийся консенсус» Дж. Ролза – это формальная гармония между индивидами. Это мирные отношения, основанные на индифферентности по отношению к таким важнейшим, по мнению Хабермаса, субстанциям, как добро, истина, долг.

Ю. Хабермас, в свою очередь, предлагает иную форму консенсуса, которая пока не имеет места, но необходимо должна быть реализована. Ю. Хабермас считает, что самым значительным является социальный консенсус, который должен лежать в основе закона. Индивидуальное, личное не может быть реализовано вне общественного. Таким образом, Ю. Хабермас представляет

консенсус, реализация которого возможна в длительном общественном обсуждении, и целью которого является социальная справедливость посредством основания рациональной универсальности правового фундамента общества [439, с. 170].

В контексте мультикультурной философии Ю. Хабермаса возможно также достижение равновесия между коммунитаристской и либеральной философскими тенденциями. Признание того факта, что человеческое сообщество состоит из отдельных личностей, желающих свободно избирать для себя образ жизни, поднимает вопросы о взаимосвязи мультикультурных отношений и возникающих при этом межличностных несогласованностей. Эти вопросы увязываются с проблемами существования человека, что в современной социальной философии приобретает новое прочтение. Действительно, в результате произошедших социокультурных изменений необходимо отметить необходимость создания новой парадигмы человеческого существования. В связи с этим можно обратиться к исследованиям А. Франца, который считал, что назревает необходимость поиска концептологических основ новой науки о формировании личности. Это диктует обращение к философским системам, апеллирующим к морально-мировоззренческим основаниям личностного развития [433, с. 165].

Возникающее в период глобализационных изменений представление о формировании моральных оснований бытия предлагает своей целью формирование моральной личности – способной в ситуации соединения множества культур гуманно и толерантно относиться к людям, но не из страха, а из любви и открытости. В рамках поиска путей к пониманию, как воспитать личность с выраженными принципами морали, имеется возможность обратиться к методологическим возможностям метаантропологии. Метаантропология как учение о пределах бытия человека, его экзистенциальных измерениях, условиях коммуникации в этих измерениях и архетипических основах культуры, появляется в поздних работах М. Шелера в контексте осознания возможностей трансцендирования человека за «пределы

жизни» – в духовное пространство, в котором человеческое соединяется с трансцендентным [467]. Независимо от М. Шелера понятие «метаантропология» было предложено американским философом и культурологом Д. Бидни, который трактует метаантропологию как теорию, которая изучает природу человека [312, с. 76–81].

В современной философской и социально-философской науке метаантропология разрабатывается как теория обыденного, предельного и запредельного бытия человека, а также тенденций эволюции человека и человечества [443]. Обыденное бытие человека создается волей к самосохранению и продлению рода, предельное – волей к власти, а также волей к познанию и творчеству, запредельное – волей к любви и свободе в их единстве. Обыденное бытие человека – это бытие в относительной гармонии, предельное бытие – это отрицание гармонии обыденности, запредельное бытие – восстановление гармонии на основании свободы личности. Обыденному, предельному и запредельному бытию человека соответствует обыденное, личностное и философское мировоззрение [437].

В связи с этим можно предположить, что моральной личностью может быть только человек запредельного бытия, у которого нравственные качества являются внутренними и осознанными. По-настоящему моральная личность обретает философское мировоззрение – целостное и системное, которое отражает запредельное бытие человека и, одновременно, определяет его. Этот факторобуславливает и логику морального воспитания: от обыденного через предельное к запредельному, от формирования свободного мировоззрения – к свободно мыслящей личности с философским мировоззрением. Можно согласиться с мнением, что только такая личность способна ответить на вызовы мультикультурного мира, быть толерантной и открытой, не утрачивая при всем этом своей идентичности. Так возникает определение моральной личности эпохи глобализации – это личность, обладающая философским мировоззрением, свободным мышлением, способная ответить на вызовы

мультикультурного мира, быть толерантной и открытой, не утрачивая при всем этом своей идентичности.

Процесс формирования морально-мировоззренческих оснований личности возможен не только в рамках знания различных национальных и цивилизационных типов культур, но и обоснования значимости этих типов культур для каждого человека, принятия равноправности культур и их взаимозависимости. Кроме того, необходимо учитывать, что помимо собственно особенностей культур как цивилизационных данностей, существуют т.н. типы нравственных культур, и в чистом виде ни один из типов нравственной культуры в обществе не встречается. Так, под традиционной нравственной культурой понимается «один из идеальных образов нравственной культуры, сформированный в общественном сознании в условиях необходимости выживания человечества на первоначальных этапах его формирования и развития» [433, с. 165]. К ней можно отнести следующие нравственные нормы и принципы: требование «быть как все», милосердие, ответственность, сочувствие, сострадание, послушание.

Под гедонистической (аристократической) нравственной культурой понимается «один из идеальных образов нравственной культуры, в основу которого положен принцип познания и преобразования мира посредством созидательных интеллектуально-творческих занятий» [433, с. 161]. К данному типу культуры можно отнести: ценность собственной индивидуальности, способность восхищаться индивидуальностью собеседника, получение удовольствия от интеллектуальной деятельности, берегающее отношение к жизни и достоинству любого человека, такт, веру в человеческие возможности.

Под прагматической нравственной культурой понимается «один из идеальных образов нравственной культуры, сложившийся на основе системы нравственных ценностей, оптимальных для организационно-предпринимательской деятельности» [433, с. 164]. Значимые принципы и нормы поведения: бережное отношение к чужому и своему времени, недопустимость чувств обиды, берегающее отношение к чужому и своему

здоровью, сохранение высокой трудоспособности, воспитание в себе навыков самообладания, умение мобилизовать себя в трудных ситуациях, умение быть предусмотрительным, способность достигать компромиссов.

Под нигилистической нравственной культурой понимается «один из идеальных образов нравственной культуры, сложившийся на основе стремления культурной группы к уничтожению всех явлений, содержащих в себе какие-либо элементы зла». Формы проявления нигилизма – достижение целей любыми средствами, культ подавления, неблагодарность, раздражительность, привычка возмущаться, нетерпимость к чужому мнению, если оно не совпадает с личным, бескомпромиссность [433, с. 165].

Под модернистской нравственной культурой обозначают новое, современное миропонимание, которое зародилось в конце XIX века и связано с глобальным кризисом европейской культуры. Эту разновидность моральных подходов отличает субъективность миропонимания. Идейной платформой новых модернистских форм нравственности стала философия Ницше, психоанализ Фрейда и Юнга, экзистенциализм Хайдеггера и Ясперса. Смысл данной философии заключается в том, что в мире нет, и не может быть никакой надежды, человек должен осознать, что он живет только сегодня, и никакого будущего у него нет. И если оно и будет, то не у него, а у тех, кто придет за ним, но для них это уже не будущее, а настоящее, поэтому надо жить в настоящем, жить настоящим и действовать в настоящем. Значимые принципы и нормы поведения: смотреть на мир открытыми глазами не в смирении и не покорении судьбе, жить согласно тем нормам поведения и поступкам, которые соответствуют личному душевному устройству, не создавая дискомфорта с самим собой. В основах морали модернисты исходили из установки о неразрешимости противоречий современной эпохи и в конечном итоге пришли к отрицанию духовно-нравственных истин.

Постмодернистская нравственная культура – социокультурный моральный переворот, который произошел в Европе в 60-70 годы прошлого века. Возникший как антитеза модернизму, открытому для понимания лишь

немногим, постмодернизм нивелировал расстояние между массовым и элитарным потребителем, низводя элиту в массы, что проявилось в понятии гламура. Это не нравственный стиль, это следование известным образцам, но в манере намеренного нонсенса, и главная характерная его черта – эклектика. Мораль постмодернизма – это реакция на потребительское общество, попытка привнести в безыдейное общество модерна новую сверхидею. Это также форма эстетического бунтарства, озвученная идеей новой сексуальной революции, что породило новую чувственность и новые нравственные основы в отношении к ней. Нравственность обществ постмодерна, на наш взгляд, можно реконструировать как самостоятельную систему со специфическим способом регуляции и нормативно-ценностной структурой. Несомненно, что отличия нравственности постмодерна от предыдущих систем нравственности связаны с формированием новых субъектов морали, а значит – нового типа моральной регуляции, что приводит и к изменению нормативно-ценностной структуры морального сознания. Можно отметить, что в целом общая ценностная ориентация постмодерна характеризуется как постматериализм. По нашему мнению, современная цивилизация в рамках нравственной культуры постмодерна дала целым поколениям такое чувство безопасности, которое позволило им ценить не количество материальных благ, а качество жизни, самореализацию и чувство идентичности в ситуации совместного функционирования множества культур и культурных проявлений. В результате этого, как мы считаем, переход к постиндустриальному мироустройству вновь выводит духовные ценности на первый план. Хотя постмодернистская мораль не может претендовать на широкую популярность, поскольку она возникла как элитарная, тем не менее, хочется подчеркнуть, что постмодерн стал тем этапом в развитии культуры XX века, который соединил эпоху XX века с вечными истинами.

Моральная культура носит оберегающий характер для общества и отдельного человека от саморазрушения. Обращение к теории мультикультурализма в процессе формирования основ морали способствует

самопознанию и самореализации личности, взаимопониманию между обладателями различных культур, предупреждению возможных межнациональных конфликтов, установлению сотрудничества и повышению эффективности избранного вида деятельности. В соответствии с парадигмой мультикультурализма, познание культурных различий есть условие справедливости, а общество сильнее тогда, когда все люди в нем принимаются такими, какие они есть. Парадокс же мультикультурализма возникает вследствие несоответствия теоретических постулатов и практических реалий их реализации. Иными словами, он проявляется тогда, когда возвышение национальных меньшинств (их культуры, образа жизни и т.д.) достигает той точки, в которой оно начинает противоречить основным принципам мультикультурализма – открытости и толерантности. Причины, которые создают условия для толерантного отношения к другим народностям, приводят к тому, что в обществе появляются определенные моральные «табу», которые ограничивают его большинство в проявлении своей собственной идентичности. Всевозможные дискуссии между представителями различных народов и религиозных конфессий не приветствуются, хотя диалог между культурами является сутью мультикультурализма. Именно поэтому важна толерантность: не потому, что она приближает к истине, а потому, что ее отсутствие, выражающееся в наложении на разум внешних ограничений, подрывает условия функционирования разума. Толерантность в мультикультурном обществе, таким образом, становится важной либеральной ценностью, и состоит в признании, что «закон не должен регулировать поведение до тех пор, пока оно не нарушает границ, проведенных либеральным государством с целью защиты индивидов» [490, с. 131]. Тем самым границы толерантности четко определяются концепцией справедливости в рамках морали. Отсутствие же толерантности, по нашему мнению, ведет к так называемому «культурному империализму», который практически выражается в иерархии и ранжировании культур, что совместимо лишь с цивилизационным дискурсом политического империализма.

В связи со всем этим представляется возможным обратиться к вопросу о европейской идентичности. На наш взгляд, в ее основе мультикультурализм как концепция, предполагающая сосуществование «инаковостей», выглядит неоднозначно. Европейский союз представляет собой содружество государств, которых объединяют такие фундаментальные социальные и моральные ценности, как демократия, уважение прав и свобод человека, свобода слова, невмешательство в личную жизнь и т.п. Все это критерии европейскости, которым мультикультурализм, по сути, противоречит. В октябре 2010 г. канцлер Германии А. Меркель заявила о том, что мультикультурный проект в Германии «потерпел полный крах» [311]. Это заявление стало отражением общих настроений в переживающем кризис Евросоюзе, однако его исключительная значимость обусловлена тем, что такое заявление было сделано лидером Германии, политики которой, начиная со второй половины XX века, избегали острых высказываний в адрес других народов. В начале 2011 г. с мнением А. Меркель согласились премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и президент Франции Н. Саркози. Действительно, неудачи мультикультурализма в Европе почти всегда объяснялись неспособностью мигрантов интегрироваться в жизнь принимающей страны. В большей степени это связано с социальными моментами: языковым барьером, безработицей, злоупотреблениями социальными гарантиями, образом жизни вновь прибывших и т.д. И все же европейские лидеры говорят, прежде всего, не об отрицательных чертах, а о противоречивости мультикультурализма, которую можно охарактеризовать как своеобразный парадокс [379].

Можем подчеркнуть, что вопрос о функционировании мультикультурализма как социального явления, как проводимой политики и как философской проблемы в современном мире является наиболее противоречивым. Ряд экспертов, в частности, украинский философ С. Дацюк считают, что у политики мультикультурализма нет будущего. И чтобы появилась новая политика, нужна принципиально новая философия. В связи с вопросом о культуре и мультикультурности в Украине философ признает,

что... «лишь решая общечеловеческие проблемы на цивилизационном уровне, можно создать мощную нацию. Подлинное развитие находится на цивилизационном уровне – на уровне системы моральных, мировых мотиваций» [155].

В целом, в научном мире существует мнение, что Украина может служить наглядным примером удавшегося этно-стабильного государства для стран Европы, раздираемых этно-культурными и религиозными противоречиями. Так считал в 2012 году учредитель Института прав человека и предотвращения экстремизма и ксенофобии (IHRPEX), народный депутат Украины А. Фельдман. «Взвешенная этнонациональная политика украинского государства является серьезным достижением, поскольку отсутствие столкновений на этнической и религиозной почве создает основу внутренней социальной стабильности государства. К счастью, в нашем государстве мирное сосуществование множества этнических сообществ и религиозных общин стало естественным выбором развития, подкрепленным постоянным диалогом с властью», – сказал Фельдман [427]. По мнению учредителя IHRPEX, политика мультикультурализма может быть весьма эффективной и миротворческой, несмотря на заявления канцлера Германии Ангелы Меркель о том, что этот курс потерпел поражение в европейских странах. «Мировая политика отличается непостоянством: то производятся попытки всех унифицировать путем курса на глобализацию, то осуществляется поворот к культивированию многообразия через мультикультурализм. И выводы о неэффективности того или иного курса делаются на основании «быстрых» результатов, которые в данном пространственно-социальном срезе просто невозможны [427].

О чем же говорит отказ от политики мультикультурализма в Европе? Есть ли у политики мультикультурализма будущее? Сложность этого вопроса – в фундаментальных основаниях постмодернизма, по мнению С. Дацюка. Как нельзя отказаться от парадигмы постмодерна, так и невозможно вместо политики мультикультурализма поспешно предложить новую культурную политику. Выход прогнозируется в поисках альтернативы

мультикультурализму как философской проблеме. Одна из предложенных альтернатив – создание новой дисциплины – цивилизационной антропологии, где применен подход конструктивного моделирования для понимания создания, развития, упадка, разрушения и возрождения цивилизаций [154].

Таким образом, передовое социально-философское знание сегодня пытается показать социально-психологические и даже социально-антропологические основания новой многоаспектной структуры идентичности, которая возникает в сложных психиках многих современных людей. Эта новая сложная идентичность соответствует той новой рамке межцивилизационной проблемы, с которой в настоящее время столкнулось человечество. Можно согласиться с тем, что это уже не мультикультурные подходы, а вопросы мультицивилизационности.

В рассуждениях о культурной политике следует обратиться также к подходу С. Хантингтона, который основан на тезисе о невозможности решения проблем цивилизации, основанных на системе мотиваций. По мнению ученого, в тот самый момент, когда западный потребительский мир прекратил строить единый цивилизационный проект для всей планеты и отказался от попытки создать единую систему мотиваций на уровне новых трансценденций, сведя ее к либерально-демократическим догмам и технологическому прогрессу, вот тогда и возник так называемый провал мультикультурализма [446].

На основании точек зрения современных ученых относительно мультикультурализма и его последствий следует признать, что государственная политика, которая способствует разделению общества на группы, в настоящем мультикультурном мире выглядит, по меньшей мере, странно. В мире, потерявшем запрос на мультикультурализм, прогнозируется усиление национализма. В этой связи новеллой видится тезис о том, что именно из национальных тупиков возникнет принципиально новый фрагментированный мир [155].

В связи со всем этим мультикультурализм может и, по-видимому, должен рассматриваться не только как новая мультикультурная идеология, основными принципами которой, как известно, являются:

- позитивное отношение к этнокультурным различиям. Признание того факта, что культурное многообразие обогащает общество, делает его более жизнеспособным;
- право на культурное отличие, когда все члены и группы сообщества имеют право на сохранение и поддержание своих культурных особенностей;
- культурная равноценность и взаимная толерантность;
- иерархически структурированная двойная (множественная) идентичность, при которой каждый индивид по своему выбору может одновременно быть частью нескольких множеств, что делает их пересекающимися;
- единство во множественности, где культурная автономия групп признается в той мере, в какой она не противоречит общим базисным ценностям большинства, с которыми идентифицирует себя государство (селективное сохранение культур);
- идентификация индивида с той или иной этнокультурной группой формирует у него устойчивое самосознание, содействует его психологической защищенности, тем самым создавая предпосылки для открытости индивида по отношению к другим этнокультурным группам и воспитания в нем терпимости;
- право на равные шансы, когда культурные различия дополняются принципом недискриминации и равенства в социальной сфере;
- политическая управляемость, поскольку мультикультурализм не есть саморазвивающийся феномен, для его формирования и развития необходима политическая воля и поддержка [257].

Выстраивание грамотного коммуникативного процесса в рамках новейшей социальной философии, на фоне видоизменяющегося, но непрекращающегося

экономического кризиса, корпоратизации мира и изменения роли социальных государств порождает новое восприятие мультикультурализма. На наш взгляд, осмысляемый вместе с вопросами современных моральных допущений, мультикультурализм в имеющихся условиях предстает не только как социально-философский феномен, но как социально-философская категория эпохи глобализации, новейшее понятие, обусловленное процессами глобализационного развития, постмодерным феноменом отчуждения личности, становлением новейшей морали. В этой связи базовыми принципами мультикультурализма, как социально-философской категории, порожденной эпохой глобализации, усматриваются следующие:

1) утверждение концепции многополюсной структуры мира путем формирования отправных культурно-политических центров, состоящих из группы государств. Это сделает невозможной геополитическую однополярность мира, позволит сбалансировать интеграционные процессы, сохранить социокультурную оригинальность локальных цивилизаций;

2) отказ от выстраивания в иную культуру. Признание того, что каждая культура ценна уникальным цивилизационным развитием;

3) формирование процессов межкультурной коммуникации на основе диалога либо полилога культур как возможностей интерпретации культурной вариативности;

4) становление развития национальной культуры по законам самовоспроизводства на собственной ценностной основе, осознанное непринятие чужих ценностей, чуждого образа и стиля жизни;

5) толерантность по отношению к «иному»;

6) неэтноцентрированная культурная идентичность, понимаемая как способ адекватного реагирования на возможность культурного нивелирования.

Из приведенных принципов следует, что основанием прогресса человечества в мультикультурном глобализованном мире являются подходы, напрямую увязанные с трансформацией форм общественной культуры, с предельными основаниями цивилизации и системами формирования личности:

- с моралью – общепринятыми традициями, негласными правилами, принятыми в обществе;

- с мотивациями – трансцендентными пределами желаний;

- с целями – идеальными представлениями, стремлениями к результату;

- с мечтами – влечениями, воображаемыми устремлениями личности;

- с научно-образовательной политикой – созданием программ, проектов, стратегий в области развития науки и образования;

- с правом – определением концептуальных позиций правоведов и предположительных результатов деятельности социокультурного пространства в системе мультикультурного общества.

При этом отношение к мультикультурализации глобализированного общественного пространства как к источнику морального упорядочения социума становится шагом на пути к серьезной дискуссии о том, какими средствами в современном социокультурном пространстве, состоящем из конгломерата множества культур, прийти к совместному взаимопониманию.

2.3. Мультикультурная толерантность в свете глобализации как фактор разрешения противоречий современного мира

Изучение проблем мультикультурализма средствами социально-философского знания становится все более актуальным в современном научном сообществе. Это связано с тем, что соединение разных культур в одном пространстве может породить не синтез, а конфликт между культурами, так как часто становится невозможным удержать границы толерантности по отношению к носителям чуждой культуры. Стремление к исследованию мультикультурализма и объединенных с ним вопросов толерантности согласовывается с изменением структуры развития культуры вообще, что выражается в новейшем направлении социальных связей. При этом естественное и стихийное развитие культуры идет в сторону доминирования цивилизации, что связывается с утратой индивидуальности личности.

В связи с вопросами о толерантности встает проблема единства двух феноменов – мультикультурности и саморазвития индивидуальности. Это порождает необходимость обратиться к феномену мультикультурной толерантности. Мультикультурная толерантность может быть определена как понимание образа жизни, направленного на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий в виде поведения, обычаев, чувств, мнений, идей, верований без чувства дискомфорта, а также принятие обосновывающей такую политику идеологии. Мультикультурная толерантность предполагает признание прав за коллективными мультикультурными субъектами: этническими и культурными группами и активность в предоставлении возможности этническим и культурным общинам вести социокультурную активность – управлять обучением своих членов, обретать право на трудоустройство и свободу передвижения, выражать политическую оценку.

Несомненно, что развитие культуры движется в направлении сужения свободы индивидуальности, к соседству и конкуренции все более схожих между собой, различающихся лишь формально, индивидов. Общий вектор развития культуры состоит в том, что происходит сужение многообразия вариантов культурной идентификации на современной стадии развития культуры, то есть в состоянии доминирования цивилизации, ориентированной на новые ценности. Человек сегодня рассматривается через общественные шаблоны и стереотипы. В результате возникает необходимость методологического поиска нового типа межкультурного взаимодействия, с акцентом на человеке, где он представляет действительную, а не номинальную ценность.

Общепризнанным является мнение, что толерантность в отношении иных культур основана на свободе индивида как носителя определенного культурного знания. В действительности в ситуации, где свободой обладают оба партнера, возникает условие конкуренции за овладение пространством. Каждый из подходов соответственно формирует определенный тип

мировоззрения, выстраивает границу самоидентификации и позицию толерантности по отношению к представителям иных культур. В конечном итоге сосуществование двух свободных партнеров приводит к нарушению толерантности, если отсутствует развитие каждого из них. Исходя из этого, диалог культур – это не свободное общение, а беспрепятственное соразвитие культур, что предполагает возможность синхронного формирования партнеров диалога. Поиск себя всегда осуществляется через «иного», в своей или чуждой культуре. В условиях радикальной мультикультурности «иной» отделен в моем собственном сознании границей, затрудняющей либо делающей невозможным понимание. Следовательно, необходим вариант развития культуры, предполагающий способность к самовоспитанию в направлении толерантности, а, вследствие этого – и к саморазвитию, поскольку только тому, кто находится в ситуации развития сам, доступно понимание того, что другой тоже развивается.

В ходе исследования возникает предположение не только о необходимости мультикультурной толерантности, но и о наличии возможности взаимообогащения культур. По нашему мнению, аналогичный алгоритм взаимодействия прослеживается как во внешнекультурном, так и во внутрикультурном аспекте. Возникает вывод на стыке социальной философии и социальной антропологии: человек, не способный к саморазвитию на базе своей культуры, не будет проявлять терпимости и в отношении представителей иной культуры. Это допущение позволяет понять важность «снятия» противоречия толерантности и мультикультурализма, так как вопрос о толерантности со второй половины прошлого века стал одним из вопросов международного регулирования, и его положительное решение может привести к разрешению многочисленных конфликтов между странами и народами.

Важность проблемы мультикультурной толерантности выразилась в резком увеличении числа международных мероприятий, направленных на привлечение внимания мирового сообщества к этой животрепещущей проблеме, и на попытки нахождения условий, способствующих росту толерантности. Огромное значение имеет и локализация факторов,

усложняющих решение проблемы толерантности. Одним из таких факторов, как уже указывалось, является глобализация современного мира, суть которой состоит в резком расширении и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей как людей, так и государств, что выражается в процессах формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности [217, с. 15].

Исследованиями в рамках социальной философии предложен анализ позитивных и негативных моментов глобализации современного мира с точки зрения благоприятных условий для создания системы толерантных отношений как между сообществами, так и внутри них. Современные теории глобализации отмечают следующие свойства глобализированного мира:

- усиление иррационализма, исключаящего из структур социального действия социальную логику;
- приближение как западных, так и посткоммунистических структур, прошедших разложение, к порогу легкодоступного и практически неконтролируемого разрушения цивилизации;
- фактическую легитимацию терроризма как средства достижения политических целей [351, с. 21–36].

Для секулярного сознания, которое является в настоящее время господствующим типом общественного сознания, присуща абсолютизация «социальной роли определенного исторического субъекта, которому приписываются черты совершенства, исторического превосходства и универсальности» [385, с. 97–141]. Идеологические продукты секулярного сознания, как отмечает известный российский социальный философ Л.В. Скворцов, подрывают условия развития толерантности. Этому способствуют, во-первых, необязательность эмпирического подтверждения и логических доказательств определенных догматических постулатов, во-вторых, совпадение последних с латентной интенцией масс. «Другой важный момент состоит в том,

что идеологическая сублимация этнической или социальной самооценки определяется относительно возвышения: унижение своего визави автоматически ведет к самовозвышению» [385, с. 97–141]. Таким образом, деструкция идеи толерантности в современном секуляризованном мире во многом объясняется абсолютизацией этнических и национальных социальных представлений, а также забвением понимания единства судьбы человечества, его прошлого, настоящего и будущего.

Украинский исследователь О. Заривна видит проблему толерантности «обусловленной потребностями практики, утверждениями этой нормы в системе межчеловеческих отношений, как на уровне отдельных личностей, так и на уровне народов, государств и культур». Глобализация, информационная революция, миграционные процессы, по мнению исследователя, интенсифицируют контакты, создают риск столкновения интересов. Для того, чтобы отношения разворачивались в цивилизационном поле, нужны такие нормы, как терпимость, понимание, сочувствие. Сочувствие охватывается пониманием толерантности, которую исследователь рассматривает как элемент мировоззрения и культуры [208, с. 21–23].

Глобализация современного мира постоянно напоминает человечеству о том, что мир многообразен и в то же время един, что различные подходы к одним и тем же процессам неизбежны ввиду различия культур, но уже небезопасны как для конкретных социальных субъектов, так и для мира в целом. Налицо повторение ситуации, возникшей в Новое время в период кровопролитных религиозных войн в Европе, выходом из которой стала легитимация толерантности. Можно согласиться с исследователем толерантности В. Шалиным, что усиление взаимозависимости человечества, осознание ответственности за его дальнейшую судьбу, четко проявившиеся в процессе глобализации современного мира, безусловно, способствуют формированию культуры толерантности [465].

Специфическими особенностями глобализации современного мира, по мнению политического психолога Г. Дилигенского, являются: экономическая

взаимозависимость, информационная глобализация и взаимозависимость с точки зрения безопасности [167]. Такая структура зависимости социальных макросубъектов ведет к тому, что принцип толерантности приобретает свойство строгого постулата. При всем этом именно процессы глобализации в немалой степени затрудняют переход к принципиально новому типу межсубъектных отношений, базирующихся на принципе толерантности. Прежде всего, препятствием является нарастающее многообразие мира (появление новых государств, религий и т.д.). Хотя, как считает Ф. Фукуяма, до недавнего времени казалось, что развитие человеческого сообщества протекает в направлении его гомогенизации и универсализации, что неизбежно создаст условия для развития культуры толерантности [437, с. 134–147].

В связи с тем, что основным субъектом глобализации является западная цивилизация, само собой разумеющимся, как правило, считалось, что именно ее ценности приобретут универсальный характер и поведут человечество к «золотому веку». Такие представления особенно усилились после краха коммунистической идеи в СССР и других странах социалистического лагеря. Квинтэссенцией таких взглядов явилась работа 1989 г. Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой была провозглашена победа либерализма во всемирном масштабе. Тем не менее, в сфере отношений между сообществами вряд ли воцарится мир, причиной чему, по мнению американского футуролога, является наличие государств, оставшихся в истории и не имеющих шансов пересечь ее границы и войти в постисторию [436, с. 147].

Ученый полагает, что «конфликт между государствами, принадлежащими постистории, и государствами, принадлежащими» истории, «будет по-прежнему возможен». Более того, по мнению Фукуямы, «сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире. Палестинцы и курды, сикхи и тамилы, ирландские католики и валлийцы, армяне и азербайджанцы будут копить и лелеять свои обиды. Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные

войны». Несмотря на такой неутешительный прогноз, общий вывод в целом достаточно оптимистичен: «Однако для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся в рамках истории; а они-то как раз и уходят с исторической сцены» [436, с. 147].

Современная научная мысль отмечает, что веру в существование «общеобязательного и общезначимого, т.е. независимого от исторических и географических условий, сознания» разделяли все ведущие западные мыслители. Свою лепту в разрушение этой веры и внесла глобализация, в ходе которой стал очевиден провал западного социального макропроекта в сфере общественных отношений. Этим проектом предусматривалось создание вселенского содружества наций, их объединение в рамках гомогенной социальной конструкции: глобального гражданского общества, находящегося под эгидой коллективного межгосударственного центра. Кризис международных организаций (включая ООН), планы западных государств о легитимации так называемых гуманитарных интервенций свидетельствуют о трудности, если о невозможности, обеспечения безопасности и даже выживания человечества. Это обстоятельство сохранится при нынешней системе социальных отношений, основанной на «принципах господства и подчинения и органически включающей в себя стратегию баланса сил», по словам политолога Ю. А. Красина [261, с. 125–130].

Реалистическая оценка современного состояния системы общественных отношений вызывает две противоположные реакции. Первую реакцию представляет позиция С. Хантингтона, полагающего, что пролонгация действия существующей системы общественных отношений ведет к столкновению цивилизации Запада с остальными цивилизациями, фактически отстраненными от участия в процессах глобализации. Российский философ и общественный деятель, критик глобализма А. С. Панарин особо отмечает неверие С. Хантингтона в возможность межкультурного диалога и отказ от традиции Просвещения, покоящейся на безусловной вере в человеческий разум [343, с. 427–428].

В настоящее время реакция на кризисное состояние системы отношений между сообществами заключается в поиске общих принципов дискурса цивилизаций (Ю. Хабермас и др.). Сторонники дискурса цивилизаций отмечают, что у современного человечества существует общий интерес – интерес выживания, который и должен обеспечить победу принципов плюрализма и мультикультурной толерантности. Ученый-социолог А. Вебер полагает, что «потенциальная уязвимость Запада перед лицом глобальных вызовов указывает на то, что, в конечном счете, придется выходить на путь направляемого развития, то есть управления мировыми процессами в духе компромисса на почве общего интереса» [104].

Процессы экономической глобализации способствовали увеличению разрыва доходов наиболее бедных и наиболее богатых стран. Информационная глобализация привела к развитию процесса относительной депривации этих стран, повысив тем самым уровень социально-политической напряженности в мире. В этом проявилось еще одно последствие глобализации: «мир становится более целостным и одновременно эта целостность подрывается, уменьшается степень стабильности мировой системы» [104]. В связи с этим показательной является концепция «золотого миллиарда», согласно которой имеющиеся сырьевые и энергетические ресурсы планеты могут обеспечить жизнеобеспечение только 1 млрд. жителей Земли. В настоящее время термин «золотой миллиард» получил широкое распространение в западных странах и стал означать население 24 стран Европы и мира, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития. Остальные миллиарды жителей оказываются «избыточными» для их жизнеобеспечения ресурсами планеты.

Таким образом, глубинные противоречия глобализации современного мира способствуют созданию предпосылок к уничтожению цивилизации в результате экологической или социальной катастрофы. Единственным выходом из настоящего тупика, по убеждению большинства современных мыслителей, является переход к новому типу социальных отношений между сообществами и внутри них, основанному на принципах плюрализма, толерантности и

сотрудничества. Как справедливо отметил американский ученый Л. Айзенберг, «идея братства не нова, но отличительным для нашего времени является то, что братство превратилось в условие выживания» [цит. по: 461, с. 125–126]. Стратегию устойчивого развития невозможно создать, исходя из традиционных общечеловеческих представлений и ценностей. Выработка новой системы ценностей, нового мировоззренческого подхода является обязательным условием перехода к новейшему обществу.

В то же время глобализация современного мира рождает социальные последствия, которые затрудняют переход к новому типу международных отношений. Г. Дилигенский, как специалист в области политической психологии, отмечает антиномичность всех процессов глобализации. «Каждая тенденция, которую мы улавливаем как реально действующую, наталкивается на контртенденцию, и весь глобально-социальный ансамбль приобретает все больше вид хаоса, нагромождения самых разных тенденций, принципов, начал... Эта антиномичность, взаимосвязанная с размножением и мельчанием социальных субъектов, становится все большей внутри каждого общества, а социальное поведение людей становится все менее детерминированным макроэкономическими факторами и социетальными культурными эталонами» [167]. Одной из таких антиномий, по мнению ученого, является «западная» трактовка прав человека, когда последние считаются более важными, нежели права нации и государства [167].

Крайне важным социальным последствием глобализации становится появление в развитых странах активных маргинальных групп, настроенных в духе крайнего национализма. Так, рост национализма и осложнение межэтнических отношений во Франции, Германии, Австрии и ряде других западноевропейских стран явились результатом глобализации рынка рабочей силы. Структурная безработица в бедных странах выталкивает свободные рабочие руки туда, где требуется малоквалифицированная дешевая рабочая сила. В результате глобальный характер принимает массовая миграция населения из малоразвитых в развитые страны. При этом несоответствие

старого политического мышления новым международным реалиям находит, как полагает Ю. Красин, отражение в трех парадоксах глобализации и плюрализации мира [261, с. 125–130]. Первый парадокс состоит в том, что разрушение биполярной системы международных отношений способствует переходу от латентных к открытым формам конфликтов. При этом возрастает число источников глобальной нестабильности и насилия. Вторым парадоксом заключается в том, что усиление взаимозависимости мира происходит в условиях ослабления управляемости международных отношений с помощью старых институтов. Третий парадокс выглядит как стремление государств жить в глобальном мире, преследуя исключительно национальные интересы, объясняемые страхом проиграть при отсутствии надежных гарантий и механизмов защиты безопасности страны.

Эти парадоксы, подчеркивает ученый, объясняют утверждение новой, еще более авторитарной системы международных отношений. Неадекватность деятельности ООН условиям глобализируемого мира вызывает появление новых международных субъектов, ориентированных на защиту своих интересов. Тем не менее, интересы и ценности любых стран и цивилизаций не являются принципиально несовместимыми, что дает шанс на формирование новых международных институтов, способных обеспечить построение справедливого глобального порядка в рамках мировой цивилизации. Данную позицию разделяют те ученые, которые, по западной классификации, относятся к «либералам». Пессимисты, представленные «националистами», разделяют убеждение С. Хантингтона о существовании только локальных цивилизаций (в том числе российской) и невозможности формирования универсальной цивилизации, а также его тезис о неизбежности столкновения цивилизаций, в том числе российской и западной [459, с. 24–30.] «Националисты» опираются при этом и на постулаты классической геополитики о неснимаемом противоречии между западной и незападными цивилизациями, что подразумевает латентное существование биполярности. Следование этой логике,

по мнению Ю. А. Красина, означает обреченность нынешнего человечества, при условии неспособности проявить терпимость к различиям [261, с. 125–130].

Обратимся к одной из политических рекомендаций С. Хантингтона, которую можно интерпретировать как движение Запада в сторону толерантности к другим цивилизациям. Речь идет о его предложении уменьшить вмешательство в дела других цивилизаций, продиктованное увеличением возможностей незападных цивилизаций для формирования мира по западному образцу. Во всем этом видно, что даже сторонники идеи «столкновения цивилизаций» усматривают уменьшение напряженности между цивилизациями в более терпимом отношении к ценностям и интересам других, чуждых им народов. Можно согласиться, что сама идея мультикультурной толерантности развивается благодаря усилению взаимозависимости мира в ходе его глобализации. Именно в этом можно усматривать положительный аспект глобализации.

Драматический опыт событий XX столетия вынуждает признать, что дальнейшее распространение интолерантности в социокультурной сфере ставит под вопрос существование человечества, а, следовательно, обесценивает обретения всех известных цивилизаций. Эту мысль зафиксировала и Декларация ООН о толерантности (1993), подчеркнув, что современный мир «несовершенен, и есть основания опасаться, что он никогда совершенным не станет. Насилие, смерть, интолерантность могут его сделать лишь еще более жестоким и мрачным. Нет альтернативы толерантности, которая хотя и не решает всех проблем, но позволяет подходить к ним в духе открытости, прогресса и мира» [99, с. 33–37].

При всем этом приумножение значения незападных культур и цивилизаций вынуждает Запад рассматривать возможность отказа от вмешательства в их дела, перемещая при этом принципы демократии, плюрализма, толерантности с внутрицивилизационного на межцивилизационный уровень. Следовательно, усиление позиции мультикультурной толерантности в сфере взаимодействия культур и

цивилизаций в условиях глобализации не имеет альтернативы. Развивая рассуждения об идее мультикультурной толерантности на сферу вопросов о демократическом устройстве мира, необходимо признать, что толерантность служит одной из системообразующих характеристик демократии. В демократической системе толерантность проявляется во всех сферах общественной жизни и образует основу для социальной и политической деятельности. Именно поэтому попытка либерально-демократического переустройства общества требует самого внимательного изучения понятия о мультикультурной толерантности [19, с. 15–21].

Действительно, центральный либеральный постулат «разрешено все, что не запрещено законом» есть не что иное, как одно из выражений принципа толерантности. Система либерализма исходит из признания узких потенциалов законодательства. По либерально-демократической концепции, закон создает только внешние структуры общественного развития, которое, в свою очередь, обладает колоссальными возможностями формирования. При этом также необходим установленный минимум социальной и политической стабильности, который создаст условия для беспрепятственного общественного развития. Для реализации всего этого, прежде всего, следует обеспечить экономическую самостоятельность индивидов, их свободу от государственной власти и совершенную автономию частной жизни. Либерализм заботится о свободе тех видов деятельности, которые обращены к созданию общественного продукта и обеспечивают рост частной собственности. Либеральное устройство поддерживает все виды социальных объединений, поскольку видит в них реализацию и расцвет человеческой личности, развитие сил и способностей человека [282, с. 4–5].

Для любого периода развития человеческих сообществ оказывается закономерным рассмотрение толерантности как одного из необходимых условий гармонизации социальных отношений. Хотя сознательное выделение и определение феномена толерантности произошло достаточно поздно, однако понимание его содержания и выполнения в большей или меньшей степени

элементов толерантного поведения, понимание норм является реальным условием выживания человечества. Украинский исследователь В. Мороз, анализируя феномен современной европейской толерантности, выделяет два аспекта – нормативный и процедурный, где:

- нормативная толерантность – это, прежде всего, представление об общих ценностях, сформированных на основе устного, письменного, медийного знания. Фактически феномен толерантности предстает как культурное достояние европейских наций; в основе его общие для европейцев истоки идентичности – влияние христианства, римского права, древнегреческой культуры;

- процедурная толерантность, которая является функциональной, поскольку соотносится с занятием индивидом проверенной ниши в сообществе и ведением общественно-ориентированной деятельности. Процедурную толерантность можно кратко определить как толерантность путем осуществления нормативных процедур в ежедневной жизни. Это толерантность контакта; этот аспект связан с адекватным восприятием «новых реалий» как результата расширения «жизненного мира» европейца с его ежедневным «пересечением» со все большим количеством европейцев [246, с. 71–78].

Закономерно, что роль толерантности возрастает в переходные периоды в развитии общества, когда возникает более острая необходимость в достижении общественного согласия. Кроме того, вследствие больших социальных потрясений любой политической режим, по своей сути являющийся индивидуалистическим, вынужден изменяться в сторону плюрализма. Сама ситуация переходной эпохи заставляет сталкиваться самые разные политические, социальные, религиозные силы, что само по себе стимулирует попытки решения проблемы взаимоотношений между противоположными сторонами.

Как отмечает украинский ученый О. Довгополова, важной особенностью периода перехода является то, что «духовное пространство» наполнено «обломками» различных структур, которые сталкиваются между собой и

создают непредсказуемые сочетания, причем выбор пути развития структуры в период «взрыва» определяется не законами причинности, а случайностью. Эволюционная эпоха не знает хаотического столкновения частей разрушенных и вновь построенных структур, поэтому проблема решения конфликтов между невозведенными между собой структурами никогда не стоит так остро, как в переходный период [169, с. 7–14].

Агрессивность каждого из участников переходного процесса до предела обостряет конфликт, также стимулирует осознание необходимости выхода из ситуации противостояния, то есть постановку проблемы толерантности. Следовательно, сфера применения принципа толерантности – это исключительно область конфликтов. Потребность в толерантности возникает именно в случае конфликта, и действия принципа толерантности не меняются [169, с. 14].

В отличие от стабильных политических систем, в переходных системах хватает достаточно отработанных и законодательно урегулированных механизмов для управления политическими конфликтами. Можно согласиться с мнением, что современную политическую систему Украины можно отнести к изменяющимся системам, которые отражают период транзита к демократии [372, с.64–68]. Следовательно, в нашей стране имеются ресурсы для отработки политического урегулирования.

В процессе рассмотрения вопроса о новых отношениях в мультикультурном глобализируемом мире и роли мультикультурной толерантности в этом процессе представляется необходимым освещение проблем вхождения Украины в глобализируемое мировое пространство. Нынешнее вхождение нашей страны в глобальную социальную общность некоторые ученые считают третьим по счету. В отличие от первых двух «открытий» Украины (еще в рамках Российского государства) внешнему миру в XVIII в. и в конце XIX – начале XX в. сегодняшнее вхождение в общемировое пространство является наиболее трудным, проблемным и наименее благоприятным. Начало этой проблемы лежит в том обстоятельстве, что

включение новых стран в 90-х годах прошлого века в мировую экономико-политическую систему происходит по крайне жестким и невыгодным для «новичков» правилам игры. Как правило, результатом этого вхождения становится дальнейшее ухудшение структуры экономики, рост социального неравенства и социальной напряженности. Усиление зависимости Украины от мировых экономических процессов способствовало не преодолению социально-экономического кризиса, а его переходу в более острую форму [173, с. 60–65].

Можно согласиться с мнением, что источники переходной политики, как во всей Восточной Европе, так и в Украине, лежат не между рынком и государством вообще, а между различными типами государства и рынка, которые будут зависеть от институциональных способностей нового режима направлять конфликт в систему демократической политики и обеспечения поддержки и толерантности в области экономических реформ. Этот важный фактор является одной из дилемм освобождения от авторитаризма [372, с. 64–68].

Как отмечает украинский ученый Б. Андрусин, одной из проблем Украины является формирование менталитета народа, который включал бы толерантность потенциальных участников конфликтов, когда важно не дойти до крайних пределов. Следует провести работу для преодоления правового нигилизма граждан. Наиболее вредным для украинского возрождения является реализация групповых эгоистических интересов, которые ведут к перманентной борьбе в обществе, что, в конце концов, дискредитирует украинское государство [51].

Толерантность и взаимное доверие складываются постепенно, на протяжении истории, сначала только внутри замкнутой политической арены. Появление здесь роста эволюции демократии, поэтапно развиваясь, приобретает форму политического соперничества в относительно узком кругу противоборствующих элит, а затем постепенно разрастается, вбирая в себя все более значительную часть населения. По нашему мнению, применяя идею толерантности к ситуации социального развития в рамках

мультикультурализма, можно поставить вопрос о том, может ли подобный феномен стать украинской национальной идеей? В последнее время эта проблема является предметом острейших политических дискуссий. Известный европейский проект для Украины вовсе не противоречит либеральной идеологии. Принцип толерантности в этом случае оказывается связанным с общенациональной идеей. Общие устремления побуждают более терпимо относиться к незначительным расхождениям между членами сообщества, делающими общее дело. К тому же национальная идея предполагает разнообразие, но не конфликтное, а «синергетическое», ведущее к достижению общей цели. Также реализация украинской национальной идеи требует возврата к консервативным объединительным ценностям в масштабе всего общества, а консерватизму свойственны умеренность и терпимость [19, с. 15–21].

Отсутствие терпимости, в свою очередь, ведет к крайне нежелательным социально-политическим последствиям. Расслоение общества на враждующие группы, категорически не приемлющие ценностей и идеалов «противника», есть не что иное, как социокультурный раскол. В отличие от других государств, включая Россию, перед Украиной не стоит задача поиска новых причин для мирного сосуществования представителей различных культур. Для Украины эта проблема решалась в рамках Российской империи, а затем – в СССР, т.е. это не было задачей собственно украинского государства. Однако, проблема политической значимости культуры, этнической и религиозной идентичностей для Украины сегодня весьма актуальна. Это связано с той особой ситуацией, в которой оказались многие страны Восточной Европы после краха социалистической системы [19, с. 15–21].

Акцент на групповой этнокультурной идентичности в целом сближает ту ситуацию, в которой оказались сегодня европейские страны, где развернулся спор о мультикультурализме, и ту, в которой находятся страны постсоциалистические. Однако генезис этих ситуаций различен. В Западной Европе наблюдаются последствия политики, сознательно делавшей акцент на

культурных различиях с целью обеспечения групповых прав. На постсоветском же пространстве апелляция к культуре и истории (которая в Украине находит свое выражение в политике, определяемой идеологией национальной идеи, а не мультикультурализма) является следствием социально-политических и экономических трансформаций, связанных с падением советского режима, и той национальной политики, которая проводилась властью в СССР [454, с. 119].

Причины тяжелого гражданского противостояния, наблюдаемого в Украине в последнее время, связаны в первую очередь, с проблемой идентичности, которая оказалась после развала Советского Союза для Украины более значимой, чем вопросы построения демократических институтов. Это отчетливо видно на примере дискурса, доминирующего в среде украинской национальной интеллигенции на протяжении всего времени после провозглашения независимости, что связано с дебатами о самоопределении между Востоком и Западом, о национальной памяти и истории, языке и культуре, но никак не связано с вопросами демократизации общественных отношений. Для принятия украинского государства, в рамках того восприятия мира, который задается официальной идеологией, принципиально важно, чтобы это государство было выражением «украинскости», по мнению профессора Карлова Университета Мирослава Хроха [454, с. 119]. Между тем, универсалистские демократические нормы не могут удовлетворить этой потребности в построении социального порядка на основе норм гражданской культурной традиции. Украина не стала исключением. Формально защита прав и свобод граждан, равенство всех культур и развитие демократических институтов провозглашались в независимой Украине основными приоритетами. Показательна в этом отношении принятая Верховной Радой 1 ноября 1991 г. «Декларация прав национальностей Украины», в преамбуле которой утверждается: «На территории Украины проживают граждане более 100 национальностей, которые вместе с украинцами составляют

пятидесятидвухмиллионный народ Украины...». На этом основании в документе, в частности, декларируется:

– «Українська держава гарантує всім народам, національним групам, громадянам, які проживають на її території, рівні політичні, економічні, соціальні та культурні права»;

– «Українська держава бере на себе зобов'язання створювати належні умови для розвитку всіх національних мов і культур»;

– «Українська держава гарантує всім народам і національним групам право вільного використання рідних мов у всіх сферах суспільного життя, включаючи освіту, виробництво, одержання і поширення інформації»;

– «Українська держава забезпечує право своїм громадянам вільного використання російської мови» [160].

Однако положения этой Декларации был отстранены вскоре после поддержки Акта о провозглашении независимости Украины на всенародном референдуме, прошедшем через месяц после ее принятия. Государственная политика с момента формирования независимой Украины с разной степенью интенсивности всегда была направлена на утверждение культурно-языковой гомогенности, доминирование украиноязычной культурной традиции.

В современной украинской национальной доктрине можно выделить три основных отправных пункта. Первый – тема возрождения, которая на длительный период определила облик украинской национальной политики. Это в частности, исходит из романтического представления об истории борьбы украинского народа за независимость и необходимости всеобщего утверждения украинского языка и культуры как способа преодоления того духовного опустошения, которое пережила Украина за время пребывания в структуре Российской империи и СССР, что, несомненно, имело место в действительности.

Вторая отправная точка национальной доктрины связана с представлениями об угрозе со стороны России для национальной и культурной идентичности малых европейских народов. В связи с этим представляется, что

выбор Европы для Украины – выбор цивилизационный, единственно возможный для спасения украинской культуры от разрушительного влияния тоталитаризма, это путь возвращения домой к западноевропейской гуманитарной культуре, к которой до утверждения тоталитарного режима принадлежала и украинская культура. Представляется возможным согласиться с этим тезисом, поскольку украинская национальная культура, несомненно, является более близкой к среднеевропейским национальным культурам, нежели к русской этнической культуре. Этот цивилизационный выбор связан с культом жертвенности, при котором народ, его культура, религия, язык воспринимаются как жертвы тоталитарного режима, украинская культура при этом представляется как часть общеевропейской культуры, а «европейский выбор» кажется безальтернативным [19, с. 15–21].

Конец первого десятилетия XXI в. стал периодом, когда отчетливо проявился третий постулат украинской идеи – борьба с врагом. Это выразилось в культе национальных героев, идее этнократии как единственного способа решения проблемы социальной справедливости. Тема борьбы стремится стать главным представителем украинской идеи в целом. Этому способствует готовность многих общественных деятелей к поддержке политического радикализма, что объявляется законным в рамках данного суждения [19, с. 15–21].

Проведение в современном полиэтническом и поликультурном обществе Украины гуманитарной политики, рамки для которой задает подобная идеология, с неизбежностью приводит к постановке вопроса об идентичности (прежде всего — этнической). Это связано также с тем фактом, что в Украине наблюдается сильная региональная дифференциация. Социально-политическая идентичность украинцев, проживающих в центральных и западных областях, формируется, как правило, на этнолингвистической основе. Однако ситуация с восточными и южными областями Украины еще более сложная. Здесь социальная и политическая идентичность населения этих областей формируется не столько на этнической, сколько на гражданской основе.

Население восточных областей страны идентифицирует себя не столько как этнических русских, сколько как русскоязычных граждан Украины. Если относительно Центрального и Западного регионов можно вести речь о приоритетности именно этнолингвистической идентичности, то относительно жителей Юга и особенно Востока Украины это будет не совсем корректно. Многие из них двуязычны и ассоциируют себя как с русской, так и с украинской культурой, не желая отказываться от одной культурно-лингвистической идентичности в пользу другой. В представлении этих граждан этничность, язык и культура должны быть слиты воедино. Очевидно, что противоречие лежит в области сравнения русскоязычных и украиноязычных граждан Украины, так как этническая идентичность занимает важное место в структуре идентичностей. Фактически, можно говорить о том, что у граждан Украины – жителей Юго-Востока в большинстве своем наблюдается конфликт лингвистической и этнической идентичностей.

Луганский социолог профессор Илья Кононов, изучавший этот вопрос, предложил даже специальный термин – «этническая коалиция». По мнению ученого, этнокультурные регионы играют далеко не одинаковую роль в жизни нашей страны. В Украине выделялись два четких культурных полюса – Донбасс и Галичина. В Донбассе основой этнической структуры являлась доминирующая коалиция украинцев и русских. Ее формирование привело к возникновению в Донбассе украинско-русского культурного синтеза. В процессе формирования современной украинской нации Донбасс продуцировал проект нации как согражданства. Галичина в этническом плане пошла по пути гомогенизации. В культурном плане она позиционирует себя как наиболее украинский регион, возможно даже сказать, эталонный украинский регион. С этим связано и определенное политическое мессианство галичан, которое нашло выражение в идее «украинского Пьемонта». Галичина продуцирует проект современной украинской нации именно как этнонации [172, с. 276–287].

Указанный украинский социолог считает, что единое этнокультурное поле на территории Украины «...уже давно существует. Конечно, оно не лишено

проблем, но противоречивость...не исключает единства. Единое этнокультурное поле Украины будет сохраняться до тех пор, пока на уровне повседневности сохранится доминирующая этническая коалиция украинцев и русских, а фактором внутренней жизни страны будет украинско-русский культурный диалог. ... Украина заинтересована и в интенсификации внутрицивилизационного диалога с Россией. Украина и Россия давно составили цивилизационную систему, где постоянно меняются доминанты, и волны культурных инноваций идут то с Юга на Север, то с Севера на Юг». По мнению ученого, «это – важный источник культурного развития наших стран» [252, с. 72–98].

В конце июня 2014 г. Киев посетил Чарльз Тейлор – всемирно известный философ, профессор университета Мак-Гилла (Канада). На Западе он по праву считается одним из «гуру мультикультурализма». По его мнению, будущее Украины – «в разнообразии мультикультурального контекста». «Если Украина сможет признать наличие и сосуществование в стране этого разнообразия, в этом будет ее большая сила – как для строительства своего будущего, так и для того, чтобы сыграть определенную роль в регионе» [19, с. 15–21; 407].

В связи со всем этим можно высказать гипотезу о том, что мультикультурная толерантность может явиться как раз одним из важнейших социокультурных интеграторов в этой ситуации, в то время как традиционная славянская нетерпимость к инакомыслию служит фактором раскола внутри украинского общества. По словам культуролога, исследователя исторических закономерностей А. Ахиезера, «суть раскола заключается в том, что способность общества следовать социокультурному закону снижается до уровня всего лишь способности сдерживать дальнейший рост социокультурного противоречия на грани необратимости» [54, с 155–157]. Мультикультурная толерантность сама по себе не является достаточным условием преодоления раскола. Но она может выступить важным необходимым условием общественного согласия и поиска выхода из ситуации, сложившейся в Украине. В отличие от толерантности, нетерпимость неминуемо приведет

страну к еще более острым противоречиям и неразрешимым конфликтам, что сделает нынешнее противостояние уже необратимым.

По мнению украинского исследователя Е. Казачинского, «именно толерантность как определяющая нормативная демократическая ценность становится в данном случае одним из решающих критериев оценки лояльности субъекта избранному обществом курсу на демократические преобразования. ... Без нее реализация остальных составляющих этой системы практически невозможна. Толерантность как доминанта общественного пространства, делает возможной свободу выбора...» [227, с. 17–20].

Такая позиция исследователя может быть подкреплена исторической ретроспективой. В свое время в Советском Союзе государственная власть в теории и на практике придерживалась политики крайней нетерпимости и внутри страны, и за ее пределами. Внутренние противники просто уничтожались (физически или политически), а против внешних мобилизовалась вся идеологическая машина и на них списывались все неудачи Советского государства и трудности его граждан. Приход к концепции демократического правления привел к принятию более конструктивного подхода, получившего название «нового политического мышления». В сфере внешней политики это означало отказ от конфронтации и создания образа врага, ориентация на мирное сосуществование и всестороннее сотрудничество, признание и уважение интересов и ценностей других государств. Во внутренней политике демократические преобразования также способствовали развитию плюрализма и последующей толеранизации общества. Однако оборотной стороной «нового мышления» оказалось недопустимое ослабление государственной власти, последствиями которого (наряду с действием других факторов) явились развал СССР, сильнейший социально-экономический кризис, обострение этнических конфликтов, вплоть до военных столкновений, и другие хорошо известные негативные явления. На наш взгляд, многие из указанных событий могут быть объяснены с точки зрения «чрезмерной толерантности» [465].

Несмотря на это, имеются и несомненные достижения в области становления новейшего украинского государства и общества, достигнутые именно с помощью мультикультурно-толерантных подходов на пути либерально-демократических реформ. Это связано с мировоззренческой плюрализацией, становлением демократической правовой системы, развитием парламентаризма, оформлением многопартийности, фактическим созданием избирательной системы, реформой местного самоуправления, идеологической свободой, деятельностью независимых средств массовой информации, новыми государственно-конфессиональными отношениями и т. п. В связи со всем этим необходимо признать, что толерантность – одна из составляющих зрелого общественного сознания и поведения. Без настойчивого формирования качества мультикультурной толерантности на противоречивом пути к внутренне консолидированному демократическому обществу в современной Украине невозможно обойтись.

Подытоживая рассуждения о феномене мультикультурной толерантности и ее роли в разрешении противоречий современного глобализированного мира и Украины, в частности, а также отражении данного явления в системе социально-философского знания, можно признать, что прогрессивная современная парадигма общественного мироустройства полностью согласуется с принципом мультикультурной толерантности применительно к построению социальной жизни. В социальных отношениях не существует «единственно верных» решений; все точки зрения заслуживают внимания и обсуждения, а устойчивость принятого решения зависит от уровня его поддержки всеми заинтересованными сторонами. Исходя из этого представления об общественном развитии, парадигма мультикультурной толерантности может быть положена в основу социальной деятельности на всех уровнях, и прежде всего на уровне управления государственными и социальными структурами, поскольку в цивилизованном мире государство традиционно играло и продолжает играть ведущую роль в общественной жизни [44, с. 82–84].

Все сказанное ведет к выводу о том, что феномен мультикультурной толерантности – важнейшее цивилизационное обретение, которое функционирует на стыке государственной, социальной и частной жизни и может быть осмыслено средствами социальной философии. Вопросы толеранизации отношений государства, общества и личности в общественном пространстве современности являются одними из наиболее важных в глобальных условиях развивающейся мультикультурности. Следовательно, осмысление вопросов развития и функционирования феномена мультикультурной толерантности в рамках социально-философского знания представляет собой один из факторов разрешения противоречий современного глобализированного мира.

Выводы ко II разделу

1. Направление социокультурной концептологии в сторону открытого общества в настоящее время является одним из наиболее актуальных, при этом мультикультурализм и толерантность ведут к необходимости признания, а не подавления культурного многообразия. В эпоху глобализированного общественного пространства теории мультикультурализма и толерантности обретают парадигмальное место в осмыслении концепций развития социума и культуры.

2. В мировой научной мысли еще не сформировалось однозначного толкования мультикультурализма. В этой связи прогнозируется необходимость дальнейшего углубленного исследования проблемы мультикультурализма во всех его несогласованностях, в виду того, что мультикультурализм проявляется не только как объективно существующая социальная проблема, но и теоретический концепт, требующий отвлеченного отражения, и обусловленного практического решения. Мультикультурализм позволяет выделить для изучения несколько аспектов: 1) этнополитический аспект, связанный с политикой государств, принимающих большие иммиграционные потоки; 2) культурно-исторический аспект, выражающий специфику

современных социокультурных процессов; 3) аспект либерально-демократических свобод, расширение которых – один из путей решения проблем, возникающих в связи с увеличением культурного разнообразия.

Указанные методологические подходы и аспекты исследования усматривают мультикультурализм необходимым для прогрессивных изменений в глобальном социокультурном пространстве. Несформированность и несоблюдение парадигмы мультикультурализма ведет к развитию процессов, которые характеризуются угрозой социальной идентичности, столкновением несовместимых интересов, потребностей, ценностей.

3. Современное социально-философское знание принимает и использует многогранность феномена толерантности. Это позволяет исследовать толерантность различными методами применительно к социокультурной сфере. Выделяются общеполитологические аспекты толерантности; социокультурные и этнические аспекты толерантности; социально-психологические аспекты толерантности. В качестве методов указываются: аксиологический метод исследования толерантности; гносеологический метод исследования толерантности; исторический метод исследования толерантности; политологический метод исследования толерантности, структурно-функциональный метод исследования толерантности, социально-философский метод исследования толерантности. В данном исследовании освещены новейшие методы исследования толерантности: акмеологический метод (с точки зрения понятия о зрелости); ксенологический метод (основанный на различном отношении субъекта толерантности к иному, чужому). Предложены культурно-идентификационный метод (в контексте самопонимания культурной идентичности), метод исследования толерантности в системе противопоставления гуманистических ценностей различным формам фанатизма и шовинизма.

4. В отличие от научно сформулированных принципов толерантности, принципы мультикультурализма, как философской категории, не имеют развернутой формулировки в современном социально-философском знании.

Однако, в результате анализа проявлений мультикультурализма в социальной жизни и наличия социально-философских работ по теории мультикультурализма, принципы мультикультурализма могут быть сформулированы в их интегрированном виде – как социального явления и философской категории:

- утверждение концепции многополюсной структуры мира путем формирования отправных культурно-политических центров;
- отказ от выстраивания в иную культуру, признание того факта, что каждая культура ценна именно тем, что развивается как уникальная цивилизация;
- формирование процессов межкультурной коммуникации на основе диалога либо полилога культур как новых возможностей интерпретации культурной вариативности;
- становление развития национальной культуры по законам самовоспроизводства на собственной ценностной основе;
- толерантность по отношению к «иному»;
- неэтноцентрированная культурная идентичность как способ адекватного реагирования на угрозу культурного нивелирования.

5. Можно представить дефиницию глобализированного общественного пространства, которая заключается в концепции физического существования, коммуникации и формирования на всей территории Земного шара глобализированного человеческого сообщества, объединяющего в своем составе все человечество, все территории, всех жителей Земли и общества всех стран мира. Понятие глобализированного общественного пространства возникает в связи с новейшими социальными изменениями, выработкой новейших концепций, позволяющие с инновационно-синергетических позиций оценить ситуацию в мире.

6. Теория межкультурной справедливости тесно увязана с моральными основами общества и неминуемо приводит осмысление вопросов, связанных с мультикультурализмом, к современному представлению о морали. Обращение к теории мультикультурализма в процессе формирования основ морали

способствует самопознанию и самореализации личности, взаимопониманию между представителями различных культур, предупреждению межнациональных конфликтов. В соответствии с парадигмой мультикультурализма, познание культурных различий есть условие справедливости как моральной ценности. Парадокс мультикультурализма возникает тогда, когда возвышение национальных меньшинств достигает той точки, в которой оно начинает противоречить основным принципам мультикультурализма – открытости и толерантности.

7. Государственная политика, которая способствует разделению общества на группы, в настоящем мультикультурном мире видится несостоятельной. Основанием прогресса человечества в мультикультурном глобализированном мире представляются подходы, напрямую увязанные с трансформацией форм общественной культуры, с предельными основаниями цивилизации и системами формирования личности: с моралью – общепринятыми традициями, негласными правилами общества; с мотивациями – трансцендентными пределами желаний; с целями – идеальными представлениями, стремлениями к результату; с мечтами – заветными влечениями, воображаемыми устремлениями личности; с социокультурной политикой – созданием стратегий в области развития культуры, науки, образования, права, определением концептуальных позиций исследователей и предположительных результатов деятельности социокультурных учреждений в рамках исследования мультикультурности общества.

8. Роль мультикультурализма и толерантности возрастает в переходные периоды в развитии общества, когда возникает необходимость достижения общественного согласия. Для этого необходимы определенные трансформации в существующем общественном сознании, обновленные нравственные общественные позиции. Данные принципы принимаются социумом демократических государств и выражаются в феномене мультикультурной толерантности. Мультикультурная толерантность определяется как понимание образа жизни, направленного на развитие и сохранение культурных различий в

виде поведения, обычаев, эмоций, мнений, идей, верований без чувства дискомфорта, а также принятие обосновывающей такую политику идеологии. Осмысление вопросов развития и функционирования феномена мультикультурной толерантности в рамках социально-философского знания представляет собой один из факторов разрешения противоречий современного глобализированного мира.

9. Единственным выходом из глубинных противоречий глобализации является переход к новому типу социальных отношений между сообществами и внутри них, основанному на принципах плюрализма, мультикультурной толерантности и сотрудничества. Феномен мультикультурной толерантности – важнейшее цивилизационное обретение, которое функционирует на стыке государственной, социальной и частной жизни. Выработка новой системы ценностей, нового мировоззренческого похода, в котором мультикультурно-толерантная парадигма занимает ведущее место, является обязательным условием перехода к новейшему обществу.

Исследования, представленные во 2 разделе, отражены в следующих публикациях автора:

в монографии: «Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции образовательного пространства»: [монография]. – Одесса: издательство «ВМВ», 2015. – 322 с.;

в учебном пособии: «Основы этико-религиозной толерантности». Учебное пособие / Елена Павловна Ананьева, Наталья Васильевна Левинская – Севастополь: Издательство Академии ВМС имени П.С. Нахимова, 2012. – 159 с.

В статьях:

Теоретические аспекты исследования толерантности: проблема методологии / Е. П. Ананьева // Наукове пізнання: методологія та технологія. – № 2 (31). – 2013. – С. 5–12;

Мультикультурализм и мораль в глобализированном общественном пространстве / Е. П. Ананьева // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. – Калининград. – Вып 12. Гуманитарные науки. – 2014. – С. 136–142;

Толерантность как фактор регулирования общественных отношений в современной Украине / Е. П. Ананьева // Проблемы науки и образования. Научно-методический журнал. – №10 (28). – Москва – 2014. – С.82–84;

Мультикультурная толерантность как путь и средство прогресса украинской национальной идеи в начале 21 столетия / Е. П. Ананьева // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар. – № 6. – 2014 г. – С. 15–21;

Многоаспектность исследования толерантности применительно к социосистеме образования / Е.П. Ананьева // Материалы научной конференции ЕНО «Современные концепции научных исследований. – Серия «Философские науки» – Часть 2. – Москва. – 2015. – С. 177–179;

Акмеологический аспект толерантности и проблема зрелости личности // Матеріали IV Міжнародної науково-теоретичної конференції «Толерантність як соціогуманітарна проблема сучасності». 1–2 жовтня 2015 р. – Житомир. – С. 8–11;

Аспектное изучение феномена толерантности в пределах социокультурного пространства/ Е. П. Ананьева // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: філософія, культурологія, соціологія. – №9. – 2015. – С. 9–14;

Методологические аспекты исследования мультикультурализма / Е. П. Ананьева // Theoretical & Applied Science. – № 12 (32). – 2015. – International Scientific Practical Conference «Applied technologies». – SECTION 30. Philosophy. – Scranton, USA. – 2015. – С. 48–54;

Мультикультурализм как философская концепция глобализированных интеллектуальных систем / Е. П. Ананьева // EUROPEANRESEARCH. – № 10 (11). – 2015. – XI International scientific and practical conference: «European research:

innovationinscience, educationandtechnology». PHILOSOPHICAL SCIENCES.–
Moscow. – 23–24 december 2015. – С. 88–92.

Раздел III. Корреляции мультикультурализма и толерантности в пределах социокультурного развития

3.1. Развитие типов и форм мультикультурализма в социокультурных трансформациях

Рассуждения о мультикультурализме и толерантности и их корреляции в системе социокультурного развития связаны с преодолением односторонности представлений об окружающей действительности, что является шагом к пониманию иных (отличных от имеющихся) ценностных предпочтений, мировоззренческих установок, а, следовательно, к определению границ собственной культуры. Так становится действенной гуманистическая идея всеобщего мира как конгломерата культур, который имеет собственные, внутренние закономерности развития.

Цивилизованное гражданское общество, построение которого является центральной целью развития большинства стран мира, полагает свободу культурных представлений каждой личности. Так как для цивилизованного самоопределения личности нужен образец иной культуры, то для дальнейшего культурного развития необходимо разнообразие среды. Сегодня подобное культурное разнообразие – это данность в большинстве государств и в масштабе мира. Сдерживать, а тем более нивелировать процесс усиливающегося в последнее время взаимодействия самых многообразных культур не представляется возможным.

Можно выделить идентификационные модели, которые выступают следствием адаптации к ситуации открытости осмысления культуры. Это – усложнение этно-национальной идентификации (культурный изоляционизм, позволяющий минимизировать инородные влияния и предполагающий защиту своего природного и социокультурного пространства, противопоставление «своих» ценностей «чужим») и расщепление этнокультурной идентичности (маргинализация, упрощение, деструкция, декультурация, при которых происходит утрата связи со своей культурой) [294]. Однако, подобный рост различий сопровождается рядом негативных явлений: возрождением расизма,

ксенофобии, экстремизма, внутри- и меж- конфессиональными противоречиями, участием религиозных и националистических деятелей в политических и электоральных процессах. В этом случае наблюдается кризис, связанный с подрывом сущностно важных черт культуры, нивелированием ценностей, редукцией норм поведения, трансформацией жизни – происходит все то, что называется кризисом идентичности. Нарушаются стабильность культурной системы и межкультурные коммуникации [233, с. 132]. Наиболее перспективным ответом на вызов глобализационного универсализма в настоящее время видится идея мультикультурализма как социокультурной стратегии мира и новой трактовки человеческой плюральности. Можно согласиться, что становится актуальной мультикультурная концепция равенства культур, основанная на полилоге и направленная на реализацию культурного плюрализма вне изоляции и ассимиляции [447].

Современная национально-государственная система организации культурно-цивилизационных общностей испытывает вызов со стороны процессов транснационализации и глобализации. Тем не менее, унификация мирового культурного пространства, связанная с потерей уникальности самобытных культур, не выступает единственно возможной перспективой глобализации. В современной действительности не вызывает сомнений, что гармоничные интеграционные процессы возможны только при сочетании сильных позиций обеих сторон – глобальной и локальной – на основе культурного взаимодействия и при сохранении национального своеобразия. Как видим, мультикультурная стратегия предполагает «самобытность в условиях открытости», что «связывается со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур в глобализирующемся мире» [294].

Мультикультурная идея основывается на равенстве или равной ценности культур – больших и малых, но это идеология. Практический же замысел же состоит в том, что вместо культурной ассимиляции новых членов культурного

сообщества рациональнее давать им возможность культурной автономии, предоставив соответствующие права коллективным. Социально-философский подход предполагает, что борьба за выживание культур заменяются диалогом культур. Для этого нужно с уважением отнестись к культурным запросам представителей «иных» культур и локализовать источник постоянной социальной напряженности, дать «инокультурным» субъектам возможность решать вопросы образования детей и некоторые другие. Общество ожидает включение носителей иных культур в социальную жизнь по правилам, которые в этом обществе существуют.

Мультикультурность и мультикультурализм – разные вещи, и второе понятие осмысливается как социально-философское основание многокультурности социума. Мы предпочитаем говорить о мультикультурализме как о социокультурной стратегии развития общества. Действительно, идеей мультикультурности предупреждается утрата культурной идентичности. В связи с этим можно принять мнение С. В. Лурье относительно культурной идентичности. Вне культурной идентичности, как отмечает ученый, не способен существовать ни один этнос, т.к. «культурный стержень», сакральный центр культуры – синтез культурной традиции (система ценностей и символов) и этнической идентичности (общее историческое прошлое), позволяет человеку идентифицировать себя в окружающем пространстве, взаимодействовать со «своей» группой и внешним миром [294]. Поиск системы ценностей, позволяющей отождествлять себя с группой – одна из глубинных человеческих потребностей, которая помогает ориентироваться в культурном пространстве. Концепция мультикультурализма предусматривает возможность и необходимость проявлений региональных или локальных культур, что познается с принятием родной культуры как самоценности и с осознанным отказом от чуждых ценностей и мировоззренческих моделей в условиях диалога.

В конце прошлого тысячелетия мультикультурализм начал позиционировать себя как философская теория, появившаяся в результате

дискуссии между теоретическими направлениями либерализма и коммунитаризма, развернувшейся с середины 1980-х годов. В социально-философском плане мультикультурализм выступает как широкое понятие. Кроме признания культурного многообразия, мультикультурализм, как уже указывалось, содержит объединение идей либерализма и коммунитаризма, олицетворяет коммунитаристскую склонность к единению и либеральное понимание личности, а также терпимость к «иному». Идея мультикультурализма и становление глобального гражданского общества объявляются вероятными способами преодоления противоречия между универсальностью мирового развития, что выражается концепцией либерализма и особенностями развития отдельных культур и цивилизаций, что отражено в коммунитаризме [113, с. 254–259].

По мнению российского исследователя Э. Паина, «мультикультурализм – это совсем «свежая» концепция, которая вошла в научный оборот лишь в конце 1980-х годов и уже в силу своей молодости пока не имеет серьезной теоретической основы. ... Тем не менее, при всей теоретической неопределенности этого концепта, его популярность заложена в основном постулате, признающем самоценность культурного разнообразия страны (региона, всего мира) и принципиальную невозможность (недопустимость) ранжирования культур (в том числе этнических) по принципу «низшая – высшая», «главная – второстепенная» или «государствообразующая – прочие» [338, с. 78–85].

Термин «мультикультурализм» официально был признан в 1971 г. Он явился своеобразным актом признания государственными институтами различных стран безуспешности ассимиляционной политики, устремленной на культурную унификацию многосоставного населения страны. Модель мультикультурализма установила законность всевозможных форм культурного разнообразия, что кратко выражается как «интеграция без ассимиляции». Это положение учреждает тот факт, что в пределах одного государства сосуществуют разнообразные культурные формирования, имеющие основания

для внешнего представления и фиксации в традициях своих особенностей, образа жизни, продиктованных этнонациональными и общекультурными особенностями. Можно согласиться с мнением исследователя Т. П. Волковой, что основная проблема, которую пытается решить философия мультикультурализма – это вопрос, «как объединить концепцию справедливости и приоритет прав человека, на которых основано гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных и других меньшинств, каждое из которых представляет собой отдельное сообщество» [113, с. 254–259].

Мультикультурализм, отражая культурную ситуацию постмодерна, оказался созвучен его ценностным ориентирам. В качестве модели культуры мультикультурализм предполагает, прежде всего, снятие централизованного представления о развитии, деиерархизацию и узаконивание форм культурного разнообразия. При всем том, многоголосие национальных культур и субкультур выказывает многообразие форм проявления культуры, которые, все же, не являются равноценными или равнозначными. Их приравнивание обозначает применение одного классификатора для форм культуры, имеющих многообразную природу происхождения, всевозможные способы функционирования, неодинаковую организацию. Все это приводит к тому, что мультикультурализм как социальное явление, общественное состояние и философская категория в оно и то же время не имеет общепризнанной типологии, отсутствует классификация форм феномена мультикультурализма и методология его изучения применительно к различным историческим и цивилизационным этапам развития человечества.

В настоящее время перед государствами встала новая проблема – как возможно совместное общежитие людей, исповедующих разные религии и говорящих на разных языках. Именно в этом смысле мультикультурализм – порождение эпохи глобализации. Только в эпоху глобализации возникает такая необходимость быть вместе, в едином коммуникативном пространстве самым разным национальным, культурным и религиозным общностям. Однако, при

нестрогом понимании мультикультурализма, его можно найти на всех этапах истории человечества, т.к. межкультурные взаимодействия были всегда. Мультикультурализм в том или ином виде существовал достаточно давно, но только в эпоху постмодерна мультикультурность была сформулирована как проблема, порожденная глобализацией, и относительно недавно включенная в систему рассуждений ученых самых разных специализаций.

Существование на ограниченном пространстве представителей множества разнородных культур изображается еще в Библии на примере возведения вавилонской башни. Тогда смешение языков помешало наладить необходимое межкультурное общение. Исходя из глубинного смысла легенды, любое смешение массы культур неминуемо и всецело ведет к общему краху системы. Однако, несмотря на предупреждение, попытки построить мультикультурное общество предпринимались еще в период античности. Александр Македонский попытался насадить мультикультурализм «сверху» в качестве основной доктрины, позволявшей достичь стабильности в покоренной им империи. По замыслу Александра, общества победителей-македонцев и побежденных-персов должны были слиться воедино, образовав единую основу для прочного государства. Сам Александр поощрял даже браки между греками и персами, что и сегодня кажется проблематичным. В то время речь шла лишь о слиянии двух правящих верхушек, составляющих незначительную часть от общего населения нового государства, при безусловном восприятии греческой культуры как доминирующей. Поэтому мультикультурализм в его первичном применении фактически явился продвижением одной культуры и подавлением остальных, что не исключало проникновения традиций завоеванных народов в очаги главной культуры [182, с. 72].

Дальнейшие исторические примеры построения мультикультурного общества в период античности может дать Римская империя. Древний Рим в период пика своего могущества включал в себя земли самых разнохарактерных племен и народов. Устройство политической системы Рима требовало более сильного влияния на покоренное народонаселение, чем только ограничиваться

латинизацией знати, подобно тому, как в империи А. Македонского, когда местная знать ассимилировалась с греческой культурой. В пору имперского Рима все завоеванное население подвергалось всеобщей латинизации, что делало империю на всем протяжении сравнительно однородной. Следствием этого в настоящее время является распространение на бывших землях Рима языков романской группы, имеющих своим корнем латинский язык.

Но кроме подобного мультикультурализма «сверху» античный Рим столкнулся и с мультикультурализмом «снизу». Единое пространство колоссального государства благоприятно влияло на экономическое взаимодействие провинций, что вело к передвижению огромных масс населения. Развитые приморские города превратились в смешанные собрания, не имевшие между собой ничего общего, кроме одного качества – статуса подданного императора Рима. Такое беспрецедентное слияние представителей всевозможных культур в рамках одного громадного государства породило ряд проблем, главной из которых стало удержание в стабильном состоянии непредсказуемой общности людей. Вопросы сепаратизма окраин, восстания рабов и защита границ стали проблемой властей Рима. Несмотря на проводившуюся политику латинизации, захваченные территории сами имели непосредственное влияние на правительство. В эпоху зрелой Римской империи ее верхушка практически перестала придерживаться традиционных ценностей. Высшие слои римского общества не были римлянами в последовательном понимании. Разнохарактерность философских и религиозных течений превращала римское государство в массу без совместных идеалов и ценностей, что и привело к краху всю державу. В конце своей истории Рим выступал как ослабленное государство, трудно отбивающееся от завоевателей-варваров. И одной из существенных причин такого положения явилась неспособность римского государства преодолеть разнородность населения. Можно заключить, что Римская империя являет один из первых в истории человечества примеров мультикультурного общества, а также выступает образцом того, как такое общество может погубить самое себя.

Знаковой эпохой для возникновения предпосылок современного мультикультурализма стало европейское Возрождение. Ренессанс абсолютизировал креативность самого состояния переходности. Отсюда эта «странная всеядность, этот гениальный «эkleктизм», вскормленный уверенностью, что синтез – не из них, а в них, заложен в природе» [65, с. 20]. Разнообразие в эпоху Ренессанса, вызванное развитием национальных языков, представлений, расширением культурного пространства, было инициировано переходом от традиционной культуры, с мифологическим типом сознания, к персоналистскому, личностно-креативному типу культуры, ориентированному на инновационность во всевозможных сферах. Именно поэтому переход от индустриальной экономики к информационной, который сопровождался миграциями, политическими изменениями, появлением субкультурных формирований, вызвал к жизни многообразие, которое выражалось в многоцентричности представленных культурных форм. Такая мультикультурность эпохи Возрождения не предполагала безусловного принятия какой-либо определенной позиции, но подразумевала отстраненность от всех имеющихся позиций путем их критического осознания [300, с. 29–38].

Новое время явилось началом современной западной цивилизационной общности. Миропонимание Нового времени исходило из идеалов разума, индивидуальной свободы и прав человека. На этих принципах возведен фундамент современной европейской культуры – ее политическая и правовая система, которая создавалась индивидуалистической элитой городской буржуазии XVIII – первой половины XIX века. Идеи, составляющие социально-теоретическое обоснование современного мультикультурализма (веротерпимость, гражданская толерантность, признание равноценности культур), были оформлены в трудах европейских мыслителей эпохи Нового времени. Веротерпимость стала одним из основных вопросов исследований Дж. Локка. В трудах французских мыслителей эпохи Просвещения (Д. Дидро, Вольтер, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) представления о веротерпимости сменялись признанием равенства религий, ответственности за нетерпимость и

фанатизм перед законом, а после трансформировались в концепцию «гражданской религии», основанием которой выступила идея толерантности.

Практически данные положения начали реализовываться, начиная с XVII столетия, когда в Европе стало развиваться уважительное отношение к инакомыслию и инаковерию, а к концу XIX в. к ним добавилось признание равноценности всех культур мира. Росла мобильность населения, формирование концепции личного гражданства привело к развитию персональной религиозной свободы. В результате Европа пришла к тому, что религиозная и культурная идентичность – это не только принадлежность к определенной общине верующих, но и индивидуальные права – свобода вероисповедания, свобода изменения веры, избрания культурной традиции. И если на эту часть жизни кто-либо посягает – государство или Церковь, – то человек имеет возможность ратовать за себя любыми законными средствами. Вызревшая к концу XVIII в. европейская концепция свободы совести, основанная как на понимании необходимости толерантности по отношению к представителям иной культуры, так и на возросшем понимании ценности прав и свобод – это первично оформленная концепция мультикультурных отношений в системе идеи личного права Нового времени [403].

Межкультурные взаимодействия на фоне распространения демократизации, развития основополагающих ценностей индустриальной культуры – индивидуальной свободы, рационального сознания и прав человека – привели к возникновению мультикультурных отношений эпохи модерна. Появление первых машин и механизмов в условиях развития капитализма отразилось в сломе традиционных культур, что породило формирование множества этнических и религиозных сообществ не только в постколониальных странах с незавершенной национальной консолидацией общества, но и в давно сложившихся государствах-нациях Европы и Америки.

Осмысление культурного опыта Ренессанса, Нового времени и модерна при изучении идеи мультикультурализма в эпоху постмодерна представляет интерес в том смысле, что предпосылки настоящего исторического этапа

глобализации усматриваются глобалистами в культурном проекте указанных эпох. Культурную многосоставность эпохи постмодерна отличает от культурного разнообразия Возрождения и Нового времени отношение и восприятие «иного». Важным остается понимание иной культурной позиции как «реальной, незавершенной проблемы, как «чужой правды» и, следовательно, точно такое же восприятие своей, кровной правды как открытой, незавершенной», но отнюдь не шлифование, «дотягивание» неевропейских культур до уровня европейской и отнюдь не введение этнической и культурной самобытности в индустрию... [108, с. 294–296].

По утверждению М. Вивьерки: «Если культурная специфика развивается в самом сердце наиболее современных обществ, если она – решающий элемент жизни этих общностей, значит, распространение современности не только не включает уничтожение культурных традиций, но подразумевает изобретение новых. ... Чем более современными или гиперсовременными (могут сказать – постсовременными...) являются наши общества, тем сильнее тенденция изобретать различия» [106, с. 13–24]. «Начиная с конца 1960-х годов, – по мнению ученого, – производство культурных различий в наших обществах растет... И чем дальше, тем сильнее вероятность роста различий» [106, с. 13–24].

Профессор политологии и философии Йельского университета С. Бенхабиб обозначила термином «мозаичный мультикультурализм» ситуацию культурного плюрализма. При этом «мультикультурализм» обозначает наличие в границах одного политического образования резко дифференцированных общностей, которые сохраняют свою идентичность и границы, как мелкие частицы мозаики. Сюда относятся, по мнению С. Бенхабиб: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода из ассоциации. Перечисленные социальные регуляторы создают жизнеспособность данной модели культуры, при том, что сами культуры и субкультуры, создающие мозаичное поле, не являются застывшими образованиями, а содержат программу прогресса и трансформаций [73, с. 9–31].

Профессор А. И. Куропятник внес определенные коррективы в само прочтение термина «мультикультурализм». Ученый отметил три уровня понимания мультикультурализма в настоящее время в социальных науках:

- демографический, или дискриптивный проект; суть его заключается в описании изменений демографических, этнокультурных параметров национальных обществ под влиянием эндогенных (миграция) и экзогенных (иммиграция) факторов. Мультикультурализм в этом случае понимается как политика интеграции иммигрантов в принимающее общество;

- идеологический проект, в рамках которого обсуждаются концепции национальных идеологий;

- политический проект, ориентированный на применение принципов мультикультурализма как идеологии, политики, рассматривающей права меньшинств, реализующей программы их социальной поддержки. В этом понимании мультикультурализм – политическая программа, направленная на гармонизацию отношений между государством и культурными меньшинствами, а также на урегулирование отношений внутри них [275, с. 55].

На наш взгляд, необходимо добавить в данную структуру социально-философский и социокультурный проекты понимания мультикультурализма:

- социально-философский проект ориентирован на понимание мультикультурализма в пределах осмысления этнической идентичности, межкультурных взаимозависимостей и этнополитических процессов. Данный проект можно свести к попытке разрешения таких основных проблем: проблемы коренных народов (аутентичной идентичности); выбора государств между политикой идентичности и политикой мультикультурализма; стремления малых народов и этнических меньшинств превратиться в фактор международной политики; общей политизации и актуализации этнического сознания. В социально-философский проект мультикультурализма представляется возможным также включить вопросы либерально-демократических свобод, что порождает два типа дискурса в современной научной теории: первый – «мультикультурализм есть часть демократии» и

второй – «мультикультурализм представляет собой отступление от общедемократических норм», в основе чего лежит возможная дихотомия между групповыми и индивидуальными правами;

– социокультурный проект понимания мультикультурализма исходит из тезиса о том, что мультикультурализм – феномен, соизмеримый с развитием цивилизации. На протяжении многих веков его развитие мультикультурализма шло вместе с прогрессивными социальными переменами, при этом основной смысл понятия мультикультурализма остается приблизительно одним и тем же, независимо от времени его формулировки. При осмыслении в рамках социокультурного проекта мультикультурализм трактуется в контексте культурного многообразия, означающего принятие и уважение индивидуальных черт и уникальности каждой культуры. Речь идет о детерминированном временем демократическом сосуществовании как отдельных людей, так и групп, обладающих этнической идентичностью, собственными ценностями и традициями.

Проект, более развернутый в плане практических выводов, обнаруживаем в работе британского философа Бхикху Пареха. Особенная ситуация пребывания на границе культур (индийской и британской) и, вероятно, личностные характеристики исследователя, определили характер многих положений теории мультикультурализма Б. Пареха. Основные положения его теории следующие.

1. Люди «включены в культуру», т. е. являются носителями культурной идентичности, и невозможно представить себе человека, живущего иначе.

2. Каждая культура является внутренне ограниченной – «реализует ограниченную область человеческих способностей и эмоций и схватывает только часть тотальности человеческого существования...» [345, с. 60–81]. Следовательно, культура нуждается во взаимодействии с другими культурами ради обретения большей полноты человеческого опыта.

3. Сами локальные культуры внутренне плюральны, немонолитны (вопреки расхожему представлению о культурах как о чем-то внутренне

целостном). Внутри многих культур существуют различающиеся культурные традиции [345, с. 81].

Таким образом, культура, в представлении Пареха, не может оценить ценности других до тех пор, пока она не оценит плюральности внутри нее. Диалог между культурами требует, чтобы каждая из них открылась бы влиянию других, и желала бы у них учиться...» [345, с. 87–95]. Так выражена центральная идея антропологического мультикультурализма Пареха – равноправный диалог культур как основа современного общества и диалогичность как общий принцип сосуществования различий в современном мире. При этом «диалог требует определенных институциональных условий, таких как свобода выражения, согласованные процедуры и основные этические нормы, общие публичные пространства, равные права, ответственная и подотчетная народу структура власти, и полномочия граждан» (а также перечня гражданских качеств, хорошо известных из либеральной культуры западного общества). Этот последний момент (акцент на базовых либеральных правах и свободах) особенно важен: мультикультурное общество, по словам Пареха, «видит себя как сообщество сообществ, а потому как сообщество включенных в сообщество и соединенных с ним индивидов. Оно лелеет индивидов, их основные права и свободы, а также другие великие либеральные моральные и политические ценности, все из которых являются неотъемлемыми от культуры диалога» [345, с. 82].

Одновременно с этим «диалогически конституированное мультикультурное общество обладает сильным понятием общего блага, состоящего в уважении к основанной на консенсусе гражданской власти и основным правам, сохранении справедливости, институциональным и моральным условиям совещательной демократии, жизненной и плюральной составной культуре, а также широком понимании сообщества. И оно, – подчеркивает Парех, – питает не статический, но интерактивный и динамический мультикультурализм» [345, с. 82]. Таким образом, Парех является автором развернутой концепции мультикультурного общества. В то

же время, по нашему мнению, данная концепция оставляет ощущение некоторой практической несостоятельности – оттого, что идея, представленная в ней, очевидным образом входит в противоречие с практикой большинства современных мультикультурных обществ.

Изменение идеологических приоритетов государственной политики Европы конца XX в. и увеличение возможностей жизненного выбора личности по-новому стали вырабатывать концепции, определяющие область духовной части обыденной жизни людей. Так были сформированы несколько моделей мультикультурализма. Например, известный исследователь мультикультурализма, профессор политической теории Лондонской школы экономики Ч. Кукатас выделяет две модели мультикультурализма – «жесткую» и «мягкую». «Мягкая» модель выделяется тем, что уровень ассимиляции обуславливается желанием и способностью каждой личности разделять или не разделять образ жизни большинства; принимающая сторона при этом принимает тот факт, что меньшинства остаются не интегрированными. «Жесткий» мультикультурализм призывает общество принимать активные меры для обеспечения меньшинствам полноценного участия в социальной жизни, а также и прилагать известные усилия для сберегания уникальной идентичности и обычаев. Согласно такой мультикультурной модели, к разнообразию должно не просто относиться толерантно – его необходимо укреплять, поощрять и помогать ему финансовыми и правовыми средствами [499, с. 28–56].

Исследования выделяют эгалитарную и доминантную модели мультикультурализма. Эгалитарная модель рассматривается на примере стран Евросоюза, Канады и ряда других государств, причем наряду с положительными эффектами констатируется ее дезинтегрирующий потенциал [411, с. 335]. Эгалитарная модель мультикультурализма, как считает известный социолог Э. Гидденс, уже стала реальностью в Европейском Союзе. Как утверждает Э. Гидденс, именно Германия служит лучшим эталоном страны с мультикультурным обществом [495, с. 98]. Тем не менее, после объединения,

длительного экономического кризиса, на официальном уровне Германия отрицает мультикультурализм, а население все меньше желает видеть будущее общество мультикультурным.

Эгалитарная концепция мультикультурализма усматривает интеграцию иммигрантских меньшинств не как процесс унификации, а как прецедент сохранить культурное многообразие в состоянии взаимной терпимости. Две области культуры признаются сосуществующими: общая политическая культура, устремленная к идее равенства и одновременно несколько всевозможных культур в частной, либо социальной сфере, которые также имеют общий язык и религию, обычаи и родственные связи. Критики данной концепции мультикультурализма считают, что когда речь заходит о наиболее важных областях жизни, что включает проблему работы и заработной платы, право на социальные выплаты, религиозные убеждения и практики, то от мультикультурализма быстро отказываются. Именно в этом случае, по мнению критиков эгалитарной концепции мультикультурализма, приходит конец толерантности [490, с. 131].

Вторая модель мультикультурализма – т.н. доминантная – предполагает, что в принимающем сообществе существует большинство, которое устанавливает правила, условия, права, рынок труда, условия образования, вероятности политического участия для вновь прибывших в страну. На этих условиях явившийся в инокультурное общество обязан приспособливаться, или «интегрироваться». Концепция доминантности не предполагает позицию единого человечества, напротив, здесь подчеркивается авторитет неравенства, откуда и берут начало права доминантной культуры, власть большинства и интеграционные наклонности. Европа придерживается этой модели мультикультурализма, которая воспрещает чуждым влияниям продвигаться далеко. Еще одним вариантом концепции доминантности является мультикультурализм, воплощенный в идее абсорбции – поглощения меньшинства большинством. «Иные» могут быть приняты в имеющуюся культуру, если смогут стать «хорошими для нас». Поэтому от «иных» требуется

как можно меньше обнаруживать родовые культурные привязанности или целиком принять новую доминирующую культуру и полностью раствориться в ней.

С начала 90-х гг. прошлого века на фоне процессов автономизации земель и фрагментации национальных государств роль мультикультурализма как объединяющей теории и практики, способной противостоять процессам разобщения, стала подвергаться сомнению. В своей публичной лекции от 22 декабря 2011 г. российский ученый В. Малахов веско доказывает, что «политика и практики мультикультурализма были мотивированы вполне рационально-бюрократически», и поясняет, почему в начале 2000-х годов Европа повернулась к ассимиляционизму. «...теракты, рост влияния ультраправых сил, нежелание ортодоксального мусульманского населения принимать культурные традиции принимающей стороны...» [298]. Этот поворот часто называют интеграцией, однако, по словам британско-польского социолога Зигмунда Баумана, интеграция – это политкорректное имя для ассимиляции» [66].

На наш взгляд, чтобы вычленить мультикультурализм в его современном, специфичном именно для нашего времени содержании, надо, как минимум, различать ситуации, когда:

а) в инокультурной (иностранной) среде оказываются отдельные индивиды (типичный случай – студенты, обучающиеся за рубежом);

б) в инокультурной (иностранной) среде оказываются отдельные культурные анклавы (типичный случай – социально значимые группы иностранных рабочих в странах Запада);

в) само функционирование того или иного института могут протекать только как совместное дело людей, представляющих разные культуры (типичные случаи – международные организации типа ООН, международные аэропорты, туристические центры, экспедиции, транснациональные компании и т.д.).

Из перечисленных ситуаций только третья является ситуацией мультикультурализма в чистом виде. Что касается первой ситуации, то она не создает серьезных проблем и разрешается через ассимиляцию, обязательные для всех нормы общественного приличия и взаимоуважительности. Вторая ситуация является исключительно противоречивой и чреватой глубокими конфликтами. Ее нельзя назвать мультикультурной. Она такова в силу ситуации, а не согласно логике развития самой культуры. Именно эта ситуация имеется в виду, когда речь идет о крахе политики мультикультурализма. В данном случае провалилась не политика мультикультурализма, а попытка средствами культуры решить социально-экономические проблемы. Сама ситуация культурного плюрализма в развитых странах, связанная с мигрантами – не следствие развития социокультурных процессов, она сложилась в результате цивилизационного развития.

Практическое воплощение мультикультурализма, по мнению исследователя В. Мамоновой, различается в различных национальных и государственных системах. Например, иначе, чем в Западной Европе, идея сосуществования множественных культурных миров мыслится в государствах, созданных на иммигрантской основе, таких, например, как США, Австралия, Канада. Мультикультурность государства вносит дополнительный уровень сложности в процесс интеграции общества, который, очевидно, будет носить в этом случае надэтнический способ объединения, апеллировать, главным образом, к социальным механизмам сплочения [300, с. 29–35]. Так, США выступают в качестве выдающегося примера сосуществования массы культур в целостном культурном пространстве. Согласно модели «плавильного котла», мультикультурное государство США предполагалось как «сплавление» англосаксов, этнокультурной основы американской нации, и различных иммигрантских групп. При этом акцентировалось сохранение и преобладание англосаксонской доминанты. Однако, начиная с середины 60-х годов прошлого века, программа «плавильного котла» уступает место идее мультикультурализма. Предпосылкой возникновения программы

мультикультурализма явилась «революция» гражданских прав, вследствие которой был принят «Акт о гражданских правах» 1964 г., смягчивший англосаксонскую доминанту в США, а также «Иммиграционный Акт» 1965г., что открыло путь в США немалому наплыву иммигрантов из т.н. стран «третьего мира». Ассимиляционные механизмы в виде массовой культуры, языка, политической системы и системы образования создают ту базовую социальную почву, на основе которой сплавиваются этнокультурные различия, не противоречащие типическому. В мультикультурной политике США, согласно В. Мамоновой, отчетливо декларируется тенденция приобщения иммигрантов к ценностям американского общества. В то же время принятие политики мультикультурализма свидетельствует об отсутствии искомой этнокультурной гомогенности американского общества [300].

По мнению профессора Н. С. Кирабаева, существуют определенные различия между множественностью имеющихся культур и многократностью тиражирования культурных отличий, при котором мультикультурная политика определяет меру допустимого культурного многообразия, ограничивая избыточность инокультурных компонентов, которые могут вызвать дробление, сегментацию культурного поля, изначально представляющего собой коллаж привнесенных культурных форм [240]. Рост культурного разнообразия на верхнем уровне общества предполагает ограничение этого разнообразия на нижних уровнях. Напротив, при росте разнообразия на нижнем культурном уровне уменьшается его наличие на верхнем, что вызывает нарастание меры неопределенности состояния культуры в данных условиях. По мнению норвежского ученого С. Скирбекка жизнеспособная культура является механизмом, регулирующим содержание меры неопределенности в системе, способом, ориентированным на приспособление социума к новым условиям существования. Поэтому для национальных государств Западной Европы вопросы сохранения культурного наследия, культивирование национальной истории, сохранение исторической памяти, этнической и культурной идентичности становятся одними из ключевых проблем [386, с. 91].

Появление мультикультурализма в странах Западной Европы, в отличие от стран культурной иммиграции, обусловлено историческим прошлым стран-колонизаторов. Идеология мультикультурализма в западноевропейских странах усиливается распространением либеральных ценностей, которые, по мнению С. Скирбекка, выказывают мысль о нежизнеспособности современной западноевропейской культуры. В обществе, по мнению норвежского социолога, умалывается значение коллективной культуры. И, соответственно, культура воспринимается как «явление, к которому индивид, согласно своему выбору и предпочтениям, может относиться как к средству собственного развития или просто как к развлечению» [386, с. 91]. Причиной этому то обстоятельство, что мультикультурализм в Европе – заимствованная и вынужденная политика. Постколониальный период здесь отмечен влиянием стран «третьего мира» на развитие событий в развитых странах. Это так называемая «колонизация наоборот». Одной из разновидностей ее проявления является миграция. Как вынужденная, так и добровольная миграция вносит определенные изменения в формирование современного культурного облика Европы. Тем не менее, миграция в западноевропейских странах ослабляет американско-центристскую направленность имеющегося этапа глобализации. По мнению ученых С. К. Бондыревой и Д. В. Колесова, современные виды миграции, как вынужденной, так и добровольной, могут рассматриваться как территориальная экспансия. Это связано с тем, что государство, как правило, оказывает поддержку родственным себе этнокультурным или конфессиональным группам, находящимся на территории другого государства, которые не всегда «вливаются» в общий культурный контекст. Следовательно, миграционные потоки, разделяя этнонациональную однородность того или иного государства, формируют на его территории очаги различных культур [84, с. 280–281]. Необходимо также отметить влияние перманентной миграции, вызванной частными передвижениями мобильных групп (студентов, туристов, сезонных рабочих) на культурное поле крупных городов, которые в результате становятся культурно неоднородными образованиями. Все эти причины

объясняют специфику политики мультикультурализма в странах Западной Европы. По определению А. И. Куропятника, мультикультурная политика западноевропейских государств – балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст. Это – смягченный вариант адаптации иммигрантов, выражающийся в форме «сдержанной интеграции», которая подразумевает сохранение культуры национального большинства и принятие новых групп меньшинств, выступающих в рамках общей гражданской идентичности, препятствующей ментальному размыванию границ национальной культуры государства [275, с. 55–58].

В системе рассуждений о типах мультикультурных отношений необходимо отметить то обстоятельство, что культурная многосоставность Америки и Западной Европы всегда отличалась от культурного многообразия, например, в СССР, прежде всего тем, что в США и Европе ни одно государственное образование не принадлежит единственно одной этнической группе, а выступает в роли формирования, состоящего из множества существующих совместно этнических групп. Это обстоятельство рождает явное отличие зарубежной мультикультурности от национальных республик бывшего СССР или автономных областей существующей ныне РФ, либо отношений между представителями различных культур в современной Украине.

Среди ученых, работающих на территории бывшего СССР в области изучения постсоветского пространства, внимание к феномену мультикультурализма было вызвано событиями 90-х годов прошлого века, которые повлекли яркое проявление этнического самосознания, что в свою очередь, весьма заметно пошатнуло незыблемость декларируемой советской идентичности. Так, этнолог В. А. Тишков акцентировал внимание на том, что мультикультурализм – это не только момент фиксации и признания в обществе либо государстве наличия культурных различий, но и «концептуальная позиция в сфере политической философии и этики», находящая свое выражение в праве,

социальных институтах, человеческой повседневности [411, с. 335]. Согласно предположению исследователя А. А. Борисова, мультикультурализм следует понимать как идеологию и политику, надстраивающую над этническими ценностями общенациональные – во-первых; во-вторых, как феномен этнокультурной фрагментации социума, который синонимичен «многокультурности» и выступает, таким образом, против культуры как общенационального движения [88, с. 8–9]. В данном высказывании отчетливо прослеживается существующее в постсоветской России расхождение между мультикультурализмом как идеологией, политикой и мультикультурализмом как культурной многосоставностью общества, т.е. мультикультурализмом как жизненной реальностью.

Особенности совместного существования нескольких разновидностей культур на территории Украины также лежат в области построения украинской нации и государственности. В основе украинской государственности существует эссенциалистское понимание нации как «высшей ступени развития этноса». Это, по сути, стремление к созданию однородной группы из очень разнохарактерного в лингвистическом и культурном плане человеческого материала. Находясь на позициях этнонационализма, представители украинских националистических движений требуют приведения реальной ситуации в стране в соответствие с идеалом этнического единства. Поэтому поддерживаемая властью модель нации, по мнению украинской исследовательницы С. Щербак, ориентируется не только на украинский язык, но и на сельскую символику, нормы и ценности, характерные для традиционного общества. Тем самым отодвигается, а иногда и полностью игнорируется индустриализированный и урбанизированный мир русскоязычного населения Украины. Вместе с тем в символическом публичном пространстве страны до последнего времени не было моделей, которые позволяли бы русскоязычным гражданам осмыслять себя и свое место в украинском государстве. Например, представители радикальных сил не признают за русскоязычным Юго-Востоком права «быть иными», не видя для

этого достаточных оснований [478, с. 219–236].

Действительно, украинское общество является мультикультурным, однако совсем не в том смысле, в каком привыкли его трактовать, опираясь на представления об этносе как совокупности представителей, обладающих неизменными, присущими только им в рамках данной культуры, личностными качествами. В украинском обществе широко присутствуют два языка и две культуры – украинская и русская, причем, в отличие от аналогичных европейских моделей (например, бельгийской), они не изолированы территориально. И модель национальной идентичности, в которой символически не представлена значительная часть населения страны, не только не способствует интеграции общества, а, скорее, ведет к его дезинтеграции [478, с. 219–236].

При этом возможность принятия и реализации модели мультикультурализма предполагает учет интересов и потребностей всех языковых и культурных групп населения, предоставление возможности осмыслять свою общность с другими группами, избегая противопоставления и конфронтации. Для современных украинских реалий мультикультурализм как модель формирования новой проевропейской культуры – наиболее возможный и практически реализуемый вариант. Можно признать, что современное стремление Украины к традиционным европейским ценностям в ментальном и общефилософском плане отвечает идее мультикультурализма в его современной интерпретации, поскольку сама эта идеология созвучна эстетическим и философским основам постмодерна, в рамках философии которого и развивается социальная, ценностная и эстетическая сфера современного украинского общества.

Мультикультурализм эпохи постмодерна представляет собой не только этническое разнообразие, но и разнообразие жизненных стилей, ориентаций и культурных тенденций. Поскольку культурный плюрализм состоит не в сосуществовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, политика культурного плюрализма в современной Украине представляется

направленной не только на «диалог» между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, но и на формирование общего коммуникационного пространства. Вопросы идентичности, ценностей становятся в данной ситуации решающими.

Исходя из представленных материалов осмысления мультикультурализма как социально-философского феномена и общекультурной реальности, имеется возможность определить типы и формы мультикультурализма в зависимости от исторических и этнокультурных особенностей, от социокультурных трансформаций. Типологизация мультикультурализма как социально обусловленного феномена и философской категории предполагается основанной на следующих компонентах:

- вопросы стабильности и интеграции в мультикультурном обществе: структура власти, приемлемый набор конституционных прав, справедливое и беспристрастное государство, мультикультурно конституированная общая культура и мультикультурное образование, а также плюралистическое и включающее в себя все группы понимание национальной идентичности;

- ценности в мультикультурном обществе. Равенство и справедливость. Проблема межкультурной оценки. Равенство полов (положение женщины, вопросы образования женщин);

- политика, религия, вопросы свободы совести и свободы слова;

- политическая делиберация в мультикультурном обществе.

Опираясь на эти исходные положения, можно выделить следующие типы мультикультурализма:

1. Античный мультикультурализм – слияние представителей всевозможных культур в рамках одного громадного государства. Продвижение основной культуры и подавление всех остальных, что не исключает момента проникновения традиций завоеванных народов в очаги главной культуры. Множество проблем, главная – проблема удержания в стабильном состоянии непредсказуемого человеческого сообщества. Данный тип мультикультурализма активно функционирует в настоящее время в Российской

Федерации.

2. Ренессансный мультикультурализм – разнообразие, вызванное развитием национальных языков, культур, представлений, расширением культурного пространства, инициированное переходом от традиционной культуры, с мифологическим типом сознания, к персоналистскому, личностно-креативному типу инновационной культуры. Остаточные проявления данного типа мультикультурализма можно увидеть в настоящее время в странах классической иммиграции (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США).

3. Мультикультурализм Нового времени – сформированная к XVIII веку европейская концепция свободы совести, основанная на понимании необходимости толерантности к представителям иной веры, культуры, расы. Возросшее понимание ценности естественных прав и свобод индивида. Черты данного типа мультикультурализма в его основных проявлениях можно видеть в настоящее время в странах этнокультурного плюрализма (западноевропейских обществ).

4. Мультикультурализм модерна – межкультурные взаимодействия на фоне распространения демократизации, развития основополагающих ценностей культуры модерна: индивидуальной свободы, рационального сознания и прав человека. Слом традиционных культур при появлении первых машин и механизмов. Формирование этнических и религиозных сообществ не только в постколониальных странах с незавершенной национальной консолидацией общества, но и в давно сложившихся государствах-нациях Европы и в США.

5. Мультикультурализм постмодерна – понимание иной культурной позиции как, «чужой правды» и восприятие своей правды как «открытой, незавершенной». Наличие в границах одного политического образования резко дифференцированных общностей, которые сохраняют свою идентичность и границы. Эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода из ассоциации:

– мультикультурализм в странах, созданных на иммигрантской основе (США, Канада, Австралия) – привнесенное этническое и культурное

разнообразие не только не противоречит основной культуре, но, вписываясь в ее контекст, питает ее систему ценностей. Ассимиляционные механизмы в виде массовой культуры, языка, политической системы и системы образования создают базовую социальную почву, на основе которой сплавляются этнокультурные различия. В мультикультурной политике – тенденция приобщения иммигрантов к ценностям государства и общества;

- мультикультурализм в Западной Европе – это балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст. Сохранение культуры национального большинства и принятие новых групп меньшинств, выступающих в рамках общей гражданской идентичности, что препятствует ментальному размыванию границ национальной культуры;

- мультикультурализм в России – это идеология и политика, надстраиваемая над этническими ценностями общенациональные; феномен этнокультурной фрагментации социума, который синонимичен «многокультурности» и выступает против культуры как общенационального движения. Расхождение между мультикультурализмом как идеологией, политикой и мультикультурализмом как культурной многосоставностью общества, мультикультурализмом как жизненной реальностью;

- мультикультурные отношения в Украине – основаны на мультикультурализме эпохи постмодерна, который представляет собой не только этническое разнообразие, но и разнообразие жизненных стилей, ориентаций и культурных тенденций. Политика культурного плюрализма направлена не столько на поощрение «диалога» между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, сколько на формирование общего коммуникационного пространства.

Несмотря на представленную упорядоченную структурность типологии мультикультурализма, основанную на социально-историческом подходе, нельзя не обратиться к вопросу о критике доктрины мультикультурализма со стороны ведущих политиков Европы в конце 2010 – начале 2011 года. Недовольство мультикультурализмом привело к выдвижению альтернативной модели

политики межкультурного взаимодействия [70]. Среди вариантов межкультурного взаимодействия были выделены:

- авторская концепция Амартии Сена «культурной свободы» [382],
- концепция британского премьер-министра – «энергичный либерализм» (гражданская интеграция, которая не вытесняет традиционную культуру, а дополняет ее) [68],
- концепция интеркультурализма [219].

Среди предложенных наиболее заслуживает внимания именно концепция интеркультурализма, которая, согласно «Белой книге по межкультурному диалогу» Совета Европы (2009 г.), содержит стремление не отменить, но видоизменить мультикультурализм, добавив к концепции важнейшую задачу интеграции [70]. Интеркультурализм так же, как и мультикультурализм, исходит из идеи культурного разнообразия мира. Но различия заключаются в том, что мультикультурализм нацелен на защиту культурных особенностей и зачастую приводит к культурной замкнутости, тогда как интеркультурализм ориентирован на поиск условий взаимодействия самых разных культур.

Российские ученые Я. Бахметьев и Э. Паин отмечают, что исторически первым и массовым проявлением интеркультурализма был советский интернационализм. «Это тем более важно, поскольку сегодня интеркультурализм рассматривается как мировая инновация» [68]. По мнению исследователей, советский интернационализм был политической доктриной, в которой впервые была освоена идея интеркультурализма. Эта доктрина была выстроена на теоретических основах, позаимствованных из французской модели гражданской нации. В обеих моделях идентификация и консолидация людей должны были выстраиваться не на этнической, а на гражданско-политической основе. Во французской модели это было идея народногосударственного суверенитета, в советском интернационализме – идея дружбы народов-этносов [68].

По мнению Я. Бахметьева и Э. Паина интеркультурализм – концепция, более устойчивая к новым вызовам глобализации. Мультикультурализм, как

концепция XX века, противостоял классической глобализации (которая, по мнению исследователей, была вестернизацией). Это были процессы привнесения западных ценностей в мир глобального Востока. В ответ на это выходцы с Востока тянулись в средоточие западной цивилизации – это была не интервенция, но приобщение к западным стандартам жизни. Однако с приближением XXI века характер этих миграций резко поменялся: Я. Бахметьев и Э. Паин полагают, что вестернизация сменилась остернизацией. Но если вестернизация осуществлялась, в основном, экономическими методами, то остернизация опирается на культурное воздействие. В связи с этим, Восток продолжает наступать на Запад, но уже экспансионистскими методами: идет процесс обратного колониализма, когда в мир западных ценностей активно вливаются традиционные ценности Востока. В связи с этим исследователи доказывают, что мультикультурализм просто не мог быть готовым к таким переменам в процессах глобализации, тогда как именно концепция интеркультурализма является крайне устойчивой к ним [68].

Рассматривая мультикультурализм и мультикультурные отношения в широком контексте, необходимо обратить внимание на феномен транснационализма – социальное движение, отражающее усиленную взаимосвязь между людьми во всем мировом пространстве и ослабление границ между странами. Впервые термин «транснациональность» предложил Р. Боум в его эссе «Транснациональная Америка» в 1916 г. для описания нового типа мышления в отношениях между культурами. Автора причисляют к «протомultiкультуралистам» [481]. Он отрицает принцип ассимиляции мигрантов и видит Америку как «космополитическую федерацию национальных колоний». Его вывод: «американец» – это уже «не национальность, а транснациональность», которая у автора сводится к преимущественно идентичности [481].

Сторонники транснационализма стремятся облегчить поток людей, идей и товаров между регионами, странами, континентами. Они полагают, что у этого направления есть увеличивающаяся уместность с быстрым ростом

глобализации. Они утверждают, что термин «транснационализация» не имеет смысла связывать с определенными границами этнического государства, например, миграционными рабочими силами, объединенными корпорациями, глобальным потоком денег, глобальным потоком информации, и глобальным научным сотрудничеством. Транснационализм определяется учеными как особая форма организации социального пространства [494]. Рассматривая социальную активность мигрантов, исследователи заключают, что место происхождения и место (места) поселения человека сливаются в «единое поле социального действия», что стало возможным благодаря развитию транспорта и коммуникаций, обеспечивающих концентрированные и частые связи между людьми. Современный человек может одновременно жить в двух и более мирах, формируя своей деятельностью «транснациональные пространства» [480]. В изложении подобных идей было предложено понятие «трансмигранты», обозначающее мигрантов, которые «живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со)общество». Они создают «социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы» государств [94, с. 133–146].

Определяющими параметрами в анализе агентов транснационализма являются их экономические, политические и личные интересы, которые не формируются национальными рамками. Структура взаимодействий членов транснациональных сообществ, как показывают исследователи, формируется по модели сетей, которые структурируют особую мобильность, а также трудовую, социальную, культурную и политическую жизнь людей [268, с. 77–85].

Транснационализм меняет саму концепцию гражданства. Например, отмечается резкое сокращение разрыва в статусах граждан и не граждан [268, с. 77–85]. Одновременно формируются новые социальные образования, которые накладываются поверх тех, что структурируются по модели межгосударственных отношений. Глобализация способствовала созданию транснациональной страты экспертов и специалистов по всему миру,

характеризуемых схожими интересами и высокими доходами. Исследования говорят о высоко квалифицированных мигрантах – менеджерах транснациональных корпораций, называя их транснациональными элитами в мировой системе. Предполагается, что именно эти миграционные потоки являются артериями, которые обеспечивают жизнь «сетевое общества», по выражению М. Кастельса, так как в основном через их деятельность перемещаются и аккумулируются знания и капиталы [234].

В последнее время ученые все чаще высказывают идеи о формировании «транснациональных классовых образований». В теориях глобального капитализма агентом политических практик выступает транснациональный капиталистический класс (ТКК), которому исследователи отводят роль правящего в мировой политике. Его составляют транснационально-ориентированные социальные группы, «которые начинают мыслить глобально» и считают себя «гражданами мира» [234]. Так на основе учащающихся транснациональных практик по всему миру формируются транснациональные социокультурные пространства, в которых человек, вне его отличительных – этнических, культурных, религиозных, социальных, гендерных и иных характеристик – становится источником развития социума. Масштабные транснациональные проекты, управляемые сообществами нового типа, в которые включаются на разных этапах новые массы людей, задают направление экономического, политического и культурного развития.

Все изложенное формирует тезис о том, что интеркультурализм и транснационализм в своей основе имеют глобальное мультикультурное взаимодействие, основанное на межкультурных отношениях и связях. Это позволяет сделать вывод, что интеркультурализм и транснационализм, будучи новейшими социокультурными феноменами, представляются не самостоятельными явлениями, но проявлениями мультикультурности в том или ином виде, можно утверждать – формами функционирования мультикультурализма; механизмом же такого функционирования является мультикультурная толерантность. Культура постмодерна,

узаконивавшая множественность как всеобщее начало, предназначила мультикультурализму мировоззренческую позицию, в которой толерантность по отношению к культурной разнообразности есть выражение особенного. Осмысление типов форм функционирования мультикультурализма в общецивилизационном и конкретно-историческом измерении ведет к более адекватному восприятию разнообразных культурных проявлений и возможности понимания своего места и роли во всеобщем развитии для самых различных групп людей в рамках современных социокультурных трансформаций.

3.2. Проблемы и перспективы классификации толерантности применительно к мультикультурной социальной реальности

Идея толерантности относительно недавно стала рассматриваться социально-гуманитарной мыслью в Украине. Наиболее существенные современные исследования по проблеме толерантности появились с 90-х годов XX века. До этого времени толерантность осознавалась как идея собственно буржуазного мира, и это обстоятельство не позволяло поместить толерантность в рамки имеющихся в научном знании нашей страны подходов в изучении гуманитарных наук. Толерантность как явление и как понятие были чуждыми советской культуре. Идея толерантности была не востребовавшей в СССР, государстве с имперским типом устройства, в котором национальная политика решалась в рамках «дружбы народов», а сама человеческая личность в подобной общности носила название «советский человек».

Отношение к толерантности меняется при появлении новой идеологии и направления развития в сторону кардинального изменения постсоветской политики, экономики, социума, а, вслед за этим – и гуманитарного знания, и культуры в целом. Происходящая в обществе плюрализация всех аспектов жизни – мировоззрения, религии, политических, педагогических систем, медицинских концепций, пересмотров исторических фактов сопровождается и определенным «взрывом» в сфере гуманитарного знания, вышедшего из-под

идеологического сдерживания и контроля [267, с. 109–112].

Основания исследования феномена толерантности современным социально-философским знанием задается двумя сущностями:

– осознанием естества, сущностных характеристик, границ функционирования, диапазона мыслимых субъектов в толерантных отношениях и возможностей для рассмотрения концепта толерантности;

– анализом уровней предъявления толерантных отношений в современной социальной реальности и возможностей их закрепления и повторения.

Структура толерантных отношений, как определяет исследователь А. Е. Зимбули – это «субъект терпимости, адресат терпимости, предмет терпимости. Иными словами, кто сдерживается (субъект), в отношении кого (адресат) и по какому поводу» [211, с 23]. Существует возможность, следуя за рассуждениями исследователя Г. Бардиер, представить наиболее последовательную классификацию понятия о толерантности, принимая во внимание тип конкретного общественного устройства и основные регуляторы его социального развития. От типа общественного устройства зависит то, что будет включено в дефиниции в качестве объекта и субъекта толерантности. Причем, сам по себе тип общественного устройства, включая социокультурную парадигму его прочтения, задает базовые категории анализа понятия о толерантности. К основным регуляторам социального развития необходимо отнести, прежде всего, тип права, определяющего нормы человеческого существования в данном обществе, а также – тип закона, гарантирующего соблюдение этого права. В качестве предмета эмпирического исследования можно выделить предметные очерки и исторические примеры сообществ того или иного типа, а также – социально-психологические категории жизни сообщества на уровне человеческих взаимоотношений [64, с. 155–161].

В такой классификации в качестве основных критериев, определяющих содержание понятия толерантности для того или иного типа сообщества, определяются:

- обозначение субъектов и объектов толерантности – «кто и кого в данном сообществе терпит»;

- тип права, обозначающий нормы жизни в сообществе;
- тип закона, гарантирующего право;
- предметные очерки и примеры из жизни сообщества указанного типа;
- анализ общественной жизни на уровне человеческих отношений;
- роль посредника, направленного на позитивное влияние.

В качестве начальной типологии сообществ с точки зрения особенностей их социального развития принимается классификация пяти толерантных режимов, данная наиболее последовательным исследователем толерантности М. Уолцером:

- многонациональные империи (мультикультурализм);
- международные сообщества;
- консоциации (гражданское общество);
- национальные государства (группа – представитель рода);
- иммигрантские сообщества («все терпят всех») [416].

Исследуя феномен подобным образом, можно, полагает Г. Бардиер, привести варианты разновидностей толерантности для каждого из названных режимов.

1. Многонациональные империи.

- Субъекты и объекты толерантности – большие группы и государство (автономии и полуавтономии).
- Тип права – государственное право.
- Тип закона – государственная легитимность (конституция).
- Пример – бывший СССР и его республики.
- Феномены – территории с «внедеренными» субъектами федерации.
- Психологические категории анализа – защитные механизмы личности как форма психологической компенсации несовершенства закона.
- Функция посредника – исследование и рекомендации, направленные на

корректировку законов.

2. Международные сообщества.

- Субъекты и объекты толерантности – суверенные государства и сообщество международного типа, членами которого они являются.

- Тип права – международное право.

- Тип закона – соглашения, декларации и конвенции стран-участниц.

- Пример – Декларация прав человека, Европейская конвенция.

- Феномены – отношение к России в Совете Европы, Югославия...

- Психологические категории анализа – механизмы «гуманитарной интервенции» внутри сообщества и механизмы расширения сообщества, например, путем привлечения других стран.

- Функция посредника – сопровождение мирных переговоров.

3. Консоциации.

- Субъекты и объекты толерантности – человек как член общества и само общество, воплощенное в его государственном аппарате, партиях, движениях, разнообразных больших и малых группах.

- Тип права – гражданское право.

- Тип закона – принципы демократии и действующие на основе закона демократические институты гражданского общества.

- Пример – развитие института Уполномоченного по правам человека в Содружестве Независимых Государств и Украине.

- Феномены – различия в уровне «демократичности» регионов и стран.

- Психологические категории анализа – культура политического участия, консолидации, достижения консенсуса.

- Функция посредника – технологии участия и гражданское образование.

4. Национальные государства.

- Субъекты и объекты толерантности – малые группы (меньшинства) и общество, его большие группы.

- Тип права – естественное право, традиционное право, коллективное

право, родовое право.

- Тип закона – субкультура меньшинств, например, национальная субкультура: традиции, обычаи, уклад.

- Пример – компактные проживания, меньшинства, этносы.

- Феномены – традиционность и клановость у народов Кавказа или Ближнего Востока.

- Психологические категории анализа – формы неприятия и агрессии.

- Функция посредника – организация пространства «симметричных» переговоров.

5. Иммигрантские сообщества.

- Субъекты и объекты толерантности – человек (как личность, носитель «иной» культуры») и общество (как цивилизация, глобальная культура);

- Тип права – личное (индивидуальное) право;

- Тип закона – общественное мнение;

- Пример – этнически идентифицируемые беженцы, переселенцы, эмигранты;

- Феномены – меньшинства на территории РФ, общества в странах классической иммиграции – Австралия, Канада, Новая Зеландия и США;

- Психологические категории анализа – формы всеобщего принятия, развитие мультикультурализма и толерантности;

- Функция посредника – организация вхождения в сообщество новых членов, создание и расширение социокультурного пространства [64, с. 155–161].

Можно согласиться, что таким образом выглядит ситуация толерантности, при которой субъект толерантности сдерживается относительно адресата в выражении своих оценок, поведения, в связи с предметами толерантности. Как пишет украинский и российский философ, и культуролог, специалист в области теории ценности, М. С. Каган: «Объект деятельности субъекта предстает как предмет приложения активности, который допускает и терпит, чтобы с ним подобным образом обращались – преобразовывали, познавали, оценивали,

короче, так или иначе с ним манипулировали (показательно, что во французском языке «объект» означает также «вещь»; объекту действительно присуще свойство «вещности», то есть способность быть пассивным орудием чужой воли)» [225, с. 90–91].

Можно согласиться с мнением известного исследователя толерантности, Н. Кругловой, что образец субъекта всегда приобретает индивидом, социальной группой, сообществом, а не изначально присущ им. У человека – это воспитание посредством социализации и самоутверждения, что в процессе может иметь форму конфликта. Само формирование толерантных отношений проясняет, что с течением времени из субъект-объектных – «толерантность как любезность» в интерпретации Д. Локка – они переходят в субъект-субъектные, что показывает их прогрессивный, гуманистический вектор развития. Толерантность незаметна, так как является фактором единства общества при условии многообразия его представителей, и плюрализм, как важнейшая черта человеческого цивилизованного социума, создает стабильность общественной системы, ее единство, возможности для приспособления и выживания, включая системы закрытого – традиционного, тоталитарного, и открытого – новоевропейского типа [267, с. 109–112].

В связи с этим интересен вопрос о зависимости формирования феномена толерантности от социокультурного развития, становления гражданского общества в его зависимости от плюральности и мультикультурности мира. По мнению Н. Кругловой, вопрос о толерантности как общественном феномене появляется в человеческой истории в ситуации перехода от традиционного общества к гражданскому. Толерантность традиционного общества обусловлена сакральной природой власти, незыблемостью социальной иерархии, затрудненностью социальной мобильности, доминированием общественного над личным [267, с. 109–112]. Впервые в достаточно развитой форме гражданское общество можно увидеть в Древней Греции периода расцвета полисов. Толерантность как реальность культуры в неотраженном виде можно обнаружить также на данном этапе общественного развития. В это

время начинает появляться и структурировать субъектность множества культурных связей под влиянием десакрализации власти, появления общественной мобильности, развития рационализма, секуляризации и разнообразия культурных возможностей для саморазвития личности, что и определяет субъекта как свободного гражданина. Формирование новых субъектов социокультурной деятельности повышает уровень внутренней дифференциации общества, приводит к усилению конфликтных форм взаимодействия, а, следовательно, оптимизирует социальную структуру и увеличивает количество участников толерантных отношений. Так, свободная Греция рождает новый для своего времени тип культуры – агональный, в котором соревнование, состязание, борьба становится универсальным публичным культурным ритуалом, выявляющим лучшего из лучших [267, с. 109–112]. Многообразие древнегреческих полисов от культурного расцвета Афин до военизированной Спарты свидетельствует о множестве вариантов культурного развития и о возможности их свободного выбора. Соревновательность, конкуренция и неотъемлемое качество этих феноменов – открытость критике – становятся основополагающими чертами любого толерантного общества на всем пути дальнейшего человеческого развития [266, с. 131–137].

Исследователь указывает, что опыт Древней Греции не только дал миру феномен демократии, но и породил сопряженный с ним феномен рационализма, появление которого было напрямую связано с запросами политической жизни. Так как важнейшим оружием демоса в борьбе с аристократией явилось требование записи и кодификации правовых обычаев и норм, то реализация этого требования превратила «божественное» установление в человеческое, что выразилось в понятии «закон» (*nomos*). Закон приобрел характер рациональной правовой идеи, подлежащей обсуждению, а уверенность в том, что «истина рождается в споре», стала у греков необходимым условием постановки и решения политических, юридических, философских и нравственных проблем [266, с. 131–137]. Следовательно, основа возникновения греческой философии

– секуляризация политической мысли, появление же «социоморфной модели космоса» было результатом проекции на природу принципов, сформировавшихся в русле гражданско-правовых отношений. Греческая демократия определила сущность греческой пайдеи, главную особенность этой культуры: идею о главенстве человеческого разума, принцип разумного миропонимания и представления о творческом назначении человека. Следуя за К. Поппером, Н. Круглова утверждает, что «рационализм становится универсальным языком понимания и убеждения, он предполагает критицизм, свободу мнения и личную ответственность и, таким образом, становится инструментом и опорой терпимости» [266, с. 131–137].

Пример древнегреческой цивилизации, по мнению Н. Кругловой, показывает возможность обретения толерантности как реальности вне осознания этой проблемы в силу универсалистски ориентированной культуры, носителями которой становится свободно определяющаяся личность. Обозначив первым историческим типом толерантности полисный тип, исследователь считает возможным признать, что обретение подлинной толерантности – это не простая задача, которая предполагает длительное, терпеливое воспитание граждан в условиях взаимопользования свободой и взаимного уважения, что возможно только в динамичном, критически настроенном, открытом либерально-демократическом обществе [266, с. 131–137].

Уже в период античности, указывает Н. Круглова, проявляются две отличающиеся исторические разновидности толерантности: толерантность может коррелировать либо с ситуацией взаимопользования свободой, либо в обстоятельствах функционирования плюрализма различных видов. В этих, противоположных обстоятельствах социокультурная система ориентирована на сохранность и воспроизведение самой себя. Высшей ценностью и целью в этом случае является само государство, незыблемость границ, стабильность государственного бытия. А декларируемой высшей целью часто обозначается какой-либо идеологический конструкт, чаще всего религиозный или

псевдорелигиозный. Такое государство – империя, и создается оно чаще всего путем военной экспансии. Человек в этой системе – лишь средство. Как правило, огромное, часто необозримое государство состоит из самых разнообразных в религиозном, этническом, культурном понимании частей. При этом хорошо отлажена система управления и контроля, состоящая из четко регламентированных методов приведения культурного пространства в единообразное целое. Этот тип общества характеризуется экзогенным (внешним, экстернальным или, просто, чужеродным – поликонфессиональным, полиэтничным) плюрализмом. Толерантность различных субъектов культурного многообразия друг к другу задается самим имперским государством в качестве основного правила существования в пределах такого образования, как первым и главным распорядителем социального пространства. Несвобода, подчиненность и закрепленность – основа такого типа толерантности. Это, по терминологии исследователя, имперская толерантность, которая наиболее ярко проявляется уже в эллинистических монархиях, затем транслируется в Римской империи, воспроизводится в Российской империи и других [267, с. 109–112]. Указанные полисный и имперский типы толерантности содержат все промежуточные, или смешанные исторические виды толерантности как социального явления.

Можно согласиться с Н. Кругловой, что осознанное желание обрести толерантность в качестве социокультурной нормы возникает в Западной Европе в Новое время в связи с расцветом эндогенного (внутреннего) плюрализма [266, с. 131–137]. Здесь можно назвать плюрализм мировоззренческого типа, известный в эпоху Ренессанса, начало плюрализации христианского вероисповедания в условиях Реформации, и плюрализм, порожденный утверждением рационализма в период Просвещения. Эта ситуация плюрализации характеризуется появлением новых субъектов социокультурной деятельности, которые добиваются и достигают своего политического, социального, религиозного и культурного признания – сюда могут быть отнесены протестанты, буржуазия, женщины, молодежь и другие социальные

группы. Формирование субъектности нового культурного явления, его представление об идентичности и путь к его признанию осуществляются через социальное взаимодействие, часто выражающееся в форме конфликта.

Действительно, можно признать, что первыми примерами толерантности в Европе стали страны, осуществившие буржуазные революции: Англия и Голландия. Новаторство и необратимость процессов, которые привели к модернизации средневекового общества и превращению его в общество современное индустриальное, были осуществлены именно в Англии. Эта страна прошла путь Реформации, обогатив его особыми чертами, среди которых нужно назвать, прежде всего, феномен создания Англиканской церкви, как государственно-политический проект. «Конфликт ценностей, связанный с протестантизмом, и конфликт интересов, связанный с нарождающимися буржуазными отношениями, здесь совместились наибольшим образом и породили прецедент самой консервативной революции в истории, что, вероятно, и способствовало закреплению ее результатов. Англия – единственная страна в Европе, которая совершила буржуазную революцию до оформления Просвещения как особого культурного феномена» [267, с. 109–112].

Опыт Англии показал, что проблема толерантности возникает на трансформационных этапах жизни общества, отмеченных ситуацией нестабильности. Вопрос о толерантности зарождается как признак критического состояния общества и требует переосмысления фактора терпимости. Что касается непосредственно Англии, толерантность здесь формировалась в ситуации становления плюрализма как следствия саморазвития всей системы культуры, что явилось результатом возникновения Реформации и буржуазных течений, с одновременным конфликтом внутриобщественных ценностей и интересов. Плюрализм, собственно, и породивший вопрос о толерантности, имел две разновидности: религиозный и социально-политический. Это обстоятельство привело к оформлению религиозной и политической толерантности как первых разновидностей

данного феномена, известных в Новое время.

Процесс отчуждения человеческой личности, получивший свое начало вследствие буржуазных изменений, привел к становлению рабочего, а затем феминистского и молодежного движений. В результате этого появляются новые субъекты социокультурной жизни, которые также начинают заявлять о признании самих себя, и это порождает новые формы толерантности (по характеристике Н. Кругловой): классовую, гендерную и межпоколенную. Для определения нового субъекта толерантности важным фактором является наличие выбора. Так, последним моментом в закреплении статуса субъекта толерантности в социальной жизни является получение им избирательного права [267, с. 109–112].

В целом толерантность как социокультурная норма наиболее оптимально функционирует относительно именно эндогенных (внутренних) видов плюрализма, как показателей процесса свободной дифференциации данного общества, вызванного логикой его развития. Та же толерантность функционирует менее успешно относительно экзогенного (внешнего) плюрализма, а именно межэтнического и межрасового. Об этом свидетельствуют проявления феномена бытового расизма в современных развитых странах уже после Второй мировой войны. Именно поэтому в наши дни с особой остротой вновь поднят вопрос о пересмотре правил и пределов толерантности в ее историческом эпицентре – Западной Европе – в связи с ситуацией мультикультурализма и этнической терпимости [58, с. 134–145].

Таким образом, можно установить базисные основания возникновения феномена толерантности, которые плотно коррелируют с основными чертами западноевропейской (и западной в целом) социокультурной системы: социально-политический плюрализм; парламентаризм; секуляризм; конституционные свободы; институт прав человека; социальная мобильность; стремление к инновационному развитию. В связи с этим интерес представляет вопрос о возникновении и своеобразии становления толерантности на постсоветском пространстве. Это связано с одновременной, а не

последовательной, как в Западной Европе, актуализацией всех типов плюрализма и стремлением широкого спектра социальных феноменов к своему признанию, что обусловило повышенную социальную конфликтогенность [267, с. 109–112].

Для определения основ классификации феномена толерантности в социокультурной реальности постсоветского пространства необходимо решить проблему соотношения толерантности и идентичности. Последний феномен имеет большое значение для современного общества, т.к. является средством разрешения вопросов соотношения единого и множественного в рамках социальной формы движения материи. По мнению исследователя Е. А. Кроткова понятие «толерантность» включает в себя несколько признаков-аксиом:

- 1) аксиома существенной инаковости (субъекты толерантности имеют социально значимые различия);
- 2) аксиома чуждости (настороженное или отрицательное отношение к тому, в чем субъекты различаются);
- 3) аксиома ненасилия (возможность отторжения другого или отказ от него);
- 4) аксиома стремления к миру (осознание необходимости нахождения «мирного» варианта решения проблемы);
- 5) аксиома гармонии в многообразии (стремление к поиску общего пространства жизненной идентичности);
- 6) аксиома активной обороны (право на решительный отпор попыткам разрушения этого общего пространства);
- 7) аксиома несамодостаточности (в конечном счете, толерантность детерминирована финансово-экономическими, социально-культурными и правовыми факторами) [264, с. 30–45].

По мнению известного исследователя толерантности М. Б. Хомякова, «процесс формирования идентичности прямо противоположен процессу формирования толерантности. Действительно, в первом случае мы имеем

сосредоточение на различиях – в культуре, мнении, поведении, тогда как во втором речь идет о временном забвении различий и сосредоточении на уважении другого человека «равного» субъекту толерантности» [451, с. 30–56]. Однако, несмотря на то, что процессы формирования идентичности и толерантности прямо противоположны друг другу, само существование идентичностей вовсе не обязательно противоречит толерантности. Угроза интолерантности и конфликтность со стороны идентичности возникает лишь в случаях ее нестабильности и проблемности. Соответственно необходимо обеспечивать условия максимального благоприятствования развитию и стабилизации групповых идентичностей. Более того, интеграция общества должна быть основана на некоторых общих идентичностях [451, с. 30–56].

Известный общественный и политический деятель, исследователь социально-политических проблем М. Игнатъефф считает, что толерантность и идентичность – несовместимые понятия: групповые идентичности выступают основной причиной интолерантности в обществе. «Дело в том, что идентичности формируются на основе «отталкивания» от «иного», и чем ближе это самое «иное», тем сильнее интолерантность, тем конфликтнее отношения, тем враждебнее настроена одна группа по отношению к другой... Не те общие элементы, которые объединяют людей друг с другом, определяют их восприятие своей идентичности, но именно те маргинальные «меньшие» различия, которые их разделяют» [264, с. 30–45].

Следовательно, в решении вопроса соотношения толерантности и социальной идентичности можно выделить два противоположных подхода. Сторонники первого подхода (М. Игнатъефф) настаивают на принципиальной несовместимости и противоречивости этих феноменов, сторонники второго (Дж. Ньюмен, Дж. Берри, М. Б. Хомяков) – на их единстве и взаимообусловленности в условиях полиэтничного и поликонфессионального социума в условиях глобализации. Сторонники первого подхода исходят из того, что идентичность – это основной источник интолерантных установок в обществе. Это происходит потому, что толерантность в качестве принципа

выдвигает требование временного «забвения» своего несогласия с тем или иным мнением. Это может привести к размыванию и утрате социальных идентичностей, а после, в свою очередь, находит отражение в ассимиляции этнических групп меньшинства с этнической группой большинства и формировании общей для всего населения групповой идентичности при толерантном отношении к меньшинству со стороны государства. По мнению М. Игнатъефф: «В рамках такого понимания соотношения социальной идентичности и толерантности современный национализм может рассматриваться как бунт идентичности против толерантности. Идентичность, соответственно, становится опасной для толерантного либерального общества...» [264, с. 30–45].

В рамках указанного подхода, по мнению Е. Кроткова, выработаны две стратегии решения проблемы: политика идентичности без толерантности и либеральная политика индивидуальной толерантности без учета факторов идентичности [264, с. 35–40]. Однако каждая из стратегий таит в себе «подводные камни». Политику идентичности без толерантности невозможно реализовать в современном обществе в условиях глобализации и мультикультурного разнообразия, плюрализма ценностей без обращения к силовому давлению и репрессивным мерам. Политика индивидуальной толерантности без социальной идентичности представляет собой лишь миф, невозможный для реализации, поскольку любое государство нуждается в том, чтобы иметь официальный государственный язык, государственный стандарт в образовании, общенациональные средства массовой информации и т.д. Таким образом, «провозглашенный либерализм толерантных отношений в обществе в итоге оборачивается тщательно замаскированной тиранией большинства» [374, с. 77]. Другое возражение в адрес политики индивидуальной толерантности без социальной идентичности связано с признанием потребности личности в определении принадлежности к социальной группе или сообществу, что реализует необходимость аффилиации, по А. Маслоу [306].

Сторонники позиции единства идентичности и толерантности выдвигают

тезис о том, что толерантность не приводит к ослаблению групповой идентичности, т.к. уважение к «иному» мнению, ценностям, поведению, вовсе не предполагает обязательного согласия с тем или иным «отклоняющимся» мнением, поведением и т.д. Так, известный канадский кросс-культурный психолог Дж. Берри считает, что только уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности – к нетерпимости, к этноцентризму, он приходит к выводу о том, что «не может дальше продолжаться такое положение вещей, что выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму» [490, с. 131].

В рамках второго подхода не отрицается тезис о том, что групповая идентичность может выступить причиной интолерантности в обществе. Однако это может произойти лишь в случае угрозы разрушения этнической культуры. Проявление интолерантности понимается как результат действия механизмов социально-психологической защиты ради сохранения позитивной этнической идентичности и тесно связанной с ней этнической толерантности. Социальный психолог, исследователь проблем идентичности, Н. М. Лебедева считает, что позитивность этнической идентичности и этническая толерантность–интолерантность могут выступать в качестве показателей (индикаторов) межэтнических отношений. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и этнической толерантности [276, с. 104–115].

Хочется отметить, что в какой бы форме не выражалось соотношение толерантности и идентичности в условиях современного общества, именно эти два феномена выступают индикаторами межэтнических отношений, и именно

от того, какими темпами будет идти формирование позитивной гражданской идентичности и толерантности, зависит консолидация и сохранение любого социума во всем его многообразии. Именно поэтому проблема соотношения толерантности и идентичности остается чрезвычайно актуальной для обществ современного постсоветского пространства. Само существование идентичностей на этом геополитическом пространстве вовсе не обязательно противоречит толерантности. Угроза интолерантности и конфликтности со стороны идентичности возникает лишь в случаях ее нестабильности и проблемности. Соответственно, необходимо обеспечивать условия максимального благоприятствования стабилизации групповых идентичностей [264, с. 30–45].

Разновидности идентичностей в постсоветских странах должны быть максимально ценностно-нейтральными, и при этом достаточно сильными для того, чтобы удержать единство созданного здесь плюралистического мультикультурного общества. Этим требованиям удовлетворяет в настоящее время гражданская идентичность, которая в отличие от национальной, государственной и, тем более, этнической идентичности не подразумевает исторической общности, единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории» [175, с. 10–29].

Что касается Украины, то чрезвычайная динамичность, насыщенность общественной жизни в последние два десятилетия не может быть оценена однозначно, как время социально-политического «возрождения» или «продвижения». Даже позитивные сдвиги к либерализации социально-политических отношений, сооружение фундамента гражданского общества, изменение общественного сознания в сторону признания либерально-демократических ценностей – не затмевают последствий длительных конфликтов в социуме. Проработка научной литературы по проблемам социальных конфликтов в Украине убеждает в том, что они не возникли спонтанно и не привнесены искусственно, а закономерно порождены целым комплексом взаимоувязанных причин: социально-исторических,

геополитических, этнонациональных, языково-культурных, церковно-канонических, социально-психологических и т.п. [29, с. 172–175].

При этом, как справедливо замечает украинский исследователь А. Кривицкая, к чести Украины следует сказать, что демократизация во всех сферах жизни, отказ от тоталитарного наследия, отсутствие признаков дискриминации, прежде всего на национальной почве, способствуют толерантному сосуществованию разных народов. Недопустимость привилегий по этническому или иному признаку была закреплена законодательно. Однако кризис в экономике, отсутствие объединяющей национальной идеологии, активная политизация этносов на фоне различных ментальных приоритетов обусловили кризисность и конфликтность процесса этнической идентификации [200, с. 42–62]. Ученый отмечает основания конфликтогенности в современном обществе Украины:

- конфликтный потенциал постсоветского этнической идентификации заключается в мультикультурности украинского общества;
- постоянным источником напряжения в Украине является языковая биполярность;
- поляризация этнических интересов в региональном распределении создает препятствия на пути консолидации украинского этноса;
- наблюдается отсутствие равновесия между сохранением креативного потенциала украинской нации и реализацией прав других этносов;
- двойная идентичность украинского общества может порождать отрицание национальных ценностей, демонстрацию презрения ко всему национальному;
- налицо отсутствие национальной идеологии, способной консолидировать вокруг идеи всестороннего развития украинского независимого государства всех граждан, независимо от их этнического происхождения;
- кризисность и конфликтность постсоветской идентификации этнических сообществ углубляет специфика конфессиональной ситуации,

размытость религиозных представлений;

– ощущение этнической неполноценности вследствие колониального наследия страны, комплекс украинской неполноценности усложняют процесс украинской национальной идентификации;

– попытка части украинской элиты навязать этническую модель нации усилила проявления регионализации.

– дополнительным фактором этнической поляризации общества стал этнополитический регионализм в Крыму и проявления сепаратизма [200, с. 42–62].

На достаточно сложное этносоциальное пространство в Украине обращает внимание украинский ученый Н. Шульга, отмечая необходимость регулирования отношений в этом пространстве [477, с. 124–141]. В свою очередь другие исследователи отмечают, что для консолидации и модернизации общества значительным препятствием могут стать тенденции в росте общего уровня нетолерантности, а также ухудшение отношения между главными лингвистическими группами [223, с. 17–36].

Выступая с позиций исследования проблем толерантности, необходимо признать, что в обществе, которое очутилось на изломе исторических эпох и переживает процессы радикальной трансформации, социальные конфликты являются естественной и необходимой формой развития и превращений. В общих чертах гражданские конфликты представляют собой столкновение субъектов гражданско-политической сферы в намерениях реализовать свои интересы и ценности, достичь или перераспределить власть, влияние, ресурсы, статусы, привилегии, в результате чего социально-гражданские расхождения становятся фактором идейной (а при определенных условиях политической и этнической) мобилизации населения. В отличие от правовых, политических, экономических конфликтов гражданские конфликты в Украине выделяются в отдельную группу не только по сфере своего проявления, но и по специфике сторон-участников.

Современные общественно-гражданские противоречия и конфликты,

невзирая на их уникальность в каждом общественном организме, в своем возникновении и развитии в значительной степени детерминированы процессами глобализации. Количество конфликтогенных факторов, в том числе, и в Украине, способных провоцировать общественное, религиозное и этно-политическое противостояние, неуклонно росло в течение последних десятилетий под воздействием таких мировых процессов, как «переполаризация» геополитического пространства, конкуренция цивилизаций разного уровня развития, эскалация международного терроризма и приобретение им опасности глобальности, борьба за сферы влияния и экоресурсы, массовая миграция населения и т.п. [406, с. 175].

Ввиду того, что Украина являет собой исторически и географически напластованное пограничье цивилизаций, культур, религий, она просто обречена стать поприщем пересечения многочисленных внешних влияний. Приметной чертой современной социогражданской ситуации в Украине является то, что установились отношения «неконструктивного сосуществования». Имеется в виду, что, даже при преодолении острой фазы конфликтов (в первую очередь межэтнических, православно-греко-католических, имущественных, на языковой почве), глубокое понимание и сближение субъектов отношений в настоящее время трудно представить. Напротив, культивируется определенная настороженность и даже подозрение относительно посягательств той или другой этнической, языковой, этноконфессиональной группы на «историческую территорию», участие в «подрывной» антигосударственной деятельности, заговор с политическими группировками или местными органами власти и т.п.

В современных условиях роль социально-психологических и организационных механизмов эскалации социогражданских конфликтов является потенциально действенной. Мы становимся свидетелями достаточно сложной ситуации, при которой подобного рода конфликты, по существу, не находят своего решения, а лишь приобретают латентные формы, а следовательно рано или поздно угрожают очередными всплесками. В связи с

этим одной из обязанностей государства, его властных структур есть сочетание общих для всех граждан интересов, особенных сфер жизнедеятельности, в частности, корпораций, гражданских общин, промышленных социальных групп. В государственной поддержке правомерных интересов общественных организаций, корпораций, образовательной сферы, частных лиц общества социальная философия видит тайну патриотизма граждан [105, с. 78–280]. В случаях, когда государство создает правовые коллизии в сфере общественной деятельности, граждане не будут чувствовать гражданского патриотизма и не будут гордиться принадлежностью к такому государству. Ведь негативные гражданские чувства, включая и чувство гражданской неполноценности, как правило, мешают волеизъявлению. В результате через негативное отношение граждан к государству общество постепенно приобретает социальные заболевания, среди которых социальный нигилизм, социальная апатия, пессимизм, ослабление гражданско-институционных способов и норм поведения и нарастание социальной нестабильности. Согласно М. Веберу, подобные гражданские чувства порождают гражданскую безответственность [105, с. 78–280].

Можно признать, что социогражданские конфликты в Украине явились реальным отражением сложного, противоречивого, расслоенного украинского социума; за каждым из конфликтующих субъектов стоит полностью определенная социальная сила, полностью осознанные геополитические и геоконфессиональные интересы, собственное виденье перспектив социального развития, своя система ценностей, умонастроений, симпатий и антипатий. В то же время жизнь личности в свободном и цивилизованном социокультурном устройстве безгранично расширяет социальное пространство, время и обстоятельства реализации своего «Я». Общественное сознание в таких условиях приобретает свое реальное содержание, предоставляет личности социальные чувства, которые усиливают социальные ориентации для решения жизненных потребностей.

В этой связи трудно переоценить использование фактора толерантности,

понятие о чем в социальной философии формулируется на основе признания единства и многообразия человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, уважения прав другого (в том числе права быть иным), а также воздержание от причинения вреда, так как вред, причиняемый другому, означает вред для всех и для самого себя [63, с. 72–80].

В ситуации социокультурной конфликтогенности основными смысловыми единицами понятия толерантности являются «признание», «взаимозависимость» и «уважение», что с позиции конфликто-урегулирующего фактора можно интерпретировать как когнитивный, аффективный и конативный компоненты толерантности. В таком контексте толерантность рассматривается как фактор, определяющий устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп как основы гражданского согласия в демократическом государстве, как личностную и общественную ценность. Одной из основных задач разработки идеи толерантности является осуществление системы мер и механизмов формирования в социальной практике норм толерантного поведения и противодействия различным видам экстремизма, этнофобии и ксенофобии. Исходя из этого, можно предположить, что на уровне личности и межличностных отношений толерантность удобнее анализировать как установку, а на уровне социальных групп и общества в целом – как социальную ценность и норму.

По мнению украинского исследователя Е. Казачинского, именно толерантность как определяющая нормативная демократическая ценность возникает в данном случае как один из решающих критериев оценки лояльности субъекта в избранном обществе курсе на демократические преобразования. Такая ключевая позиция в системе демократических ценностей принадлежит толерантности, так как без нее реализация остальных составляющих этой системы практически невозможна [227, с. 17–20]. Действительно, можно согласиться с тем, что толерантность, как доминанта общественного пространства, делает возможной свободу выбора: без нее становятся нереальными ни свободная борьба партий на выборах, ни свобода

граждан поддерживать ту социальную активность, которая соответствует сделанному ими личностному выбору.

Как справедливо отмечает известный украинский политолог В. Ханстантинов, основными причинами всплеска интолерантности в настоящее время в Украине можно назвать следующие: влияние остатков тоталитарной психологии и культуры на сознание миллионов людей, повлекшие за идеологизированность мышления, восприимчивость к пропагандистским стереотипам «врага», некритическое поглощение «единой» истины, психологическую зависимость от авторитетных мнений и харизматичных лидеров; правовой нигилизм, который трансформируется в проявления безответственности за слова и поступки, пренебрежение действующими правилами, сложившимися нормами, а также распространенным подходом к примату политической целесообразности над законностью, который берет свое начало еще со времен большевистской революции... [445, с. 21–23].

Исследуя проявления толерантных или интолерантных установок в обществе Украины в целом, можно делать выводы о том, как эти установки закрепляются в процессе воспитания, обучения, накопления жизненного опыта, превращаясь постепенно в специфические свойства отдельных личностей. К таким личностным свойствам следует отнести: миролюбие, уважительность, дружелюбность, коммуникативную открытость, интерес к людям, уживчивость, либо, напротив – воинственность, коммуникативную закрытость, враждебность, человеконенавистничество, заносчивость, нетерпимость, стремление делить людей на своих и чужих, самолюбование. При анализе проявления толерантности в малых и больших социальных группах, представленных мультикультурным обществом, возможно употреблять такие категории, как «норма» и «ценности». Исходя из этого, можно определить следующие формы проявления толерантности, в зависимости от области социальной жизни, которую данная форма толерантности представляет:

– нормы реагирования на общественные проявления – социальная

толерантность;

- гуманистические ценности и нормы – этическая толерантность;
 - нормы цивилизованного компромисса между различными культурами
- этническая толерантность;
- религиозные ценности и нормы – конфессиональная толерантность;
 - физически и психологически обусловленные ценности и нормы – возрастная толерантность;
- правовые нормы – политическая толерантность.

Перечисленные формы толерантности, в свою очередь, проявляются в различных сферах человеческой деятельности: в сфере науки и образования, в области права, в межнациональных, межэтнических, межкультурных коммуникациях, в новых экономических отношениях, порождаемых, с одной стороны, интенсивным развитием бизнеса, с другой – влиянием на массовое сознание государственной экономической политики и социально-экономических реформ. В этой парадигме с точки зрения социальной философии толерантность трактуется на уровне личности, межличностных и межгрупповых отношений, механизмов развития малых и больших социальных групп, общества в целом.

Анализ опыта толерантных отношений, реализуемый в классификации толерантности, позволяет сформулировать условия возникновения и существования данного феномена в сопряженности с демократией:

- отсутствие значительного имущественного расслоения в обществе;
- рыночная экономика, товарно-денежные отношения, гарантия наличия свободного времени у граждан;
- вовлеченность населения в политическую жизнь;
- высокий уровень развития культуры и приобщенность граждан к науке и образованию;
- политический плюрализм – существование групп с различными и политическими интересами.

В результате можно выделить следующие типы толерантности,

обусловленные социокультурным развитием и представленные в условиях современного мультикультурного глобального мира:

1. Полисная толерантность:

- толерантность многонациональных империй (в условиях функционирования мультикультурализма);
- толерантность международных сообществ (в обстоятельствах признания плюрализма);
- толерантность консоциаций (в государствах со сформированным гражданским обществом);
- толерантность иммигрантских сообществ (в странах с высоким уровнем иммиграции, в соответствии с принципом «все терпят всех»).

2. Имперская толерантность:

- толерантные отношения в СССР;
- толерантность национальных государств.

Резюмируя, следует установить, что толерантность не является независимым культурным феноменом, она определяется суммой социокультурных составляющих, таких как форма государственного правления, религия, история, экономика, менталитет и др. Толерантность может наличествовать как социальная реальность, но не быть осознана как ценность. Чтобы неудовлетворенность социальной ситуацией преобразовалась в творческий акт преобразования либо создания чего-то нового, необходимы не только знания и умения, но и общественные условия, благоприятствующие креативу обстоятельства. При этом толерантность к инакомыслию есть центральное условие моральной ориентации общества на стремление к инновационному взаимодействию. Сдерживать, а тем более остановить процесс все более интенсифицирующегося взаимодействия самых разнообразных культур в планетарном и внутригосударственном масштабах нереально.

Все это позволяет сформировать видовую классификацию толерантности в зависимости от развития мультикультурной социальной реальности.

1. Античная толерантность – возникает либо в ситуации

взаимопользования свободой (полисная толерантность), либо в обстоятельствах функционирования плюрализма различных видов (имперская толерантность).

2. Ренессансно-реформационная толерантность – возникает на мировоззренческой основе эпохи Ренессанса, плюрализации христианского вероисповедания в условиях Реформации, рационализма Просвещения. Появление новых субъектов социокультурной деятельности, которые достигают своего политического, социального, религиозного и культурного признания – протестанты, буржуазия, женщины, молодежь и другие социальные группы. Формирование субъектности нового культурного явления, путь к его признанию осуществляются через социальное взаимодействие, часто выражающееся в форме конфликта.

3. Толерантность Нового времени – возникает на трансформационных этапах жизни общества, отмеченных ситуацией нестабильности. Переосмысление фактора терпимости в ситуации становления плюрализма с одновременным конфликтом внутриобщественных ценностей и интересов. Оформление религиозной и политической толерантности как первых разновидностей данного феномена, известных в Новое время.

4. Толерантность модерна – возникает на основе появления новых субъектов социокультурной жизни, становления рабочего, феминистского и молодежного движений, процесса отчуждения человеческой личности. Порождение новых форм толерантности: классовой, гендерной и межпоколенной. Важный фактор – наличие выбора. Закрепление статуса субъекта толерантности в социальной жизни проявляется в получении избирательного права.

5. Толерантность постмодерна и эпохи глобализации – возникает на основе новейшего состояния мира, специфически новых культурных феноменов, куда можно отнести и глобальный социальный, культурный, экономический кризис. Появление новейших типов феномена толерантности, порожденных постмодерными общественными отношениями – толерантности к неопределенности и толерантности к идентичности.

Обозначенная новейшим социально-философским знанием толерантность к неопределенности, а также предлагаемая в данном исследовании толерантность к идентичности обуславливаются основой всей культурогенетической активности человека. Преодоление ситуации неопределенности, создание проекта по обозначению ее факторов есть проявление и когнитивных, и креативных способностей человека. Принятие наличия собственной идентичности, а также идентичности «иного» является путем к становлению новейшего состояния социокультурной сферы социума. Разработка этой части исследований об обществе в рамках социально-философского знания является наиболее важным и перспективным в рамках осмысления общечеловеческих ценностей и морали, что позволит направить культурогенез по пути не только трансформационного, но и, преимущественно, инновационного развития.

3.3. Толерантное взаимодействие как социально-личностная ценность в условиях мультикультурной среды

Динамика общественных изменений привела современный мир к осмыслению феномена культурного многообразия. Эти вопросы, начиная с середины XX века, разносторонне рассматриваются в зарубежной, а с конца XX века – и в украинской политической, социально-философской и социально-психологической литературе. Это проявляется в работах, посвященных вопросам глобализации, а также – политической психологии, мировоззрения, гражданских свобод, ценностных ориентаций и других проблем взаимодействия личности и общества [149].

Значительное влияние на осмысление мультикультурных и глобализационных процессов оказали мировые философские, политические, социальные традиции; в той или иной мере практически все течения в современной философии, в которых проблемы морали, вопросы истины, проблемы ценностных ориентаций, принятия и объяснения различий имели заметное место. Феномен мультикультурной среды и вопросы взаимодействия

личности и окружающего мира рассматривались в работах таких украинских, российских и зарубежных ученых, как З. Бауман, В. Беспалый, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, У. Джемс, Л. Дробижева, Р. Инглехарт, С. Кричевский, М. Мацковский, А. Перцев, Ч. Пирс, Б. Риэрдон, А. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Ф. Шиллер, В. Шинкарук, М. Уолцер.

В рамках последних теоретических и прикладных научных исследований развитие отношений между личностью и обществом в системе современного глобализированного социокультурного пространства представляется одной из возможностей гуманистического устройства мира. Однако на фоне общего рассмотрения феномена глобализации нерешенными остаются проблемы, связанные с основами взаимодействия личности и общества в эпоху глобализационной мультикультурности. Также неопределенными остаются пути усовершенствования и гуманизации данного взаимодействия среди современных тенденций и процессов. Возникает ряд вопросов прикладного содержания относительно развития ключевых принципов взаимодействия личности и общества в эпоху глобализации и мультикультурализма и оформления их в качестве положений, которые ведут к усовершенствованию поведения людей и их отношений в процессе совместного существования. В связи с этим представляется важным выяснить, как влияет развитие парадигмы мультикультурализма на толерантное взаимодействие между всем сообществом и отдельными личностями. Каким образом складывается данное взаимодействие в эпоху глобализации? И каковы пути усовершенствования и гуманизации такого взаимодействия? Ответ на этот вопрос предполагает, во-первых, анализ целого ряда механизмов – особенностей межличностных контактов в постиндустриальную эпоху, во-вторых, изучение формирующихся под натиском глобализации трансформирующихся характеристик социальной среды, изменения качеств личности, системы ее идеалов и ценностей.

Социальная среда – это совокупность социальных факторов, влияющих на формирование и поведение человека. Социальная среда личности определяется отношениями на уровне общества в целом. Взаимодействие личности и

социума – это взаимосвязанный процесс, с одной стороны, активных действий индивида, способного изменять и изменяющего как социальную среду, так и среду обитания, а с другой – воздействия на индивида самой социальной системы. В процессе такого взаимодействия формируются и реализуются социальные отношения – определенная устойчивая система связей индивидов, сложившаяся в процессе их взаимодействия друг с другом в условиях данного общества. По существу это отношения, складывающиеся между людьми, включенными в различные социальные группы. Необходимо признать, что все в общественной действительности есть результат социальных отношений, и если человек в чем-то преуспел, это означает, что он, прежде всего, преуспел в умении устанавливать социальные отношения с окружающим сообществом в целом, и с каждым человеком, в отдельности.

Взаимоотношения личности и общества можно рассматривать и как деятельность индивида, удовлетворяющего свои потребности и преследующего определенные цели в конкретных социальных условиях. Эти взаимоотношения можно описать по формуле: поиск (личности) – предложения (общества) – выбор (из предложенного). Связи и взаимодействия между людьми устанавливаются потому, что люди в процессе удовлетворения своих потребностей в определенных факторах и обстоятельствах нуждаются друг в друге. Для выполнения конкретных функций в процессе социального взаимодействия на человека возлагаются обязанности. Для исполнения этих обязанностей он наделяется определенными правами. Права – это форма фиксации принципа «платы и вознаграждения», лежащего в основе социальных связей. Функции индивида и вытекающие из них обязанности и права по отношению к другим участникам взаимодействия определяют социальный и личностный статус человека.

В определении смысла взаимодействия отправными точками являются ценности, которые представляют собой базис культуры, ее важнейший структурный элемент. Ценность выступает в качестве жизненного смысла, которому личность следует в предпочтении способов осуществления своих

нужд, целей, интересов. Гармония взаимодействия личности и общества, возникая на основе общепринятых и оправданно моральных ценностей, является существенным фактором создания единства общества и воздействует на выбор главных позиций, с которых и свершается социальное развитие. Моральные ценности представляют собой первостепенный компонент культуры, определяющий взаимодействие в обществе. Это общепринятая система идеалов морали, гуманистических взглядов о человеке и среде, которые складываются в течение жизни и общения людей. Это ценности, которые основывают полноту моральной жизни и, в то же время, сами целесообразно осмысливаются и систематизируются, определяясь в качестве культурных императивов. Эти ценностные ориентиры самым тесным образом увязаны со смыслом бытия человека, они закреплены как нормы в культуре, фиксируются в привычках и традициях. Вырабатываясь интуитивно, нравственные ценности, выражаясь в народных обрядах, обычаях, отражаются в постижении индивидуальной культурной жизни, осознаются людьми как значимые для всех. Следствием такого уяснения является закрепление сущности нравственных ценностей в моральных, нефиксированных нормах.

Оценивая иерархию ценностных ориентиров в глобальном общественном пространстве, многие исследователи считают, что если в аграрном и индустриальном обществах на первом месте стояло достижение любыми путями материального благополучия, то на постиндустриальной стадии социального развития благополучие перестает быть доминирующей ценностью. Все большее стремление к удовлетворению делает доминирующими постматериальные ценности [464, с. 35–39]. Главной становится не зарплата, а престижность работы, удовлетворенность от нее, безопасность условий труда. Причем процесс смены ценностных ориентиров, протекая своеобразно в каждом государстве, имеет всеобщую направленность. Формами протекания данного процесса в цивилизованных странах становятся постоянное повышение самообразования, добровольное продолжение трудовой деятельности за пределами офиса, свободное участие в общественных организациях. При этом

ведущими мотивами деятельности людей становятся: самореализация личности; наращивание интеллектуального потенциала; максимальное раскрытие в социально-значимой деятельности. Исследования, проведенные на стыке тысячелетий, выявили на основе анализа данных о степени удовлетворенности людей, об их надеждах на будущее, об уровне доверия и толерантности, о географических параметрах самоидентификации, об отношении к гендерной проблеме, к браку и семье довольно широкий разброс ценностей. Это, по мнению исследователей, дало возможность считать нынешнее состояние общественного сознания «этапом эволюции» в направлении более высокого уровня культурного единства [405].

Можно выделить следующие составляющие господствующего ценностного климата современного глобализированного общества:

- идеал демократии (несмотря на отсутствие всеобщей приверженности правам человека);
- идеал толерантности (хотя в отношении иностранцев он проявляется лишь частично);
- ориентация на локальный уровень артикуляции интересов (город, в меньшей степени – страна);
- идея женской эмансипации и либеральные взгляды на брак;
- признание наличия проблем, связанных с окружающей средой;
- стремление защитить детей от неблагоприятных факторов [405].

О перечисленных ценностях можно говорить как об основаниях морали – это гражданственность, демократизм, персональная автономия, независимость, всесилие права; этико-гуманистические идеалы достойного существования (альтруизм, человеколюбие, взаимопомощь). Эти идеалы становятся специфической системой, регулирующей жизнь людей, как повседневную, так и профессиональную. Основываясь на ценностях, привычках и традициях, формируются культурные нормы, как факторы сознательные и бессознательные. Культурная нормарождается как система ожиданий практик поведения и взаимодействия, определенный культурный стереотип. Исходя из этого,

нормативная культура – это отшлифованная система норм, стандартных разновидностей ожидаемого действия, реакций, взаимодействия. К числу разновидностей культурных норм могут быть отнесены (среди прочих) привычки, обычаи, традиции, запреты (табу), нормы морали. Выработка новых мировоззренческих подходов, системы идеалов и ценностных ориентаций людей является обязательным условием перехода к новейшему, т.н. «сложному» обществу. В постиндустриальном обществе эволюция ценностных ориентиров проявляется тем, что на первый план выходят идеалы демократии, терпимости, семейной жизни, бережного отношения к природе, доминирующими становятся такие ценности, как образование, здоровье, доверие.

Ценности не являются зафиксированной субстанцией, они подвержены переменам. По определению академика Д. С. Лихачева, «...культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве и времени», а путем накопления ценностей. Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур...» [288, с. 31].

Развитие системы ценностей рождает необходимость толерантности как всеобщего императива мировоззренческих подходов и мотивов взаимодействия. В структуре видоизменяющегося мира функционирует синхронно несколько систем ценностей, которые могут быть антагонистическими. Достижение согласия в таком взаимодействии возможно лишь при наличии толерантности. Функционирование толерантности становится необходимостью для обеспечения гармоничного социально-личностного взаимодействия в многообразной среде.

Культуры современного глобализирующегося мира взаимопроникают друг в друга и взаимообогащаются. Люди эпохи постмодерна чаще всего открыты к восприятию чужого опыта и одновременно готовы делиться собственными обретениями. Так возникает ситуация мультикультурности. Само мультикультурное взаимодействие имеет в своей основе несколько

ментальных характеристик, что позволяет выделить различные виды мультикультурных связей. Наиболее значительные отличия лежат в области этно-национальных особенностей и в сфере имущественного разделения сообщества, т.к. обладание ресурсами дает определенным слоям общества доступ к образованию, обладанию предметами культуры и искусства, возможность заниматься исключительно умственными видами деятельности и т.п.

Жизнь и деятельность человека неминуемо обусловлена согласованностью со средой. Эта согласованность – всегда реальные события, внешние проявления жизнедеятельности личности. Анализ же словосочетания «культурное взаимодействие» указывает на наличие в поведенческих проявлениях субъекта особого культурного влияния. Современные исследования включают в культуру три основных блока: когнитивный, поведенческий и праксиологический. В таком ключе осмысления сферой культурного взаимодействия охвачены:

- предметное инобытие человеческой деятельности – материальная «вторая природа», духовная предметность науки, идеологии и т.п.;
- способы опредмечивания и распредмечивания мира;
- субъекты деятельности, поскольку они выступают не только как создатели культуры, но и как создаваемые ею социальные существа, становящиеся носителями культуры [176].

Для определения методологических основ взаимосвязей личности и общества в условиях мультикультурной среды необходимо обратиться к вопросу о парадигмальных основаниях мультикультурализма и возможности использования его фундаментальных положений в практике формирования толерантного взаимодействия. Как уже указывалось, идеи мультикультурализма зародились в древности, и развитие его продолжается до настоящего времени [41, с. 233–240]. В настоящее время в социально-философской науке известны три уровня понимания мультикультурализма: дескриптивный, политический, и идеологический, в рамках которых

обсуждаются концепции национальных идеологий, например, полиэтнического рационализма, культурной коммуникации, межкультурного взаимопонимания, соответствия и различий ценностей, норм морали контактирующих этнокультурных общностей, национальных меньшинств и национального большинства [275, с. 55].

В данной работе мультикультурализм представляется как социальная концепция соотношения нравственных норм и ценностей общающихся представителей различных социокультурных сообществ. В таком взгляде на мультикультурализм усматривается взаимосвязь национального и общечеловеческого; осознание равенства прав и обязанностей для всех людей, независимо от их национальной принадлежности; признание за каждым права сохранять свою культурную идентичность; формирование общечеловеческих качеств и характеристик личности во вненациональном содержании. При таком парадигмальном подходе идеи мультикультурализма получают развитие вследствие осмысления культурного многообразия мира, принятия культурных отличий; положительного восприятия многообразных образцов культурного развития, добросердечного отношения к представителям иных культур.

Следовательно, мультикультурализм является результатом и практикой толерантного взаимодействия, в процессе которого в современной цивилизации складывается мультикультурная личность. По определению, данному исследователем Г. В. Палаткиной, «мультикультурная личность – это новый тип личности, чьи ориентации и взгляды на мир подразумевают, что человек принимает жизненные образцы, отличающиеся от его собственных, и психологически и социально готов принять культурные различные реальности. Такая личность будет интеллектуально и эмоционально привязана к основополагающему единству человеческих существ, при этом признавая, принимая и оценивая основные различия, которые лежат между людьми различных культур» [339, с. 195].

По нашему мнению, необходимым условием для развития мультикультурной личности является познание иных культур, принятие

личностью различных культурных образцов при обязательном изучении и оберегании собственной национальной культуры. При этом очевидно, что постижение культурной многообразности невозможно без человеческих связей, поэтому необходимым видится рассмотрение концепции социально-личностного толерантного взаимодействия и особенностей его функционирования в рамках мультикультурности. Анализируя мультикультурную компетенцию современного социума, возможно определить новейший социокультурный феномен – мультикультурную личность, имеющую представление об образцах и ценностях мировой культуры; обладающую социальными и ценностно-ориентационными способностями к межкультурной коммуникации; испытывающую толерантность и эмпатию по отношению к другим культурам и социальным группам; активно взаимодействующую с представителями различных культур при сохранении собственной культурной идентичности.

В социально-философской и социально-психологической науке различают межличностное и групповое взаимодействие. Термин «межличностный» обозначает характеристику отношений между двумя или более людьми, с указанием, что взаимодействие является взаимным. С другой стороны, взаимодействие относится к явлениям, которые являются результатом таких взаимодействий. В широком понимании, термин «межличностный» указывает на социальный контекст взаимодействия. Существенными признаками межличностного взаимодействия как разновидности общения являются:

- предметность, понимаемая как наличие внешнего объекта, взаимосвязь с которым требует усилий;
- эксплицированность – доступность для фиксирования;
- ситуативность – регламентация в определенных обстоятельствах продолжительности, интенсивности, правил интеракции, что делает ее относительно переменным феноменом;
- рефлексивная многозначность, мыслимая как вероятность проявления межличностного взаимодействия в числе осознанных субъективных намерений.

В межличностном взаимодействии складываются межличностные отношения – субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых в процессе совместной деятельности и общения. Межличностные отношения – это система установок, ориентаций, ожиданий, стереотипов, посредством которых люди воспринимают и оценивают друг друга. Эти диспозиции опосредствуются содержанием, целями, ценностями и организацией деятельности и выступают основой создания социально-психологического климата в обществе [80, с. 436].

Из межличностного взаимодействия рождается феномен группового взаимодействия, который понимается как процесс непосредственного или опосредованного воздействия определенного количества объектов (субъектов) друг на друга, что вызывает их взаимную обусловленность и согласованность. Групповое взаимодействие может выступать как интегрирующий фактор, содействующий основанию групповых структур. В научной литературе описаны такие виды группового взаимодействия, как содружество, конкуренция и конфликт. Структурированность групп выражается в статусных отношениях между их членами, в нормах взаимодействия, в особых действиях, признаваемых всеми членами группы, в групповых целях и ценностях [80, с. 436–437].

Исходя из характеристик социокультурного пространства, следует признать, что межгрупповые представления в условиях мультикультурализма выделяются эмоциональностью, выраженной оценочностью, а, следовательно, чрезвычайно чувствительны в отношении вопроса об их верности и адекватности. Одним из характерных эффектов межгруппового сравнения является тенденция к завышенной оценке положительных качеств у своей группы. Это выражается в склонности различным образом создавать благоприятные условия «своим» представителям, а не членам иных групп – т.н. «эффект межгрупповой дискриминации». Также сюда относится недооценка членов чужих групп – т.н. «внутригрупповой фаворитизм». Менее известна

обратная тенденция – нахождение положительно оцениваемых отличий в пользу иной группы, которой отдается предпочтение [80, с. 436–437].

Вгляд на проблему мультикультурализма точки зрения широко понимаемого феномена социокультурного пространстворождает новую систему объяснений особенностей социально-личностного взаимодействия, которое напрямую связано с возникновением нового типа общества в развитых странах на рубеже XX-XXI вв., называемого сначала постиндустриальным, а затем информационным. Черты новой реальности хорошо известны и отражены во множестве научных трудов. Основные характеристики этого нового мира – это превращение производства, и особенно информационных технологий, в ключевой фактор прогресса; вытеснение индустрии сферой услуг; изменение структуры производства, институциональной системы (в частности, новая природа фирм и систем управления); превращение профессионалов и центров их создания в ключевые параметры развития [101, с. 5–9].

Переход от одной глобальной системы общественного устройства к другой сопровождается существенной социальной напряженностью. Сам факт ее нарастания в современных условиях уже не вызывает сомнения у исследователей, каких бы идеологических и методологических позиций они ни придерживались. В наиболее общем виде эту мысль сформулировал И. Валлерстайн, отметивший, что «мы живем в эпоху перехода от существующей глобальной системы общественного устройства – капиталистической мировой экономики – к другой или другим глобальным системам... Нет сомнения, однако, что переходный период будет исключительно трудным... Это будет период обострения конфликтов и усиления беспорядков, сопровождающихся, по мнению многих, крушением нравственных ценностей» [101, с. 5–9].

Главным фактором стабилизации создавшегося положения может быть лишь сам человек, оживление потенциала человечности, о чем руководитель Римского клуба Аурелио Печчеи (1908-1984), оказавший необычайное влияние на ход истории 1960-1990-х г.г. писал: «Исключительную важность приобретают присущие всем людям планеты внутренние человеческие

качества, их выявление и развитие у людей любых уголков мира. Ведь в сущности именно эти качества являются самым важным ресурсом человечества» [348, с. 183–184]. Противопоставляя свое мнение данному высказыванию, теоретики глобализации считают залогом социального прогресса возможно более широкое распространение западной модели «отчуждения» личности. Это представление о жизни личности в истории приобрело настолько важное значение в рамках теории глобализации, что само развитие глобализационных процессов подразделяется на несколько этапов, в зависимости от периодов укоренения представлений о личности [66].

«Экстенсивная» механизированная практика и сопряженный с нею человеческий индивид выявили свою непригодность, прежде всего, в тех сферах деятельности, в которых люди столкнулись с хорошо организованными множествами или системами. Под этим подразумеваются экологические комплексы, информационные структуры, наукоемкие технологии и т. п. В условиях перехода к новейшему обществу человек столкнулся с объектами деятельности, не являющимися в строгом смысле материальными вещами. Деятельность в информационном обществе стала выступать носителем конкретного способа взаимодействия человека с миром, предметами, с другими людьми или даже комбинацией таких способов, отраженных в человеческих способностях, знаниях, умениях. Отличительной чертой человеческих отношений в глобализационную эпоху явилась временность. Исследователи отмечают фрагментарную структуру урбанистических отношений. Так, А. Тоффлер пишет: «Люди проносятся по нашей жизни так же, как и вещи, и места. Человек формирует ограниченные структурные отношения с большинством окружающих его людей... В результате применения принципа модульности к человеческим отношениям создается свободная личность: модульный человек. Вместо того, чтобы быть захваченным человеком полностью, мы вникаем только в модуль его личных качеств... В отличие от личности в целом модули могут быть взаимозаменяемыми» [413].

Многие исследователи считают, что в настоящее время очень трудно

говорить о внутреннем мире человека, который постепенно беднеет. Нынешнего человека мало интересует соприкосновение с внутренними мирами других людей, с большим вниманием он относится к практическим выгодам, которые могут быть извлечены из общения с людьми, занимающими более высокое положение в обществе. Самовыражение сводится к особым способам достижения успеха или демонстрации своих возможностей. И тем более у современного человека практически нет желания раскрыть себя другим людям, чтобы не предоставлять им возможности для дополнительного влияния. Поэтому можно говорить об ограниченности интерсубъектного поведения, критерием которого являются искренность, правдивость, открытость [306].

Можно согласиться с мыслью о том, что в современном обществе не создается предпосылок для обогащения духовного мира из-за отсутствия мотива личностного роста. Духовный мир в глобализационном процессе мало способствует практической деятельности, а люди, обладающие богатым внутренним миром, эмоциональные и неординарные, находятся в конфликте с обществом: они не способны принять унифицированные ценности и нормы, а общество соответственно исключает их из числа своих участников, обрекая на одиночество и на неудовлетворенность таких значимых потребностей, как социальная включенность и признание [306].

На непростые взаимоотношения личности и социума, складывающиеся под воздействием глобализационных и информационных факторов, проецируются традиционные связи, осложненные обстоятельствами современной мультикультурности. Крайне необходимое в таких условиях толерантное взаимодействие, основанное на социокультурных факторах, в качестве ключевых характеристик содержит поведенческие образцы. Это связано с тем, что в течение своей эволюции человеческие сообщества вычлениют наиболее допустимые, результативные образцы поведения, которые со временем фиксируются в обычаях. Так рождается обыденная культура, обычаи повседневности. Передающийся и зафиксированный обычай трансформируется в традицию. Критерий истинности универсальных норм содержится в

возможности их вхождения в структуру ценностей культуры. Поистине, всеобщими могут быть только те нормы, которые содержат фундаментальные ценности, приемлемые для многих народов. Усвоенные нравственные правила становятся стержневым регулятором взаимодействия личности и общества, на уровне поведения социальных субъектов. Именно толерантное взаимодействие становится наиболее необходимым в подобных условиях, поскольку может выступать как совокупность социально-этических норм, сформированных на основе слияния общечеловеческих и этно-национальных ценностей, форм и способов взаимоотношений людей.

Прогрессивное развитие человечества всегда определялось положительным взаимовлиянием, согласованностью культур многообразных этносов. В процессе взаимодействия и взаимовлияния культур формировались межэтнические отношения. Это сложные, переживаемые субъективно связи между людьми разнообразных национальностей, представителей различных этнических общностей. Характер межэтнических отношений разделяется на нейтральный, дружественный, возможно – конфликтный; определяется особенностями исторического прошлого, имеющейся социально-политической обстановкой, всей организацией быденной и культурной жизни. Межэтнические связи обнаруживаются в разных областях взаимодействия, в национальных стереотипах, в эмоциях и поведении. Межэтнические установки складываются во время социализации личности, под влиянием бытового и эмоционального общения. Межэтнические отношения включают в себя когнитивные элементы, эмоционально-оценочные и ценностно-регулятивные характеристики. Эти положения дают возможность представлять отношения между этносами в качестве социальных отношений, которые имеют присущую только им определенную специфику.

Национальная культура, в отличие от этнической, представляет в определенном роде синтез культур разных классов, социальных слоев, кругов, сообществ. Из образцов культурных проявлений слагается мировая культура – итог выработки общечеловеческого содержания в каждой национальной

культуре при условии сохранения традиционного для каждого определенного народа формулирования культурных особенностей. Во всем этом большое значение имеют национальные особенности культуры общения и отношений, сложившиеся вследствие нравственного развития череды поколений и являющиеся обязательным атрибутом общечеловеческой культуры. Это дает право говорить о необходимости толерантного взаимодействия как наличии социокультурного феномена.

Каждый этнос располагает своей культурой, и в этом смысле, не существует культурных и некультурных народов. Можно говорить лишь об особенностях культурных проявлений конкретного этноса, сформированных под воздействием всевозможных факторов и обстоятельств. Именно поэтому толерантное взаимодействие личности и социума в рамках соразвития культур включает в себя способность уважительного отношения к людям, принадлежащим к другим этносам, а также готовность учитывать их этнокультурную специфику. Данный вид взаимоотношений может быть назван толерантно-мультикультурным, так как имеет своей целью развитие мультикультурного взаимодействия, которое, в свою очередь, понимается как обусловленные толерантные отношения и связи между представителями многообразных социокультурных пространств.

Следовательно, толерантное взаимодействие личности и общества в условиях мультикультурной среды можно рассматривать как особое социальное явление, включающее постижение культурно-исторического опыта каждой отдельной личностью, что опосредовано социальными взаимосвязями и ценностными установками.

Человеческое взаимодействие можно представить как реальное, воображаемое или символическое присутствие других людей; действия и отношения, имеющие место между людьми; особенности условий, в которых происходят события, а также групповые ожидания и нормы, закладывающие основу для поступков в заданных обстоятельствах. В мультикультурной среде – это ситуации, возникающие в процессе взаимодействия личностей,

относящихся к различным этносам, культурам, религиям. Различные социальные условия рождают многообразные человеческие роли, которые также сказываются на взаимодействии людей в мультикультурной среде. Поэтому социум вынужден формировать такие социокультурные ситуации, в которых представителям неприняемых культур присваиваются роли, меняющие статус личности. Обстоятельства толерантного взаимодействия отличаются также действием правил, норм поведения при определенных условиях. Одни правила явно выражаются в виде запретов – например, «нельзя оскорблять другого только за то, что он иной национальности», другие правила завуалированные – они научают совместной деятельности в каких-либо конкретных условиях. С практикой толерантного взаимодействия вырабатываются ожидания относительно поведения членов мультикультурной группы. Определенные ожидания приемлемых в среде взглядов и действий, которые воплощены в прямо изложенных, либо подразумеваемых правилах сообщества, становятся социальными нормами, которые могут трансформироваться в принципы. Данные принципы и заключают в себе конкретные стандарты взаимодействия. Формирование таких стандартов происходит двойным путем: как усвоение единообразия в определенных поступках всех или большинства членов; как овладение опытом отрицательного последствия нарушения кем-либо социальной нормы [132].

С позиции идеологии мультикультурализма, ценностная основа толерантного взаимодействия – это отношение к представителю чуждой культуры, соответствующее моральным ценностям и нормам, в основе которых лежит отсутствие негативного отношения к «иному». Следовательно, является важным, чтобы толерантное взаимодействие стало социальной нормой. Осведомленность о нормах, действующих в определенных обстоятельствах и присущих данному сообществу, помогает настроить его представителей на установленный уровень взаимоотношений и урегулировать взаимодействие с другими сообществами. Толерантность к отклонениям от стандартизированных примеров также является частью нормы. Представители сообществ могут

оценить, насколько допустимо отклонение от нормы, до того момента, как познают насилие со стороны сообщества в виде отвержения или неприятия. Обретая социальную роль или повинаясь социальной норме, член сообщества согласует свое поведение с его ожиданиями. В данной ситуации рождается условие конформизма как склонности перенимать мнения и поступки, свойственные другим членам группы. Социальные нормы могут переходить от одного поколения членов сообщества к последующим и нередко продолжают влиять на взаимодействие людей достаточно долго после того, как первоначальная группа, образовавшая норму, прекратила свое существование [3]. Из этого следует, что однажды принятые сообществом нормы толерантного взаимодействия будут длительно оберегаться и поддерживаться, несмотря на смену представителей культурной группы. Это связано с тем, что в силу нормативного влияния люди покоряются мнению большинства. Данная, спасительная склонность к конформизму – важное свойство человеческой природы. Следовательно, особенно важно, чтобы у большинства представителей мультикультурного сообщества утвердились нормы толерантного поведения.

Если принять за основу суждение о том, что взаимодействие является внешним проявлением жизнедеятельности людей, которое реализуется в установленной среде и во временном процессе, а также опираясь на осмысление мультикультурализма как социально-философской концепции межкультурного взаимопонимания, можно сформулировать понятие «ценностные основания толерантного взаимодействия». Это – проявления целей и интересов субъектов по отношению к представителям иных социокультурных сообществ, которые предоставляются социальными условиями и опосредованы межличностными связями, основанными процессом взаимодействия. Эти проявления соответствуют этическим нормам и социальным стандартам и взаимоположительно оцениваются.

Вследствие проведенного анализа мы считаем возможным представить ценностные основания толерантного взаимодействия в виде схемы:

Глобализационные процессы, связанные в первую очередь с информатизацией и требованиями креатива, приводят к тому, что социокультурные установки и ценностные ориентации современных представителей глобального социума ведут к становлению качественно иного центра непрерывного принятия самостоятельных и ответственных интеллектуальных решений. Однако эта тенденция в рамках развитых обществ таит в себе довольно опасное новое социальное противоречие. С одной стороны, часть граждан, добившихся высокого уровня благосостояния, получивших хорошее образование, нашедших свое место в наиболее высокотехнологичных секторах материального производства и сферы услуг, все более сосредоточивается на целях собственного внутреннего духовного и интеллектуального роста. С другой стороны, им противостоит часть населения, сосредоточенного на удовлетворении своих материальных потребностей в жестких конкурентных условиях, не рассматривающих образование и

собственное саморазвитие как высшую ценность и занятого главным образом в отраслях массового производства, не требующих творческих способностей. При этом важно, что происходит «сращение» этнического и социального факторов. Например, в Европе чаще всего представители более низкой социальной группы относятся к инокультурным сообществам. «Взращенная» таким образом социальная нестабильность в условиях глобализации приобретает устойчивую тенденцию к усилению [465].

При анализе кризисного состояния существующей в условиях современного мира системы отношений личность-общество, построенной на принципах господства и подчинения, становится очевидной необходимость перехода к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности. Российский ученый В.А. Тишков предполагает, что толерантный подход, как и толерантная личность, те или иные позиция и взгляд – лишь одни из многих и не могут включать в себя все сущее. В основе этого то обстоятельство, что сама природа и проблема толерантности связаны с существованием различий и противоречий, а также возможностью конфликта. Но толерантность не позволяет этой возможности не только не реализоваться, но даже и проявиться. Будучи порождением потенциальной конфликтности, как считает ученый, толерантность не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах [411, с. 335].

В дальнейшие свои рассуждения ученый включает социально-историческую компоненту – «толерантность не является универсальной категорией: ее содержание и границы, а также число адептов среди рядовых граждан и активистов социального пространства различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов. Терпимость к инаковости не является вневременной категорией и биосоциальной характеристикой человека и общества. По мнению исследователя, «это есть приобретаемая и намеренно культивируемая личностная установка и коллективная позиция как реакция и

условие существования сложных обществ. Это есть проявление зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований, а также международного сообщества в целом» [411, с. 335–340].

Действительно, применительно к изучению процессов взаимодействия личности и общества, в более широком значении толерантность можно трактовать как норму социальной устойчивости, определяющую преобразование различий общностей в эволюционный механизм сосуществования социальных групп, обладающих различными возможностями развития. Для мультикультурных общественных образований одобряются культурные взаимоотношения различных этносов. Реализация толерантных отношений включает в себя совокупность правил, норм общественного поведения, интериоризируемых социальными субъектами и выполняющих регулятивную функцию в направлении неагрессивного поведения людей разных национальностей, религий, культур [464, с.35–39].

Тем не менее, в последние годы межкультурные отношения в теории и практике часто лишь сводятся к ситуации толерантности, что является относительно оправданным. И это при том, что дефицит принятия и толерантности в современном глобализирующемся обществе можно признать одним из факторов, препятствующих его выходу из системного кризиса. Толерантность как норма легального взаимодействия важна тем, что выдвигает такие формируемые в социуме характеристики как: мировоззренческая и психологическая открытость; стойкость и мужество при определенном выборе или принятии какого-либо решения, дисциплинированность и ответственность.

Существенно, что в мультикультурной среде предпосылкой сотрудничества необходимо должно выступить понимание людьми того, что их взаимная уникальность, непохожесть служат источником взаимной выгоды. Из этого и должна проистечь необходимость уважения прав и особенностей других людей как условия реализации собственных интересов [263, с. 105–109]. Данная необходимость реализуется в возникновении определенного баланса интересов индивидов и социальных групп, которая выступает в виде

социального контракта. Социальный контракт в глобализированном обществе представляет собой неявное соглашение, заключаемое между индивидами, о разделении социально-экономических функций и полномочий между населением, занятиями населения и государством. Для реализации этого соглашения, по мнению Л. Витгенштейна, необходимо принятие и соблюдение т.н. «толерантного кодекса» взаимодействия. Автор, следуя за мнением Л. Витгенштейна, считает возможным включить в «толерантный кодекс» взаимодействия следующие положения.

1. Взаимодействие между людьми требует не только понимания четких оснований позиций у человека, но и способности разделить его чувства – встать на позицию сочувствия. Феномен сочувствия требует пристального внимания к исходным позициям оппонента. Сочувствие начинается с проявления интереса к другим, а также с любопытства к инакомыслию. Инакомыслие всегда заслуживает интереса. Механизм действия сочувствия включает в себя понимание, основанное на принятии «иного» в людях.

2. Добровольность признания субъектами друг друга в качестве участников общественных отношений выдвигает в качестве решающего фактор взаимной полезности, предполагающий взаимную заинтересованность сторон, уважение и учет их интересов, в частности, способность жертвовать частью собственных интересов ради максимизации общего блага.

3. Участники отношений равноправны в выборе путей и средств достижения общей цели, следуя принципу невмешательства и сохраняя самостоятельность. Предполагается, что обоюдная ответственность за общее дело придает отношениям характер бескорыстия и солидарности.

4. Конструктивное и ответственное поведение при разрешении сложных ситуаций требует от субъекта самоопределенности и открытости для обретения собственного бытия-в-мире. Разрешение социального конфликта способствует усилению, а не ослаблению адаптации и приспособляемости человека к конкретным социальным отношениям.

5. Важным условием реализации толерантного взаимодействия в

глобализированном мире является демократия, поскольку она дает возможность для существования общественного мнения, в достаточной степени разумного в современных социальных условиях. Несомненным остается тот факт, что толерантность включает в себя отрицание привилегированности любой позиции, в том числе и своей собственной, признание логического первенства или «взаимного приоритета» всех выдвигаемых точек зрения. Все это становится невозможным, если в обществе нет свободы мировоззрения [109, с. 217–230.].

Вызовы цивилизации ставят перед социально-философским знанием вопросы обнаружения трансформации представлений философии взаимодействия, переводя данные представления к философии мира. К развитию качества толерантности в рамках социокультурного пространства располагает формирование качества мультикультурной компетентности личности. Это выражается в осмыслении важнейшей функции современного социокультурного пространства, которой является формирование личностей, способных к принципиально инновационному взаимодействию в процессе совместной жизни в одном глобальном социуме. Готовность к подобному инновационному толерантному взаимодействию, которое может быть определено, как сформированная мультикультурная компетентность, способствует адекватному функционированию гражданского общества. Именно в этой связи и появляется необходимость в организации условий для выработки человеческих способностей к ориентации в многогранном, культурно разнообразном, противоречивом мире.

Все это напрямую увязано с вопросами гражданской принадлежности личности к определенному государственному устройству, поскольку вопрос о роли гражданина является центральным в рассуждениях о мультикультурализме. Роль гражданина в мультикультурном обществе стоит в центре внимания таких ученых, как Ю. Хабермас и Дж. Ролз, политических теоретиков и социальных антропологов, например, Дж. Бэнкса, У. Кимлики, и М. Розалдо. Эти мыслители, являясь представителями разных областей науки,

заявляют о несовершенстве роли гражданина в современном демократическом сообществе [488, с. 114; 500].

Украинское социально-философское знание также находится в русле общемировых научных интересов, отвечая на имеющиеся проблемы широкими исследованиями. Социальная философия нашей страны содержит в своем арсенале проведенные исследования относительно соотношения этнической и национальной идентичностей [74]. Отдельно изучается кросс-культурная коммуникация в социокультурном пространстве информационного общества [307]. Подробно осмысливается культурная политика в Украине как проблема современного социокультурного процесса [227].

Многогранность исследований корреляций толерантности и мультикультурализма свидетельствует об огромной сущностной важности этих вопросов для социокультурного развития современности. Однако современные исследования не одиноки в своих рассуждениях об особенностях специфической социокультурной ситуации. Человечеству уже были известны подобные исторические и общественные обстоятельства. Близкие представления о социально-личностной взаимозависимости были сформулированы еще в древнегреческом понятии «Пайдейя», которое обозначает формирование людей путем освоения ими собственной, реальной, подлинной природы. Сущность «Пайдейи» – понуждение к развитию личности, освобожденной от догм, принимающей «иное», деятельно участвующей в совместном бытии. Думается, что реализация подходов, основанных на идеях мультикультурализма и толерантности, в глобализированном сообществе подчеркивает значимость введения понятия «Пайдейя» в сущностную основу современной сферы социокультурного пространства.

Проведенные исследования корреляционных связей мультикультурализма и толерантности и анализ научных фактов свидетельствует, что социокультурные проблемы эпохи глобализации не сводятся к технологическим аспектам, а имеют выраженное социальное и личностное измерение. В настоящее время важнейшей стихийно складывающейся

тенденцией взаимодействия личности и общества является интеллектуализация труда и «экспансия» творческой личности. На фоне этого процесса порожденная глобализацией мультикультурная среда современного мира неизменно повторяет человечеству тезис о том, что мир многообразен, и в то же время един. В этих обстоятельствах самые разные и неожиданные подходы к одним и тем же феноменам и проявлениям неизбежны ввиду различия культур. Это порождает ситуацию необходимости понимания ценноститолерантного взаимодействия, как между конкретными социальными субъектами, так и в глобальном мире в целом. Условия обострения взаимозависимости человечества, уяснения ответственности за дальнейшую судьбу цивилизации требуют нахождения путей и средств формирования культуры толерантности как всеобщего принципа социально-личностного взаимодействия в мультикультурной среде.

Выводы к III разделу

1. Цивилизованное развитое гражданское общество мыслит свободу культурного выражения каждой личности в качестве основного критерия. Наиболее перспективным ответом на вызов глобализационного универсализма видится идея мультикультурализма как социокультурной стратегии развития современного мира и новой трактовки человеческой плюральности. Идея мультикультурализма может служить основой объединения человечества на базе общезначимых идей и идеалов, поскольку мультикультурность предупреждает утрату культурной идентичности, т.к. синтез культурной традиции и этнической идентичности позволяет человеку идентифицировать себя в окружающем пространстве.

2. Мультикультурализм в том или ином виде существовал достаточно давно, но только в эпоху постмодерна данная идея была сформулирована как проблема, порожденная глобализацией, и относительно недавно была включена в систему рассуждений научного сообщества. Типологизация мультикультурализма как социально обусловленного феномена и философской

категории предполагается основанной на следующих компонентах: вопросы стабильности и интеграции в мультикультурном обществе; ценности в мультикультурном обществе; политика, религия, вопросы свободы совести и свободы слова; политическая делиберация в мультикультурном обществе.

3. Можно выделить следующие исторические типы мультикультурализма:

1) античный мультикультурализм – слияние представителей всевозможных культур в рамках одного громадного государства;

2) ренессансный мультикультурализм – разнообразие, вызванное расширением культурного пространства, инициированное переходом от традиционной культуры к персоналистскому, личностно-креативному типу культуры, ориентированному на инновационность;

3) мультикультурализм Нового времени – европейская концепция свободы совести, понимание необходимости толерантности к представителям иной веры, культуры, расы;

4) мультикультурализм модерна – межкультурные взаимодействия на фоне распространения демократизации, развития индивидуальной свободы, рационального сознания и прав человека;

5) мультикультурализм постмодерна – понимание иной культурной позиции как «чужой правды» и восприятие своей правды как «открытой, незавершенной»:

а) мультикультурализм в странах, созданных на иммигрантской основе (США, Канада, Австралия); б) мультикультурализм в Западной Европе; в) мультикультурализм в России; г) мультикультурные отношения в Украине.

4. Глобальное мультикультурное взаимодействие, основанное на межкультурных отношениях и связях, порождают явления интеркультурализма и транснационализма. Это позволяет сделать вывод, что интеркультурализм и транснационализм, будучи новейшими социокультурными феноменами, представляются формами функционирования мультикультурализма; механизмом же такого функционирования является мультикультурная

толерантность.

5. Существуют базисные основания феномена толерантности, которые коррелируют с основными чертами западноевропейской социокультурной системы: социально-политический плюрализм; парламентаризм; секуляризм; конституционные свободы; институт прав человека; социальная мобильность; стремление к инновационному развитию. Анализ опыта толерантных отношений, реализуемый в классификации толерантности, позволяет сформулировать условия возникновения и существования данного феномена в сопряженности с демократией: отсутствие значительного имущественного расслоения в обществе; рыночная экономика, товарно-денежные отношения, гарантия наличия свободного времени у граждан; вовлеченность населения в политическую жизнь; высокий уровень развития культуры и приобщенность граждан к образованию; политический плюрализм – существование групп с различными и политическими интересами.

6. Можно предложить видовую классификацию толерантности в корреляционной зависимости от мультикультурной социальной реальности:

- античная толерантность – возникает либо в ситуации взаимопользования свободой (полисная толерантность), либо в обстоятельствах функционирования плюрализма различных видов (имперская толерантность);

- ренессансно-реформационная толерантность – возникает на мировоззренческой основе эпохи Ренессанса, плюрализации христианского вероисповедания в условиях Реформации, рационализма Просвещения;

- толерантность Нового времени – возникает на трансформационных этапах жизни общества, отмеченных ситуацией нестабильности;

- толерантность модерна – возникает на основе появления новых субъектов социокультурной жизни, становления рабочего, феминистского и молодежного движений, процесса отчуждения человеческой личности;

- толерантность постмодерна и эпохи глобализации – возникает на основе новейшего состояния мира, специфически новых культурных феноменов, в числе которых и глобальный социальный, культурный,

экономический кризис.

7. Эпоха глобализации как новейшее состояние мира, требует особого обращения к вопросу о толерантности. Это обстоятельство выражается в появлении новейших разновидностей толерантности. Обозначенная новейшим социально-философским знанием толерантность к неопределенности, а также предлагаемая в данном исследовании толерантность к идентичности обуславливаются основой всей культурогенетической активности человека.

8. Корреляции мультикультурализма и толерантности выражаются в классификационных согласованностях феноменов, а также в толерантно-мультикультурном взаимодействии личности и социума, что понимается как обусловленные толерантные отношения и связи между представителями различных социокультурных пространств. Можно сформулировать понятие «ценностные основания толерантно-мультикультурного взаимодействия». Это – проявления целей и интересов субъектов по отношению к представителям иных социокультурных сообществ, которые предоставляются социальными условиями и опосредованы межличностными связями, основанными процессом взаимодействия. Эти проявления соответствуют этическим нормам и социальным стандартам и взаимоположительно оцениваются. Является важным, чтобы толерантно-мультикультурное взаимодействие стало социальной нормой.

9. Существующая в условиях мультикультурности современного мира система отношений личность-общество, построенная на принципах господства и подчинения, ведет к необходимости перехода к новому типу отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности. В мультикультурной среде предпосылкой сотрудничества необходимо должно выступить понимание людьми того, что их уникальность служит источником взаимной выгоды. Данное обстоятельство может быть реализовано в виде принятия и соблюдения т.н. «толерантного кодекса» взаимодействия.

10. Важнейшей функцией современного социокультурного пространства является формирование мультикультурных личностей, способных к

принципиально новому взаимодействию в процессе совместной жизни в одном глобальном социуме. Новейшим социокультурным феноменом является мультикультурная личность. Это личность, имеющая представление об образцах и ценностях мировой культуры; обладающая социальными и ценностно-ориентационными способностями к межкультурной коммуникации; испытывающая толерантность и эмпатию по отношению к другим культурам и социальным группам; активно взаимодействующая с представителями разнообразных культур при условии сохранения собственной культурной идентичности.

Готовность к инновационному взаимодействию мультикультурных личностей, которое может быть определено, как сформированная мультикультурная компетентность, ведет к адекватному функционированию гражданского общества.

Исследования, представленные в 3 разделе, отражены в следующих публикациях автора:

в монографии: «Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции образовательного пространства»: [монография].— Одесса: издательство «ВМВ», 2015. – 322 с.;

в учебном пособии: «Основы этико-религиозной толерантности». Учебное пособие / Елена Павловна Ананьева, Наталья Васильевна Левинская – Севастополь: Издательство Академии ВМС имени П. С. Нахимова, 2012. – 159 с.

В статьях:

Возникновение и развитие психологической парадигмы осмысления религии / Е. П. Ананьева // Вісник СевНТУ: сб. науч. пр. – Вип. 103. Філософія. – 2010.–С. 121–125;

Традиционное и инновационное взаимодействие как фактор формирования толерантного сознания в Украине / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. Раздел «Философские науки». – № 239. – 2012. – С. 140–144;

Мультикультурність і толерантність як фактори взаємодії в період глобалізації / О. П. Ананьєва // Матеріали IV Всеукраїнської науково-практичної конференції «Сучасні проблеми гуманітаристики: світоглядні пошуки, комунікативні та педагогічні стратегії». – Ровно. – 2014. – С. 77–80;

Личность и общество в эпоху глобализации: толерантность как принцип взаимодействия / Е. П. Ананьєва // Вісник СевНТУ: сб. наук. пр. – Вип. 141. Філософія. – 2013. – С. 7–11;

Типология мультикультурализма в структуре социальных изменений / Е. П. Ананьєва // ВЕСТНИК КазНУ: Серия философия. Серия культурология. Серия политология. – Алматы. – №4 (49). – 2014. – С. 233–240;

Проблемы и перспективы классификации толерантности в процессе развития социальной реальности / Е. П. Ананьєва // Перспективи. Соціально-політичний журнал. – Вип. 4 (62). – 2014. – С. 13–22;

Зміни суспільної свідомості в глобалізованому соціокультурному просторі / О.П. Ананьєва // Матеріали заочної міжнародної наук.-практ. конференції «Інновації в сучасній науці». – Київ. – 2015. – С. 72–75;

Мультикультурно-толерантная парадигма как фактор построения социокультурного пространства современности / Е. П. Ананьєва // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні питання сучасної науки». – Львів. – 2015. – С. 155–158.

Раздел IV. Стратегии развития мультикультурных связей и толерантных отношений в различных социокультурных пространствах

4.1. Парадигма мультикультурализма в социокультурном пространстве стран классической иммиграции (Австралия, Канада, США)

Проблемы культурных и этнических различий и вопросы социокультурной дифференциации, обусловленные этими факторами, – одна из центральных задач для разрешения в рамках мировой социально-философской мысли и философской практики. Это связано в первую очередь с тем, что магистральным направлением гуманитарного развития современных многокультурных обществ остается экономическая, социальная и культурная адаптация, и интеграция представителей инокультурных слоев на индивидуальном уровне. Теоретической основой и философской поддержкой интеграции представителей различных культурных слоев являются современные социокультурные исследования. Такие исследования в нашей стране активно изучают теоретические и методологические подходы к решению проблемы современной мировой и украинской культурной политики как социокультурного процесса в контексте социальной философии. В работах приводятся модели взаимодействия государства со сферой культуры, образования, права, определяются стратегии социально-культурной политики. Исследователи дают рекомендации по внедрению данных моделей в общественную жизнь современной Украины [227]. Непосредственные проблемы мультикультурных практик отражаются в работах, посвященных теоретическому и аспектному исследованию мультикультурализма [295, с. 147–166].

Социально-философская мысль Украины обогащает представление о практическом функционировании мультикультурализма, освещая его характерные черты и основные принципы, его позитивные и негативные последствия. По мнению исследователя А. В. Гордиенко, неоднозначное понимание и существование многих дискурсов мультикультурализма является отражением многофункциональности явления, возможностью охвата

различных сфер жизни общества. Можно согласиться с мнением, что концепция мультикультурализма напоминает сегодня наработки правил и норм мирного сосуществования различных культур и их представителей в общем многообразном пространстве на основе равноправия культурных ценностей, взаимоуважения и толерантности [142, с. 17–20.].

Успех самих мультикультурных практик может измеряться уровнем структурной интеграции культурных и этнических меньшинств — степенью их вовлеченности в социокультурные инициативы, конкурентоспособности, преодоления их дискриминации на рынке труда, обеспечения им равных социальных гарантий. В ходе структурной интеграции этим меньшинствам открывается доступ к общественным ресурсам вне- и помимо целевых социальных программ. Политико-правовая интеграция предполагает не только признание инокультурными меньшинствами действующих правовых норм и выработку соответствующих форм социального поведения, но и вовлеченность их в различные формы политического и гражданского участия. Социокультурная интеграция в инокультурном сообществе ориентирует на индивидуальную включенность в систему социальных отношений. Такой уровень интеграции предполагает взаимодействие с местным сообществом, а по существу — активное участие в его повседневной жизни. В конечном счете, социокультурная интеграция предполагает полноправное участие во всех формах общественной жизни, но не требует отказа от собственной культурной идентичности (то есть не требует ассимиляции).

В реальной жизни различные уровни и формы интеграции сосуществуют, но не все становятся (да и не могут стать) объектом регулирования. Для полноценной интеграции наиболее важен и наиболее проблематичен результат социокультурной интеграции, началом и основами которой является социокультурное пространство страны проживания. Успех социокультурной интеграции во многом зависит от настроений и установок принимающего сообщества и в не меньшей степени от готовности представителей самих инокультурных групп к взаимодействию. При отсутствии такого движения

навстречу друг другу реализация мультикультурных практик оборачивается консервацией «исключенности» во имя сохранения культурной идентичности.

Согласно имеющимся исследованиям в области многокультурных традиций, страны, где в той или иной степени политика мультикультурализма отражена в социокультурных системах, можно разделить на несколько групп:

- страны с исторически давними и глубокими национальными и культурными различиями (Россия, Испания);
- страны, вынужденно ставшие мультикультурными вследствие колониальных процессов (Великобритания, Франция, Голландия);
- страны, ставшие мультикультурными в результате массовой добровольной иммиграции (США, Канада, Австралия) [466].

В рамках идеи развития мультикультурных связей и толерантных отношений в различных социокультурных пространствах главной целью современных сообществ является организация совместного проживания, взаимодействия, а для этого, прежде всего, – обучения и воспитания индивидов, групп, коллективов различной культурной и религиозной ориентации. Речь идет о налаживании механизмов совмещения разных ценностей, представлений, традиций, образов жизни в рамках гражданской нации. В числе аргументов сторонников такой мультикультурной доктрины – возможность получить знания о других культурах и образах жизни. На основании этих знаний формируется открытость по отношению к «иным», толерантность в публичной сфере, неприятие расизма и дискриминации в повседневном общении. В результате воспроизводится общее для национального государства пространство национальной и политической коммуникации. В проблемном поле достижения социокультурной интеграции необходимость формирования единого социокультурного пространства как важного социального принципа порождается тем обстоятельством, что почти все крупнейшие страны мира относятся к мультинациональным и мультикультурным сообществам. В связи с этим особая актуальность мультикультурного образовательного пространства при формировании единого социокультурного пространства обострена

социально-демографическими движениями, усилением процессов национально-культурного самоопределения, наличием агрессивных националистических настроений в мире.

Как отмечают специалисты, мультикультурное воспитание предназначено для повышения результативности образования и воспитания [52, с. 122–150]. Действительно, оно позволяет найти выход из ситуации, когда учащиеся из этнических меньшинств получают ущербное образование, так как предполагает наряду с приобщением их к доминирующей культуре использование духовных ценностей меньшинств как непременной составляющей образования. Мультикультурная педагогика, как полагают западные исследователи, перспективна для гражданского воспитания в условиях полиэтнического общества, так как направлена на подготовку активных граждан общества [465].

Предпосылками возникновения мультикультурной парадигмы в образовательном пространстве как части социокультурного пространства, в XX веке стали: в философском плане – дискуссия между сторонниками либеральной и коммунитаристской теорий, а также расцвет постмодернистской интерпретации плюрализма и «инаковости». Основу развитию идей мультикультурализма заложила эра массовой иммиграции в США, начавшаяся в начале XIX века. Либеральный период правления демократических партий в 60-х годах XX века также способствовал формированию мультикультурной парадигмы этносоциального развития общества и социокультурного пространства, в том числе. Можно согласиться с мнением многих ученых, что данный факт подтверждается развитием двух феноменов: новая волна иммиграции и культурная политика идентичности, которая выражается в вытеснении из бытия представителя господствующей культуры усилиями до недавнего времени угнетенных представителей иных культур (этнические и культурные меньшинства, женские организации, сексуальные меньшинства, молодежные субкультуры) [275, с. 55–66].

Однако, несмотря на то, что мультикультурализм в образовательном пространстве представляет собой особую, возникшую в современных условиях,

концепцию социализации личности, основанную на прагматической морали Запада, конкретные выражения социокультурного многообразия и отражение их в сфере образования имеют свою достаточно выраженную региональную и национальную специфику. В числе первых – особенности социокультурного пространства так называемых иммигрантских сообществ, к которым относятся США, Канада и Австралия. В целом специфика мультикультурного подхода к построению социокультурного пространства этих сообществ (в силу самой их исторической определенности) характеризуется в целом позитивным отношением к мигрантам, и именно эти государства в первую очередь могут быть названы мультикультурными (и они, собственно, дают главные образцы мультикультурализма сегодня). Рассмотрим особенности в понимании мультикультурализма на примере обозначенных государств (Канада, Австралия, США), опираясь на исследование А. И. Куропятника [275, с. 55–66]. Он пишет (ссылаясь на немецкоязычную работу Ю. Хабермаса), что «мультикультурализм представляет собой особую форму интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни». По его мнению, «обеспечение социального равенства меньшинств и национального большинства» позволяет также «определять мультикультурализм как политику признания» [275, с. 55–66]. Особенно актуальной, считает Куропятник, эта политика является для таких стран, как США и Канада. Таким образом, подчеркивается политический характер мультикультурализма, его направленность на обеспечение социальной стабильности современных развитых обществ.

Однако стабильность обеспечивается в различных национальных сообществах по-разному. Здесь важную роль играет история и культура. Так, в Канаде, первом государстве в мире, провозгласившем себя мультикультурным, политика мультикультурализма несет на себе явственный отпечаток французской политической традиции, точнее, классической французской

модели республиканизма. Известно, что ключевой проблемой Канады как общества является давнее противостояние франкоговорящей провинции Квебек, населенной в основном потомками французских эмигрантов, центральному правительству, с требованиями предоставления провинции широкой национальной и культурной автономии и особых прав французскому языку. В результате этого противостояния в Канаде была выработана особая политика двуязычия, получившая название «билингвизм». В соответствии с этой политикой существующие в стране национальные и культурные различия между франкоговорящим меньшинством и англоговорящим большинством трактуются преимущественно в лингво-культурологическом ключе. Это привело к тому, что вопрос этничности был выведен за пределы собственно политического дискурса. В целом в вопросах своей национальной политики Канада ориентируется на модель Франции, для которой еще с XVIII в. характерно понимание нации не как этнического, а как политического сообщества с равными правами для всех членов гражданского коллектива.

В этом отношении от канадской модели мультикультурализма существенно отличается модель, принятая в другой «иммигрантской» стране – Австралии. Известно, что спецификой Австралии как принимающего общества до определенного времени (1960-х годов) было то, что иммиграция здесь поощрялась в основном из стран Запада (развитых и благонадежных в отношении качества населения), тогда как на въезд иммигрантов из Азии, наоборот, были наложены достаточно жесткие ограничения. В 1960-е годы ситуация изменилась. Антииммиграционные запреты в отношении выходцев из Азии снимаются, и Австралия становится в полной мере страной культурного многообразия со всеми вытекающими последствиями. Это привело к углублению социального неравенства, межэтническим конфликтам и т. д. Выходом из ситуации стали вначале реализация программ социальной помощи в отношении мигрантов, а затем создание особой идеологии австралийского мультикультурализма с ее акцентом на этничность (а не на язык и культуру, как в Канаде). В результате уже с конца 1970-х годов «социальная помощь

оказывается государством не мигрантам вообще, а определенным этническим группам. В соответствии с этим существенно возросла их роль во внутреннем самоуправлении... Одновременно происходит процесс интеграции этнических социальных структур в социальную структуру австралийского общества» [275, с. 60].

Во многом схожие процессы наблюдаются с 1970-х годов в «центральной» полиэтничной иммигрантской стране – США. Здесь, как и в Австралии, мультикультурализм, который трактуется в американском обществе предельно широко – как реализация справедливости в отношении любых маргинализированных меньшинств, будь то расовые, этнические, религиозные или сексуальные меньшинства, основан преимущественно на этнической основе. Однако, в отличие от Канады и Австралии, где политика культурного многообразия была делом государства и реализовывалась по инициативе правительства, в Соединенных Штатах, с присущей этой стране развитостью институтов гражданского общества и культурой демократического участия, мультикультурализм был инициирован самими гражданами. Непосредственным началом этому процессу послужила борьба выходцев из стран Южной и Восточной Европы (поляков, греков, итальянцев и словаков) за свои права, которая стала затем стимулом для аналогичных действий со стороны афроамериканцев, поддержанных еврейской диаспорой. В настоящее время, как отмечает большинство исследователей, Америка – это страна победившего мультикультурализма, достигшая высоких образцов социального равенства между представителями англосаксонского большинства и различных этнических меньшинств [427].

Основополагающей задачей социокультурного пространства в упомянутых странах, позже названных странами классической иммиграции, в XVIII — начале XX века стала подготовка представителей «иных» культур к успешной ассимиляции в сообщество. Этот вопрос имел первостепенную теоретическую связь с исследованием феномена общественного образования в мультикультурной среде. Актуальность исследования проблемного поля

образования в условиях различий культур касается неразрешенного противоречия между господствующим представлением об образовании как индивидуальном прогрессе и заявлением, что общественный эффект образования заключается в «воспроизводстве» или поддержании образцов социального неравенства. Укоренение неравенства и стратификация общества противопоставляются социализации. В этом смысле ценными представляются исследования в русле конфликтологического направления социологии образования, основателями которого считаются К. Маркс и М. Вебер [105, с. 78–280; 302, с. 390–404]. Школа, по данной концепции, предстает как институт закрепления и воспроизводства сложившегося в обществе неравенства, как в социальном, так и в расовом выражении. Таким образом, культурные различия, которые частично вызваны экономическим неравенством, играют существенную роль в воспроизводстве характеристик капиталистического общества.

Исходя из данных рассуждений, можно предположить, что именно образовательное пространство стало одним из главных факторов апробирования теории мультикультурализма в США. Можно также согласиться с мыслью о том, что образовательное пространство было избрано фундаментом для создания людей нового поколения, лишенных расовых и культурных комплексов. Сама сфера образования воспринималась с началом иммиграции как основа ассимиляции новых жителей. Важность образования определялась также степенью влияния его на другие области общественной жизни [61].

В настоящее время мультикультурное воспитание и образование в социокультурном пространстве США рассматривается как объективная необходимость. Так, Дж. Бэнкс различает четыре группы результатов, которые обеспечивает мультикультурализм: равные возможности обучения, осведомленность о культурах среди учащихся и педагогов, поликультурность в программах обучения, вхождение на равных представителей меньшинств в глобальное общество [488, с. 118].

Сами подходы к проблеме мультикультурности в образовании как части социокультурной системы претерпели качественную эволюцию. Сначала предлагалась полная ассимиляция учащихся – представителей различных языков и этнических групп. Подобный подход носил следы сегрегации. Его представители, например, «высокомерно считали, будто чернокожие не имеют культурных ценностей, которые следует сохранить, или что чернокожие сами хотят забыть свою расовую принадлежность» [488, с. 114]. Критикуя идею и практику ассимиляции, Дж. Бэнкс утверждает, что «мифическая англо-американская культура требовала от этнических меньшинств пройти процесс самоотчуждения» и что культурная ассимиляция иммигрантов и цветного населения отнюдь не явилась гарантией полноценного включения в жизнь общества [488, с. 114].

На смену идее ассимиляции пришла теория аккомодации этнических групп посредством образования. При этом самоценность каждой группы поддерживается и уважается, присущие им различия расцениваются как общественное богатство, культурное и этническое разнообразие не рассматривается как объект для устранения. Подобный подход кажется вполне демократичным. Однако он означает сохранение деления нации по этническим и расовым признакам, и, следовательно, противоречит замыслу мультикультурного образования как объединительного процесса, «вовлекающего участников этнических групп в единую нацию». С течением времени становление мультикультурного образования в США происходило в рамках изменений основных подходов к воспитанию как рычагу трансформации общества. До середины 80-х гг. XX в. американская социокультурная мысль ориентировалась на концепцию формирования единой американской нации – политику «плавильного котла». Для этого стратегия образования предполагала с помощью школы консолидировать этнические меньшинства вокруг языка и культуры англосаксонского протестантского ядра. Концепция исходила из идеала, что смешение этносов и создаст «новую расу, которая соединит в себе древние ценности, различия, языки и обычаи» [57].

Фактически же идеология «плавильного котла» выливалась в преподавание исключительно на английском языке, в содержании образования отражала ценности, традиции, стиль жизни белых американцев. Игнорировались языки, культура, особенности мышления и поведения этнических меньшинств. С середины 1980-х гг. концепция «плавильного котла» стала подвергаться нарастающей критике. В американском социокультурном пространстве усилилось осознание важности учета этнического разнообразия как условия стабильности и культурного богатства общества. Часть канадских и американских социальных философов и педагогов определила перспективность мультикультурализма через включение в преподавание общественных дисциплин материалов о национальных меньшинствах, их истории и традициях. По их мнению, подобное построение содержания образования должно содействовать формированию у американцев более широкого взгляда на собственную историю и культуру [57].

В этих условиях особые проблемы при получении образования возникают в США у национальных меньшинств и этнических групп из Азии и Латинской Америки. Они испытывают серьезные трудности в школе вследствие слабого знания языка и культуры коренного населения и остро нуждаются в пропедевтике отставания. Выходцам из Азии усложнен доступ к достойному образованию в силу более низкого экономического уровня жизни, многолетнего ограничения в правах, проявлявшегося в предрассудках и предубеждениях белого окружения. В близкой, тяжелой культурно-образовательной ситуации находятся многие выходцы из Латинской Америки. Они составляют наибольшую и самую быстрорастущую часть меньшинств населения США и населяют так называемые «обездоленные территории», школы которых находятся в трущобах больших городов и отдаленных от культурных центров сельских местностях. Испаноязычные группы отличаются устойчивым стремлением противостоять культурной ассимиляции со стороны англоязычного большинства. Они стараются сохранить национальную

идентичность, говорят большей частью по-испански, как правило, живут замкнутыми общинами [57].

Значительную часть населения в США составляют афроамериканцы. Темнокожие американцы, испытывая расовую дискриминацию со стороны белого большинства, стремятся утвердить свою этническую идентичность, в том числе реализуя это в образовательном пространстве. Силами образования они также пытаются приобщить себя к культуре Африки, но это скорее декларация, чем реальная возможность, так как афроамериканцами выработана субкультура, отличная от культуры любого африканского народа. Скорее, здесь речь идет о воспитании и образовании афроамериканцев как определенной этнической группы со своей субкультурой.

Однако мультикультурный подход в образовании при формировании социокультурной системы США не является единственным. Антипод мультикультурного образования — педагогика этноцентризма. На пути мультикультурного образования стоит и этноцентризм малых этнических групп – их закрытость в отношении доминирующих наций и других малых этнических групп. Проявлением подобного этноцентризма часто оказываются особые учебные заведения для этнических меньшинств. Подобные школы фокусируют воспитание и обучение преимущественно в рамках культуры меньшинства, изолируют представителей доминирующих наций от культурного диалога с малыми этническими группами.

В последнее время мультикультурное образование в Канаде, США и Австралии становится все актуальнее ввиду продолжающихся демографических изменений. К началу 1990-х гг. XX века число иммигрантов в США увеличилось втрое по сравнению с серединой столетия. Изменилась география иммиграции. Если прежде почти половину ее составляли европейцы, то к концу XX века до 90% иммигрантов оказались выходцами из Латинской Америки и Азии. В этих странах стали обычным явлением многонациональные и многорасовые учебно-воспитательные заведения. Причем, если для Австралии многорасовые школы – явление вполне рядовое, в США – это

следствие десегрегации. Эти заведения предпринимают усилия по мультикультурному образованию: там проводятся межконфессиональные уроки религии, праздники и фестивали, посвященные разным культурам, организуется преподавание языков меньшинств. В числе приоритетных направлений мультикультурного воспитания и образования находится социокультурная поддержка иммигрантов. С течением времени был найден важный способ удовлетворения культурно-образовательных потребностей этнических меньшинств и в США, и в Канаде – так называемые этноцентристские школы, т. е. учебные заведения, предназначенные для представителей малых этносов и расовых групп.

Что касается непосредственно Канады, то система мультикультурного образования как часть развития социокультурного пространства складывалась там несколько иначе. Это связано с тем, что исторические судьбы коренных жителей Северной Америки оказались крайне непростыми. Вплоть до XX столетия аборигены американского Севера подвергались жесточайшему геноциду, социокультурной дискриминации. Они были частью истреблены, частью изолированы, и к настоящему времени являются этническим меньшинством. В Канаде индейцы, эскимосы насчитывают 1 млн. чел. (3 % населения). Многолетнее подавление культуры индейцев обострило их отрицательное отношение к евроцивилизации и образованию [493, с. 78].

Времена, когда индейцы были объектом геноцида, в прошлом. Тем не менее, особые социальные, культурные и образовательные потребности индейцев остаются во многом без реализации. До недавнего времени индейцы подвергались систематической ассимиляции, воспитываясь в школах интернатного типа, где их приобщали исключительно к еврокультуре. На стыке идей поликультурного и этноцентристского воспитания в Канаде получили развитие особые учебные заведения для автохтонных меньшинств. По мнению сторонника таких школ для аборигенов, американско-индейского педагога Мика Федулло, необходимо «научить юных индейцев жить в иной культурной среде, не теряя связи с собственной культурой» [494, с. 75–76].

Ключевым моментом в развитии стратегии мультикультурализма в социокультурном пространстве США и Канады является билингвальное обучение. Распространение билингвального обучения в Северной Америке стало следствием ряда социальных факторов, и среди них – потребности межкультурного общения, преподавания национальных языков; необходимость сохранения местных языков; нарастание многокультурности в условиях урбанистической цивилизации; рост «языкового национализма», т. е. стремлений посредством языка удержать культурно-этническую идентичность. Билингвальное обучение в США и Канаде реализуется во множестве вариантов. В США основными проявлениями билингвального обучения являются: поддержка изучения родного языка через определенную организацию обучения и учебные материалы, обучение второму языку, создание двуязычных классов и школ. Программы предполагают, что школьники должны приобрести компетенцию в языке и культуре большинства, которая обеспечит уровень общения в социуме.

В США право на двуязычное обучение в школах отстаивают, прежде всего, латиноамериканцы, а также иммигранты из стран Азии. В Канаде билингвизм состоит, прежде всего, в обучении на двух официальных языках – английском и французском. Особую роль играют т. н. классы наследия (культур меньшинств), где приобщают детей иммигрантов к культуре и языку исторической родины. В Канаде билингвизм, т. е. обучение на обоих официальных языках – английском и французском, гарантирован конституцией. Однако, более 2/3 детей иммигрантов не владеют ни одним из официальных языков. Это порождает необходимость их особого обучения. В результате с конца 1980-х гг. билингвизм оказался включенным в образовательные программы по всей стране. Распространение билингвального обучения продиктовано стремлением канадцев приобщиться к своим субкультурным идеалам, что было бы невозможно без знания родного языка. В то же время этнические меньшинства сознают, что для того, чтобы зарабатывать на жизнь, добиваться гражданских прав, необходимо усвоить доминирующие языки. Все

программы предполагают, что школьники билингвальных учебных заведений должны приобрести такую компетенцию в языке и культуре большинства, которая обеспечит необходимый уровень общения в социуме. В целом социальные и педагогические результаты билингвального обучения являются положительными. Выяснилось, что такое обучение улучшает условия успешного образования школьников, ограниченно владеющих английским и французским языками. Билингвы оказываются более изобретательными, активными, динамичными. Особенно полезно двуязычное обучение для одаренных детей [6, с. 65–80].

Как нам представляется, вариант билингвального обучения является очень интересной возможностью развития, в том числе, и украинского социокультурного пространства, позволяющим утверждать ценности толерантности, гуманизма и свободы. Полилингвизм и билингвизм стихийно присутствует в гражданском обществе Украины. Необходимостью в этом случае является внесение в законодательную базу нашей страны билингвизм и полилингвизм в качестве факторов функционирования образовательного пространства Украины. Принятие билингвизма и полилингвизма на государственном уровне может выразиться на практике в выборе языка преподавания.

В США и Канаде государство активно поддерживает вопросы стратегий мультикультурализма в социокультурной сфере. В США создана правовая база, запрещающая расовую дискриминацию в сфере культуры и образования. Растет понимание необходимости масштабного осуществления мультикультурности высшего образования. Эта идея отразилась в программах и стандартах высшего образования [57]. Предлагается снижать остроту разногласий в университетах в духе уважения этнического плюрализма. Жизненно важно, чтобы сегодняшние студенты – завтрашние лидеры учились эффективно воспринимать различные идеи, ценности, культуры. Не следовать этому – значит сохранять ущербный мир, где доминирует межнациональная рознь. Руководство высших учебных заведений призывается к осознанию растущего многообразия общества,

указывается на важность толерантного отношения к такому плюрализму во имя общественного блага. Признавая, что значительная часть вузовской администрации без энтузиазма относится к идее мультикультурности, указывается на мультикультурное образование как источник прогресса высшей школы [57].

В Канаде мультикультурные стратегии в сфере культуры и образования также пользуются постоянной государственной поддержкой. Мультикультурализм в социокультурной сфере рассматривается как важный инструмент создания гражданского общества на началах общенациональных идеалов и духовных ценностей этнических групп. Власти поощряют стремления национальных общин сохранять языки и культурные традиции с помощью воспитания и образования, в том числе. В Канаде профессиональное образование диверсифицировано в значительной мере под воздействием культурно-исторических традиций выходцев из Германии, Италии, Украины, Швеции, Китая и пр. Организация высшего образования в известной степени отражает интересы подобных этнических групп как носителей собственных образовательных и культурных ценностей, многокультурного этнического сознания. Можно также признать, что мультикультурализм осуществляется в процессе непрерывного (пожизненного) образования в США и Канаде – в культурно-просветительских центрах, при самовоспитании, в семье, церкви, общественных ассоциациях, с помощью средств массовой информации.

В проблемном поле развития мультикультурных стратегий в социокультурных пространствах стран классической иммиграции требует особого освещения вопрос мультикультурного воспитания и обучения в Австралии. Австралия – государство, где наряду с англосаксонским большинством проживают этнические меньшинства, которые делятся на автохтонов и общины иммигрантов из Европы и Азии. Идеи мультикультурного образования получили распространение в Австралии с 1970 г. Однако вплоть до 1980 г. они не находили заметного места в австралийском социокультурном пространстве. Более того, считалось, что

мультикультурное образование ведет к социальному расколу и что следует путем воспитания стремиться исключительно к ассимиляции меньшинств и интеграции общества [61].

В 1990 г. официальный взгляд на Австралию как на однородное сообщество был пересмотрен. Мультикультурная Австралия именуется теперь «семьей наций» [170]. Подобный курс перевернул отношения доминирующей этнической группы с аборигенами и иммигрантами. При сохранении англо-австралийского ядра в социокультурном пространстве страны предусмотрено формирование осознания той или иной культурно-этнической принадлежности. При этом мультикультурное воспитание аборигенов находится лишь в начале пути. Аборигены, которые составляют около 1% населения, продолжают находиться в худшем положении по сравнению с остальным населением при получении образования.

До конца 1960-х гг. социокультурная стратегия Австралии состояла, прежде всего, в ассимиляции, подготовке автохтонов к эффективному функционированию в едином гражданском обществе. В 1970–1990 гг. в эту стратегию были внесены важные коррективы в духе мультикультурного воспитания. Национальный комитет по образованию аборигенов (NAEC) определил необходимость учитывать культурные традиции коренного населения, развивать его природный потенциал. Эффективность социокультурной сферы предлагалось повысить посредством создания гармонии с культурными ценностями аборигенов, осознания ими этнической принадлежности, обеспечения выбора жизненного пути (проживания в городе, сельской местности или традиционной общине). Соответственно стратегии мультикультурности росло внимание официальных властей к социокультурным нуждам аборигенов. Разрабатывались программы обучения с учетом обычаев и культуры коренных жителей континента. Поощрялось их обучение в средних школах путем увеличения для них количества стипендий. Один из колледжей Северной территории готовит специалистов исключительно из числа коренных жителей Австралии [61].

Предполагается, что подобная политика должна развивать понимание, терпимость и уважение различных культур в многонациональной Австралии. Наряду с воспитанием аборигенов в многонациональной Австралии существует масштабная проблема воспитания и образования иммигрантов. В 1995 г. лишь 1,4% детей иммигрантов обучались в начальной школе родному языку. Несколько выше был этот процент в средней школе — около 4%. Только 30—40% детей иммигрантов заканчивали общеобразовательную школу, овладев английским языком. В настоящее время преимущественно детей иммигрантов обучают на английском языке и языке этнического меньшинства. Двухязычное обучение рассматривается как важный способ мультикультурного воспитания поколений, которые в состоянии эффективно действовать в двухязычной среде. Билингвальное обучение адресовано неанглоговорящим учащимся с минимальным знанием английского языка, а также ученикам, которые настолько слабо знают родной язык, что пользуются им лишь в семье. Разработанный для билингвального обучения «полиязыковой проект» предусматривает, помимо прочего, привлечение в учебные заведения педагогов — представителей национальных меньшинств, носителей родного языка [61].

Подытоживая анализ стратегий мультикультурализма в социокультурных пространствах стран классической иммиграции (США, Канады, Австралии), можно, в соответствии с исследователем А. Джуриным, выделить парадигмы мультикультурализма, характерные для этих стран:

- Канада и Австралия приняли мультикультурную политику и соответствующие институты открыто и безоговорочно;
- США — приняли мультикультурную политику неявно и частично;
- в США население объединилось вокруг англосаксонского протестантского ядра, культура которого и сегодня остается доминирующей;
- в Канаде и Австралии основы двухязычной культуры были заложены переселенцами из Великобритании и Франции. Выходцы из Центральной и Восточной Европы, Африки и Азии принесли в социокультурное пространство этих стран многоцветие культур [165].

Оценивая состояние парадигмы мультикультурализма в социокультурном пространстве стран классической иммиграции, следует согласиться с исследованиями, которые признают, что мультикультурная направленность в образовательном пространстве этих стран все же не является приоритетом социокультурного развития [381, с. 58–71]. Мультикультурные социальные и образовательные подходы являются лишь весьма важным инструментом мобилизации трудовых ресурсов и обеспечения стабильности в обществе. Тем не менее, очевидно, что мультикультурализм широко внедряется в социокультурное пространство в США, Канаде и Австралии. Однако «качество» подобного внедрения отличается. Такое различие связано с особенностями самого явления мультикультурализма в различных странах. При этом необходимо учитывать, что мультикультурализм и его эквиваленты всегда были политически противоречивыми и порождают направленные против них движения, ставящие своей целью защиту единой культуры, которая в США, Канаде и Австралии чрезвычайно различается.

Противоречивость вопроса о мультикультурных подходах в развитии социокультурного пространства связана с тем фактором, что мультикультурализм как идеология несет в себе одновременно созидательные и деструктивные начала. Возникает проблема сохранения единого государства, с одновременным признанием дезинтегрирующих прав меньшинств. Тем не менее, в США, Канаде и Австралии социокультурное пространство, созданное на разной этнической основе, оказалось мощным средством развития общества [381, с. 58–71]. При этом, несмотря на весомые положительные итоги, и сама концепция мультикультурализма, и те результаты, которые приносит реализация мультикультурных практик в социокультурной сфере, подвергаются все более массивной критике внутри самих рассматриваемых обществ. В связи с этим можно говорить о кризисе мультикультурной доктрины в социокультурном пространстве многих стран мира. Но, хотя в последние годы мультикультурализм стал объектом самых ожесточенных дискуссий, альтернативных моделей интеграции инокультурных сообществ пока не

найденно. Вопрос о том, происходит ли такая интеграция в результате или вопреки мультикультурным практикам, является открытым.

Тем не менее, можно согласиться, что положительный опыт развития межкультурных связей и роли при этом образовательного пространства в США, Канаде и Австралии может учитываться при выработке новых принципов и подходов к формированию социокультурного пространства в других странах. Развитие новейшего социокультурного пространства видится основанным на этнической толерантности, умении адаптироваться к этническим условиям, развитию понимания природы индивидуальных различий других людей, иных культур, религий, рас, готовности к культурным взаимодействиям с иными культурными представителями, а также к взаимопониманию и взаимопомощи.

Все изложенное играет особенную роль в условиях модернизации социокультурной системы и такой многокультурной страны, как Украина. Данное обстоятельство связано с тем, что в последние десятилетия специфика социокультурных исследований становится все более существенной в процессе осмысления самоидентификации индивидов и крупных сообществ и отражения этого процесса в социокультурном пространстве нашей страны. В этом контексте особо актуальным становится вопрос о сосуществовании разнообразных национальных культур в одном государстве или регионе Украины вне конфликтов или столкновений. Существует множество этических, философских, политологических и социологических концепций, предлагающих всевозможные методы решения указанных проблем. Однако не существует социально-философской концепции, в рамках которой разрешится проблемный вопрос научной теории и практики, предполагающий сосуществование различных культур в Украине с равными возможностями в социокультурном пространстве. Идея мультикультурализма не в качестве социальной доктрины, но в качестве социально-философской концепции социокультурного пространства, по нашему мнению, может явиться наиболее адекватным теоретическим ответом на такой вызов современности.

4.2. Интеркультурализм и толерантность в странах этнокультурного плюрализма (западноевропейских обществ)

С 1990-х годов прошлого века теория толерантности оказалась в фокусе не только идеологических и политических противоречий, но и разработок в социальной философии. Принципы толерантности стали важным основанием для выработки новых или более глубоких объяснений человеческой мотивации, социального и политического порядка и членства в коллективе. Причина этому – во взаимосвязи доктрины толерантности с проблемами культуры, глобализации, идентичности, прав, сообществ, религий, гражданства, ценностей, образования.

Среди многих вопросов, которые вызывает феномен толерантности, два относятся к наиболее важным сторонам многокультурных обществ. Первый касается различия между статичной и изменчивой мультикультурностью. Досовременные империи были в основном статичными; их разнообразные языки, законы, обычаи и религии эволюционировали очень медленно. Напротив, существующая в настоящее время постнациональная мультикультурность Северной Америки и Западной Европы намного более изменчива. Противоречие состоит в том, что существование и выживание в новом динамичном мультикультурном мире требует достижения некоего стабильного состояния. Второй вопрос касается проблемы напряжения между аутентичностью культуры и ее адаптивностью. Обе эти пары культурных характеристик зависят от политических и управленческих возможностей, которые предоставляет толерантность. Она может делать акцент на поддержке выживания и аутентичности уже существующих культур, либо может быть ориентирована преимущественно на поддержку культурного разнообразия независимо от его долговечности и аутентичности.

В эпоху постмодерна дискуссия о векторе развития нации-государства и об особых влияниях социокультурных факторов на консолидацию политической нации стала актуальной для большинства европейских стран. Тем не менее, для стран этнокультурного плюрализма сложность состоит в том, что

существует проблема построения единого социального организма, что выражается словами «гражданская нация», и самой ее модели также нет. Идея мультикультурализма, возникшая в противовес идее ассимиляции, является отнюдь не гражданской. Это замена идеи доминирования большого народа идеей доминирования многих малых. «Таким образом, и теоретически, и политически мир находится в состоянии неопределенности, поиска мировоззрения, на основе которого можно было бы выстроить гражданскую нацию. Мы говорим о том, что империя исчерпана. Но и национальный принцип если и не исчерпан стадильно, то явно недостаточен в связи с ростом культурного разнообразия и потрясающей взаимозависимости сообществ», – пишет профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана Эмиль Паин [338, с. 78–85].

В настоящее время возникает необходимость говорить о дополнительных способах поддержания интегративности общества, в связи с чем европейским социально-философским знанием предлагается концепт интеркультурализма. Интеркультурализм – одновременно теоретическая идея и политическая стратегия, которая может быть реализована на практике. Его целевое значение лежит в области поиска общих интересов на основе рациональной выгоды от взаимодействия, задающего основания для сближения, переплетения культур, выработки общего культурного кода. Важной мировоззренческой новацией концепции интеркультурализма является объединение как конструктивистских, так и эволюционистских взглядов на культуру и рассмотрение их функций как взаимодополняющих, а не конкурирующих. Интеркультурализм указывает на роль культуры для адаптации к постоянным инновациям, не теряя общего направления во всем реальном и потенциальном многообразии культур [219].

Интеркультурный подход является формой функционирования мультикультурализма, понимаемого в широком смысле. Понимание основных мировоззренческих концепций и политических курсов межкультурного взаимодействия – объединительных (ассимиляция, интернационализм, плавильный котел) и центробежных (мультикультурализм, постмодернизм) – в

узком смысле ведет к обрисовке отличий интеркультурного подхода от этих концепций и моделей, которые становились господствующими ранее в национальной политике и не смогли в полной форме компенсировать фактор социальной дезинтеграции, иногда даже способствуя ее усилению. Положительные характеристики интеркультурализма лежат в плоскости основания для:

- социокультурной интеграции и взаимодействия (идейные и практические корни от бытового интернационализма и модели «плавильного котла»);
- поддержания индивидуальной культурной свободы (возможности человеком избирать социокультурный, т.е. нормативный образ жизни).

Модель интеркультурализма возникает в ответ на либеральную критику мультикультуралистской концепции. Если главный принцип мультикультурализма – разделение культур и сохранение культурных различий, то интеркультурализм полагает, что эти различия динамичны и могут смешиваться. Наличие меньшинств, их творческий потенциал рассматривается не как проблема, а как преимущество – ресурс для экономического, социального и культурного развития.

Интеркультурализм – европейский городской феномен. Стратегии интеркультурного города детально проработаны и реализуются на практике в странах Западной Европы. В эти стратегии входит ряд ключевых шагов: 1) управление публичной сферой, 2) образовательные инициативы, 3) внедрение темы культурного разнообразия в публичный дискурс. Политикой и практикой интеркультурализма охватываются:

- горожане, слабо вовлеченные в жизнь местного сообщества, склонные более негативно воспринимать близость других этнических групп. Поэтому интеркультурализм делает ставку на проекты поддержки соседств и локальных сообществ. Публичные пространства и мероприятия должны способствовать ведению межкультурного диалога и гибридизации культур. Эту роль берут на себя точки, работающие на одну культуру. Но для интеркультурализма

предпочтительнее пространства, которые облегчают взаимодействие различных сообществ – к примеру, лондонский парк Клиссолд в Англии. Той же цели служат общегородские праздники, фестивали и пр. Еще одна стратегия в публичной сфере – создание площадок, где мигранты могут высказываться на любые, в том числе политические темы, дискутировать, обмениваться опытом и т.п. Здесь могут выразить свою позицию мигранты, у которых нет права голосовать на выборах;

– образовательные инициативы. Например, швейцарский проект «Speranza 2000» был призван вовлечь молодежь из маргинализованных групп в профессиональную среду. Участники программы проходили 12-недельный курс обучения, после чего компании предлагали им контракты. За первый же год трудоустроились все 48 учеников. Впечатляющий пример того, как образовательные инициативы, основанные на культурном разнообразии, приносят экономическую отдачу, – копенгагенская программа INNOGROWTH. Цель программы – образовательная и бизнес-интеграция этнических групп в рамках частных предпринимательских инициатив. В первый же год в ней приняли участие 30 компаний. Согласно отчетам, инновационность услуг и уровень прибыли в компаниях, которые принимают на работу представителей разных этносов, получивших специальное образование, повышается до 30% [257];

– центральная часть интеркультурных программ – внедрение темы культурного разнообразия в публичный дискурс. Интеркультурный подход декларируется на уровне политических программ, обсуждается публичными лицами, используется в социальной рекламе и на массовых мероприятиях [259].

Программы интеркультурализма диктуют необходимость пересмотреть все направления европейской городской политики – от управления безопасностью и здравоохранения до медиаполитики – через призму культурного разнообразия. Но прежде всего это касается политики в области образования, нацеленной на развитие «интеркультурной компетенции», взаимодействие учебных заведений с родителями и районным сообществом и т. п.

По нашему мнению, Западная Европа вынужденно стала толерантной и мультикультурной под влиянием наличия значительных южно-азиатских меньшинств (в Великобритании), чернокожих из Вест-Индии и африканских регионов вокруг Сахары (Великобритания и Франция). Большое количество переселенцев из Северной Африки и Ближнего Востока, от Турции до Ирана, распространилось по всему континенту, но концентрируется во Франции и Германии. Возникли и подверглись изменениям многие субкультуры городской молодежи, определяющие стиль ее жизни. Однако, это привело к культурному напряжению, включая вспышки этнического насилия и терроризма. В результате во Франции, Великобритании, Германии, в классических европейских «государствах-нациях» в силу их традиционной этнокультурной гомогенности сложилось достаточно сложное, а в ряде случаев и резко негативное отношение к миграции и, особенно, к политике интеграции мигрантов в принимающий социум.

Если в начале XX в. в Европе ответом на возраставшую плюрализацию общества была политика откровенной ассимиляции национальных меньшинств, то в 1940-1950-е гг., как и на Американском континенте, в европейских странах реализация задачи воспитания терпимости и взаимопонимания была предложена в виде движения за совместное обучение представителей различных рас. В 60–70-е гг. прошлого века в европейском социокультурном пространстве обозначились тенденции, признававшие ценность культурного многообразия. В связи с этим выделяется доклад «Образование для всех», декларирующий необходимость сохранять все культуры, используя для этого в первую очередь, сферу образования и воспитания [153].

В первую очередь осмысление вопроса об особых влияниях социокультурных факторов на консолидацию гражданской нации нашло отражение в сфере культуры, права и образования таких бывших колониальных держав, как Великобритания и Голландия. Именно в этих пестрых по этническому составу странах толерантность стала принципом социально-правовой, культурной и образовательной политики государства. Отдельного

внимания в этом вопросе заслуживает Великобритания. Соединенное Королевство действительно имеет репутацию государства, благоволящего культурному плюрализму. Однако британская толерантность, по сути, сводится к либеральному «принципу невмешательства» по отношению к публичным проявлениям этнических различий [498, с. 2–69]. В Великобритании в период укрепления государства благосостояния проводилась целенаправленная политика по поддержанию «единства в разнообразии». Этнические группы получали содействие своим культурным инициативам со стороны местных сообществ, делегировали своих представителей в систему образования и здравоохранения. До 50-х годов XX века в страну прибывали, в основном, трудовые иммигранты. Превалирующими основами политики Великобритании тогда являлись идеология ассимиляции и убеждение в культурном превосходстве. Исследователь мультикультурного образования Дж. Линч назвал этот этап периодом «проблемно-свободной ассимиляции», поскольку социокультурная система не предусматривала специальных мер по включению детей названной категории в образовательный процесс, и им приходилось «погружаться» в установленную систему и англоизироваться [501, с. 42].

Национально-освободительное движение в странах Британской империи (Индия, Пакистан, Бангладеш и др.) привело к возвращению на родину значительной части англичан и связанных с ними по происхождению групп. В 1948 году был принят Закон о подданстве, в соответствии с которым за гражданами независимых стран, входящих в Содружество наций, сохранялось право на британское гражданство, а с ним и часть других прав. Поэтому британское гражданство разделялось на две различные формы: 1) граждане Соединенного королевства и колоний и 2) граждане стран Содружества наций, где последние также были британскими подданными [471, с. 94–95].

Период с середины 60-х гг. XX века в идеологии социокультурной политики Великобритании характеризуется пониманием необходимости принятия специальных мер в системе образования в связи с возрастающим количеством представителей различных национальностей и признанием

этнокультурного плюрализма [471, с. 94–95]. Анализ источников показал, что из-за языковых и отчасти культурно-бытовых трудностей дети иммигрантов часто не выдерживали нормального ритма обучения, отставали по успеваемости. Поэтому, несмотря на директиву о смешанном образовании местных и «цветных» детей, во многих школах со значительной долей детей иммигрантов создавались «подшколы» с небольшими классами, занимавшиеся по облегченной программе. Еще одно направление состояло в системе дополнительных уроков в учебных центрах, специально созданных в крупных городах, где дети изучали английский язык нередко вместе со взрослыми [93, с. 145–164]. В 1966 г. был принят закон, в котором особо выделялся пункт о нуждах учащихся из «Нового Содружества», прибывающих в страну без знания английского языка [513, с. 91].

Однако в рассматриваемый период социокультурная политика в Великобритании оставалась англоцентричной. Дети иммигрантов различных этнорасовых групп усваивали в школах британскую систему социальных ценностей и взглядов как основную, как нужную для жизни в новой стране. При этом мировоззрение определенной части иммигрантской молодежи менялось, она стремилась как можно быстрее освоить субкультуру британских сверстников, получить качественное образование, участвовать в общественно-политической жизни страны. Увеличение численности иммигрантских общин и усиление различных контактов между соплеменниками способствовали желанию сохранить этнокультурную и религиозную самобытность, что выразилось в участившихся требованиях получения образования и воспитания для детей в традициях иммигрантских общин. К началу 1980-х годов в Великобритании существовало уже восемь частных мусульманских школ для мальчиков, велась подготовка к открытию двух таких школ в Бредфорде и Шеффилде для девочек. К середине 1983 г. индусы тоже открыли свою религиозную школу. Главную задачу организаторы школ видели в повышении образовательных стандартов представителей национальных меньшинств, которых при этом обучали родному языку и традициям [513, с. 91].

В начале 80-х годов XX века интеграция стала новой идеологической линией стратегии Великобритании, политику которой формировала Комиссия по расовому равенству. В документе, опубликованном Департаментом образования и науки, указывалось на то, что в отношении представителей национальных меньшинств должны быть определены особенности в составлении школьной программы на основании признания того факта, что британское общество стало мультикультурным [471, с. 94–95]. Все более масштабная антирасистская политика государственных и местных органов соответствовала принципу толерантности в интеркультурной парадигме, ключевые понятия которой – гармония, справедливость, равенство, право на труд и т.д. – отражали проблемы английского общества [246, с. 87].

В целом в Европе XX века политика культурного многообразия столкнулась со значительными сложностями. Эти сложности были связаны с относительной политико-культурной и этнической гомогенностью национальных сообществ. Особенно показателен в этом отношении пример Франции. Здесь все проблемы, связанные с регулированием интеграции инокультурного населения – выходцев из бывших французских колоний, рассматриваются в контексте их включения в политическую нацию. «Французский – республиканский – идеал национального сообщества основан на представлении о нации как сообществе граждан. ...Расовые, религиозные, этнические различия в расчет не принимаются» [297, с. 257–260]. Это представление восходит к Французской революции, провозгласившей, что национальность есть прежде всего гражданство, а не религия, язык или этническая принадлежность. «Республиканизм» в данном случае означает: 1) строгое следование принципу секуляризма; 2) свободу публичного пространства от проявлений культурной отличительности. Различия, связанные с религиозной или языковой принадлежностью, вытесняются в частную сферу [297, с. 258].

Все это потребовало выработки толерантных подходов к построению социокультурного пространства. 70 – вторая половина 80-х гг. XX в. во

Франции – этап развития и институализации, в том числе, социокультурной сферы: создание условий доступности образования для иммигрантов, «кочующих» лиц и т.д., а также воспитание толерантного отношения к другим культурам, защита национального самосознания. Доминировал плюралистический подход к построению содержания социокультурного пространства. Однако, с середины 80–90-х годов XX в. наступил период кризиса мультикультурной стратегии, обозначивший неразрешенные противоречия в построении содержания социокультурного пространства. Иммигранты (в основном мусульмане) требовали культивирования в социокультурном пространстве их национальных (религиозных) ценностей. Французское государство, вернувшееся в своей политике к идеям ассимиляции и официально-патриотического воспитания иммигрантов, придерживалось критического подхода: признание национальных, культурных и др. различий в системе культуры, права и образования только в роли фактора повышения социальной мобильности личности. Содержание реформ, разработка учебных планов, программ, директивных документов правительством Франции, как указывают источники, свидетельствует об активном внедрении принципов толерантности в социокультурную практику учреждений страны. Цель социокультурного развития в рамках идеи толерантности достигается реализацией следующих стратегий:

- создание дополнительных условий адаптации к социокультурной среде для учащихся-носителей иной культуры и языка (специализированные классы погружения в языковую среду CLIN, курсы выравнивания CRI и т.д.);
- изучение французской культуры и языка параллельно с родной культурой и языком (программа обучения родным языкам и культурам ELCO, билингвальное обучение и т.д.);
- создание в социокультурном пространстве условий преодоления стереотипов поведения по отношению к лицам иной культуры (технологии диалога, межкультурные проекты и т.д.).

В системе высшего образования Франции, как основе формирования социокультурных концептов нации, толерантные подходы реализуются посредством следующих стратегий:

- создание дополнительных условий адаптации иностранных студентов в высшее образование (тьюторство, система грантов и стипендий, дополнительные курсы французского языка и т.д.);
- культивирование связи общемировой, государственной и национальной культур в процессах воспитания и обучения;
- подготовка элиты для иностранных государств, которая ориентирована на ценности диалога культур;
- воспитание высшего духовенства в русле задач развития толерантного отношения к европейской культуре в исламских институтах и факультетах;
- включение в совместную деятельность французских и иностранных студентов, двусторонние соглашения и т.п.;
- интернационализация студенческого и преподавательского контингента, внедрение интернациональных учебных программ, обмен студентами и преподавателями и т.д.) [455].

В целом складывающаяся структура социокультурного пространства во Франции подтвердила востребованность принципов толерантности для социокультурных систем стран с высоким уровнем иммиграции. Наиболее адекватным целям и задачам построения содержания социокультурного пространства в многокультурной среде показал себя традиционный плюралистический подход, основанный на принципах толерантности.

Другой пример организации социокультурного пространства в условиях культурного многообразия – современная Германия. Здесь действует иная модель – не политико-культурной (как во Франции), а этнической общности, где представление народа о себе самом основывается, прежде всего, на кровном (этническом) единстве. Германия до последнего времени ориентировалась на модель «этнической нации» [381, с. 58–68]. Единственным адресатом интеграционных программ были прибывавшие из-за границы этнические

немцы. Страна трудовой иммиграции, Германия принимала гастарбайтеров, в первую очередь из Турции, которых рассчитывала вернуть домой. Как и в Нидерландах, этот расчет не оправдался, но ответом стало не внедрение мультикультурных практик, а изменения в законодательстве [381, с. 57].

Заметные перемены произошли в 90-е годы XX века, когда Германия, наконец, признала себя иммиграционной страной, а регулирование трудовой миграции стало частью интеграционной политики. Были введены квоты для привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. Самых трудовых мигрантов было предложено делить на три категории: «желаемых» работников, «полезных» и «неизбежных». В условиях переориентации права на гражданство в силу рождения в данной стране, у родившихся в Германии детей иммигрантов появилась возможность выбирать гражданство.

В целом сегодня можно говорить о двоякой тенденции в отношении политики культурного многообразия в странах Европейского сообщества. В Германии были приняты новые законы, в которых был, по сути, заложен пересмотр этнической модели нации. Предметом публичных дискуссий становится преобразование общества из «национального» в «мультикультурное» [297, с. 257–260]. С другой стороны, немецкие политики самого высокого ранга говорят о провале политики мультикультурализма, фактически признавая необходимость ужесточения соответствующих мер внутри самого национального сообщества. Это выражается в требовании от мигрантов хорошего владения немецким языком, приверженности базовым ценностям национального сообщества и т.д. [299]. В целом культурное многообразие остается для общества Германии значительной проблемой, и рецептов окончательного ее решения, устраивающего все стороны (как мигрантов, так и национальное большинство), пока не знает никто. Мультикультурная толерантность должна была служить интеграции мигрантов и их потомков, тогда как в Германии она служила прямо противоположной цели, а именно: не дать мигрантам из Турции и других стран стать частью немецкого общества. «Мультикультурные» меры, таким образом, были

нацелены в Германии скорее на сегрегацию, чем на интеграцию [298]. Особенность также состоит в том, что становление интеркультурных подходов в разделенной Германии происходило в различных социально-экономических, культурных и политических условиях, которые определили разнонаправленный характер развития социокультурного пространства ГДР и ФРГ. В ГДР развитие концепции социокультурного пространства было обусловлено влиянием марксистско-ленинской идеологии и направленностью на формирование солидарности с народами и трудящимися всех стран. Становление социокультурного пространства в ФРГ было связано с преодолением последствий миграционных процессов 50-х годов XX века, чем обусловлена первоначальная узкогрупповая направленность на интеграцию детей рабочих мигрантов, а также сохранение возможности детей-мигрантов к реинтеграции в стране происхождения.

До самого последнего времени (наступления новейших миграций), как следует из официальных источников, развитие идей социокультурного пространства в Германии стояло на пути к походам, основанным на осуществлении принципов толерантности и развитии толерантных отношений. Ведущей идеей этой парадигмы являлось признание и уважение всех членов общества, что связано с ориентацией социокультурного пространства на всех представителей гетерогенного социума. Ведущими представлялись культурно-антропологические подходы и развитые на их основе концепции мультиперспективности и бикультурности. Приоритетное значение приобретали целевые ориентации на развитие европейского самосознания, формирование мультиперспективного мировосприятия, развитие расширенной идентичности, формирование «универсальной человечности» [56]. Новейшее цивилизационное противостояние в Европе, несомненно, окажет свое влияние на реализацию мультикультурной политики в Германии и Европе в целом.

Стремление к применению принципов толерантности в социокультурном пространствесовременной Германии до конца 2015 года выражалось:

– в тенденции возрастания роли мультиперспективности и межпредметных связей, ориентации на образовательные стандарты стран-партнеров, на приоритетное развитие языковой компоненты;

– в развитии моделей интеркультурных практик в русле налаживания взаимодействия с различными типами школ, где более широкое распространение получают модели билингвально-бикультурных учебных заведений, модели европейского образования в условиях многоязычия;

– в институциональной поддержке организационных форм, направленных на развитие мобильности.

Со второй половины XX в. миграция населения становится одним из важнейших факторов экономического и социального развития во всех регионах мира. Эти процессы оказывают значительное влияние не только на мигрантов, но и на население стран, их принимающих. Скандинавские страны и Финляндия, являющиеся высокоразвитыми странами с отлаженной системой социальной защиты, привлекают к себе внимание людей, ищущих новые места обитания в стремлении обрести мир, работу и социальный комфорт. Со второй половины XX в. эти государства превращаются в страны, принимающие иммигрантов и беженцев, становясь мультиэтническими сообществами. Именно в интеркультурных подходах в построении социокультурного пространства североевропейские ученые видят выход из кризиса в межэтнических отношениях. Интеркультурализм в социокультурном пространстве на Севере Европы на сегодняшний день проявляется следующими факторами: 1) адресуется всем, включая представителей наций, проживающих на этой территории, и детей иммигрантов; 2) направлен на изменение содержания и методов в системе образования, в результате чего интеркультурность становится основополагающим принципом; 3) отражает подвижную культурную среду, включая мигрантскую и доминирующую; 4) сосредоточен на взаимопонимании и культурном обмене, преодолении барьеров культурного отчуждения; 5) предусматривает обучение социальным

наукам, истории и естествознанию, что позволяет подчеркнуть общечеловеческий характер научных знаний [166, с. 13–23].

Данные по Швеции, Дании и Норвегии свидетельствуют, что эти страны принимают меры в духе интеркультурализма по трем направлениям: облегчение образовательного успеха детей – выходцев из мигрантской культуры; внедрение в социокультурную жизнь билингвизма, что выражается в обучении, в том числе, и на родном языке; обращение интеркультурных практик не только к иммигрантам, но и к представителям ведущей этнической культуры для развития взаимопонимания и взаимодействия.

В Швеции политика адаптации иммигрантов активно проводится уже с середины 70-х годов XX в. В 1997 году был взят курс на интеграцию, в рамках которой социокультурные нужды и проблемы мигрантов стали решаться в общем контексте социальной и культурной политики. Иммигранты рассматриваются как одна из социально незащищенных групп. По мнению правительства, политика интеграции в социокультурном пространстве должна исходить из общих прав человека, а не из особых прав инокультурных сообществ, уважать права индивида, а не только этнических и конфессиональных групп [381, с. 58–71].

Финляндия занимает последнее место по численности проживающих в ней иностранных граждан (относительное большинство которых – выходцы из России). Финское общество отличается высокой степенью социальной сплоченности. Это дает основания интерпретировать финские успехи в области культуры в категориях социальной солидарности, а также эффективного адресного регулирования социальных проблем со стороны государства [381, с. 58–71]. Одним из объектов таких инициатив является развитие жизни этнической группы саамов – коренного народа и, одновременно, этнического меньшинства севера Финляндии. Финское законодательство гарантирует саамам культурную автономию, обеспечивает образование на родном языке. При всем этом, в культурно однородном и толерантном финском обществе

существует настороженное отношение к иммигрантам из других стран как к носителям «иной» и чуждой традиции.

Наиболее жесткое законодательство по регулированию миграционной политики действует сегодня в Дании. Права человека здесь культивируются как неоспоримая и первостепенная ценность демократии. Из-за ухудшения отношения к мигрантам в политических кругах и в обществе в целом сложилось убеждение в провале проводившейся политики интеграции. Сама миграция рассматривается как «угроза будущему благосостоянию страны в экономическом, культурном и религиозном отношении» [381, с. 68–71]. Резко ограничен прием беженцев; при воссоединении семей установлен возрастной ценз. Усилены санкции против работодателей, нанимающих нелегальных мигрантов. В социокультурной сфере Дании интеграционная политика за последнее время характеризуется эволюцией от стремлений к ассимиляции молодого поколения мигрантов до приобщения их одновременно к собственной и датской культурам. В данном процессе важную роль играет выбор, который имеют в социокультурном плане не только родители-иммигранты, но и их дети. Родители могут отдавать детей в учебное заведение, где обучение ведется на двух языках – датском и родном, либо в обычное учебное заведение, где образование ведется только на датском языке. Такая практика интеркультурных подходов подчеркивает идею лингвистической адаптации как основы социокультурной адаптации иммигрантов. В целом можно признать, что в Дании, Финляндии и Швеции интеркультурные подходы к организации социокультурного пространства признаны одним из основных направлений социальной и культурной политики.

В Западной Европе, где построение социокультурного пространства происходит на фоне активной экономической и политической интеграции, обострилась проблема социальных, культурно-политических и культурно-образовательных запросов не только национальных меньшинств, но и малых государств. Наряду с Великобританией образцом европейской толерантности до самого последнего времени считалась Голландия. Она была известна

бескомпромиссной приверженностью политике уважения к правам человека и наиболее последовательно проводила политику толерантности. При этом власти исходили из необходимости сохранения иммигрантами своей этнокультурной идентичности и необходимости возвращения домой. Однако в 90-е годы прошлого века около пятой части населения страны уже было неголландского происхождения, а все крупные города имели этнические районы. Политики правого направления заговорили о перспективах полной исламизации страны [296, с. 281–301]. В 2002 году был констатирован провал государственной мультикультурной доктрины. Как следствие, начался радикальный пересмотр политики толерантности. Основное направление получила не поддержка самоорганизации этнических групп, а их вовлечение в национальные организации различного уровня. В социокультурной сфере это проявилось в том, что в настоящее время вновь прибывающие в страну должны сдать экзамен по голландскому языку и основам национальной истории. Сегодня можно признать, что Голландия – наиболее яркий пример пересмотра идеологии и практики мультикультурализма в интеркультурализм под давлением изменений в политике и в общественных настроениях в рамках идеологии толерантности [296, с. 281–301].

Решению проблем социокультурной интеграции в рамках идеи толерантности большое внимание уделяется в Бельгии. По показателям качества правового регулирования миграции и интеграции она лидирует среди стран ЕС. При этом какой-то особой национальной модели культурной интеграции инокультурных сообществ в Бельгии нет. Валлония тяготеет к французскому подходу и ориентируется на индивидуальную интеграцию. Фландрия – к голландской модели и предоставлению больших прав сообществам. Брюссель пытается сочетать преимущества обоих подходов, тем более, что здесь компактно проживает много мусульман. Ислам признан одной из официальных религий еще в 1974 году, и религиозные институты поддерживаются государством [381, с. 58–71].

Таковыми же правами обладают неграждане, постоянно проживающие в Ирландии. Только в середине 90-х годов XX в. из-за экономического подъема и относительно мягкого иммиграционного законодательства Ирландия стала притягательной для поселенцев из других стран. На приезжих распространялась национальная система социальной защиты. Ирландия приняла и продолжает принимать немало приезжих, а также иностранных студентов (образовательные услуги – важная статья национальной экономики). Хотя комплексной программы регулирования иммиграции и интеграции нет, проблемы защиты прав мигрантов в социокультурной сфере обсуждаются в последние годы в рамках успешно функционирующих институтов социального партнерства [381, с. 58–71].

Уникальным мультикультурным обществом в Западной Европе является Швейцария, где сосуществуют четыре официальных языка: немецкий, французский, итальянский и рето-романский и две равно распространенных версии христианства – католичество и протестантизм. Это общество было основано на древнем прочном союзе автономных, гомогенных в культурном отношении кантонов, занимающих относительно ограниченную горную территорию. На протяжении XIX столетия, пройдя сквозь череду небольших внутренних войн, из конфедерации кантонов Швейцария превратилась в свободное федеративное государство. Здесь главное значение уделяется общему среднему обязательному образованию, которое должны получать также дети, не имеющие узаконенного вида на жительство. Социокультурная система Швейцарии, построенная на основах толерантности, использует следующие принципы:

- стимулирование изучения одного из четырех языков уже в дошкольных учреждениях;
- стимулирование изучения мигрантами также и родного языка;
- финансовая и профессиональная поддержка учреждений с высокой долей иностранцев;

- информирование родителей о системе школьного образования, сотрудничество с родителями, содействие родителям в изучении языка;
- консультации (наставничество) инокультурной молодежи по вопросам профессионального образования, поддержка молодежи в разрешении проблем бiculturalных отношений,
- специальная помощь людям, переехавшим в страну уже в старшем возрасте;
- вовлечение молодежи в местную культурную жизнь (спортивные союзы, бойскауты, музыкальные школы и т.д.) [384].

Южная Европа – наиболее проблемный в социальном отношении европейский регион. Эта территория в недавнем прошлом сама была поставщиком дешевой рабочей силы в другие регионы. К 90-м годам прошлого века все вступившие в ЕС страны Юга Европы превратились в иммиграционные. Социокультурные подходы, основанные на идее толерантности, реализуются в попытках институционализировать взаимодействия представителей наиболее многочисленных сообществ, в первую очередь мусульманских, с государством. Так, в Португалии в 2003 году создана Национальная система поддержки иммигрантов, которая предоставляет юридическую, медицинскую и образовательную помощь прибывающим в страну. В свою очередь эти органы активно сотрудничают с некоммерческими ассоциациями, защищающими социальные и культурные интересы мигрантов [162, с. 222–236].

Что касается Греции и ее социокультурной политики, то основные сложности в условиях большого количества мигрантов лежат в той плоскости, что общество Греции в целом по-прежнему ориентировано на «нацию греческого большинства»; государственные культурные, правовые и образовательные программы, направленные на признание культурных различий или на защиту социальных прав мигрантов, не разработаны, а местные власти слабо включены во взаимодействие с проживающими на их территориях группами негреческого населения. Вместе с тем, согласно данным опросов, в

стране растет понимание позитивного вклада мигрантов в национальное экономическое развитие [381, с. 58–71].

Принцип толерантности – наиболее значимый механизм, определяющий вклад инокультурных представителей в развитие этнокультурных плюралистических сообществ. Данный принцип играет особую роль в развитии всего сообщества, его ценностных ориентаций на гуманистическую направленность, что стимулирует социокультурную динамику всего общества. Действие принципа толерантности проявляется в том, что в иммиграционных странах Юга Европы разрабатываются экспертные оценки вклада мигрантов в социальную жизнь стран проживания и системы показателей, выявляющих степень интеграции мигрантов. Это важно в том смысле, что Италия вынуждена принимать беженцев и мигрантов из Албании и бывшей Югославии, а Испания и Португалия – из Латинской Америки. Такое культурное взаимодействие осложнено целым комплексом социальных проблем, которые пытаются решить в рамках программ, затрагивающих, в том числе, социокультурную сферу. Кроме решения проблем мигрантов, на особом месте в Южной Европе стоят социокультурные проблемы коренных меньшинств. Часть из них добилась определенных успехов в борьбе за удовлетворение социокультурных потребностей. Речь идет, в первую очередь, о каталонцах и басках в Испании. Там заметны успехи в социокультурной жизни после предоставления автономии Каталонии и Баскии. Законы автономий предусматривают необходимость овладения учащимися двумя языками (коренным и испанским). Лингвистическая и культурная самостоятельность рассматривается большинством как основа автономии [170].

В Каталонии язык обучения в общеобразовательной школе выбирается согласно пожеланиям родителей. В 99,9% государственных начальных школ преподавание ведется на каталонском языке; в старших классах популярнее обучение на испанском языке [170]. В университетах в учебном процессе, наряду с испанским, должен использоваться и каталонский язык. В Баскии социокультурная политика также опирается на этнические корни и коренной

язык, как символы национальной идентичности. Эскуара (язык басков) обязателен на всех ступенях образования. На нем говорят 25% из 2 млн. жителей. Правда, последствия билингвального обучения в Каталонии и Баскии различаются. Каталонский язык получает распространение не только среди коренного этноса, но и среди некаталонцев. В Баскии ситуация иная: эскуара труден для изучения и не может соперничать с испанским языком как инструмент одноязычного общества [170].

В рамках применения принципа толерантности в социокультурном пространстве стран Юга Европы интересно обратиться к вопросу о положении цыган. Испания – одна из немногих стран Западной Европы, где делаются попытки уйти от политики ассимиляции цыган. Они живут на всей территории Испании. При этом Закон об образовании 1970 г. предусматривал создание особых переходных школ для цыганских детей [330]. Тем не менее, такое бережное отношение к культурно-языковым, социокультурным вопросам ведет к недопущению потенциальных конфликтных ситуаций гражданского противостояния в Испании и может служить примером применения парадигмы толерантности в социокультурной практике. Используя опыт Испании, можно утверждать, что принципы толерантности представляют собой социокультурные механизмы, имеющие первостепенное значение для развития плюралистического либерального общества.

Несмотря на достигнутые результаты на пути толеранизации общественных отношений на территории Европы, рассмотренные проблемы современного развития социокультурного европейского пространства чрезвычайно увязаны с наличием иммиграционного процесса и его политизацией под воздействием глобализации и трансформации всего мирового порядка. Обострение мировых миграций населения в настоящее время имеет глубоко фундаментальный характер, который обуславливается всемстановлением человеческой цивилизации. Необходимо также учитывать тот факт, что человеческие миграции всегда трансформировали культуру самых разных народов и стран, формировали цивилизационное развитие в целом.

Увеличение массовой иммиграции в Европу в настоящий период развития ведет к напряженности в самом разнообразном проявлении. Свидетельство тому – глобальная тенденция обострения многообразных противоречий, повышение нетерпимости к иммигрантам в европейских странах, которые вынуждены быть принимающими.

В условиях беспрецедентного наплыва иммигрантов и умножения конфликтогенности ЕС стремится найти выход из сложившейся ситуации. В связи с этим ЕС стремится ужесточить иммиграционную политику. Однако, исповедуя демократию, ЕС распространяет принципы отношения к иммигрантам и на коренное население Европы. Такое отношение в большинстве случаев не находит положительного отклика. Европейское население отвергает такой уравнилельный подход, а иммигранты трактуют демократические образцы поведения по-своему, применяя законы в собственных интересах, с игнорированием возникших в новой среде культурных обязанностей по отношению к европейскому социуму.

Особое значение в этой связи имеет тот факт, что наблюдается очень высокий уровень рождаемости иммигрантского населения, опережающий показатели европейцев. К тому же иммигрантские общины в результате последних политических процессов более антиевропейски настроены, нежели их предшественники. Направляясь в Европу, сегодняшние иммигранты не разделяют ценности европейского сообщества весьма откровенно и не становятся частью нации в европейском представлении. Кроме того, различные радикальные исламистские (и внеконфессиональные) организации воздействуют на общины мигрантов. В ответ возрастает неприятие коренным населением Европы все новых мигрантов, что способствует росту ксенофобии и интолерантности. Во мнении европейцев мигранты выступают в роли культурной угрозы европейской идентичности. В результате всего этого стремительно возрастает уровень напряженности в области междивилизационных отношений в Европе.

Подход ЕС к трудовым иммигрантам как к временной рабочей силе и вместе с этим либеральная иммиграционная политика дали далеко не однозначные результаты. Предложенная политика аккомодации, направленная на интеграцию культуры европейцев и культуры иммигрантов, из-за развития националистических настроений в европейском социуме, не дала прогнозируемых результатов. Все это осложнилось кризисными явлениями в экономической жизни Европы. Сегодня, вследствие обострения мигрантского движения, проблема мигрантов становится одной из наиболее трудно решаемых общеевропейских проблем. Кроме того, проявление расизма со стороны европейцев, маргинализация иммигрантских общин и взаимный рост агрессивности порождают угрозу европейской интеграции в целом, декларируемым демократическим принципам правового государства – в частности.

Роль миграционного фактора в историческом процессе вследствие изменения этнического соотношения населения в европейских государствах трудно переоценить. Вследствие этого жизнеспособным представляется тезис о том, что Европа утрачивает свою целостность, и в цивилизационном отношении начинает представлять собой социокультурное пространство, наполненное оппозициями культур и ценностей. В этом смысле не кажется фантастической возможность трансформации европейской цивилизационной идентичности. Используя принцип толерантности к неопределенности, можно предположить растворение и даже частичное вытеснение традиционной европейской культуры вследствие возрастающего наступления неевропейской культуры.

Если этническая община иммигрантов по численности превзойдет предел соотношения с исторически доминирующим этносом страны пребывания, вероятно изменение социокультурных детерминант государства, либо даже региона и цивилизационных характеристик Европы в целом. В такой ситуации, по нашему мнению, дальнейшее культурное развитие Европы целиком будет зависеть от принципов межцивилизационного взаимодействия и альтернативных форм интеграции. Достаточно долгое историческое время

Европа оказывала определяющее влияние на глобальные процессы. В настоящее время Европа во многом зависит от этих процессов. Достаточно долгое время история диктовала вестернизацию Востока. Сегодня Восток становится определяющим в мировом социокультурном развитии.

Глобальные процессы привели к вопросу о том, сохранит ли Европа свою идентичность или современные трансформации приведут к появлению некой особой цивилизации, которая включит в себя взаимно видоизмененные европейскую и неевропейскую культуры. Возможно допустить, что это будет синтезированная европейская культура с азиатско-африканскими «вкраплениями» либо останутся сосуществовать одновременно, отчужденно и конфликтогенно самые разнообразные культуры и сообщества. Также возможно, что Европа сформирует механизмы достаточно терпимой цивилизационной ассимиляции потока мигрантов на основе уже сложившейся и предложенной мигрантам гражданской идентичности. Как бы ни сложилась ситуация, обострение иммиграционного процесса в Европе есть проявление всеобщей тенденции – процесса трансформации в балансе цивилизаций. Данный процесс цивилизационной трансформации ведет к изменению облика демократической и либеральной Европы.

Страны Ближнего зарубежья, ставшие плюралистичными в этнокультурном отношении вследствие долгого пребывания в составе СССР, в качестве острой проблемы получили дискриминацию русскоязычного населения в социокультурной сфере. В результате именно этого положения с конца 1980-х годов многие русскоязычные из этих стран (по неофициальным данным, до 8 млн. человек) вынуждены были эмигрировать в Россию. Между тем одним из наиболее важных условий осуществления права русскоязычных на приобщение к собственной культуре является обучение на русском языке или преподавание русского языка. В законодательстве стран Ближнего зарубежья определены разные подходы к этому вопросу. В части стран СНГ (Азербайджан, Армения, Туркменистан, Узбекистан) провозглашено свободное использование и развитие языков других народов. В остальных

странах СНГ конституции прямо гарантируют право обучения на русском языке. Так, Конституция Украины гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского и других языков национальных меньшинств [254].

В целом в странах СНГ на официальном уровне нет явной культурной дискриминации русскоязычного населения. Так, в Грузии, еще в 2010/2011 учебном году насчитывалось 214 двуязычных школ, в том числе в 87 преподавание велось лишь на русском языке. При этом достаточно неконструктивную позицию в отношении социально-культурных и культурно-образовательных прав русскоязычного населения и других национальных меньшинств занимают власти Балтии. В этой позиции, тем не менее, имеются определенные различия. Так, официальная педагогика Литвы, признавая правомерность толерантных подходов к организации мультикультурного образования, рассматривает его как путь интеграции в литовскую культуру [170]. Однако власти Латвии даже формально отказываются от мультикультурных подходов в культуре и образовании. Они проводят в отношении национальных меньшинств жесткую, фактически дискриминационную социокультурную политику. В Латвии русскоязычные меньшинства, составляющие около 40% населения, испытывают планомерно осуществляемую в отношении них стратегию культурного ущемления и, в лучшем случае, ассимиляции. Русские, еврейские, цыганские, эстонские и другие малые национальные общины, стремясь сохранить свои языки и культуру, создают частные культурные и учебные заведения. Вместе с тем они отнюдь не настроены конфронтационно, сознавая необходимость интеграции с латвийскими культурой и языком [170; 361].

В целом государственная социокультурная политика Латвии, Эстонии, Литвы имеет целью вытеснить из общения русский язык и языки других национальных меньшинств. В этих государствах свободное использование и развитие языков национальных меньшинств резко ограничено. Например, русский и польский языки (языки особо крупных национальных меньшинств)

не названы субъектами права в законах о языках. Главным рычагом вытеснения языков и культуры национальных меньшинств, по мнению исследователей, является система образования. Так, в Латвии официальной доктриной определено, что обучение в средней школе должно осуществляться на государственном, латышском языке. В неполной средней школе предусмотрен постепенный переход от языка семьи на латышский язык с использованием билингвального обучения. Главная задача Министерства образования Латвии состоит в выработке нормативной базы, которая позволит перейти с обучения на русском языке на обучение на латышском языке. Еще жестче ставится эта задача в Законе Латвии об образовании: с 2004 г. введено обучение в средней школе только на латышском языке [376].

Соответственно правовым документам в отношении частных русских школ латвийские власти проводят дискриминационные меры. Официальные власти Латвии справедливо заботятся о развитии латышской культуры посредством образования. Но они видят такое развитие не в диалоге латвийской и русскоязычной культур, а в дискриминации последней. Вместо того чтобы соответствующим образом реформировать образование на русском языке, его стремятся попросту искоренить. В противовес подобной линии Латвийская ассоциация поддержки школ с русским языком обучения (ЛАШОР) предложила проект реформ в духе интеркультурного образования. Председатель правления ЛАШОР И. Пименов так характеризовал проект: 1) доминирование родного языка; 2) обучение латышскому языку с помощью современных лингвистических методик; 3) блок предметов Леттоника (латышская литература, этнография Латвии, история Латвии, политическая история Латвии, преподаваемые на латышском); 4) Россика – блок предметов, обеспечивающий знание русской литературы, российской истории, географии [361].

Подытоживая сказанное, можно признать, что в современных обществах этнического плюрализма необходим (и частично наблюдается) поворот от идей ассимиляции национальных меньшинств к курсу на интеркультурализм в

социокультурной сфере. Однако, несмотря на рекомендации Европарламента и Совета Европы, деклараций видных политиков, инициальные круги ведущих стран Западной Европы не уделяют интеркультурным практикам в социокультурном пространстве того внимания, которого оно заслуживает. Идеи интеркультурализма не получают сколько-нибудь масштабного выхода в социокультурную практику. Фактически отсутствуют систематические усилия, направленные на сохранение культуры малых этносов, особенно общин иммигрантов. В отдельных странах интеркультурализм в отношении иммигрантов, тем не менее, становится частью официальной политики. Основным ориентиром государственной политики ведущих стран Европы в отношении представителей национальных и этнических меньшинств остается ассимиляция – интеграция в культуру доминирующей нации. При всем этом опыт реализации принципов толерантности в европейском социокультурном пространстве доказывает (даже в условиях новейших миграций) целесообразность рационального использования таких стратегий интеркультурной политики, как:

- отстаивание роли государственного языка как языка международного и межнационального общения;
- повышение статуса государственного образования как престижного интернационального социального института (особенно высшего образования);
- воспитание патриотического отношения у иммигрантов не только к своей Родине, но и к стране проживания;
- развитие социокультурных стратегий на основе идей интеркультурализма и толерантности в отношении иммигрантов и представителей национальных меньшинств.

Как практическое проявление интеркультурализма, одним из важных социокультурных обретений в конце XX – начале XXI веков стала полиязычная компетенция граждан Европы. Чаще всего эта проблема определяется как проблема полилингвизма – многоязычия, иногда – двуязычия (билингвизма). Знание нескольких языков является государственной политикой в

социокультурном пространстве многих стран (Франция, Голландия, Швейцария, Бельгия, Швеция, Финляндия и др.). В 1997 году Советом Европы был принят документ «Современные языки: изучение, обучение, оценка. Общеευропейская компетенция, направленная на устранение языковых барьеров». Этим документом определялись цели, задачи и содержание обучения иностранным языкам, характеризовались итоговые уровни владения иностранным языком [140, с. 3–8]. По схеме изучения языков каждый ученик европейской школы должен владеть тремя языками – родным, одним из трех рабочих языков Союза (английским, немецким, французским) и еще любым государственным языком одной из стран ЕС. Третий язык изучается со второго года обучения [298]. На наш взгляд, опыт европейских социокультурных подходов может быть принят за образец в двуязычных и многоязычных учреждениях культуры и образования также и в украинском социокультурном пространстве.

Тем не менее, в официальных кругах многих ведущих стран Западной Европы склонны видеть в масштабном интеркультурном взаимодействии сепаратизм и угрозу национальной культуре. Высказываются опасения, что новоприбывшие со своими традициями и оригинальной культурой нарушат национальную целостность страны. В подобном духе трактует, например, проблему Консультационный совет иммигрантов стран Британского Содружества [76].

В связи со всем этим думается, что объективно мультикультурализм (возможно, в форме интеркультурализма) и толерантность в социокультурном пространстве Западной Европы необходимы. Многомиллионные группы иммигрантов озабочены вхождением в европейскую культуру и одновременно сохранением собственной культурной общности. Юное поколение иммигрантов не намерено безоглядно соблюдать традиции родителей, отказываясь от полной ассимиляции. Возникают, следовательно, новые этнические общности, которые нуждаются в адекватном образовании и культурном развитии. Проблема состоит в том, что слабое понимание культурных и расовых отличий

иммигрантов обычно сопровождается негативным к ним отношением. В этой ситуации именно политика интеркультурной толерантности в социокультурной сфере может привести к следующим положительным результатам:

– компенсирующее культурное развитие иммигрантских меньшинств может принести достижение ими равных интеллектуальных и академических уровней по сравнению со сверстниками из доминирующих наций;

– интеркультурные подходы в социокультурной сфере возьмут на себя двойную функцию формирования граждан объединенной Европы – возвращение национальных особенностей и преодоление антагонизмов.

Принципы интеркультурной толерантности, применяющиеся в социокультурном пространстве западноевропейских стран, как стран этнокультурного плюрализма, на наш взгляд, являются следующими: 1) полилингвизм; 2) терпимость, сочувствие, гуманизм; 3) недопустимость нарушения прав личности по внешнему признаку, как это возможно, например, в РФ («фейс-контроль» для жителей Кавказа в метро); 4) неприятие дискриминации по ряду основополагающих показателей современного демократического развития (раса, этнос, язык, социокультурные характеристики, психофизические особенности, географические характеристики, экономические показатели).

Овладение основами интеркультурализма в социокультурной сфере имеет немало общего с интернациональным воспитанием. В то же время мультикультурная толерантность сообщает социуму особые адресаты и акценты. Приоритетами социокультурного пространства с толерантными походами являются формирование опыта нравственного поведения, диалог культур. Такое социокультурное пространство предназначено для общего социума и сосредоточено на социально-философских проблемах взаимосвязи макро- и субкультур в пределах всего современного мира. Соответственно необходимо подчеркнуть и отрицание социокультурного развития вне имеющихся культур и общенациональных ценностей, поощрение

развития современной личности как средоточия и пересечения нескольких культур.

В настоящее время, в условиях острейших социокультурных проблем, вызванных последними миграционными событиями в Европе, очевидно, что серьезной альтернативы политике межкультурного диалога в мировом сообществе не существует, поскольку традиционный и инновационный идеал гражданской нации — интеграционная модель социума, в котором проживают представители самых различных культур. Путь, по которому пойдет европейское социокультурное развитие, напрямую связан не только с собственно упорядочением культурной жизни цивилизованных государств. Огромное внимание европейским и мировым лидерам придется уделить положению стран, откуда прибывают миграционные потоки; возникнут вопросы о влиянии Европы и мира на политическое, экономическое, социокультурное положение стран Ближнего Востока и Северной Африки. Силовой сценарий развития событий не представляется в этой связи наиболее удачным. Наиболее важным, на наш взгляд, будет усиление и углубление работы с гуманитарной сферой социума, в которой образование, мораль, ценности, право, религии занимают первенствующее место.

Новая динамика развития социокультурного пространства в постнациональных обществах этнокультурного плюрализма нуждается в дальнейшем изучении. Не преувеличивая аккомодационный опыт Украины, следует отметить, что в глобальном миграционном процессе возможность нашей страны быть элементом межкультурного баланса способствовала бы поддержанию оптимального для мирового сообщества взаимодействия Востока и Запада. При этом опыт использования мультикультурной парадигмы (в виде интеркультурализма) и толерантности в социокультурном пространстве стран Западной Европы необходимо обобщать и внедрять в практику нашей страны с учетом особенностей современной действительности.

4.3. Стратегии мультикультурализма, толерантности транснациональные практик в социокультурных пространствах полиэтнических сообществ

Система политики мультикультурализма и толерантных подходов крайне важна для развития социокультурных пространств современных полиэтнических сообществ, доминирующих в мире. Поэтому государства, заявляющие о первенстве в мировом социокультурном пространстве, огромное внимание уделяют именно созданию культурных, правовых и образовательных моделей, основанных на стратегиях толерантности в условиях культурного многообразия. Это связано с тем обстоятельством, что социокультурное пространство и его составляющие более всего влияют на формирование и развитие личности, ее системы ценностей – всего того, что лежит в основе стабильности жизни современного общества и что недостижимо без реализации социальных позиций того или иного вида.

Как уже указывалось, принцип, обеспечивающий поддержание социальной стабильности и гармонизацию отношений между государством и составляющими его этническими и культурными меньшинствами, а также урегулирование отношений внутри этих меньшинств, получил в настоящее время название мультикультурализма. Объявленный крах политики мультикультурализма в странах Европы имел место потому, что сама мультикультурная идея была основана на радикальном культурном релятивизме. Именно такой мультикультурализм в настоящее время не приемлет цивилизованным сообществом. При этом существует четкое определение мультикультурализма как политики общественного устройства, вмещающей многочисленные отличные, но взаимосвязанные культурные традиции и практики, которые часто ассоциируются с различными этническими компонентами определенного социума.

С признанием общества мультикультурным вытекают два основных следствия: переосмысление представлений о культурном единстве (целостности), что включает отказ от попыток «интегрировать» различные

этнические группы, поскольку интеграция предполагает превращение в «неотъемлемую» долю доминирования существующие культуры. Сюда же включено переосмысление понятия культурного разнообразия, что влечет за собой: учет властных отношений, отношений доминирования между различными культурами, этническими, социальными группами, анализ межкультурных отношений [148]. В таком толковании акцент сделан на научных, исследовательских аспектах мультикультурализма, в отличие от более традиционного толкования, где мультикультурализм означает многоэтничность определенного общества, то есть, самого факта культурного разнообразия, а не аналитического или политического подхода к нему.

В настоящее время, как уже указывалось, для европейского социокультурного пространства более приемлемой представляется концепция интеркультурализма, которая приобрела популярность в 1980-х годах [8, с. 12–17]. В ней упор делается именно на обеспечении активного и позитивного диалога различных культур, их взаимопонимания и взаимообогащения. Разница между концепциями мультикультурализма и интеркультурализма заключается в том, что первая концепция направлена только на сохранение культур меньшинств, что приводит к консервации ситуации, а концепция интеркультурализма предполагает активный и позитивный диалог различных культур в обществе, целью которого является взаимопонимание и взаимообогащение. Вместе с тем, другие исследователи считают, что четкого разграничения между этими понятиями нет [338].

Кроме вышеупомянутых, существует еще две концепции управления культурным разнообразием: транснационализм и культурный плюрализм. Термин «транснационализм» возник на рубеже 80-90-х годов прошлого века вследствие глобализационных процессов, которые имели транснациональную культурную ориентацию на общеобязательные европейские и глобальные культурные рынки. Исследователь Н. Яценко рассматривает транснационализм как процесс социокультурного освоения грядущим этносом новых мест компактного проживания, процесс, связанный с пересечением границ,

миграциями, культурными и политическими взаимодействиями [486]. Исследователи К. Разлогов и Б. Орлов под понятием «транснационализм» понимают способность человека одновременно усваивать различные культурные традиции и опыт разных стран [335, с. 67–75; 360, с. 93–99].

Особенностью современной транскультуры является способность изменять мир быстрее, чем это предполагает политика мультикультурализма, поскольку феномен транскультурации соответствует активному развитию коммуникации. Современная транскультура, находясь вне государства, на легитимной или нелегитимной основе может создавать собственное социальное пространство, в основе которого «морфология паутины», по М. Кастельсу, имеющая реальный и виртуальный (Интернет) эквиваленты, без ограничения во времени и пространстве. В этом пространстве возникают свои связи и институты, отношения и конфликты... [234].

Транснационализм имеет определенные корреляции с интернационализмом, однако последний обращается к глобальному сотрудничеству между национальными государствами и указывает на отношения между правительствами национальных государств, в то время, как транснационализм обращается к глобальному сотрудничеству между людьми и указывает на действия, которые переступают через национальные границы и в которых правительства национальных государств не играют самую важную или даже существенную роль. Кроме того, транснационализм часто влечет за собой нивелирование национальных государств, чтобы создать объединенное мировое правительство. Транснационализм тесно связан с космополитизмом. Если транснационализм описывает межкультурный опыт, то космополитизм – философия такого опыта. Примеры интернационализма включают Организацию Объединенных Наций, международные соглашения, международную таможенную и тарифную инструкции, а также – неправительственные организации, такие как Гринпис или «Врачи без границ» (Medecinssans Frontieres), глобальные финансовые учреждения, глобальные научные институты и глобальные экологические организации [8, с. 12–17].

Для современных полиэтнических сообществ также большое значение имеет т.н. «культурный плюрализм» – термин, характеризующий сосуществование в пределах одной территории (страны) многих культур, при том, что ни одна из них не является господствующей. Стоит отметить, что культурный плюрализм предполагает уважение и поддержку всех культур и образов жизни, существующих в обществе (в частности, лиц с ограниченными физическими возможностями, представителей сексуальных и этнокультурных групп и т.д.). Широко употреблять термин «культурный плюрализм» стали в Восточной Европе после событий 1990-х годов. Культурный плюрализм, по мнению представителей современной социально-философской мысли, впитывает в себя так называемые «три плюрализма»: плюрализм форм собственности; плюрализм рынка, или же свободную конкуренцию; политический плюрализм, то есть многопартийность [174, с. 83–118].

Все названные концепции мультикультурности следует рассматривать не как противоречащие друг другу, а как взаимодополняющие. В рамках данных концепций возможно совместное существование различных культур в современных странах, где наблюдается выраженное полиэтническое сообщество. К таким странам в силу объективных исторических причин относятся Украина и Россия. Среди российских исследователей интерес к феномену мультикультурализма и его практическим воплощениям был стимулирован событиями 90-х годов прошлого века, повлекшими всплеск этнического самосознания. Так, российский этнополитолог В. А. Тишков акцентировал внимание на том, что мультикультурализм – это не только момент фиксации и признания в обществе/государстве наличия культурных различий, но и «концептуальная позиция в сфере политической философии и этики», находящая свое выражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей [411, с. 335]. Согласно предположению ученого А. А. Борисова, во-первых, мультикультурализм следует понимать как идеологию и политику, надстраивающую над этническими ценностями общенациональные; во-вторых, как феномен этнической фрагментации

социума, который синонимичен «многокультурности» и выступает, таким образом, против культуры как общенационального движения [88, с. 8–9]. По нашему мнению, в данных подходах исследователей отчетливо прослеживается расхождение между мультикультурализмом как идеологией, политикой и мультикультурализмом как следствием многосоставности общества, т.е. как живой реальностью.

Мультикультурная модель отношений в России строится, прежде всего, на притоке жителей из бывших советских республик, что подразумевает знакомство с русским языком и российской культурой. Это напоминает миграционные потоки из бывших французских колоний Магриба во Францию. С другой стороны, поскольку «многие из этих людей – молодые люди, чьи школьные годы пришлись на период после распада советской системы образования и советского типа социализации, а это значит, что их культурные отличия от основного населения принимающих регионов гораздо существеннее, чем у их родителей», то возникают параллели с потоком турецких иммигрантов в Германию [320, с. 48–251]. В России доминирует имперская идеология подданства, а не этноса, как в Германии. Это сближает Россию с Францией, где господствует республиканская идеология гражданства (хотя подданство и гражданство не одно и то же). Однако, в постсоветской России всерьез заявляет о себе идея государства как монокультурной «русско-православной» державы, что ведет к германской ситуации. При этом, в отличие от Германии и Франции, постсоветская Россия еще находится в поиске своей идентичности, основ «исторической памяти», определения общих гражданских и государственных праздников, а также в отыскании путей формирования общенациональной идеи. Важно также, что в основе этих проблем лежат различия цивилизационные, а не национальные, как это имеет место и во Франции, и в Германии. Кроме этого, надо иметь в виду, что по сравнению с этими странами Россия запаздывает на несколько десятилетий. Поскольку самые серьезные проблемы возникают во втором и третьем поколении иммигрантов, России, по нашему мнению, стоит внимательно изучить опыт

европейских государств, отдавая себе отчет в том, что сами эти страны пока не нашли адекватного ответа на глобальный вызов мультикультурности.

Тем не менее, в России уже можно отметить элементы мультикультурализма и выражения этого феномена в транснациональных социальных практиках, в особенности, в социокультурной сфере: в области образования и использования языков. К этому, в первую очередь, необходимо отнести само существование многонациональной федерации, в которой некоторые субъекты, в силу исторической традиции, выделены по этническому признаку. Конституция России 1993г. предусматривает право на «сохранение родного языка», заявляет о правах малочисленных народов. Статья 26 закрепляет свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; статья 29 запрещает пропаганду социального, расового, национального или языкового превосходства [198]. Однако, наиболее явным признаком мультикультурной политики являются национально-культурные автономии (НКА), действующие в соответствии с законом «О национально-культурной автономии», принятом в 1996 г. В 1998 г. в рамках действия закона о национально-культурных автономиях была создана Ассамблея народов России. Деятельность ее региональных органов также представляет собой пример транснациональных социальных практик [426].

На основании изложенного можно сделать вывод, что постулаты мультикультурализма постепенно усваиваются российским интеллектуальным сообществом. Однако в России в силу полиэтничности собственного населения правительство вынуждено думать не только о мигрантах, но и о тех народах, которые давно проживают на территории страны. Проблемы мультикультурализма связаны также и декларированием построения в России гражданского общества, которое немыслимо без толерантного отношения друг к другу отдельных граждан и всевозможных групп, их умения приходить к согласию и учитывать взаимные интересы. Перед Россией стоят те же задачи, что и перед США в 1960-е годы, Австралией в 1970-е, Канадой в 1970–1980-е, а именно: интеграция этнически и культурно отличающихся народов,

формирование массовых представлений о российской идентичности, консолидация этнически разнообразного населения вокруг общих ценностей и целей. Самой уязвимой сферой общественной жизни России является сфера отношений между различными этнокультуральными группами. В эту же область проецируются политические, социальные, экономические, образовательные проблемы, которые в той или иной форме существуют вот уже не одно столетие – приблизительно того времени, как в XIX веке Россия стала осознавать себя многонациональной империей. И сегодня мы наблюдаем в России обострение межкультурных противоречий в самых разных сферах, также, и в социально-гуманитарной области, под влиянием политических и экономических факторов, в том числе, и общемирового движения в сторону актуализации культурной идентичности [241, с. 219–236].

Что касается Украины, страны со специфически выраженной полиэтничностью и многокультурностью, – то подобно многим европейским странам, Украина столкнулась с проблемой мультикультурализма под влиянием вопросов языков (прежде всего, русского и украинского), религий и культурных традиций, что сказалось на политической ситуации в стране. В исследованиях украинских специалистов по социкультурным проблемам современное украинское сообщество характеризуется как мультикультурное [71, с. 86–93]. При этом, на наш взгляд, не следует связывать мультикультурность Украины только с этническими факторами. Ведь существуют другие аспекты культурного плюрализма – например, религиозные. Перед европейскими странами, такими, например, как Германия, Франция или Великобритания, остро стоит проблема сосуществования христианской и исламской традиций, которая имеет даже не столько культурное, сколько социальное измерение. В Украине, в отличие от Запада, отсутствует ситуация сосуществования двух различных культурно-религиозных традиций, носители которых внезапно оказались соседями, а также нет и соотношения между социальным статусом и религиозной принадлежностью гражданина. Стереотипные представления о православии как

традиции веры в Украине все меньше соответствуют действительности. На Западе Украины сегодня доминирует греко-католическая и римско-католическая конфессии. По всей Украине, особенно в крупных городах, немало сторонников протестантских конфессий (баптистов, адвентистов т.п.), иудаизма, ислама. Новая религиозная реальность в значительной мере предопределяет и новую мультикультурную реальность, которая украинской социально-философской наукой еще мало исследована.

Особенность общественной и культурной ситуации, исторически сложившейся в Украине, современные исследователи видят в том, что территория Украины когда-то делилась между языковыми и этническими группами, государствами, религиями, политическими и культурными системами. Превращение культуры (этнокультурной идентичности) в один из ключевых факторов, влияющих на политический процесс, породил ряд острых проблем. Сегодня речь идет о проекте, позволяющем этнокультурную идентичность граждан сделать второстепенной по отношению к их общегражданской идентичности. Для Украины таким общим социокультурным проектом могло бы быть создание единой гражданской нации. Выработке и реализации такого проекта в Украине сегодня мешает, во-первых, «сопротивление» элит (как политических, так и интеллектуальных), не готовых, да и, по большому счету, не способных предложить и реализовать такой проект. А во-вторых, общая тенденция капиталистического мира, отмеченная в работе Д. Белла «Культурные противоречия капитализма». Это формирование публичной политической культуры, для которой, в отличие от традиционного либерального подхода, характерно внимание не к интересам индивидов, а к интересам групп (языковых, культурных, религиозных, гендерных). Отличительными признаками нового общества, по мнению ученого, должны стать, в частности: занятие господствующего положения в управлении обществом социальной группой профессионалов-технократов и «больших ученых»; повсеместное распространение «интеллектуальной технологии» (информатики, теории игр и моделирования, компьютеризации) и возможности

саморазвивающегося технологического роста при широком развитии теоретических знаний [72].

Все изложенное, по нашему мнению, ставит под сомнение позитивные перспективы выработки общегражданской идентичности в Украине на основе единой этнокультурности. А это в конечном итоге ставит под угрозу существование даже того, в целом неудовлетворительного, уровня социальной интеграции, который достигнут в украинском обществе сегодня. Из сказанного следует, что процессы, происходящие в современных мультикультурных сообществах, к которым относятся общества и России, и Украины, неминуемо отразятся на социокультурных пространствах этих стран. Транскультурализм, как практическая реализация мультикультурной идеи, будет оказывать самое большое влияние на сферу непосредственного формирования личности – образовательное пространство. Системы образования, представляющие собой важнейшие составляющие социокультурных пространств мультикультурных сообществ, в результате вынужденно вступят в критический период кардинальных изменений, что выразится и уже выражается в процессе трансформации и модернизации образовательных структур. С другой стороны, необходимость обеспечить толерантное сосуществование больших и малых этносов, малочисленных и титульных наций в Украине и России как странах с мультикультурным сообществом порождает потребность в реализации стратегий мультикультурализма и толерантности в системах образования. Сфера образования, как важнейшая часть социокультурного пространства, неминуемо становится инструментом современной социальной и гуманитарной политики и далее – социальной интеграции данных обществ.

Украина относится к числу стран, где в той или иной степени политика мультикультурализма отражена в системах образования и воспитания, что обусловлено исторически давними и глубокими национальными и культурными различиями. Сама теория воспитания и образования в мультикультурном сообществе Украины опирается на ряд традиций украинской и российской, а также западной социальной, философской,

педагогической и психологической науки. В этот ряд можно отнести идеи выдающихся философов и историков (Н. А. Данилевский, Я. А. Коменский, Э. Мейлер, А. Тойнби, Ю. Яковец) о целостности культурно-исторического развития человечества и наличии некоторых сходных принципов функционирования культур разных народов [353].

Важные выводы для обоснования транскультурных подходов к образовательной сфере вытекают из культурно-исторической теории развития поведения и психики Л. С. Выготского, в соответствии с которой источники и детерминанты психического развития лежат в исторически развивающейся культуре [120, с. 331]. А. Н. Джуринский считает, что существенное влияние на развитие воспитания и образования в различных странах мира оказывают процессы, происходящие непосредственно в системах образования и связанные с включением в образовательный процесс таких альтернативных идей, как идея открытости, партисипативности и многоперспективного планирования [166, с. 13–23].

Собственно украинская социокультурная мысль имеет давние исторические традиции и практики воспитания в сложном соединении культур. Еще со времен Киевской Руси известны такие труды по вопросам воспитания, как сборник законов «Русская правда» Ярослава Мудрого, «Наставление» Владимира Мономаха, «Житие Евдокии Полоцкой» и «Наставление детям» монаха Ксенофонта. В XVI–XVIII получила дальнейшее мощное развитие и украинская образовательная мысль. В XIX веке выдающийся педагог-философ Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871) разработал стройную педагогическую систему, а также предложил систему воспитания элиты страны [27, с. 3–9].

В XX веке украинская образовательная мысль получила новые импульсы своего развития благодаря научным исследованиям и практической деятельности целой плеяды блестящих просветителей. Так, С. Ф. Русова (1856–1940) своей огромной целеустремленной деятельностью способствовала разработке концепции национального образования и воспитания [394]. Одним

из создателей украинской социально-образовательной системы по праву считается Г. Г. Ващенко (1878–1967). Заслуженную славу и всемирное признание украинской образовательной науке и практике принесли труды и реальная деятельность выдающихся педагогов XX века А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского.

На историческом рубеже тысячелетий украинская социокультурная мысль и практика образования столкнулись с серьезными проблемами. Отказ от тоталитарной системы и идеологического догматизма, становление и развитие государственности, глубокий социально-экономический кризис и необходимость переоценки ценностей не могли не сказаться на функционировании социокультурного пространства. В результате развиваются исследования в сфере изучения мультикультурного социального пространства, мультикультурного образования и теории межкультурной коммуникации в Украине, в которых известны имена ученых О. Грищенко, Ю. Подкопаева, А. Подольского, Г. Почепцова, Н. Скляренко, А. Тарнопольского.

Рассуждая об отражении проблематики мультикультурализма и защиты монокультур меньшинств в программных и директивных документах Правительства Украины, следует назвать Государственную национальную программу «Образование» (Украина XXI века), утвержденную Указом Президента еще в 1994 году, которая имеет важное значение для развития мультикультурного социального пространства в нашей стране. Прямых упоминаний о мультикультурализме эта Программа не содержит, однако к основным сущностям общечеловеческих гуманистических ценностей и в качестве критики национального нигилизма причислена оторванность образования от национальных источников [327].

В декабре 1995 г. Коллегия Минобразования Украины утвердила «Концептуальные основы гуманитарного образования в Украине (высшая школа)», где трактуются вопросы мультикультурализма. Так, по мнению проф. В. Шевченко, который принимал участие в разработке «Концептуальных основ», в этом документе обоснована «необходимость замены закрытой

моноидеологической методологии познания и практики на толерантно-плюралистическую систему, открытую ко всем научным и общекультурным достижениям цивилизации» [199, с. 215–216]. Идеи мультикультурализма отражены в данном проекте в виде принципов воспитания гражданина страны:

– принцип культуротответственности, что в этом контексте предполагает органическое единство гражданского воспитания с историей и культурой народа, его языком, народными традициями и обычаями, которые обеспечивают духовное единство, преемственность поколений;

– принцип интеркультурности – интегрированность украинской национальной культуры в контекст общегосударственных, европейских и мировых ценностей, в общечеловеческую культуру, сохранение свободы выбора» [199, с. 215–218].

Кризис социальной идентичности, которая наблюдается сегодня в нашем обществе, показывает, что Украина еще переживает глубоко укоренившееся наследие традиционных ценностей. Проблемой государственных институтов нашей страны, к которым относится и социокультурное пространство, является формирование новой идентичности. Перед социокультурным пространством в связи с этим встают новые задачи:

- способствовать развитию цивилизованных межнациональных и межкультурных отношений;
- представлять разнообразие культур и содействовать их развитию;
- стимулировать интеграцию в обществе;
- противодействовать дискриминации и нарушению прав человека.

Социокультурное пространство должно стать не только движущей силой культурного и интеллектуального развития молодых поколений, но и средством развития общегосударственной идентичности. В правительственных и отраслевых программных и директивных документах Украины, касающихся социокультурной сферы, признается реальная мультикультурность и многоэтничность общества в Украине и ставятся задачи оберегать культуры меньшинств и сохранять здоровые, толерантные межэтнические и

межкультурные отношения, что в целом соответствует идеям мультикультурализма. Это заставляет отечественную социокультурную систему активно развиваться и реформироваться, стремясь к интеграции в европейское и мировое социокультурное пространство. Работая в русле общемировых тенденций социально-философской и социокультурной мысли, украинские ученые принимают участие в написании трудов по формированию позитивного, толерантного, созидательного взаимодействия в многокультурной социальной среде. Нужно признать, что деятельность украинских и российских мыслителей в данной области является скооперированной. Так, осуществлен совместный украино-российский проект – «Гуманистическая педагогика». Проблемам мультикультурности посвящены теоретико-методологические труды о концепции многокультурного образования (Г. Д. Дмитриев, Н. Б. Крылова); о теории формирования культуры межнационального общения (О. В. Аракелян, З. Т. Гасанов, В. П. Комаров); о воспитании толерантности (Г. С. Гершунский, П. В. Степанов); об изучении этнопедагогического аспекта в мультикультурном воспитании (Г. Н. Волков, А. Н. Джурицкий, И. В. Жуковский, М. Н. Кузьмин, Г. В. Палаткина, С. Н. Федорова).

Тем не менее, для формирования подлинно консолидированного, интегрированного сообщества украинской социокультурной сфере еще предстоит сделать крупные кардинальные шаги по трансформации составляющих социокультурного пространства всех уровней. И огромное значение в этом процессе неминуемо будет принадлежать политике мультикультурализма, толерантности и транснациональным практикам, в том числе, и в области культуры, науки, права и образования. Нужно признать, что украинское государство делает первые шаги на этом пути. Так, нужно отметить участие в политике, финансово-экономической, управленческой сфере Украины наиболее сильных, неординарных зарубежных специалистов, менеджеров, реформаторов.

Для понимания сущности принципов построения социокультурного пространства современных мультикультурных сообществ особое значение

имеет принятие украинским социально-философским и социокультурным знанием распространенных в мировой науке и практике подходов к пониманию сущности социокультурной сферы в условиях мультикультурности. Наиболее разработанными из таких подходов являются следующие:

1. Аккультурационный подход. В рамках данного подхода развивается мнение о том, что социокультурное пространство в условиях мультикультурности должно ориентироваться на культуру переселенцев. Мультикультурное воспитание должно включать в себя изучение традиций родной культуры, процесс переработки этих традиций в рамках новой культуры, поскольку конфронтация с изменившимися условиями жизни вызывает необходимость в выработке новых культурных ориентиров [347]. Это ставит своей целью создание, утверждение и развитие гармонии в отношениях между членами различных этнических групп.

2. Диалоговый подход. Он основан на идеях открытости, диалога культур, культурного плюрализма. Суть этого подхода заключается в рассмотрении социокультурной сферы современности как способа приобщения к различным культурам с целью формирования общепланетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское социокультурное пространство. Например, в украинской методике обучения иностранным языкам принцип диалога культур нашел свое воплощение в тезисе о соизучении языков и культур. Проблемы межкультурного диалога также представлены в работах украинских ученых. Так, украинский социальный философ Ю. А. Бабинов пишет: «Во всех сферах жизни общества постоянно возникают проблемы, решить которые можно только через объединение общих усилий отдельных людей, социальных групп, различных организаций на базе взаимопонимания, сотрудничества, терпимого отношения друг к другу» [60, с. 145–148].

Украинский исследователь М. С. Каган выделяет три типа взаимоотношений между культурами:

– полноценный равноправный диалог, построенный на взаимоуважении участвующих в контакте культур, в котором имеет место обмен смыслами и равнозначная репрезентативность культур;

– утилитарное отношение одной культуры к другой, когда одна из культур навязывает свою систему ценностей, значений и норм другой. В этом случае не происходит полноценного взаимообмена, взаиморазвития и взаимообновления. Именно так можно представить процесс аккультурации, в результате чего многие культуры теряют свою самобытность, уникальность и добровольно присоединяются к доминирующей культуре;

– псевдиалог или полное неприятие одной культуры другой. Это возможно только при сознательной, целенаправленной позиции изоляционизма. В результате такого шовинизма в обществе возникают и существуют обособленные, сконцентрированные на себе, эгоцентрически настроенные (культурные) группы, не желающие контактировать с другими, якобы «неполноценными», «некультурными» [175]. Бесспорно, только первый тип диалоговых взаимоотношений между культурами можно признать прогрессивным и направленным на развитие человеческой цивилизации. Благодаря этому «диалогу» культуры и сосуществуют в современном мультикультурном мире.

3. Социально-психологический подход рассматривает взаимодействие в мультикультурном сообществе как особый способ формирования определенных социально-установочных и ценностно-ориентационных предрасположенностей, коммуникативных и эмпатических умений, позволяющих осуществлять межкультурную коммуникацию и проявлять понимание других культур, толерантность по отношению к их носителям, а также умение донести свою культуру до участников межкультурного общения.

С социокультурной точки зрения, социально-психологический подход объединяет такие неоднородные компетенции, как компетенция антирасистского воспитания и социального обучения. В традициях социально-психологического подхода выдержана концепция так называемых «культурных

различий». Сторонники рассматриваемой концепции формулируют следующие цели функционирования социокультурного пространства:

– развитие терпимости по отношению к чужому образу жизни и стилю поведения, основанной на понимании различий, которые могут привести к конфликтам между представителями различных социальных слоев;

– осознание того, что культурные различия и чужие культуры в целом влияют на эмоциональную сферу человека, становясь источником его переживаний и потребностных состояний;

– развитие способности дифференциации внутри чужой культуры, умение оценивать системы ценностей и норм по степени их исторически-конкретной важности для определенных видов деятельности;

– формулирование способности интегрировать элементы других культур в собственную систему мышления и ценностей [73, с. 9–31].

Из целей функционирования социокультурного пространства в условиях мультикультурализма вытекает необходимость привлечения понятия о толерантности как важнейшего фактора в упорядочении проблем социокультурной сферы в мультикультурном сообществе. Собственно, основные дискуссии вокруг представлений о социокультурных подходах в мультикультурном сообществе развертываются в проблемном поле взаимодействия между интеграцией и толерантностью. Как показывает практика, в социокультурной сфере интеграция и толерантность попадают в дисгармонию друг с другом, когда интеграция имеет своей целью ассимиляцию и, вследствие этого, идентичность меньшинства и его сохранение как группы ставится под угрозу. При этом, по нашему мнению, не самым важным является то, на каком уровне представлена эта идентичность: на этническом, языковом, культурном или религиозном. Современному государству достаточно просто редуцировать средства содействия и государственной поддержки в социокультурной сфере, чтобы возникла угроза культурной идентичности языкового и этнического меньшинства.

Для разрешения проблемы применения парадигмы толерантности в социокультурном пространстве нашей страны мы предлагаем провести различие между различными концепциями толерантности. Имеющиеся исследования в этой области дают возможность представить все многообразие взглядов по этому вопросу в виде четырех основных концепций толерантности. Согласно первому подходу, который можно обозначить как концепция «разрешения», толерантность характеризует отношения между имеющим власть большинством и меньшинством, ценностные ориентации которого отличаются от ориентаций большинства. Толерантность, в этом случае, не является взаимной: одна сторона разрешает другой определенные отклонения. Вторая концепция толерантности, которую можно обозначить как концепцию «сосуществования», сходна с первой в том, что в ней толерантность также служит в качестве подходящего средства для избегания конфликта при преследовании собственных целей и не является ценностью самой по себе. Однако, в отличие от первой концепции, здесь меняется статус субъектов толерантности, так как противостоят друг другу не большинство и меньшинство, а приблизительно равные группы, которые предпочитают мирное сосуществование конфликту и соглашаются на форму взаимного компромисса. Третья концепция толерантности, которую можно назвать концепцией «взаимного уважения», исходит из морально обоснованной позиции взаимного признания друг друга социокультурными субъектами, которые проявляют толерантное отношение друг к другу. Здесь стороны, проявляющие толерантность, уважают друг друга, как в качестве автономных моральных личностей, так и в качестве равноправных членов социокультурного процесса. Хотя их представления относительно полноценной и правильной жизни в достаточной мере отличаются, они признают друг друга в качестве равноправных морально-правовых субъектов и считают, что основные структуры, регулирующие социальную жизнь и распределяющие социальные ресурсы, должны определяться правовыми нормами. Четвертую концепцию толерантности можно обозначить как концепцию «принятия или уважения

ценностей». Она содержит более требовательную форму взаимного признания, чем концепция «взаимного уважения», так как согласно ей, толерантность означает не только уважение членов других культурных или религиозных сообществ, но также оценивание их убеждений и практик как этически ценных. Эта концепция наиболее соответствует применению принципов толерантности в социокультурной сфере полиэтнических сообществ, так как сообщает версию плюрализма ценностей.

По нашему мнению, для социокультурного пространства полиэтнического сообщества, к которому относится и социум Украины, наиболее приемлемым является синтез третьей и четвертой концепций толерантности, где, в рамках функционирования систем культуры, предоставляется реально осуществимая возможность сосуществования различных этносов и этнокультуральных общин, где интеграция и толерантность гармонично сочетаются друг с другом. Большой практический опыт в этом отношении уже накоплен в странах Европы и Америке. Если понимать интеграцию как объединение этносов на добровольной и взаимовыгодной основе в рамках многонациональных государств, можно привести примеры Бельгии, Швейцарии, США и т.д. Сейчас опыт этих стран становится весьма актуальным для развития социокультурного пространства Украины.

Исходя из исследований социокультурной сферы, принципы мультикультурализма, транснациональные практики и идея толерантности в социокультурных пространствах современных полиэтнических сообществ могут реализовываться в виде следующих моделей:

– последовательные социокультурные процессы, цель которых – решение социальными, правовыми, культурно-образовательными средствами проблем, возникающих в ходе эволюции, становления новых национальных государств, постколониальных миграционных процессов;

– принципиальное противостояние расизму, предубеждениям, ксенофобии, этноцентризму, ненависти, основанной на культурных различиях [161, с. 12];

– интегративно-плюралистический процесс с национальным и общечеловеческим источниками, как альтернатива интернациональному воспитанию, ведущему к нивелированию идентичности [168, с. 34];

– путь и средство формирования личности, способной к эффективной жизнедеятельности в мультикультурной среде, обладающей развитым чувством понимания и уважения к иным культурам, умением жить в согласии с представителями разных национальностей и рас [168, с. 34];

– становление навыков жизни в полиэтническом социуме: постижение культуры своего народа, выработывание суждений о разнообразии культур и формирование этнотолерантности.

Согласно имеющимся научным исследованиям, основное направление деятельности социокультурных систем в условиях мультикультурных сообществ – формирование межкультурной компетенции. Главная отличительная черта личности, обладающей основами межкультурной компетенции, заключается в ее готовности к мультикультурному функционированию на всех уровнях межкультурной коммуникации:

- общемировом (глобальном), обладая потенциалом общепланетарного языкового сообщества;
- межэтническом, культивируя в себе готовность к восприятию этнокультурных концептов представителей разных культур;
- межличностном, обладая способностью с пониманием относиться к индивидуальным аспектам концептосферы личности [110, с. 13–17].

Иными словами, обладание межкультурной компетенцией – это способность и готовность принимать участие в диалоге культур, то есть в условиях межкультурной коммуникации на основе принципов сотрудничества, взаимного уважения, терпимости к культурным различиям и преодоления культурных барьеров. Феномен межкультурной компетенции имеет определенную структуру. Исследователи З. Н. Никитенко и Н. Д. Гальскова предлагают следующую структуру межкультурной компетенции:

1) аффективный уровень – эмпатия (опыт эмоционально-оценочного отношения индивида к этнокультурному взаимодействию и его субъектам) и толерантность;

2) когнитивный уровень – синтез знаний о родной культуре, а также о культуре и коммуникации изучаемой страны или страны пребывания;

3) стратегический уровень – вербальные, учебные, исследовательские и жизненные планы и стратегии [124, с. 3–8; 125].

Личность в условиях мультикультурализма, таким образом, реализует себя на:

– когнитивном уровне, имея представление об образцах и ценностях мировой культуры, о культурно-историческом и социальном опыте различных стран;

– ценностно-мотивационном уровне, имея социально-установочные и ценностно-ориентационные предрасположенности к межкультурной коммуникации и обмену, а также толерантность и эмпатию по отношению к другим странам, народам, культурам и социальным группам;

– деятельностно-поведенческом уровне: активно взаимодействуя с представителями различных культур при сохранении собственной идентичности.

Исходя из всего сказанного, применительно к современным полиэтническим сообществам, к которым можно отнести общества Украины и России, преждевременно утверждать, что политика мультикультурализма уже исчерпала свой позитивный потенциал. Проблема культурного многообразия, столкновения различных этнокультурных традиций сохраняет свою остроту. И мультикультурная стратегия, в том числе, в интеркультурном и транснациональном вариантах представляет собой один из возможных демократических способов решения проблемы культурного многообразия. В многосоставном обществе сама нация становится многосоставной и поликультурной. Выработка эффективной и адекватной стратегии

межэтнического и межкультурного взаимодействия является необходимым условием для стран, стремящихся стать современными государствами.

Как показывает мировая практика, в полиэтнических сообществах наиболее успешное решение социальных проблем связано с осуществлением стратегии мультикультурализма. Любой этнос, общество, государство принимают из всеобщей системы общекультурных зависимостей и отношений то, что отвечает его культурному опыту, менталитету, этно-психологическому складу. Принятие мультикультурной интеграционной модели государством означает, что оно открыто для иноэтничных субъектов и несет ответственность за создание условий для их существования. В условиях полиэтнического сообщества транснациональные практики в рамках социокультурного пространства в конечном итоге могут способствовать росту и развитию духовной жизни этнокультуральных групп, обмену достижениями науки и образования, культуры и права, а также повышению качества социальной жизни.

Именно в социокультурном пространстве воспроизводится человек, призванный не только удовлетворять свои потребности в знании, сохранять и обеспечивать пространство культуры общества, но и способный во все большей степени его глубоко преобразовывать. Практическому осуществлению этой цели может способствовать, на наш взгляд, создание в нашей стране мультикультурных социальных и учебных заведений по типу интеграционной модели. Такая альтернатива содействует достижению цели социокультурной политики – созданию целостного общества и участию в его структурах представителей различных культур в качестве полноправных субъектов.

В современном мире пока остается свободной ниша по созданию по-настоящему инновационной модели страны, где была бы успешно реализована платформа по мультикультурному, мультиязычному сотрудничеству. И роль социокультурной сферы в этом процессе неопределима. Сегодня, когда культуры все более тесно взаимодействуют друг с другом, можно ожидать, что дискурс мультикультурализма, толерантности и транснациональных практик, как

формы реализации мультикультурных связей, скорее всего, сохранится, но, вероятно, подвергнется серьезным изменениям. В любом случае, шансы для коммуникации, взаимного понимания и признания представителей самых разных культур в социокультурном пространстве нашей страны в настоящее время велики, как никогда. Все это позволяет предположить благоприятный сценарий для мультикультурной парадигмы общественного устройства Украины.

Выводы к IV разделу:

1. Магистральным направлением гуманитарного развития современных мультикультурных обществ остается социальная и культурная адаптация и интеграция представителей инокультурных слоев на индивидуальном уровне. Успех самих практик мультикультурализма может измеряться уровнем структурной интеграции культурных и этнических меньшинств – степенью их вовлеченности в культурные инициативы, конкурентоспособности, преодоления их дискриминации на рынке труда, обеспечения им равных социальных гарантий. Стратегии мультикультурализма имеют различия, которые связаны с особенностями самого феномена в разных странах. Мультикультурализм и его эквиваленты всегда были и остаются политически противоречивыми и часто порождают направленные против них движения, ставящие своей целью защиту единой культуры, основание которой в различных странах отличается.

2. Анализ стратегий мультикультурализма в социокультурных пространствах стран классической иммиграции (США, Канады, Австралии) позволяет выделить парадигмы мультикультурализма, характерные именно для них. В целом в странах классической иммиграции социокультурное пространство, созданное на многообразной этнической основе, оказалось мощным средством развития общества. Положительный опыт межкультурной ассимиляции в США, Канаде и Австралии может учитываться при выработке новых принципов к созданию мультикультурного социального пространства в

других странах. Глобальная социокультурная сфера на примере этих стран видится основанной на этнической толерантности, умении адаптироваться к этнической образовательной общности, терпимости к индивидуальным различиям, готовности к диалогу культур, культурному взаимодействию, взаимопониманию и взаимопомощи.

3. Опыт реализации принципов толерантности в социокультурном пространстве обществ этнического плюрализма (стран Западной Европы) доказывает целесообразность использования таких стратегий социокультурной политики, как: отстаивание роли государственного языка как языка международного и межнационального общения; повышение статуса государственного образования как престижного мирового интернационального социального института; воспитание патриотического отношения у иммигрантов не только к своей Родине, но и к стране проживания; развитие стратегий воспитания представителей национальных меньшинств. В связи с этим можно утверждать, что принципы толерантности представляют собой социокультурные механизмы, имеющие первостепенное значение для развития плюралистического либерального общества.

4. В условиях острейших социокультурных проблем, вызванных последними миграционными событиями в Европе, очевидно, что серьезной альтернативы политике межкультурного диалога в мировом сообществе не существует. Путь, по которому пойдет европейское социокультурное развитие, напрямую связан не только с упорядочением культурной жизни цивилизованных государств. Огромное внимание придется уделить положению стран, откуда прибывают миграционные потоки; возникнут вопросы о влиянии Европы и мира на политическое, экономическое, социокультурное положение стран Ближнего Востока и Северной Африки. Наиболее важным будет усиление и углубление работы с гуманитарной сферой социума, в которой образование, мораль, ценности, право, религии занимают первенствующее место.

5. Применительно к современным полиэтническим сообществам, к которым можно отнести общества Украины и России, преждевременно

утверждать, что политика мультикультурализма уже исчерпала свой позитивный потенциал. Проблема культурного многообразия, столкновения различных этнокультурных традиций сохраняет свою остроту. И политика мультикультурализма (в ее различных вариантах) представляет собой один из возможных демократических способов решения проблемы культурного многообразия.

6. В полиэтнических сообществах наиболее успешное решение социальных проблем связано с осуществлением стратегии интеграции культур. Именно в социокультурном пространстве воспроизводится человек, призванный не только сохранять и обеспечивать пространство культуры общества, но и способный во все большей степени его глубоко преобразовывать. Практическому осуществлению этой цели может способствовать создание в нашей стране мультикультурных социальных и учебных заведений по типу интеграционной модели, что содействует достижению основной цели социокультурной политики – созданию целостного общества и участию в его структурах представителей различных культур в качестве полноправных субъектов.

7. Вариант билингвального обучения является новаторским приемом и интересной возможностью развития, в том числе, и украинского социокультурного пространства, что позволяет утверждать ценности толерантности, гуманизма и свободы. Полилингвизм и билингвизм стихийно присутствует в гражданском обществе Украины. Необходимостью в этом случае является внесение в законодательную базу нашей страны билингвизма и полилингвизма в качестве факторов функционирования образовательного пространства Украины. Принятие билингвизма и полилингвизма на государственном уровне может выразиться на практике в выборе языка преподавания в различных учебных заведениях.

8. Стратегии мультикультурализма, транснациональные практики и идея толерантности в социокультурных пространствах современных полиэтнических сообществ реализуются в виде следующих моделей:

– последовательные социокультурные процессы, цель которых – решение социокультурными средствами проблем, возникающих в ходе эволюции, становления новых национальных государств, постколониальных миграционных процессов;

– принципиальное противостояние предрассудкам и ненависти, сформированным на социокультурных различиях;

– интегративно-плюралистический процесс с общечеловеческими и национальными основаниями, как альтернатива интернациональному воспитанию, ведущему к нивелированию идентичности;

– путь и средство формирования личности, способной к эффективной жизнедеятельности в мультикультурной среде, обладающей развитым чувством понимания и уважения к иным культурам, умением жить в согласии с представителями разных национальностей и рас;

– подготовка к жизни в полиэтническом социуме: овладение культурой своего народа, формирование представлений о многообразии культур и воспитание этнотолерантности.

9. В современном мире пока остается свободной ниша по созданию по-настоящему инновационной модели мультикультурной страны, где была бы успешно реализована платформа по мультикультурному сотрудничеству. И роль социокультурного пространства в этом процессе неопределима. Шансы для коммуникации, взаимного понимания и признания представителей самых разных культур в настоящее время велики как никогда. Парадигма толерантности – наиболее значимый механизм, определяющий вклад инокультурных представителей в развитие этнокультурных плюралистических сообществ. Данная стратегия играет особую роль в развитии всего сообщества, его ориентаций на гуманистическую направленность, что стимулирует социокультурную динамику всего общества.

10. Социокультурная специфика приобретает все большее значение в процессе самоидентификации индивидов и социальных общностей. В этом контексте особо актуальным становится вопрос о бесконфликтном

сосуществовании национальных культур в социокультурном пространстве единого государства Украины. Сегодня не существует социально-философской концепции, в рамках которой разрешится проблемный вопрос социокультурной теории и практики, предполагающий сосуществование различных культур в Украине на основе равноправного диалога. Идеи мультикультурализма и толерантности в качестве социально-философских концепций могут явиться наиболее адекватным теоретическим ответом на такой вызов современности.

Исследования, представленные в 4 разделе, отражены в следующих публикациях автора:

в монографии: «Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции образовательного пространства»: [монография].— Одесса: издательство «ВМВ», 2015. – 322 с.;

в учебном пособии: «Основы этико-религиозной толерантности». Учебное пособие / Елена Павловна Ананьева, Наталья Васильевна Левинская – Севастополь: Издательство Академии ВМС имени П. С. Нахимова, 2012. – 159 с.

В статьях:

Проблемы формирования интеллектуальной элиты в свете работы К. Д. Ушинского «Письма о воспитании наследника русского престола» / Е. П. Ананьева // Науковий Вісник ПНПУ імені К. Д. Ушинського: сб. наук. пр. – Спецвип. – 2013. – С. 3–9;

Методологические проблемы философии образования в свете развития глобализации / Е. П. Ананьева // European Conference of Education and Applied Psychology. // Section 16 – Philosophy of Education. –Austria, Vienna. –2014. – С. 350–356;

Мультикультурализм как философско-образовательная концепция эпохи глобализации / Е. П. Ананьева // UNIVERSUM: Общественные науки.–№ 7(8). – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.7universum.com/ru/social/archive/category//7-11>;

Принципы мультикультурализма и толерантности в системах образования современных полиэтнических сообществ / Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал. – Вип. 2 (60). – 2014. – С. 5–9;

Мультикультурная толерантность как фактор синергетики образования / Е. П. Ананьева // Матеріали Всеукраїнської наукової конференції «Освіта та соціалізація особистості». Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – ДЗ ПНПУ імені К. Д. Ушинського, Дніпродзержинський державний технічний університет. – Одеса-Дніпродзержинськ. – 2014. – С. 53–55;

Толерантность в развитии образовательных систем стран этнокультурного плюрализма (западноевропейских обществ) / Е. П. Ананьева // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Вип. 2(33). – 2014. – С. 11–21;

Интеркультурализм и толерантность стран Западной Европы в условиях новейших миграций / Е. П. Ананьева // Актуальні проблеми філософії та соціології. – Національний університет «Одеська юридична академія». – № 8. – 2015. – С. 3–6;

Возможности интеркультурно-толерантной стратегии в новейших условиях развития Европы / Е. П. Ананьева // Scientific Journal «Science Rise». Філософські науки. – Харків. – №12/1(17). – 2015. – С. 82–85.

Раздел V. Парадигма мультикультурализма и толерантности в современном украинском обществе

5.1. Аксиологические предпосылки мультикультурно-толерантной парадигмы в социокультурном пространстве мира и Украины

Открытость современного мира, плюрализация и дифференциация культурно-национальной среды выдвинули проблему формирования человеческой личности в рамках глобального «сложного» общества. В открытом мировом пространстве, где государства и люди становятся все более зависимыми, ориентация в формировании личности на качества, сближающие нации, религии, культуры и их представителей, вынуждают человечество адаптироваться в быстро меняющемся мире, и это становится доминирующей тенденцией. При этом современные условия культурного многообразия, в которых формируется сообщество, являются одними из причин серьезных проблем для научного обсуждения.

С позиций принятия можно оценивать глобализацию, разрушающую национальные рубежи в культуре, науке, технике, производстве, однако только в той мере, которая не фиксирует и не обостряет социально-экономическое неравенство различных частей мира и не лишает нации их природной самобытности. Опасение потерять свои особенности в системе глобализации умножает стремление людей сберечь уникальность собственной культуры, транслировать растущим поколениям собственный менталитет и национально-культурные традиции, складывавшиеся веками, что имеет отражение в семейных укладах, сферах занятости и досуга, в системах передачи знаний. Общий кризис цивилизации заставил задуматься о создании и применении концептов, способствующих развитию личности, преодолению отчуждения человека от природы, социума, культуры и самого себя, что является негативным признаком современности. В связи с этим передовая социально-философская наука предлагает использовать новейшие инновационно-синергетические подходы к созданию культуротворческой среды страны, региона, личности [184; 366, с. 474–476].

Обострение этнокультурных противостояний в мире в целом, и в нашей стране, в частности, сделали исследования в сфере изучения этнических и социокультурных процессов особенно востребованными. Гражданские конфликты, увеличение миграционных потоков привели в настоящее время к тому, что одной из самых сложных проблем в общечеловеческой духовной плоскости стала проблема формирования мультикультурной толерантности. Социокультурная сфера при этом рассматривается как единственно возможный путь к наиболее верному решению данных вопросов. В этих условиях мультикультурная толерантность является судьбоносным фактором поддержания здоровой атмосферы в глобальном социокультурном пространстве.

Как уже указывалось, полемика о мультикультурализме и толерантности в мире и нашей стране затрагивает области политики, культуры, науки, религии образования, права... В США и Европе мультикультурное социальное пространство является неизменной и обширной частью изысканий и профессиональной деятельности. В этой области исследований известны имена Дж. Бэнкса, М. Дженкинса, Дж. Льюиса, Ш. Рамона, У. Уоткинса, Б. Уинга. В российских исследованиях концептуальные разработки в области изучения социокультурного пространства можно увидеть у Е. Ярской-Смирновой. В Украине вопросами теории межкультурной коммуникации занимаются ученые О. Грищенко, М. Василик, Ю. Подкопаев, А. Подольский, Г. Почепцов, Н. Склярченко, А. Тарнопольский. О проблемах мультикультурной толерантности, в том числе, и в социокультурной сфере, пишут украинские исследователи Т. Бердий, С. Дрожжина, О. Волошина, О. Грива, А. Гусев, О. Довгополова, О. Заривна, Ю. Ирхина, О. Литвиненко, К. Мацик, О. Ольхович, М. Рибачук, И. Стадник, Ю. Тодорцева, О. Шаюк.

При этом существующий этап исследований межкультурных различий и коммуникаций в социокультурной сфере характеризуется недостаточной разработанностью ряда принципиальных вопросов, о чем ранее упоминалось в данном исследовании [40, с. 5–12]. В украинских и зарубежных социально-

философских исследованиях относительно развития социальных проблем в рамках мультикультурности отсутствует фундаментальное исследование мультикультурной политики в системной социальной практике. Мультикультурные отношения пока не концептуализированы на структурном уровне, особенно в рамках социально-культурного и философско-образовательного знания. Процесс формирования концепции мультикультурализма в предметном поле социокультурной сферы осложняется междисциплинарным характером мультикультурализма. Несмотря на это, накопленный теоретический и опытный материал, свидетельство реальной политики толерантности и межкультурного согласия в социокультурном пространстве глобализованного мира создали необходимые предпосылки для системной рефлексии и выведения идеи мультикультурализма на уровень самостоятельного концепта в направлении изучения и функционирования современной социокультурной сферы. Наряду с этим давно и активно изучены идеи толерантных взаимоотношений и формируемого на этой основе гуманизма, а также теория применения данных о толерантности в социокультурной сфере общества [279; 301]. Тем не менее, проведенный в данном исследовании анализ имеющейся литературы по указанной проблеме, изучение научных фактов и современные социальные реалии в мире и в нашей стране позволяют говорить о существующих противоречиях между:

- потребностью общества в личности гармоничной, корректно относящейся к представителям иных культур, и наличествующими условиями социокультурной среды, которые не способствуют формированию подобной личности;

- провозглашаемой необходимостью формирования толерантного сознания и недостаточной реализацией данной задачи в мультикультурной среде современного социокультурного пространства;

- требованием социальной практики решать острые проблемы современности и недостаточной научной разработанностью вопросов,

раскрывающих пути и средства формирования мультикультурной толерантности в современном социуме.

Данные противоречия, на наш взгляд, разрешимы в рамках принципов социокультурной синергетики, которая поставляет ориентиры для создания личностных смыслов взаимодействия у субъектов социокультурного процесса в современных реалиях. В основе таких принципов, прежде всего, усматриваются концептуальные представления об аксиологических ориентациях отдельных личностей и всего сообщества в глобальном социокультурном пространстве [283].

Ценности возникли в истории человечества как определенные духовные опоры, поддерживающие человека перед лицом тяжелых жизненных испытаний. Ценности уравнивают реальность, приносят в ее осознание оценку. Ценности корреспондируют с идеалом, желаемым и нормой. В связи с этим, ценностные ориентации – это отображение в рассудке человека ценностей, распознаваемых им в качестве собственных стратегических целей и всеобщих мировоззренческих установок. Выработка ценностных ориентаций – сложный процесс, предполагающий знание психологических механизмов, лежащих в основе самих ценностных ориентаций и социально-культурных условий их развития.

Украинский исследователь социокультурного пространства профессор Е. Р. Боринштейн в числе индивидуально-личностных показателей, позволяющих проводить прогнозное социальное проектирование развития общества, наиболее важной усматривает систему ценностных ориентаций, позволяющую анализировать направленность развития общества. По мнению ученого, аксиологическая система личности основывается на ценностях, выступающих в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей. Ценностные ориентации не только регулируют поведение личности, но и определяют его. В связи с этим представляется возможным рассматривать ценностные ориентации как высший уровень диспозиционной структуры личности. Глубоко осознанные ценностные ориентации оказывают

регулирующее, мотивирующее воздействие на личность даже в том случае, если по каким-либо причинам она не достигла жизненных целей. Тогда ценностные ориентации побуждают личность искать возможности и способы достижения этих целей, пути преодоления имеющихся препятствий. Определяя свою систему ценностных ориентаций, личность выявляет степень осознания аксиологии культуры общества, одновременно показывая и уровень своей культуры, свои взгляды, мировоззрение, представление о целях и смысле жизни. При этом особое значение в системе ценностных ориентаций имеет интегрирование общественно значимых ценностей как результата жизнедеятельности прошлых настоящих поколений, а также проектирование индивидом своей жизнедеятельности [86].

Все это имеет особую важность для современной Украины, характерной чертой социальных условий формирования аксиологической структуры которой является наличие высокоактивной стадии социальных преобразований, когда нестабильность трансформируемой системы близка к состоянию «динамического хаоса». В качестве основных особенностей бытия такого социума можно выделить: значительное ухудшение качества жизни населения, обнищание многих его слоев; осложнение состояния социальной инфраструктуры и появление реальной угрозы человеческому потенциалу страны; обострение проблем занятости населения; усиление дифференциации населения и неблагоприятные трансформации в социальной структуре общества. Перемены, происходящие в украинском обществе за последние более чем два десятилетия, коренным образом изменили идеологию ценностных приоритетов. Постулируемая при социализме первичность общественных интересов над личными изменилась: сегодня интересы личности подвергаются рассмотрению как преобладающие над групповыми. События последнего времени говорят о нивелировке также национальных украинских ценностей под прессингом привнесенных ценностей иных сообществ.

Можно согласиться с мнением исследователя М. Н. Кац о том, что ситуацию, переживаемую сегодня Украиной, можно назвать

переидеологизацией общественногосознания и кризисом восприятия ценностей [236, с. 54–58]. Одна из особенностей такой ситуации – это разрушение ценностных структур, что сопровождается, по мнению ученого А. Г. Здравомыслова, «иррационализацией поведения на всех уровнях общественной жизни» [210, с. 59]. В данном случае, вслед за мнением ученого В. О. Рукавишникова, возможно говорить о «ценностном сдвиге», который, как отмечает исследователь, является обязательным и неизбежным компонентом радикальной трансформации структуры общественного сознания в период смены политической парадигмы [375, с. 31].

Необходимость сохранения межкультурного согласия не только в нашей стране, но и во всем мировом сообществе выводит на первый план проблему аксиологических предпосылок применительно к формированию новейшего социокультурного пространства. Первая из ценностей, на которых может строиться глобальное социокультурное пространство, это гуманизм. Большинство трактовок гуманизма представляет его как систему воззрений, признающих ценность человека как личности и его право на свободное развитие и счастье. Без любви к человеку, нацеленности усилий общества на раскрытие творческих способностей каждого гражданина, невозможно в принципе говорить о равноправном и созидательном диалоге культур. В то же время стоит помнить, что высокие идеалы гуманизма могут восприниматься членами той или иной общности как употребимые только для своего круга людей. И в истории много примеров, когда выдающиеся умы проповедовали любовь и уважение к человеку, но замечали, что эти принципы распространяются только на представителей конкретного народа или конкретной социальной группы.

Одним из ярких примеров может быть гуманизм, формировавшийся в Европе в эпоху Возрождения. Декларировалась свобода совести, но при этом только в рамках конкретных направлений христианства, что позволило в дальнейшем истреблять коренных жителей Америки и народонаселение покоренных государств. В США признавалось право человека на личную

свободу и творческое развитие, но это не касалось рабов, привезенных из Африки. Сегодня нам известны множество ситуаций во внешней и внутренней политике государств, когда само понятие «права человека» трактуется как безусловная ценность, но только для ограниченного круга лиц. Не стоит удивляться, что не может быть равноправного диалога культур в такой системе изначально принятых положений. Одни культуры признаются «высшими», а другие «низшими». Те, кто представляет «низшую» культуру, должны терпеть волю носителей «высшей». Или, в лучшем случае, перенимать стороннюю культуру. Если у носителей «высшей» культуры не хватает ресурсов для подавления иных традиций, то максимум, на что могут согласиться носители т.н. «высшей» культуры, это на существование представителей остальных культур в отдельных геттоизированных пространствах.

Из всего этого следует, что один отдельно взятый гуманизм не может быть основанием для органичного развития глобального социокультурного пространства. Стремление к тому, чтобы идеи гуманизма признавались повсеместно как применимые для всех народов и индивидуумов, и есть, на наш взгляд, тот магистральный путь, который ведет человечество к гармонии. Жизнь, право на свободное развитие должны всем человечеством признаваться как универсальные ценности, независимые от расы, вероисповедания, социального происхождения. При этом необходимость идей гуманизма ничем не обусловлена.

В связи с этим, как необходимое условие функционирования глобального социокультурного пространства, возникает другая ценность, которая, на наш взгляд, также может быть общепризнанной. Эта ценность заключена в логичности представления окружающего бытия. Это означает, что необходимо постулировать гармонию и совершенство всех законов развития материи в природе, а к человеку относиться, как к логической части этой природы. В этом случае, предполагая наличие изъяна в законах развития природы, логически можно констатировать, что мир, в том числе и человеческое сообщество, не являются идеальными. Поскольку идеала в отношениях людей не существует,

насилие, в любых его формах, может восприниматься как норма. Однако, если представить, что природа развивается по законам гармонии, то и человеческое сообщество будет казаться цельным организмом, в котором все его органы одинаково необходимы. Признание равноправия и всеобщего развития множества культур, формирование основ толерантности и всеобщее согласие в таком представлении превращается в создание механизмов согласования жизнедеятельности глобального мира как совокупности частей единого социокультурного пространства.

Данное положение вовсе не исключает возможностей для неординарного развития культур и не подразумевает отсутствие критического взгляда на некоторые традиции и обычаи народов. Отсюда логично вытекает третья фундаментальная ценность для нормального функционирования социокультурного пространства. Если природа стремится к гармонии, то и человечество в целом, и человеческая личность в частности, как создания природы, также выступают частью гармонии. Жизнедеятельность человека в таком случае необходимо приносит позитивные плоды, в том числе, и его работа по преобразованию природы для своих нужд. Таким образом, третья ценность, необходимая для развития межкультурного взаимодействия в социокультурном пространстве и толерантных взаимоотношений при этом, это ценность прогресса. Если не представляет ценности прогресс, то нет и основания стараться создать более совершенную организацию общества. Если прогресс выступает безусловной ценностью, то весь путь человечества воспринимается как восхождение к совершенству. В этапы человеческого совершенствования могут быть включены следующие исторические шаги человечества: отказ людей от употребления в пищу себе подобных, отказ от немотивированного убийства иных людей, выработка международных механизмов по решению конфликтов, принятие деклараций о запрещении оружия массового поражения, правовые документы согласия и межкультурного сотрудничества. Все это уровни, которые поднимали человеческое сообщество в его развитии и совершенствовании. И именно в таком понимании наступает

осознание необходимости равноправного мультикультурно-толерантного взаимодействия, того диалога культур, который рождает признание за всем человечеством права на достойное существование и свободное развитие.

Основываясь на ценностных основаниях гуманизма, логики бытия и прогресса, многие цивилизованные страны мира уже в настоящее время с необходимостью следуют канонам мультикультурно-толерантной парадигмы при вхождении в глобальное социокультурное пространство. Несмотря на сложности глобального развития последнего десятилетия, ценностные основания мультикультурализма и толерантности развивают свою ведущую роль в прогрессе мирового социокультурного пространства, отражаясь на социокультурной составляющей идеологий многих стран мира.

Современная концептология социокультурной сферы считает необходимым признание того факта, что продуцируемые концепты социокультурного пространства одновременно ставят проблемы и дают ориентиры для их решения. В связи с этим социокультурное пространство эпохи глобализации, отличительной чертой которой является сосуществование и взаимопроникновение культур, исходит из постулата, что незнание иных культур приводит к неспособности познать свою собственную. Идея мультикультурализма при этом, как квинэссенция представлений о культурном разнообразии, отражает возможность и практику решения острейшего вопроса о природе и функционировании социального неравенства средствами социокультурного пространства. Так возникает проблемное поле социокультурного пространства в рамках мультикультурности, что содержит неразрешенное противоречие между господствующим представлением о социокультурном пространстве как средстве индивидуального и общественного прогресса или социализации и заявлением, что общественный эффект социокультурного пространства заключается в «воспроизводстве» или поддержании стандартов социального неравенства. Таким образом, воспроизводимые в системе социокультурного пространства различия, которые

частично вызваны экономическим неравенством, играют значительную роль в укреплении характеристик стратифицированного общества.

Сообразуясь с изложенными положениями, можно выделить сущностные особенности мультикультурализма как аксиологической составляющей в концептуальной системе глобализированного социокультурного пространства.

1. Термин «мультикультурализм» как концепт глобализированных социокультурных систем обозначает политику культурного плюрализма. Как социокультурная идеология, мультикультурализм выступает компромиссом между государством, группами субъектов и объектов услуг; при этом признается приоритет прав личности над правами культурной группы. Признаваемый в качестве аксиологического феномена, в широком смысле мультикультурализм может быть обозначен как система социальных, культурных и правовых ценностей, принципов недискриминационной политики и практики толерантного взаимодействия, формирования духовной жизни социокультурного пространства. Мультикультурализм как ценность в социокультурной системе приемлем и в узком определении – как создание особых условий для взаимопонимания между этнокультурными и языковыми общностями.

2. Классификации мультикультурализма включают жесткую и мягкую, а также доминантную и эгалитарную модели. Ценность «мягкого» варианта мультикультурализма выражается степенью ассимиляции в социокультурную систему, что определяется желанием и способностью каждого отдельного индивида интегрироваться. Ценность «жесткого» подхода предполагает активные меры структур социокультурного пространства для обеспечения инокультурным людям не только полноценного участия в общественной жизни, но и максимальных возможностей для сохранения идентичности и традиций. Доминантные модели мультикультурализма ценны тем, что предполагают в социокультурном пространстве подавляющую роль культуры большинства. Уязвимость этой модели состоит в пренебрежении правами человека и культурном расизме. Эгалитарные модели принципов мультикультурализма в

социокультурном пространстве основываются на концепции прав человека и ценны устранением барьеров социального, экономического, политического плана в социокультурных системах.

3. Мультикультурализм в социокультурном пространстве базируется на межкультурных взаимодействиях, являясь одновременно их идеологической платформой и конечным результатом. Проблематику аксиологии межкультурных взаимодействий необходимо рассматривать в совмещении ряда подходов. Это эволюционистские, функционалистские и интерпретативные модели, которые раскрывают закономерности и принципы межкультурной коммуникации. Отношения неравенства выступают в этом случае ключевым аспектом понимания характера межкультурных взаимодействий в социокультурном пространстве.

4. Опыт управления полиэтничным социокультурным пространством в нашей стране, концепции социокультурной политики содержат как достижения, так и упущения, которые необходимо оценивать в контексте современных миграционных процессов, проблем гражданства и новых форм социокультурного противостояния. Современные межкультурные противоречия в социокультурной сфере отличает дискурсивный характер, что делает их более сложно выявляемыми, но одновременно и более распространенными явлениями. Осознание аксиологического смысла разнообразия современных идентичностей в социокультурном пространстве нашей страны подкреплено идеологией и практикой межкультурного взаимодействия. Ценность политики мультикультурализма, касающаяся всех сторон общественной жизни, в способности снизить остроту социального неравенства и предупредить социальные конфликты в Украине.

5. Зарубежные подходы в области социокультурной теории и практики отличаются рядом противоречий, обусловленных политическими разногласиями и комплексным характером социальной реальности, что трудно учитывать при планировании условий социальной интеграции. Мультикультурализм как новый концепт в социокультурном пространстве идет

вразрез с идеологией государства-нации, выступая постнациональной стратегией. Аксиология компромиссной природы политики мультикультурализма связана с взаимными уступками со стороны большинства и меньшинств.

6. Уязвимость политики мультикультурализма в социокультурном пространстве тем больше, чем выше уровень неравенства в доступе к социально значимым ценностям и культурно-образовательным ресурсам и чем ниже уровень правовой культуры. Базовыми аксиологическими принципами мультикультурной интеграции являются: постепенность и создание экономических и социальных условий поддержки; трансформация институтов принимающей культуры; действенность законодательных актов против расизма, ксенофобии, терроризма; равный доступ к культурно-образовательным услугам; обеспечение недискриминационных практик; формирование общего информационного и конструктивного коммуникативного пространства; свобода выбора стиля жизни, языка обучения и общения, принадлежности к конфессии при безусловном соблюдении законодательства государства проживания; систематический мониторинг результативности программ межкультурного взаимопонимания и преодоления неравенства.

7. Ценность применения принципов мультикультурализма в социокультурной практике особенно увеличивается в условиях роста межэтнической напряженности, этнофобий и нетерпимости в социально-экономической и духовной жизни современных государств постсоветского пространства. На постсоветском пространстве большей степенью легитимности обладает идея многонациональности, понимающая нации в их этническом смысле, тогда как мультикультурность осмысливается как угроза сложившемуся социальному порядку. При этом содержание стереотипов и отношения между людьми зависят от того, как население адаптируется к трудностям. Если адаптация проходит преимущественно в негативных формах, то важнейшим стабилизатором группового поведения в социокультурном

пространстве становится конструирование образа врага, борьба с которым компенсирует чувство страха и незащищенности.

8. Система культуры, образования, права имеет особое влияние на институциональный уровень отношений. Формирование нового понимания социальных проблем в обществе, в том числе, может способствовать широкому распространению мультикультурализма, толерантности, веротерпимости. Признавая очевидность и сложность проблемы дискриминации людей по признаку этничности, можно констатировать ценность нивелирования этнической дискриминации с помощью парадигмы мультикультурализма в глобальном социокультурном пространстве.

9. Разработка принципов межкультурного общения, обучение практическим навыкам межкультурной коммуникации становятся сегодня мировой тенденцией на всех уровнях социокультурного пространства. Внедрить это можно только в условиях особой социокультурной среды, которая сама носит инновационный характер и ориентирована на позитивные социальные перемены. Эффективное решение указанной задачи требует признания аксиологического смысла мультикультурной толерантности как приоритетного направления социокультурной политики государства в целях повышения профилактики ксенофобии и противостояния этнокультурной конфликтности. Ксенофобия обладает важным объединяющим и статусообразующим свойством, поэтому ей должен быть противопоставлен мультикультурализм как характеристика духовной жизни общества и социокультурная установка, выступающая демократической моделью гражданской интеграции и позволяющая расширить пространство солидарности в социокультурной сфере.

10. Парадигма мультикультурализма применительно к социокультурному пространству особенно ценна тем, что способствует противодействию социального неравенства и дискриминации, пробуждает к обсуждению вопросы культурного плюрализма и неравного доступа к социокультурным ресурсам, подвигает государственные учреждения к преодолению социальных проблем.

Мультикультурализм применительно к социокультурной сфере базируется на принятии культурного многообразия как положительной характеристики социума, вносит вклад в поддержку культур исчезающих этнических групп.

Для органического функционирования представленных аксиологических характеристик мультикультурализма как концепции глобализированного социокультурного пространства необходимы определенные трансформации в существующем общественном сознании, обновленные общественные позиции в отношении нравственности. Принципы мультикультурализма, как уже указывалось, принимаются (даже на уровне подсознания) социумом демократических государств и выражаются в определенной моральности, которая имеет свое выражение в виде мультикультурной толерантности.

Под мультикультурной толерантностью в самом широком смысле мы понимаем интегративное личностное качество, которое выражается в уважении к своей и другим культурам, в сопереживании, взаимодействии людей, независимости суждений, преодолении стереотипов в отношении непохожих сообществ. Это характеризуется переходом от эмоционально-положительной оценки к ценностным толерантным суждениям и отношению, и отражается в адекватно-реальном толерантном поведении и поступках [43, с. 167–169]. Таким образом, смысл понятия толерантности содержит наряду с просто терпимым отношением принципы общечеловеческой морали, которые проявляются в обязательном соблюдении прав всех народов мира; в осознании единства и общей взаимосвязи разных этнокультур, в широких знаниях о культурах, языках, происхождениях различных народов, особенно тех, с которыми осуществляется непосредственный контакт; в неприятии войн, аннексий и других форм насилия; в отношениях между нациями; в решении междунациональных проблем на основе баланса интересов.

На международном уровне к толерантности принадлежит взаимное уважение всевозможных культур и традиций. Признание самой ценности иных культур облегчается, если внимание направлено не только на разделяющие, но и на объединяющие факторы, на общечеловеческие позиции: готовность

помогать, нести цивилизованность и честность, словом то, что не только в современном цивилизованном сообществе, но и в разных обществах, в разных эпохах всегда признавалось в качестве этических ценностей. В связи с этим для становления мультикультурно-толерантной парадигмы социокультурного пространства многонациональных и многоконфессиональных стран наиболее актуальной видится проблема диалога культур. Естественно, она имеет ключевое значение и для Украины, где проживают представители более пятидесяти национальностей и множества религиозных конфессий. Ведь сложно говорить об успехе в экономике, развитии гражданского общества, укреплении оборонной мощи государства и умении отстаивать национальные интересы на международной арене, если страну будут разрывать межэтнические и межконфессиональные противоречия. Исторический опыт показывает, что идти вместе народы могут только тогда, когда взаимно совершенствуют друг друга, развивают лучшие свои традиции. Любые попытки унификации культуры ведут только к общегражданскому противостоянию.

Корень основной проблемы идеи мультикультурализма лежит в экономической составляющей социокультурного развития. Экономический регресс, отмечаемый в мировом масштабе в настоящее время, оказал негативное воздействие на мультикультурные ценности Запада. Сформировалось мнение, что причиной провала европейской модели мультикультурализма возникла неспособность мигрантов интегрироваться в нормы западного бытия и лояльность европейских законов, следующих принципам демократии и верховенства права. Вероятно также, что с ухудшением экономического положения ранее приглашенные европейскими государствами мигранты столкнулись с отношением, противоречащим таким ценностям, как гуманизм, демократия, справедливость, толерантность, сочувствие, права человека. На наш взгляд, такое отношение может восприниматься как попытка сохранения самой западной идентичности, хотя нужно признать, что приглашение рабочей силы из-за рубежа и дискриминация этих мигрантов в дальнейшем несовместимы с мультикультурными

ценностями. Из всего этого следует, что объявленный крах мультикультурализма является следствием ложной политики западных стран. Очевидно, также, что толерантное отношение Запада в рамках мультикультурализма не устояло именно перед экономическим кризисом.

Исследуя проблему цивилизаций, Р. Осборн пишет: «Рассмотрение греческой, эллинской и римской цивилизацией всех других народов и культур как «варварского мира» стало позднее началом подхода западной цивилизации к другим цивилизациям в целом на основе критериев дискриминации» [336]. На наш взгляд, место мигрантов в европейском сообществе основано на подобных принципах. Действительно, можно признать, что одна из важных причин неустойчивости общества с основами мультикультурности содержится в миграционной политике, которую проводят страны Западной Европы, так как мультикультурализм вначале образовался как подход, имеющий в виду отношение к национальным меньшинствам. Однако, впоследствии мультикультурализм стал очерчиваться как миграционная политика, стимулируемая официальными слоями Европы и представляемая как интеграция трудовых мигрантов во всеобщие культурные ценности. Эта политика оказалась несостоятельной, и сколько бы ни говорили европейцы, что считают пребывание трудовых мигрантов временным, это не отвечает реалиям, так как впервые в Европе по отношению к мигрантам был использован подход, который уравнивал их с национальными меньшинствами [207].

Однако, в отличие от стран Европы, в мировой практике имеется достаточно государств, которые проводят жесткую миграционную политику и не имеют никаких проблем, связанных с мультикультурностью. В качестве успешной модели можно указать на японский опыт. Иммиграционные законы Японии крайне консервативны. В этой стране получение гражданства связано с достаточно сложными процедурами. Государство регулирует уровень трудовых мигрантов конкретными нормами, и нет повода для спекуляций по политическим мотивам. В результате в отношении компактно проживающих в

стране китайских, корейских и бразильских мигрантов нет ни дискриминации, ни проблем [207].

Рассуждая о мультикультурном факторе в глобальном социокультурном пространстве, нельзя не признать, что мультикультурализм несет в себе одновременно и созидательные, и разрушительные начала. Основной вопрос: каким образом можно сохранить единое государство и нацию, признавая дезинтегрирующие права меньшинств, в том числе, в социокультурной области? Например, международный опыт в решении вопроса о мультикультурализме в системе культуры и образования напрямую корреспондирует с ситуацией в России, где наблюдается обострение несогласий между русским большинством и приезжими меньшинствами. Причиной тому – распад СССР, который сообщил миграциям массовый характер, в результате чего множество представителей различных национальностей принялись заселять центр России и земли за Уралом, компенсируя дефицит рабочей силы и создавая районы компактного проживания.

Однако, указанные в данном исследовании особенности сложности зарубежного мультикультурного опыта не означают упадок или крах идей мультикультурализма и толерантности навсегда. Успешная практика в самых разных регионах мира свидетельствует, что представители различных наций и религий могут развиваться, сберегая свою идентичность и корректно относясь к другим. Необходимо использовать возможность воспринимать этот фактор не как идеологию, стремящуюся ассимилировать отличия, а как образ жизни, бытующий на протяжении длительного времени. Можно признать, что восприятие совместного бытия в одном социокультурном пространстве представителей различных цивилизаций и культур и их взаимообогащение в процессе совместной жизни – это будущее человечества. При этом, идеология, обращенная к стандартизации ценностей, не только переживает кризис, она утрачивает право на существование.

Рассуждая о применимости ценностей мультикультурализма и толерантности в социокультурном пространстве мира, нужно признать, что мультикультурализм является тем путем, на котором возможны позитивные результаты глобализации [350, с. 12]. Обосновывая новые стратегии мультикультурализма, исследователи аргументируют политические решения по запрещению экстремизма, констатируя новые глобальные риски и вызовы в адрес культуры мира и толерантности [388]. Несомненно, что мультикультурализм в той жесткой форме (*hard multiculturalism*), которая возникла в 1970-х годах в США и которая отрицает американский национализм, замешанный на расизме, и провозглашает идентичность, учрежденную в основном на расе, этничности и поле как первооснову общества – покидает общественное сознание. Падение этой формы мультикультурализма пришлось на т.н. «культурные войны» 1980–1990-х годов. Так пришла более мягкая версия мультикультурализма (*soft multiculturalism*) – патриотическая вариация плюралистической идеи, которая почитает нацию, а также расовое, этническое, и другие виды разнообразия.

Проявление мультикультурно-толерантной парадигмы в Европе связано с тем фактом, что в настоящее время новая Европа предпринимает шаги в направлении определения своего будущего. Среди них, в первую очередь, можно назвать следующие:

- интеграция через ассимиляцию, так как основной целью мультикультурной политики Европы все еще является не обеспечение интеграции мигрантов в жизнь страны прибытия, а изоляция их от политического общества и ассимиляция;

- включение иммигрантов второго поколения в культурно-социальную и политическую жизнь общества. В связи с этим можно отметить политику итальянских властей. Неслучайно бывший премьер-министр Италии Р. Проди заявил: «В лице иммигрантов мы получаем огромный потенциальный ресурс. Надо идти по пути интеграции. Будущее поколение иммигрантов должно стать поколением итальянцев» [468];

– стимулирование в глобальном пространстве космополитических ценностей. Настоящий этап развития европейской цивилизации можно охарактеризовать как возобновление для западной модели бытия статуса универсальной общечеловеческой ценности. Иными словами, формирование у вновь прибывших в Европу мигрантов западных ценностей начинается до их миграции, еще во время пребывания их в своей стране. Решение проблемы отношения к мигрантам в европейском обществе за счет космополитических ценностей, выходящих за пределы национально-культурного менталитета;

– жесткая миграционная политика. Голосование на референдуме в Швейцарии, в феврале 2014 года по поводу ограничения миграционного потока из Евросоюза, за введение квоты на рабочую силу – показатель начала нового тренда в этом направлении. А это свидетельствует о том, что существуют тенденции ограничения миграции не только со стороны, но и между самими европейскими странами [384].

Таким образом, в настоящее время европейские государства ищут пути выхода из кризиса мультикультурализма, в основном ужесточая миграционную политику и стимулируя космополитические ценности без учета национально-духовных особенностей. Для Украины в этой связи открываются новые возможности: глобализационные процессы в плоскости мультикультурализма могут направляться на создание универсальной социокультурной модели. В связи с этим мультикультурно-толерантная парадигма как концептуальное основание формирования социокультурного пространства Украины может рассматриваться в качестве выхода из тупика межкультурного сосуществования. Проба реализации принципов мультикультурализма и толерантности в социокультурной сфере, несомненно, поможет ответить на вопрос о потенциале мультикультурного сосуществования в нашей стране.

В последние годы большинство дискуссий по поводу диалога в социокультурном пространстве нашей страны сводились к тому, каким образом не допустить межнациональных столкновений в условиях постановки вопроса о национальной идее. Не пришли пока к единому мнению как представители

экспертного сообщества, так и работники государственных органов власти, с помощью каких схем можно добиться прочного межнационального и социального согласия. Важным в связи с этим является вопрос о том, стоит ли Украине копировать европейскую схему мультикультурализма, и можно ли построить гражданскую нацию на основе игнорирования этнического многообразия страны? Главное, что остается за пределами большинства обсуждений, – на каких конкретно ценностях надо строить социокультурное пространство в качестве основания гражданской нации в Украине.

Реалии глобализированного мира следующие: чтобы сохранить существующее культурное и этническое многообразие, новое поколение должно быть готово выживать в предложенных природных, социальных, религиозно-культурных, политико-экономических обстоятельствах. Будущим поколениям должны быть привиты правила и развиты способности социальной, психологической, познавательной адаптации. Обстоятельствами, в которых реализуются данные прецеденты, в первую очередь, видится сохранение и упрочение культурных обретений. К этому может привести основание такого социокультурного пространства, которое «поднимало» бы культуру до уровня ведущего фактора всеобщего развития. Статус, структура и функции глобального социокультурного пространства, построенного с учетом мультикультурно-толерантной парадигмы, по нашему мнению, может включить информационно-методический, эргономический, этногенетический, экономический и правовой компоненты. Это позволит использовать социокультурное пространство в качестве системообразующего фактора формирования мультикультурно-толерантной парадигмы, которая в настоящее время реализует эффект синергетического становления в глобальных системах любой природы, включая и само социокультурное пространство. Расшифровка компонентов такого социокультурного пространства, на наш взгляд, предполагает следующие положения:

– информационно-методический компонент глобального социокультурного пространства – это система мультидисциплинарных

культурных, познавательных, правовых комплексов, которая обеспечивает процесс культурного взаимодействия в соответствии с законами, культурными концептами и образовательными стандартами;

– эргономический компонент глобального социокультурного пространства – это система распределения источников информации с учетом методов их применения при организации социокультурного процесса в виде реальных, либо виртуальных носителей;

– мультикультурный компонент глобального социокультурного пространства – это та часть сферы культуры, права, образования, которая в большей степени направлена на когнитивное, правовое, этическое и эстетическое развитие личностного качества мультикультурной толерантности;

– экономический и правовой компоненты глобального социокультурного пространства включают материальную и правовую базу, а также социальную миссию социокультурных центров. Эти компоненты являются взаимозависимыми, поскольку истинный социокультурный процесс не может состояться вне экономико-правового поля.

Основная функция глобального социокультурного пространства в настоящее время – выработка индивидуального сознания мультикультурно-толерантной направленности, интеллектуальной, художественной культуры, общекультурного кругозора, культуры общения. По нашему мнению, это можно назвать выработкой синергетического мультикультурно-толерантного стиля мышления и деятельности, что содействует адаптации личности к мультикультурной общественной среде, с одной стороны, а также создает условия для реализации социокультурными центрами своих формирующих функций, включая становление мультикультурной толерантности как личностного качества, с другой. При этом вероятно, что культуротворческая среда создается в системе названных выше компонентов как интегрирующая их, в особенности при решении задач творческого характера, т. е. на продуктивном уровне. Специального участия требует мультикультурный компонент социокультурного пространства. Это означает, что

самоидентификация и самореализация личности не может быть реализована за пределами указанного пространства, а субъект-субъектные связи и диалог культур не могут быть сформированы без осознания и доработки спродуцированного и достигнутого в процессе социокультурного взаимодействия.

Особенного внимания требует в данной системе рассуждений фактор языкового общения, так как именно языковая подготовка определяет культуротворческую направленность социокультурных центров и диалог культур, как наиболее результативное средство реализации подобной культуротворческой направленности. Путь развития такой подготовки видится следующим: от межъязыковых дебатов – к мультиязыковой дискуссии и от нее – к мультикультурному диалогу. Данный путь, по нашему мнению, обусловлен тем, что мультикультурная толерантность – категория диалогичная. Это следует из семантики этого понятия и современного понимания толерантности в условиях глобализации, двойных стандартов и всеобщей аттракции к толерантности на уровне цивилизации, когда притяжение, возникновение при восприятии взаимной привлекательности, понимание и принятие друг друга во взаимодействии не только согласуют деятельность, но и устанавливают положительные взаимоотношения [103, с. 206–209].

Основа толерантности и возможное пространство ее динамики лежат и действуют в опыте личности. Отсюда и становление мультикультурной толерантности как социокультурного концепта – это целенаправленная работа над позитивным опытом толерантности, т. е. создание обстоятельств, требующих взаимодействия с «иными», какими бы во мнении субъекта они не представлялись. Модель формирования мультикультурной толерантности в социокультурном пространстве предположительно содержит взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты: когнитивный, эмотивный, деятельностный, поведенческий, этико-эстетический, трансцендентный, акмеологический:

когнитивный компонент содержит представления об этническом разнообразии людей на уровне воззрений и понятий – свобода, равенство, ответственность за сохранение многообразия, уважение к своему и другим этносам; на уровне суждений и мнений – сочувствие, сопереживание, взаимодействие. Толерантность выполняет при этом информативную и систематизирующую функции;

эмотивный компонент выступает в виде фиксации отношения отдельных индивидов к объективным нравственным нормам, в результате перехода от ситуативной эмоциональной оценки к устойчивой эмоциональной оценке. Это проявляется в интересе к культуре, оценочным суждениям; выражается в сопереживании, уважительном отношении к своему и другим этносам. Данный компонент существует в виде ценностных представлений и выполняет смыслообразующую функцию поведения;

деятельностный компонент воплощен в активном познании истории развития культур, мотивах саморазвития, самореализации толерантной личности в активных действиях «для других людей». Этот компонент выполняет побудительную функцию, активизирует общение, доброжелательное поведение, умение стремиться к проявлениям мультикультурной толерантности, соотносить с личной позицией;

поведенческий компонент связывает когнитивный, эмотивный, деятельностный компоненты и занимает ближайшее место во взаимодействии с мультикультурной толерантностью, осуществляя адаптивную и реформирующую функцию. Этот компонент включает отличительные особенности мультикультурных аспектов. Он имеет эмоциональную интенсивность выражения и проявляется в поступках;

этико-эстетический компонент выступает в виде удостоверения факта совместного проживания, сосуществования на одной территории с инокультурными общностями и индивидами, а также формирования и выполнения норм, сплачивающих общество, преодоления индивидуализма и агрессивности. Это проявляется в изучении проблем совести, добра и зла,

сострадания, дружбы, смысла жизни, самопожертвования и т. д. Выработанные этикой понятия – милосердие, справедливость, дружба, солидарность и др. направляют в русло толерантности моральное развитие социальных институтов и отдельных личностей;

трансцендентный компонент мультикультурной толерантности характеризует то, что в толерантных отношениях принципиально недоступно опытному познанию или не основано на опыте. Трансцендентное в мультикультурной толерантности понимается в качестве «потустороннего» в отличие от имманентного как «посюстороннего». Данный компонент проявляется в области отвлеченных умственных категорий: вещь, явление, сущее, истина, добро и т. п. В связи с этим «толерантное» – то, что изначально присуще человеческому сознанию, не приобретено в процессе опыта, а, напротив, обуславливает и определяет возможность всякого опыта, то есть является своеобразной «сверхопытной данностью», данной человеку априорным образом. Понятие трансценденции применительно к толерантности понимается для обозначения ответственности за другого, ответственного отношения к «иному»;

акмеологический компонент в формировании мультикультурной толерантности дает возможность ответить на вопросы: как происходит самоорганизация человека, какими механизмами она движется и как сформированное личностное качество толерантности помогает добиться вершин признания. Это, в свою очередь, позволяет построить идеальную модель самоорганизации и жизненного пути индивидуума, грамотная реализация которой приведет к успеху. Этот компонент исследует закономерности и механизмы толерантности, обеспечивающие возможность достижения высшей ступени (акме) индивидуального развития.

В целом толерантность, как отмечает профессор Б. З. Вульф, «в сущности, не столько качество, черта личности, сколько ее состояние, точнее – реализуемое состояние... Формирование толерантности вступает в теснейшее двуединство его задач: развитие подготовленности человека к

существованию с другими людьми, сообществами, обстоятельствами и принятию их такими, каковы они есть. Готовность – это внутреннее состояние, мотивация, желание и способность положительного отношения к объекту; а подготовленность – практические умения коммуникации и понимания, умения разобраться, постараться понять другого и его обстоятельства, динамичную – обновляющуюся или новую – среду» [119, с. 33–35]. Модель формирования мультикультурной толерантности в глобальном социокультурном пространстве обуславливает логику и содержание стадий единого процесса выработки мультикультурной толерантности по принципам синергетики: понятийная стадия – иерархичность, гомеостатичность; оценочная стадия – незамкнутость, неравновесность, нелинейность; преобразующая стадия – дополнительность, наблюдаемость.

В целом, глобализированное социокультурное пространство, основанное на парадигме мультикультурализма и толерантности, представляется обладающим такими характеристиками, ценностями и социально-психологическими составляющими, как:

- наличие условий для культурной самоидентификации всех субъектов социокультурного процесса;
- позитивно-ценностное отношение к различным культурам;
- направленность на формирование знаний о культурном разнообразии;
- диалогичность;
- толерантность;
- открытость для проникновения других культур;
- равные условия осуществления социокультурной деятельности для представителей всех культур;
- готовность к мультикультурному взаимодействию;
- чувствительность к культурным особенностям субъектов социокультурного процесса;
- направленность на анализ различных моделей поведения, обусловленных культурными различиями;

- направленность на формирование навыков взаимодействия с представителями иных культур;
- полилингвизм;
- учет мультикультурного состава общества при составлении программ взаимодействия.

Для того, чтобы социокультурное пространство обладало такими характеристиками, необходимо, чтобы субъекты социокультурного взаимодействия принимали ценности мультикультурализма и толерантности как концептов социокультурного пространства и умели воплощать характерологические черты мультикультурализма и толерантности в процессе социокультурного взаимодействия. В целом представляется, что в контексте европейского и глобального мышления толерантность – это не только необходимая составляющая современной культуры, но и универсальная аксиологическая предпосылка гармонии человечества. Тогда как в официальных кругах Украины делаются попытки постичь семантическое поле мультикультурально-толерантной парадигмы и продуцировать соответствующие общественные отношения, в гражданском обществе нашей страны мультикультурная толерантность уже уверенно пускает побеги. То есть предложенные нами рассуждения касаются не чистой идеи, а реакции на постепенно возникающую новую социокультурную реальность нашей страны, если не больше – на новое мироощущение.

Из всего этого следует, что основаниями новейшего социокультурного пространства в нашей стране могут служить направления по развитию мультикультурно-толерантной парадигмы общественного устройства в Украине:

1. В сфере государственного управления. Организовать системный мониторинг основных источников, тенденций проявлений нетерпимости в Украине. Разрабатывать комплекс мероприятий содействия высокому уровню толерантности в украинском обществе и противодействию всем формам

ксенофобии, нетерпимости, экстремизма, выработать программу развития национальных меньшинств.

2. В сфере культуры и образования. Обретение высокого уровня мультикультурной толерантности является составляющей и приоритетом культурно-образовательной политики. Вместе с признанием ценности культурной многогранности украинской политической нации усматривать предупреждение культурной исключительности, налаживать конструктивный межкультурный диалог и взаимодействие всех этнокультурных групп. Обеспечивать свободное развитие культур национальных меньшинств и региональных субкультур; признавать уникальность и самобытность каждой этнокультурной группы, обеспечивать реализацию этнокультурных прав национальных меньшинств и их полноценное участие в социокультурном процессе.

3. В сфере сотрудничества с международными и общественными организациями. Изучение международного опыта, последующая адаптация отечественного законодательства к нормам международного права, сотрудничество с международными организациями в вопросах предупреждения и преодоления конфликтов на этнонациональной почве. В частности целесообразным является учет опыта Европейского Союза, ОБСЕ, ООН.

4. В информационной сфере. Повышение позитивного влияния средств массовой информации на формирование гражданского сознания, утверждение в обществе объединительных ценностей, построенных на приоритете гражданских принципов и прав человека. Эффективным средством популяризации идей толерантности и мультикультурного взаимодействия является социальная реклама и благоприятные условия для ее размещения в эфире, а также эффективное реагирование на информационные каналы, которые являются источником провоцирования межкультурных конфликтов и рисками их возникновения.

Неприятие аксиологического смысла мультикультурной толерантности может негативно повлиять на международный имидж Украины как

европейского правового демократического государства. Возможное создание потенциальной угрозы мирному сосуществованию многочисленных этнических групп и культурно-национальных меньшинств препятствует консолидации и единству страны, становлению гражданского общества, развитию украинской политической нации.

Общество глобального мира нуждается в человеке совершенном – человеке культурном, здоровом, законопослушном, грамотном, информированном. В рамках мультикультурно-толерантных подходов такая личность видится стремящейся к самоидентификации и самореализации, т. е. оптимальному выбору «дела жизни», к реализации всех сторон жизнедеятельности в гармонии с природой, социумом и культурой. Важнейшим моментом процесса «обретения» толерантности в мультикультурных условиях является деятельность человека, основанная на принципах уважения и признания другого, его или их «инакомыслия» с учетом принципов справедливости на фоне и в рамках оценивающей культуры. В Украине государственная политика содействия высокому уровню толерантности опирается на достаточно широкую политико-правовую основу. Однако в украинском социокультурном пространстве, к сожалению, еще остается высоким уровень социально-психологической отделенности, национальной изоляции определенных этнокультурных групп, ксенофобии; через информационные ресурсы Интернета тиражируются негативные этнические стереотипы.

Исходя из этого, необходимым условием жизнедеятельности в украинском обществе субъекта толерантности является признанность гражданских прав и свобод, как со стороны государства, так и общественного мнения. Непреходящей ценностью в связи с этим видится беспрепятственная реализация гражданских прав и свобод посредством правовых норм в рамках развития парадигмы мультикультурализма и толерантности в социокультурном пространстве Украины.

5.2. Правовые концепты реализации парадигмы мультикультурализма и толерантности

Важнейшей темой для рассуждений в рамках социальной философии является характер социальной политики и социального законодательства, а также состояние общества и его отношение к этим вопросам. В последние несколько десятилетий последствия глобализации сложным образом переплелись с социокультурными процессами мира, обострив необходимость артикуляции и правового оформления принципов мультикультурализма и толерантности в различных областях социальной жизни. Прежде всего, в правовом урегулировании нуждаются вопросы, порожденные противоречиями между модерными представлениями о социальном устройстве и имеющимся глобализированным сообществом – чаще всего это мировоззренческие проблемы, куда входят и вопросы толерантных отношений в социокультурном пространстве мира.

Современная западная цивилизационная общность является порождением Нового времени, во многом – эпохи Просвещения. Она берет начало в идеалах разума, индивидуальной свободы и прав человека. На этих принципах возведена ее политическая и правовая система, которая создавалась индивидуалистической элитой городской буржуазии XVIII – первой половины XIX в. Это результат развития индивидуализированного либерально-демократического общества, где жизнь человека имела безусловно высокую ценность. Коллективистские слои общества (в плане формулировки целей и идеалов) находились на периферии европейской истории. В начале XIX в. они к ней стали подключаться через всеобщее среднее образование и воинскую повинность [287, с. 155–176].

Однако уже в конце XIX в. на сцену вышли социалистические, националистические, а чуть позже и национал-социалистические коллективистские общности [106, с. 13–24]. Завоевав к началу XX в. политические избирательные права, выработанные для индивидуализированного общества, эти коллективистские общности

сформировали ситуацию, характерную для Новейшего времени. Принципиальная проблема, точнее «вызов» для западной цивилизации состоит в том, что эти коллективистские общности могут быть агрессивными и «требовать себе все». Учитывая то, что коллективистские общности слабо чувствительны к ценности индивидуальной жизни, то политико-правовая система Запада, настроенная на индивидуализированное общество с высокой ценностью жизни индивида, по мнению исследователя А. Липкина, оказалась плохо приспособленной к этой новой для нее ситуации. У западного мира на этот случай были силовые, военно-репрессивные средства, но с введением реально всеобщего избирательного права, отмечает ученый, их задействование стало проблематичным [287, с. 155–176].

Во второй половине XX в. Запад входит в «постиндустриальную» фазу развития, что характеризуется уменьшением роли производства, расширением сферы услуг, ростом потребности в более высоком уровне образования, а главное, в повышении уровня жизни и обеспеченности ресурсами, чтобы это образование дать всем желающим. В результате многократно возрастает численность учащейся молодежи и образуется особое «молодежное сообщество» со своей субкультурой. Молодежная среда, с ее противоречивостью, максимализмом не приемлет существующих ограничений, сочетая индивидуализм и коллективизм. На этой почве расцветают левые идеи, вылившиеся сначала в молодежные бунты 1968 г., а после их провала – приведшие к терроризму «красных бригад» [287, с. 155–176]. Эта волна культурного противостояния была погашена к 1980-м путем развития общества потребления и благосостояния. Но проблема, поставленная агрессивностью коллективистских общностей и их желанием требовать себе «все» снова находит место. Носителем этих проявлений, как считает вышеназванный исследователь, становится молодежь второго-третьего поколения европейских эмигрантов из мусульманских стран. Острота противостояния в современной ситуации, которая получила название «мультикультурализма», может найти объяснение в тезисе о том, что «глобализация вряд ли ведет к единой культуре

и не противоречит многообразию культур, а взаимное обогащение в ходе взаимодействия происходит за счет диалога и заимствования элементов, во многом через поликультурных индивидов» [287, с. 155–176].

Следовательно, возникает ситуация, при которой заявленная западная толерантность и культивирование многообразия существуют, пока они проистекают в обществе, базирующемся на консенсусе права, правах личности и других либерально-демократических ценностях, что не разрушает оснований той ценностной среды, которую индивид не чувствует, пока не столкнется с иным. Однако в современном этапе развития мультикультурных связей возникают нетолерантные и агрессивные меньшинства коллективистского типа, которые, кроме того, по словам А. Липкина, могут перестать быть меньшинствами в силу демографических факторов и ставят под вопрос само существование среды. Современный этап мультикультурализма, по мысли А. Липкина, похож на столкновение цивилизаций, которое происходит в рамках взаимодействия демографии и культуры. Запад оказывается слабой стороной и в демографии, и в культуре. Особенно важна слабость западной культуры, которая связана с обществом потребления, весьма бедным в духовном плане [287, с. 155–176].

Все эти проблемы привели цивилизованный мир к необходимости артикуляции принципов, которые дали бы возможность регламентации существующего положения вещей в области мирного сосуществования мультикультурных общностей. Эти позиции зафиксированы в мировом законодательстве, как принципы толерантности. Идеино и теоретически принципы толерантности основываются на концепции мультикультурализма. Принципы же следования идее принятия богатого многообразия культур современного мира в данном исследовании сформулированы в их интегрированном качестве – как социального явления и как философской категории [17, с. 136–142].

Парадигма мультикультурализма и толерантности отражена в развитии института прав и свобод человека, который претерпел большие качественные

изменения во второй половине XX века, после создания Организации Объединенных Наций в 1945 г. Так, в Уставе ООН (ст. 55) записано: «С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует ... всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [421].

Устав ООН и другие документы положили начало тому, что в развитии института прав и свобод человека приобретает ведущую роль международное право. Ныне действует более ста международно-правовых документов по правам человека. В этих международно-правовых документах создан масштабный международный стандарт по правам и свободам личности. К свободам человека и гражданина в законах демократических государств относятся: свобода совести, свобода вероисповедания, свобода мысли и слова, свобода массовой информации, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, свобода собраний. Обязанностями человека и гражданина большинства демократических стран являются: строгое соблюдение Конституции и законов страны; недопустимость нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод; недопущение пропаганды и агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную или религиозную вражду.

Институт прав человека считается связующим звеном между правом и моралью, сферой взаимодополняемости права и морали, увязывает в одно целое права и обязанности личности. Права и свободы человека – неотъемлемый элемент культуры, из чего вытекает основополагающий тезис современной гуманитарной мысли о человеке как высшей ценности. Одним из фундаментальных прав личности является право на толерантное отношение к себе в условиях мультикультурной среды. Одной из фундаментальных обязанностей личности в демократическом обществе является обязанность толерантного отношения к окружающему сообществу в условиях, если это

сообщество представляет собой множественность наций, религий, возрастов, политических представлений, мировоззрений и т.п. Данное обстоятельство привело цивилизованный мир к тому, что принципы толерантности приняты законодательно в правовых системах большинства демократических государств.

Современное понятие о толерантности как неотъемлемой части прав и свобод личности предложено государствами – членами Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, в Париже на 28-й сессии Генеральной конференции 25 октября – 16 ноября 1995 года. Основываясь на Всеобщей декларации прав человека, в которой провозглашается, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (ст. 18), «на свободу убеждений и на свободное выражение их» (ст. 19); отмечая, что культура и образование должны «содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами» (ст. 26), принимая во внимание соответствующие международные акты, «испытывая чувство тревоги в связи с участвовавшими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах, а также актами насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений, представляющими угрозу делу укреплению мира и демократии на национальном и международном уровнях и являющимися препятствиями на пути развития», Генеральная конференция ЮНЕСКО в ноябре 1995 года приняла Декларацию принципов толерантности [159]. Данный документ явился основным, который обратил особое внимание на обязанность современных государств развивать и поощрять уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия по признаку расы, пола, языка, национальной

принадлежности, религии или состояния здоровья, и бороться с проявлениями нетерпимости. Декларация принципов толерантности провозгласила сделать все необходимое для утверждения идеалов толерантности в наших обществах, поскольку толерантность является необходимым условием мира и социально-экономического развития всех народов [159].

Декларация принципов толерантности предложила современное, систематизированное и конкретизированное понятие о толерантности, которое означает уважение, принятие и строгое понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Согласно положениям Декларации, толерантность – это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Согласно современным представлениям, толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Согласно Декларации принципов толерантности, на государственном уровне толерантность требует справедливого и беспристрастного законодательства [159].

Принятию Декларации принципов толерантности предшествовал длительный путь развития мировой социально-философской и социально-правовой мысли. Принципы толерантности развивались и опосредованно заявлялись во многих документах, касающихся осмыслению социально-правовых основ толерантности и мультикультурализма в различных областях социальной жизни [395-а]. На пути к правовому упорядочению отношений в гуманитарной сфере современного мультикультурного сообщества в 1990 году был принят беспрецедентный документ, положивший начало правовой организации в социокультурном пространстве на уровне признания

равноправия народов – «Всемирная декларация об образовании для всех и рамки действий для удовлетворения базовых образовательных потребностей». Относясь непосредственно к сфере образования, тем не менее, этот документ сделал важный шаг на пути к осуществлению толерантных отношений между народами во всем социокультурном пространстве. Иллюстрацией к этому являются, в частности, следующие положения «Всемирной декларации об образовании для всех...»:

- всем людям – детям, молодежи и взрослым предоставляются возможности получения образования, предназначенного для удовлетворения их базовых образовательных потребностей;

- удовлетворение этих потребностей наделяет индивидуумов в любом обществе правами и возлагает на них ответственность за уважение к своему общему культурному, языковому и духовному наследию, ... терпимое отношение к социальным, политическим и религиозным системам, отличным от их собственных систем, при обеспечении соблюдения общепризнанных гуманистических ценностей и прав человека...;

- базовое образование должно предоставляться всем детям, подросткам и взрослым... необходимо ... принимать меры по сокращению неравенства;

- необходимо прилагать активные усилия для устранения диспропорций в образовании. Группы, обделенные в плане предоставления образовательных услуг: бедные; беспризорные и работающие дети; сельское население и население, проживающее в отдаленных районах; кочевники и трудящиеся-мигранты; группы коренного населения; этнические, расовые и языковые меньшинства; беженцы; лица, перемещенные в результате военных действий, и люди, живущие в условиях оккупации, – не должны подвергаться какой бы то ни было дискриминации в плане доступа к образованию [327].

После принятия «Декларации принципов толерантности» в 1995 г. мировое сообщество все больше обращает внимание на упорядочение отношений, связанных с культурным многообразием современного мира. В этой связи огромную роль предлагается играть социокультурному пространству. Так,

десятилетие с 1995 по 2004 г. ООН было объявлено десятилетием образования. Участники Всемирной конференции по правам человека в Венской декларации и Программе действий заявили, что профессиональная подготовка и распространение информации в области прав человека очень важны для продвижения и достижения стабильных и гармоничных отношений среди сообществ и для обеспечения взаимопонимания, терпимости и мира [116, с. 71–75].

Следуя основным положениям Декларации толерантности и развивая мысль о путях обеспечения взаимопонимания, терпимости и мира, в 1997 г. в Гамбурге была принята Гамбургская декларация об обучении взрослых (14–18 июля 1997 года). В документе, в частности, говорится: «только развитие, нацеленное на удовлетворение потребностей человека, и общество, основанное на широком участии населения и на полном уважении прав человека, позволят обеспечить устойчивое и справедливое развитие. Без осознанного и эффективного участия мужчин и женщин во всех сферах жизни человечество не выживет и не справится с задачами будущего. ...образование взрослых это не только право; это — один из ключей, открывающих дверь в XXI век. Обучение на протяжении всей жизни подразумевает переосмысление содержания образования с целью учета таких факторов, как возраст, равноправие мужчин и женщин, физические и умственные недостатки, язык, культура и экономическое неравенство... Конечная цель заключается в том, чтобы создать обучающееся общество, приверженное идее социальной справедливости и общего благосостояния» [171].

Об этом же говорит собрание Всемирного форума по образованию в Дакаре, Сенегале, 26–28 апреля 2000 г. Итоговый документ этого события — «Дакарские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших коллективных обязательств». В нем, в частности, говорится, что участники Всемирного форума по образованию заявляют о своей приверженности достижению целей и решению задач образования для всех, для каждого гражданина и каждого общества. Указано, что образование, будучи одним из

основных прав человека, является ключом к устойчивому развитию, миру и стабильности внутри стран и в отношениях между ними и этого служит необходимым средством для эффективного участия в жизни обществ и в экономике XXI века, которые затронуты глобализацией [153].

Напрямую касается мультикультурных проблем современности Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года, которая содержит Основные направления плана действий по осуществлению данной Декларации. В частности, документ предлагает:

- поощрение обмена знаниями и наиболее эффективной практикой в области культурного плюрализма с целью содействия созданию в неоднородных обществах условий для интеграции и участия в его жизни людей и групп, имеющих разные культурные корни;

- поощрение языкового разнообразия – при сохранении уважения к родному языку – на всех уровнях образования везде, где это возможно, а также изучение нескольких языков с самого раннего возраста;

- содействие осознанию позитивной роли культурного разнообразия и совершенствование в этих целях разработки школьных программ и подготовки преподавателей;

- включение по мере необходимости в процесс обучения традиционных педагогических подходов с целью сохранения и оптимизации свойственных той или иной культуре методов коммуникации и передачи знаний;

- борьбу...за преодоление «цифрового разрыва» путем расширения доступа развивающихся стран к новым технологиям, оказания им помощи в освоении информационных технологий, ...и упрощения доступа к мировым цифровым ресурсам образовательного, культурного и научного характера [118].

Одним из последних международных документов, охватывающих область гуманитарных отношений в мультикультурной среде глобализованного общества, стала Политическая декларация совещания Генеральной Ассамблеи высокого уровня в ознаменование десятой годовщины принятия Дурбанской декларации и Программы действий «Вместе против расизма, расовой

дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», принятая в Нью-Йорке 22 сентября 2011 года. Среди других положений Декларации, в частности, указывается, что:

- равенство и недискриминация являются основополагающими принципами международного права;
- именно на государствах лежит главная ответственность за эффективную борьбу против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости;
- страны-участницы заявляют о решимости сделать борьбу против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и защиту жертв этих явлений высокоприоритетной задачей для наших стран [354].

Проанализировав наиболее важные вехи в международном праве относительно вопросов межкультурных связей и отношений, можно прийти к выводу, что все международные документы в области осуществления толерантных отношений в мультикультурной среде в целом, и социокультурном пространстве, в частности, представляют собой чрезвычайно высокие стандарты. Однако, осознавая существующие мировые реалии, можно признать, что данная социально-правовая концепция представляет собой стандарт, которому не может соответствовать на сегодняшний день ни один реально существующий режим. С одной стороны это – стандарт, требующий абсолютной толерантности, с другой стороны – все эти положения могут быть осуществимы лишь при непризнании никаких стандартов.

Мировые социальные и правовые изменения имеют отражение в той принципиально новой атмосфере, которая сложилась за последние годы в социокультурном пространстве нашей страны. Общественные перемены в Украине, ознаменованные трансформациями в проявлениях государственной независимости, полным отказом от пережитков тоталитарной модели политического устройства, обусловили качественно новую ситуацию в духовной жизни народа. За достаточно короткое время состоялась

переориентация миллионов людей на те мировоззренческие и морально-этические ценности, которые раньше отбрасывались общеобязательной идеологией. Законодательное закрепление и обеспечение гарантированных возможностей практической реализации прав и свобод личности способствовали кардинальным изменениям в сфере личностной реализации жителей Украины, как в количественном, так и в качественном измерениях. Неуклонное соблюдение апробированных международным опытом принципов толерантности и мультикультурализма как неотъемлемых прав человека является неременным признаком гражданского общества. Для украинского государства это означает условие его полноценной интеграции в международное сообщество, а также является одним из средств достижения внутренней стабильности в обществе. Невзирая на всю сложность и неоднозначность современных процессов общественной жизни, украинский социум осознает необходимость утверждения общепризнанных норм в области мультикультурных связей и толерантных отношений. Однако украинское законодательство не содержит документов, прямо отвечающих на вопросы урегулирования проблем в области реализации принципов толерантности и мультикультурализма. Законы Украины лишь опосредованно определяют возможности в реализации данных принципов общественного устройства на практике. Прежде всего, это выражается в законах о правах и обязанностях человека и личности. Это подтверждает и признание Украиной основополагающих принципов прав человека, ратификацию международных документов, приведение в соответствие с ними национального законодательства и включение этих положений в программные документы большинства политических партий и общественных объединений, последовательное отстаивание государством Украины цивилизованных подходов к проблемам сосуществования представителей различных культур в самом широком смысле этого слова. Вместе с тем проблемы, связанные с осуществлением принципов толерантности в мультикультурной среде, напрямую увязываются с вопросами мировоззренческих прав и свобод, которые

остаются важным заданием правового урегулирования в украинском государстве.

Конституционная гарантия прав гражданина Украины содержится в Конституции Украины 1996 года. Как это следует из ее Преамбулы, обеспечение прав и свобод человека, а также их гарантии определяют смысл и направленность деятельности государства. 21 февраля 2014 года ВР приняла Закон о возврате к Конституции 2004 г. Данный Закон был принят в соответствии с Соглашением об урегулировании кризиса в Украине. Конституция Украины 2004 года закрепила высокие международные стандарты в области прав и свобод человека, в том числе тех, которые касаются прав в области мировоззрения. Таким образом, нормы Европейской социальной Хартии прав человека стали неотъемлемой частью законодательства Украинского государства [140, 254].

Специфика современного состояния украинского общества, как и задачи правовой системы Украины относительно демократизации общественной жизни, построения правового государства, обуславливают приоритет таких подходов к реализации свободы мировоззрения, которые прошли апробацию общественно-исторической практикой человечества, стали критериями прогрессивного развития государств с установившейся формой демократии. Действующее национальное законодательство по вопросам мировоззренческих свобод прошло экспертизу авторитетными международными организациями. Так, в частности, ряд международных конференций, круглых столов, коллоквиумов, которые проходили в Украине, были единодушны в выводах, что принципы организации духовной жизни нашей страны отвечают демократии, удовлетворяют права и свободы человека, базируясь на многовековом наследии урегулирования отношений, учитывают исторические уроки как позитивного, так и негативного опыта таких отношений.

Проблемы мировоззренческих прав и свобод напрямую связаны с осуществлением принципов толерантности в такой мультикультурной стране, какой является Украина. Вопросам обеспечения мировоззренческих свобод в

Конституции Украины посвящен ряд статей. В статье 11 определяется обязанность государства содействовать консолидации и развитию украинской нации, ее исторического сознания, традиций и культуры, а также развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех национальных меньшинств Украины. Гарантируется также сохранение религиозной самобытности национальных меньшинств как составной части украинского народа, право их представителей пользоваться достижениями своей культуры, исключая дискриминацию в какой бы то ни было форме [254].

В статье 34 Конституции гражданам гарантируется право на свободу мысли и слова, а в статье 35 – право на свободу совести и религии. Нормы этих статей полностью соответствуют требованиям Всеобщей декларации прав человека, Европейской Конвенции о защите прав человека. Прежде всего, это право на свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно вести религиозную деятельность. Однако нужно признать, что часть 2 ст. 35 Конституции налагает ограничение на вышеизложенное право, которое может быть осуществлено лишь в рамках закона, в интересах охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других людей, что соответствует ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и п. 2 ст. 9 Конвенции [418].

Базовым законом в сфере обеспечения мировоззренческой свободы в Украине является Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» от 23 апреля 1991 года, с изменениями и дополнениями. Закон «О свободе совести и религиозных организациях» определил принципиально новое правовое пространство для развития конфессий в стране. В социально-философской литературе роль этого законодательного акта, как правило, оценивается весьма комплиментарно. При этом в качестве главного достоинства закона обычно указывают на его либеральный характер [194].

С целью развития отдельных положений Конституции и для более широкого и гарантированного обеспечения прав и свобод граждан положения,

касающиеся свободы мировоззрения, включены в ряд других законов Украины. Правовую связь личности и Украинского Государства определяет Закон Украины «О гражданстве Украины» от 8 октября 1991 года, с некоторыми его изменениями и дополнениями [200]. Все лица, которые проживали и проживают на территории Украины, пользуются в полной мере равными правами независимо от их мировоззрения, что полностью соответствует Всеобщей декларации прав человека и Конвенции [117]. Права граждан в данной области подкреплены еще одной чрезвычайно важной гарантией. Статья 4 Закона о гражданстве предоставляет каждому право воспользоваться всем богатством демократического достояния Европы и всего мира. Таким образом, международные договоры Украины имеют приоритет перед национальным законодательством, а потому если международные договоры устанавливают иные правила, чем те, которые содержатся в этом Законе, то применяются статьи международного права [200].

Для Украины, пережившей тоталитарный режим, проблема толеранизации общества осуществляется также и через мероприятия по национальному примирению разных поколений и слоев населения. 17 апреля 1991 года Верховная Рада Украины приняла Закон «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине». Согласно статье 3 указанного Закона получили реабилитацию все граждане, которые были репрессированы по социальным и религиозным мотивам. Этот Закон восстановил реабилитированных во всех общественных правах, в том числе и в праве проживания в тех населенных пунктах и местностях, где они проживали до репрессий, распространив это право и на членов их семей [193].

Особая роль в толеранизации отношений между личностью и обществом принадлежит вопросам воинской повинности. Согласно Закону Украины «Об общей военной обязанности и военной службе» от 25 марта 1992 г., с изменениями и дополнениями, и в последней редакции от 06. 05. 2014 г. гражданам, во-первых, разрешается альтернативная (невоенная) служба по религиозным мотивам; во-вторых, предоставляется возможность отсрочки от

призыва на срочную военную службу по решению районной (городской) призывной комиссии для тех, кто учится во всех духовных учебных заведениях; в-третьих, освобождаются от призыва на срочную военную службу или невоенную службу граждане, имеющие духовный сан и штатную должность в одной из зарегистрированных религиозных конфессий [196, 201]. Также в Конституции четко отмечено, что в случае, если выполнение военного долга граждан противоречит их религиозным убеждениям, то воинский долг может быть заменен альтернативной (невоенной) службой [196, 201]. Конституционная гарантия этого закреплена в Законе «Об альтернативной (невоенной) службе», (1991 г.), который обеспечивает данные права граждан. Это еще раз свидетельствует об ответственности Украинского государства перед своими гражданами в сфере обеспечения их прав и свобод и демонстрирует реальную демократическую политику страны, согласованную с рекомендациями Совета Европы.

Политическая деятельность народа как первоисточника власти, независимо от характера деятельности людей, их национальной, культурной или религиозной принадлежности регламентируется Законом Украины «Об объединениях граждан» от 16 июня 1992 года, с изменениями и дополнениями, внесенными впоследствии. Согласно данному Закону, объединения граждан не подлежат легализации, а деятельность легализуемых объединений граждан запрещается в судебном порядке, когда их целью является разжигание национальной и религиозной вражды или же ограничение признанных прав человека (ч. 1 ст. 4) [199].

Наряду с законами, непосредственно отражающими вопросы урегулирования отношений в области мировоззрения, что включает в себя проблемы прав и свобод личности, свободы совести, мультикультурных связей и отражения этих вопросов в социокультурном пространстве, освещают пути толеранизации украинского общества такие документы, как: «Декларация прав национальностей Украины» (2013 г.), а также Законы Украины «О национальных меньшинствах в Украине» (1992-2014 г.г.), «О правовом статусе

иностранцев и лиц без гражданства» (2012-2014 г.г.), «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите» (2011 г.), «О принципах предотвращения и противодействия дискриминации в Украине» (2013 г.) и другие Законы [189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200].

Так, в «Декларации прав национальностей Украины», в частности, заявляется, что «Украинское государство гарантирует всем народам, национальным группам, гражданам равные политические, экономические, социальные и культурные права...». Для социокультурного пространства важно, что Украинское государство гарантирует всем национальностям право на сохранение их традиционного расселения и обеспечивает существование национально-административных единиц, берет на себя обязанность создавать условия для развития всех национальных языков и культур.«Украинское государство гарантирует всем национальностям право создавать свои культурные центры... Эти организации могут осуществлять деятельность, направленную на развитие национальной культуры» [160].

Закон Украины «О национальных меньшинствах в Украине» гарантирует всем национальным меньшинствам права на национально-культурную автономию. Прямое влияние этого фактора на социокультурную сферу содержится в том, что гарантировано «обучение на родном языке или изучение родного языка..., развитие национальных культурных традиций, использование национальной символики, исповедание своей религии, удовлетворение потребностей в литературе, искусстве, средствах массовой информации, создание национальных культурных и учебных заведений и другая деятельность, которая не противоречит действующему законодательству... Государство принимает меры для подготовки педагогических культурно-просветительских и других национальных кадров через сеть учебных заведений. Государственные органы на основе межгосударственных соглашений способствуют национальным меньшинствам в подготовке

специалистов в других странах... Памятники истории и культуры национальных меньшинств на территории Украины охраняются законом» [190].

Закон «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» также имеет отражение в социокультурном пространстве общества. Этот Закон говорит о правах людей, прибывших в Украину, в том числе, с целью культурных связей и обучения и получивших вид на жительство. Они «считаются таковыми, что на законных основаниях находятся на территории Украины...», и, следовательно, обладают всеми правами и обязанностями граждан Украины на этот период [191].

Закон о «Правах и обязанностях беженцев и лиц, нуждающихся в дополнительной защите» также увязывается с правами личности на социокультурное развитие, т.к. обеспечивает право на: «передвижение, свободный выбор места жительства, ... здравоохранение, ... образование, ... свободу мировоззрения и вероисповедания» [189].

Особое место в разрешении вопросов толерантных отношений в украинском социокультурном пространстве принадлежит Закону «О принципах предотвращения и противодействия дискриминации в Украине», действие которого распространяется на всех лиц, находящихся на территории Украины. Также данный Закон распространяется на следующие сферы общественных отношений: общественно-политическая деятельность; государственная служба; правосудие; трудовые отношения; здравоохранение; образование; социальная защита и на другие сферы общественных отношений... [192].

Необходимо признать, что действие принципов толерантности применимо не только в рамках межнациональных, межрелигиозных, межкультурных и т.п. отношений. Реализация принципов толерантности в Украине распространяется также на граждан, совершивших противоправные действия. Для законодательного обеспечения толерантных отношений к таким лицам в Украине существует Закон «О социальной адаптации лиц, отбывающих или отбывших наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок». В части, касающейся социокультурных вопросов, с целью

защиты этих граждан, а также приспособления их к социальной среде обеспечивается «предоставление лицам, отбывающим наказания, с целью их дальнейшей социальной адаптации возможности в овладении социально необходимыми профессиями с учетом потребностей национальной экономики» [195].

Для осмысления правового обеспечения принципов толерантности в украинском законодательстве значение имеет Закон Украины «О защите общественной морали». В частности, данный Закон запрещает «производство и распространение продукции, которая ... пропагандирует войну, национальную и религиозную вражду ... унижает или оскорбляет нацию или личность по национальному признаку ... пропагандирует изуверство, кощунство, неуважение к национальным и религиозным святыням...» [204].

Весомым показателем осуществления толерантных отношений в мультикультурной среде является уровень образованности нации. В свою очередь уровень и качество образования нации в значительной мере зависят от того, открытой ли является национальная система образования; способна ли она органически включать в себя лучшие образцы мирового опыта; максимально используется ли весь, без изъятий, духовно-исторический опыт самой нации с привлечением к образовательным и воспитательным процессам всех пластов национальной интеллектуальной элиты, или же напротив, система является догматически закостенелой, подобно тому, как это было в определенных областях образования при тоталитарном режиме. Особенно ощутимым это было в гуманитарной сфере, которая ссылалась на идеологию, не считаясь с новыми реалиями развития общества. Как видно из анализа действующего законодательства Украины относительно прав и свобод личности, и мировоззренческих свобод, большое внимание уделяется вопросам формирования образовательного уровня нации в рамках развития социально-правовых основ общества.

Украина приняла Закон «Об образовании» 23 мая 1991 года, который в части обеспечения прав человека на образование находится в полном

соответствии с требованиями международного законодательства, отвечает высоким мировым стандартам, гарантируя права всех граждан Украины на бесплатное образование в государственных учебных заведениях. Данный Закон подтверждает также право религиозных организаций иметь собственные учебные заведения, что полностью удовлетворяет международным нормам (ст. 9), а также утверждает субъектами учебно-воспитательного процесса священнослужителей наравне с деятелями науки, культуры, работниками государственных и общественных организаций, что возвращает священников в лоно национальной интеллигенции (ст. 23) [198, 202]. Вопросы толеранизации общественных отношений в сфере образования артикулированы в Законах Украины «О всеобщем среднем образовании» 1999 г., с различными дополнениями вплоть до 2012 г. и в Законе Украины «О высшем образовании» 2002 и до 2014 года. Иностранцы и лица без гражданства, которые находятся в Украине, получают полное среднее образование в порядке, установленном для граждан Украины [202, 203].

В системе рассуждений о проблемах толерантности в мультикультурных сообществах законодательство Украины в социокультурной сфере коррелируется с вопросами языковой политики. Законодательство Украины о языках состоит из Конституции Украины, Декларации прав национальностей Украины, закона Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», и других законов Украины, а также международных договоров, регулирующих вопросы использования языков. Несмотря на сложности и неоднозначные события, развернувшиеся вокруг языкового вопроса в Украине, нужно отметить положение Закона о языковой политике: «гражданам Украины гарантируется право получения образования на государственном языке и на региональных языках или языках меньшинств. Это право обеспечивается через сеть дошкольных детских учреждений, общих средних, внешкольных, профессионально-технических и высших государственных и коммунальных учебных заведений с украинским или другими языками обучения...» (ст. 20). Что касается языка науки, то

«государство способствует созданию соответствующей языковой инфраструктуры, включающей возможность использовать в научной деятельности государственный, региональный язык или язык меньшинств, другие языки, в том числе иностранные, читать на этих языках научную литературу, проводить научные мероприятия, публиковать результаты научно-исследовательских работ и научные издания.... Результаты научно-исследовательских работ оформляются на государственном, региональном языке или языке меньшинств...» (ст. 21) [206]. На наш взгляд, данные положения отражают вопросы о билингвизме и полилингвизме в современном образовательном пространстве стран мира [36, 42]. Для урегулирования социокультурных отношений, по нашему мнению, необходимо внесение в качестве законодательной инициативы принятие билингвизма и полилингвизма как части социально-культурной концепции для Украины, что может быть выражено, в том числе, в выборе языка преподавания в учебных заведениях самого разного уровня.

В свете решения проблем толеранизации общества средствами гуманитарной политики в Украине следует отметить Декларацию «Об общих основах государственной молодежной политики в Украине», принятую Законом Украины от 15 декабря 1992 года. Вопросы мультикультурных связей и толерантных отношений и здесь находят свое воплощение: «государственная молодежная политика распространяется на граждан Украины в возрасте от 14 до 28 лет независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий ... » (П. 5.Р. II) [156].

В свете политических событий в Украине в феврале-апреле 2014 г. Верховная Рада 15 апреля приняла Закон «Об обеспечении прав и свобод граждан на временно оккупированной территории Украины». Согласно данному Закону Украина принимает все необходимые меры относительно гарантирования прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных Конституцией и законами Украины, международными договорами всем

гражданам Украины, которые проживают на временно оккупированной территории Украины. Украина обязуется поддерживать и обеспечивать экономические, финансовые, политические, социальные, информационные, культурные и другие связи с гражданами Украины, которые проживают на временно оккупированной территории. Граждане Украины имеют право на свободный и беспрепятственный въезд и выезд с временно оккупированной территории при условии предъявления документа, который подтверждает гражданство Украины [197].

Политические события 2014 г. в Крыму и на юго-востоке Украины не могли не отразиться в законодательстве страны, касающемся социокультурных вопросов. Так, 21.03.2014 года был принят проект Постановления «Об обеспечении доступности получения высшего образования абитуриентами и студентами высших учебных заведений из Автономной Республики Крым и города Севастополя» [332]. В частности, в нем говорится о необходимости «обеспечить беспрепятственный прием по государственному заказу в высшие учебные заведения Украины всех абитуриентов, которые имели постоянное место жительства на территории Автономной Республики Крым и города Севастополя... с обязательным предоставлением общежития на время учебы. А также – «обеспечить перевод студентов высших учебных заведений из Автономной Республики Крым и города Севастополя в высшие учебные заведения Украины,... в том числе за счет перераспределения вакантных мест...» [197].

Министерство образования и науки Украины также выступает за продолжение деятельности украинских образовательных учреждений на территории Крыма. МОН просит оставить государственные лицензии образовательным учреждениям Крыма. Министерство образования и науки продолжает настаивать, чтобы украинские образовательные учреждения продолжали свое функционирование на оккупированной территории, как и раньше, – в привычном режиме. «Образовательные учреждения, которые работают с украинскими программами, не должны исчезать из Крыма» [314].

Результатом этой политики стало возобновление деятельности Таврического национального университета им. В. Вернадского с центром в г. Киеве.

Заключая анализ действующего мирового и украинского законодательства, прямо и опосредованно посвященного вопросам мультикультурных связей и толерантных отношений в мультикультурной среде, а также проблемам практической реализации парадигмы толерантности и мультикультурализма в социокультурном пространстве Украины, следует признать, что европейское и мировое законодательство выставляет высокие требования к гарантии прав личности и гражданина. Значительная часть законов Украины в области прав человека соответствует нормам международного права. Законодательство Украины, опосредованно определяющее реализацию идеи толерантности и мультикультурализма в Украине, включая часть, касающуюся социокультурных вопросов, отвечает этим нормам. Украинское государство не только декларирует, но и гарантирует права на свободу и принятие личностных проявлений в самых различных областях, и в социокультурной сфере, в том числе, имея для этого соответствующие механизмы.

В настоящее время остро стоит проблема быстрой интеграции Украины в мировое содружество. Фактор мультикультурных связей и толерантных отношений и их практической реализации, в том числе, и в сфере социокультурной политики играет здесь значительную роль. Поэтому так актуальна активная исследовательская и законотворческая деятельность в области концептологии социокультурного пространства, которая бы учитывала мультикультурную и этноконфессиональную специфику нашей страны, способствовала улучшению взаимоотношений между различными слоями общественного устройства, в том числе, и в социокультурной сфере. Однако при этом недопустимы любые отступления от закона в ориентации на лучшие мировые стандарты при осуществлении прав и свобод граждан. Эти задачи должны быть решены в процессе реализации и законодательного закрепления демократических принципов толерантности и мультикультурализма в

общественной жизни современной Украины в целом, и в области социокультурных отношений, в частности. Решению данных вопросов должна служить выработка основных направлений по реализации парадигмы толерантности и мультикультурализма в социокультурном пространстве Украины.

Идея мультикультурализма и развития толерантных отношений в мультикультурной среде, в той степени, в какой она отражает социально-философскую позицию, сообщает о необходимости признания, а не подавления культурного многообразия. Это знаменует собой направление развития в сторону концепции открытого общества. Путь выработки социокультурных ценностей и их правового обеспечения приобретает при данных условиях для Украины огромное практическое и социокультурное значение.

5.3. Развитие парадигмы мультикультурализма и толерантности как фактор прогресса социокультурного пространства современного украинского общества

Глобализированные изменения в современном обществе представляют собой сложное взаимодействие глобального и локального измерений социальных процессов. В этих условиях именно гуманитарно-духовная сфера с применением новейших социокультурных концепций призвана нейтрализовать негативное воздействие на человеческую личность глобализационных воздействий, гармонизировать бурно складывающееся соотношение явлений универсализации и индивидуализации в современном развитии личностей и обществ и превратить эти феномены в фактор прогресса современного общественного сознания.

В индустриальном обществе главная роль принадлежала промышленности, предпринимательству, что повысило значение для общества дифференцирующей функции социокультурного пространства. В этот период сословные рамки разрушались, появились возможности путем получения культурных навыков и образования достичь высокого положения в обществе.

При этом культура, образование, доступ к правовым документам, возможность обращения к различным формам религиозности, разнообразные средства информации стали более доступными по сравнению с традиционным обществом. Однако социальное происхождение, экономические средства и политическое влияние остаются достаточно сильными средствами для расслоения социума. В отличие от индустриального, постиндустриальное общество вперед выдвигает сферу услуг, главная роль начинает принадлежать знанию, университетам, науке, методам приобретения и передачи информации. Развитие глобальных информационных сетей в целом меняет образ жизни большинства людей. Возникает новейшая социальная общность: информационное сообщество, которое пренебрегает традициями бытийности, сложенные на протяжении веков. Данное информационное пространство продуцирует новые общественные отношения, которые характеризуются открытостью, зрелостью социальной организации, наличием разнополярных общественных воззрений. Повышается роль социокультурных факторов в условиях социальной мобильности, структурировании общественного пространства. При этом развитие социальной компетенции не является свидетельством достижения статуса, хотя играет заметную роль в социальной системе и ведет к усилению самореализации отдельных личностей [220].

Создание единого европейского, а в перспективе и мирового социокультурного пространства становится необходимым в свете становления в настоящее время единого глобального экономического пространства и единого информационного пространства. При этом вероятно, что все известные и уже сформированные социокультурные концепции в значительной мере сохранятся, но приобретут новые возможности, а также необходимо возникнут новые концепты, новые варианты и разновидности социокультурной философии. В последние годы мировые и украинские социокультурные исследования более всего направлены на изучение ценностных ориентаций личности и социума, философских аспектов трансформации социума. Философские проблемы личности исследуются как политическая

самоидентификация личности, самореализация личности, политическая социализация личности, проблема самоутверждения личности. Социальные проблемы рассматриваются как социальный механизм трансформации, межнациональные отношения, метафизические факторы социальной динамики. Отдельно в социокультурном знании Украины вынесены проблемы и социальные детерминанты развития интеллектуально-образовательной сферы в контексте социально-философского анализа. В русле собственно философских исследований лежат изучение политической организации общества, принципов системности в философском знании, вопросы философской критики и философской пропедевтики. Этими и другими составляющими социокультурного знания в настоящее время занимаются ученые в Украине и на постсоветском пространстве: Боринштейн Е., Гедикова Н., Головаха Е., Добролюбский А., Добролюбская Ю., Еременко А., Ершова-Бабенко И., Заславская Т., Кавалеров А. И., Каган М., Катаев С., Конох Н., Левяш И., Лисеенко Е., Маркин Ю., Муляр В., Мысик И., Несторенко Г., Окороков В., Панина Н., Пунченко О., Резник О., Романенко М., Рубинштейн С., Ручка А., Скловский И., Халапсис А., Цибра Н., Чхеайло И., Ядов В.

Влияние факторов социокультурного развития на социум и отдельные личности видится в прямой зависимости от уровня социализации, социокультурных типов личности, преобладающих в данном конкретном обществе. Для современной Украины наиболее важными факторами социокультурного развития можно считать: социально-экономическую жизнь общества, мораль как регулятор социального поведения, ценностные ориентации общества и личности, социокультурную реальность, культурные универсалии, образовательную сферу общества, правовые концепты общественных отношений, социально-религиозную сферу, информационную сферу общества. Эти факторы социокультурного развития можно принимать также в качестве структурных составляющих социокультурного пространства эпохи постмодерна.

Социально-экономическая жизнь выступает как сложное взаимодействие объективной и субъективной сторон социальной жизни. В объективных интересах людей выражено то, что им объективно полезно. Субъективная сторона экономической жизни выражается в любых субъективных восприятиях тех или иных экономических явлений и субъективных представлениях о них. При этом представления об особенностях экономической жизни непременно отразятся на самореализации личности, тем более, если названный процесс будет происходить в условиях социальных изменений. Необходимо добавить, что в украинском обществе коренная ломка старой (коммуно-социалистической) экономической модели и замена ее на модель «дикого капитализма» привела к огромному социокультурному разрыву между поколениями, буквально «разорвавшему» страну на разные лагеря в плане различного социокультурного понимания возможных способов достижения экономического достатка [224].

Мораль как один из факторов влияния социокультурного развития на социум и отдельные личности может сгладить разницу между различными социально-экономическими и социально-культурными группами при условии удачной направленности на гуманизацию взаимоотношений. В социально-личностной сфере мораль носит всеохватывающий характер. При этом мораль предоставляет возможность для постоянного нормотворчества людей, в котором основной фигурой будет индивид, выступающий как творец своего бытия. Это особенно важно при социокультурных трансформациях общества, когда регулятивная, ценностно-ориентационная и социализирующая стороны морали проявляются прежде всего. В этом случае социокультурная реальность будет наиболее полным выразителем результатов социокультурной трансформации, являясь процессом функционирования культуры в системе социальных отношений [138].

По мнению Е. Р. Боринштейна, социокультурная реальность – это зафиксированная в показателях и характеристиках способность культуры влиять на социальное развитие [90]. Действительно, находясь на границе

социального и культурного, социокультурная реальность является своеобразной пограничной зоной их взаимодействия, полигоном испытания возможностей сотрудничества и понимания для личностей, социальных групп, общества. Новая социокультурная реальность Украины имеет возможность фиксировать современные социокультурные проблемы государства, синтезировать приоритеты развития, предлагать выход из ситуации социального хаоса на основе социокультурной картины мира, гуманистического отношения к действительности.

Особую роль в развитии новейших социокультурных концепций будут играть культурные универсалии. Имея свои био- и психосоциальные предпосылки, эти феномены принципиально трансформированы культурой и обладают для людей самоценным смыслом [278]. Культурные универсалии символизируют ценностные отношения между людьми, предоставляя возможность построить иерархическую лестницу системы ценностей общества в конкретный исторический период.

Существует мнение, что современный период развития украинского социума привел к проблеме не востребованности как самого человека, так и его профессиональных качеств. В результате высокое развитие социальных флуктуаций вызвало прогрессирование массовой аномии. Неудовлетворенность личности, ее чувство ненужности приводит к весьма негативным последствиям для общества, когда уровень интолерантности поднимается выше всяких пределов [344, с. 5–26]. Лучшим выходом из данной ситуации видится структурирование и реформирование системы ценностных ориентаций, становление личностных ценностей, основанных на идеалах свободы мировоззрения, на взаимоуважении, взаимодействии и взаимообмене позитивными характеристиками, формирование ментального фундамента смысла жизни.

В украинском обществе в период кризиса и сложных трансформаций сложилась разносторонняя социокультурная ситуация, характеризующаяся острым конфликтом между старым и новым. Этот конфликт осложняется

состоянием аномии, когда старые нормы и ценности не работают, а новые не успели сложиться. К тому же система социальных санкций или бездействует, или относится к людям и социальным группам крайне избирательно. Конечно, аномия в любом случае характерна для периода социальной трансформации. Однако уровень аномии является значительным показателем возможностей преодоления деструктивного состояния любой социокультурной системы. Переход Украины от тоталитарного общественного устройства к демократизации, стремление украинского народа построить демократическое государство предоставляют надежду на успешное преодоление аномии [377, с. 6–15].

Нужно признать, что стремление украинской нации к мировоззренческим и личностным свободам привело к значительному росту социальной активности. Люди оказались включенными в процесс взаимодействия, взаимообмена мнениями, что вызвало обмен идеалами, потребностями, интересами. Можно согласиться с мнением Е. Р. Боринштейна, что данное обстоятельство может повлечь за собой и «взаимобогащение социокультурными, языковыми, этническими ценностями, когда проблема самореализации личности будет решена с помощью взаимной социальной адаптации» [89, с. 18–24].

В системе ценностей постмодерна первоочередное значение имеет гуманизация общества как основополагающая ценность, основу которой составляет чувство экзистенциальной безопасности. Такая точка зрения основывается на гуманном отношении личности к: 1) самой себе; 2) другому человеку; 3) обществу; 4) будущему; 5) самым незащищенным членам общества. В этой связи неопределимыми представляются принципы мультикультурализма и толерантности, лежащие в основе отношения к другим людям, другим социальным, культурным, этническим, языковым группам. Согласно мультикультурно-толерантной парадигме принимается в современном обществе во внимание ценность и самоценность иных, зачастую противоположных взглядов. Толерантность отдельного индивида основывается на понимании ущербности дискриминационной точки зрения, на признании

человека самой значительной ценностью. Терпимость к иному с позиций мультикультурной парадигмы позволяет оценить многогранность человеческих интересов, так как возвышает ценность межличностных отношений [89, 18–24].

Новейшее общество в Украине, избирая основой своего бытия гуманизм, направлено на достижение компромиссов в социальном устройстве, используя принципы взаимоуважения, признания ценности «иного» жизневосприятия, иного социокультурного устройства. В связи с этим гуманное отношение личности к собственным запросам, к интересам и побуждениям окружающих порождает уверенность в возможности будущего. Гуманистическая направленность социокультурных процессов, несмотря на кризисное состояние украинского общества, определяется в отношении человека к своей личности и к обществу. Более всего в настоящее время это отношение нуждается в развитии мультикультурно-толерантной парадигмы, что содействует гармонии и поступательному общественному развитию.

В рамках поступательного развития крайне необходимым представляется работа с предельными основаниями личности – мечтами, целями и т.п. – средствами социокультурного пространства. Одно из ведущих мест в таком представлении об основах социокультурного функционирования принадлежит сфере образования. Это обстоятельство основано на той колоссальной социальной нагрузке и огромном значении, которые имеют образовательные концепты для прогресса социокультурного пространства общества. При этом культуротворческий тип образования рассматривается как наиболее предпочтительный и отвечающий вызову времени, которому предстоит сменить ныне действующую «просвещенческую» парадигму образования. Это объединяется с новой цивилизационной целью – «образовательная система в следующем веке должна претерпеть трансформации, связанные с адаптацией к тому будущему, в котором в качестве аттрактора выступает устойчивое развитие...» [314]. Интересно, что методологической основой парадигмы т.н. «инновационного образования» является переориентация ценностных оснований в образовательных системах на фундаментальный научный

инструментарий гуманистического характера. Авторы данной образовательной парадигмы определяют инновационное образование как систему, способствующую развитию способностей личности для адаптации в новых условиях [476, с. 13–28].

Социально-философская и социально-культурная мысль в Украине также находится в русле современных тенденций осмысления вопросов образования и культуры, как средств устройства социальной жизни и важнейших составляющих общего социокультурного пространства страны [143, 148, 258, 445]. Современное видение социокультурных, социально-образовательных проблем основывается на достижениях украинской социальной, философской, образовательной и социокультурной теории, ведущими представителями которой являются Г. О. Балл, И. Д. Бех, С. У. Гончаренко, М. В. Гринева, А. В. Иванченко, В. Г. Кремень, Н. В. Кузьмина, В. О. Моляко, А. О. Реан, В. В. Рибалка, А. А. Сбруева, С. О. Сысоева, М. М. Солдатенков, М. Д. Ярмаченко и др.

Все сказанное в данном исследовании в отношении структурных составляющих глобального социокультурного пространства позволяет констатировать, что в украинских социокультурных подходах актуализируется современная интегративная парадигма, которая должна предусматривать интегрирование теоретических основ и практических результатов социально-философских и социокультурных исследований. В связи с этим можно очертить следующие разработанные в современной науке парадигмальные подходы, на основе которых представляется возможным построение современно-социокультурного пространства в Украине:

1. Подход диалога культур – Г. С. Батищев, М. М. Бахтин, В. С. Библер, П. Н. Донец, Р. Оливер, С. Г. Тер-Минасова, Э. Холл, и др. С позиций этого подхода процесс формирования личности базируется на диалогическом общении с многообразными историческими формами культуры (античности, средневековья, Нового времени), а также с идеями ученых-просветителей разных поколений и взглядов, которые взаимодействуют в едином

вневременном социокультурном пространстве. Все это предполагает формирование в каждой конкретной личности методологических представлений о мультикультурно-толерантных отношениях и связях как новейших феноменах эпохи глобализации.

2. Междисциплинарный подход. Результаты исследований синергетики, акмеологии, экологии, хронобиологии и других наук привели к пониманию универсальных и фундаментальных свойств мира. В контексте инновационно-синергетической методологии предусматривается использование в социокультурной деятельности внутренних тенденций развития личности человека как системы, начиная с которой следует проектировать пути развития этой системы.

3. Подход целостности объединяет принципы холистической, человекоцентрической, гармонизационной парадигм, интеграции и фундаментализации знаний – высшей формы выражения единства целей, принципов, содержания, организации социокультурного процесса. Теоретико-методологической основой социокультурной интеграции представляются главные философские концепции интеграции знаний – концепция единства мира и всеобщей взаимосвязи явлений.

4. Рефлексивный подход предполагает коренное изменение отношения общества к социокультурной действительности, а также инновационные изменения в профессиональной подготовке, что введет в такую реальность, где усматриваются возможности, которые необходимо превратить в реальные модели, системы социокультурного процесса через выбор, принятие решения, творческие поиски, ответственность поступков.

5. Человекоцентрический подход основан на доминантных во 2-й половине и в конце XX в. мегатенденциях развития мирового сообщества, что обусловило новую постиндустриальную фазу развития, ориентированную на высвобождение творческого потенциала человека от диктата техники, шаблонов поведения и потребительской идеологии. Этот подход связан с усилением ценностно-мировоззренческого аспекта социокультурной мысли.

6. Ноосферный подход. Переход культуры сообщества к ноосферно-природосоответствующим, биоадекватным принципам: экологизации (обращение к естественным способам восприятия информации), системности (опора на системные исследования), гармонизации (использование технологий и методик целостного восприятия мира и мышления), гуманизации (переход от технократической к социокультурной модели жизнедеятельности), инструментальности (способность использовать знания, умения и навыки во всех сферах жизни), личностно ориентированного социокультурного развития; опережающего социокультурного развития; экономичности социокультурного развития (построение и проведение технологий, которые не превышают необходимых социальных расходов и приводят к экономии времени, сил, средств); потенциальной интеллектуальной безопасности (выходит из недр целостного, здорового человека и базируется на природосоответствии, самоорганизации информации, инвариантности, когда работа с природными символами потенциально безопасна) [304, с. 32–35].

7. Подход инновационно-синергетического развития. Как указано в «Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу» и «Белой книге национального образования Украины», вхождение мира в научно-информационный тип прогресса предопределяет необходимость формирования человека с инновационным мышлением, инновационной культурой, способностью к инновационной деятельности. Важным представляется внимание к инновационно-синергетическим моделям социокультурного развития, характеризующимся системным введением комплексов методов и приемов, направленных на постоянное привлечение членов сообщества к активной учебно-познавательной деятельности, что характеризуется интенсивной многосторонней коммуникацией субъектов деятельности (Интеракцией), обменом информацией, результатами взаимодействия субъектов деятельности между собой [78, с. 141–145; 393].

Таким образом, учитывая имеющиеся цивилизационные императивы, можно сделать вывод, что в современной гуманитарной мысли Украины

социокультурное развитие видится ценностно ориентированным и предоставляет ценностно запечатленные знания, которые должны иметь не столько информационный характер, сколько направляться на формирование личности. С одной стороны, «следовать закономерностям бытия, космического логоса, а с другой – помогать личности достигать максимальной реализации своих собственных интересов и потребностей» [341].

Разумеется, различные парадигмальные подходы определяют неодинаковые пути видоизменения отдельных социокультурных систем и мирового социокультурного пространства в целом. Однако следует отметить общность позиций многих исследователей по поводу выхода из концептуального социокультурного кризиса. В целом, это возможно только путем полной замены господствующей социокультурной парадигмы, но никак не через усовершенствование ее частей. В связи с этим вызывает сомнение попытка поисков «компромиссной» социокультурной парадигмы. Столь же малоубедительны и попытки определения границ парадигмального подхода с опорой на социокультурные ценности, так как в этом случае лишь частично решается проблема выбора исходных положений развития социокультурной сферы. Более полные возможности, на наш взгляд, дает такой анализ перспектив развития концептологии социокультурного пространства, в основе которого лежат современные представления о Мире, Человеке и Способе их восхождения к Гармонии, поскольку только такой путь является созидательным для человечества [378, с. 82–87]. С этих позиций и следует обратиться к происходящей в современной социально-философской науке смене представлений мировоззренческого характера о социуме в целом, и о социокультурном пространстве, в частности – от «механистических» до «диалектических» и «синергетических».

Современные проекты теории и практики устройства постмодерного европейского и мирового социокультурного пространства, отражаясь в реалиях Украины, видятся основанными на двух исторических факторах – глобализации современного мира и трансформации украинского общества. Сегодня

переустройство социокультурного пространства, с одной стороны, делает необходимым, с другой стороны – создает предпосылки для перехода к новому типу социальных отношений. Социальная структура современного украинского общества зависит от направления сущности социальных трансформаций, суть которых – в изменении функциональных связей в обществе. Его основу, по нашему мнению, составляют:

1) изменение общественной формы всех основных социальных институтов – экономических, политических, культурных, образовательных; глубокое общественное реформирование основ и регуляторов, формирующих социальную структуру (она стала менее жесткой, подвижной);

2) трансформация основных компонентов социальной структуры – классов, групп и сообществ; восстановление их как субъектов собственности и власти; появление новейших экономических классов, слоев и страт с соответствующей системой социальных конфликтов и противоречий;

3) ослабление существующих в обществе стратификационных ограничений. Появление новых каналов повышения статусов, усиление горизонтальной и вертикальной мобильности.

«Открытие» Украины миру вследствие новых политических реалий, плюрализация и дифференциация политического, экономического, идеологического, религиозного и культурного пространства выдвинули на авансцену современной украинской действительности вопросы противодействия изоляционизму и нетерпимости, и, вследствие этого – осмысление и пропаганду идей сосуществования, мультикультурности, толерантности. Постмодерные изменения в мире и в нашей стране привели к критическому пересмотру представления о человеке, обществе и природе, выработанные еще во времена Просвещения и остававшиеся с тех пор неизменными. Сегодня, во времена перехода от техногенной цивилизации к антропогенной, пришло осознание несоответствия просвещенческой парадигмы реалиям современной жизни. Наступило время невиданного ранее процесса обесценивания сведений классической науки; мир внезапно лишился своей

прежней ясности, структурности, определенности. Сегодня практически все научное знание включило в систему своих рассуждений принцип неопределенности.

Развитие ситуации неопределенности резко изменило бытийные обстоятельства человека. По словам академика В.А. Лекторского, «...когда готовых решений нет и быть не может, когда нужно находить эти решения принимать их, нести за них ответственность... Поэтому задача учить творчеству, воспитывать самостоятельную личность, умеющую принимать решения и нести за них ответственность, умеющую критически мыслить, вести дискуссию, аргументировать и учитывать аргументы оппонента, выдвигается на одно из первых мест...» [272, с 4]. В результате отношения природы и человека начинают осмысляться в рамках идеи ко-эволюции, подразумевающей их совместную эволюцию. Происходят изменения в понимании человеческой свободы и общественного сознания – от проективно-конструктивного отношения к внешней среде к такому отношению, когда каждый принимает другого таким, какой он есть. Однако за взаимным признанием следует взаимодействие, носящее характер взаимной деятельности, «в результате которой оба они изменяются» [279, с. 27].

Повышение ранга принципа неопределенности автоматически способствовало повышению статуса принципа толерантности, так как стало очевидным, что нахождение адекватных решений в обозримом будущем невозможно без диалога с другим человеком, природой, обществом. Это сразу нашло свое отражение в повороте общества к данной проблеме, что выражается, по нашему мнению, в мысли о формировании нового типа личности, новой разновидности общественного сознания и невозможности этих трансформаций без колоссальных изменений в социокультурной сфере [18, с. 12–18].

Обращение к принципу толерантности применительно к рассуждениям о социокультурном пространстве связано также с тем, что в исследованиях не без оснований поднимается вопрос о парадигмальном кризисе социокультурной

жизни. При этом важно придерживаться представления о том, что понятие «социокультурная парадигма» служит для выражения целостной, объективной картины культурного мира человека, которая представляет его личность через призму приобщения к имеющимся ценностям с точки зрения следующих компонентов:

- научно-мировоззренческих и ценностных принципов, влияющих на выбор культурно-социальных и исследовательских программ;
- онтологических и антропологических идей, задающих способ постижения мира;
- соответствующих методов познания;
- способов накопления, переработки и передачи знания, а также вытекающих из них определенных методик воспитания и обучения» [370, с. 7–8].

Исходя из имеющихся данных исследований, можно признать, что постмодерная, новейшая социокультурная парадигма должна явиться основой для разработки социально-философских концепций социокультурного пространства эпохи глобализации, так как связывает в единое целое возможность ответы на вопросы философского содержания: «что такое мир», «что такое человек», «каковы взаимоотношения мира и человека», «каковы способы овладения знаниями о мире, человеке и способе их взаимодействия». Таким образом, представляется возможным говорить об освоении в социокультурном пространстве ценностей постмодерной философии культуры, что определяет основы новейшей социокультурной парадигмы. Сегодня, исходя из представлений о синтезе теоретических социальных теорий и трансформирующейся социокультурной действительности, в основу парадигмального подхода к трансформации социокультурного пространства в направлении прогрессивных изменений могут быть положены следующие тезисы:

- представление о социально-культурной жизни как сфере производства духовного и интеллектуального потенциала по наращиванию «человеческого

капитала», необходимого для решения социально-экономических проблем, меняется на представление о социокультурном пространстве, как сфере духовности, решения вопросов саморазвития, личностного роста, творческой самореализации и самоактуализации. При этом ценностное развитие личности, ее образованность и правовая подготовка становятся основными смыслоопределяющими факторами;

- ориентация усилий, направленных на прогрессивные изменения в социокультурном пространстве, все более учитывает, что социальная востребованность культуры как результата и социальный статус социокультурной компетенции как качественной личностной характеристики все активнее влияют на уровень и мотивацию включенности социокультурной деятельности в жизненный сценарий индивида. Эта деятельность задается внешней по отношению к социокультурной системе социальностью. При этом социальная востребованность социокультурного развития реализуется в виде развивающейся культуры личности. В свою очередь, развивающаяся культура отдельных личностей преобразует социальность, обеспечивая направленность развития человечества.

Интеграция первого и второго положения в поле реальных социокультурных отношений порождает объективную необходимость поиска условий, при которых процесс формирования социокультурной компетенции личности становится столь же непрерывным, как непрерывен сам факт развития. В связи с этим можно согласиться с мнением Вице-президента Международной академии ноосферы, профессора К. К. Колина, о первенствующей роли сферы науки и образования как механизма реализации новейших социокультурных подходов. Парадигмальная инновационность образования и в целом процесс овладения знаниями о мире в таком случае, по нашему мнению, должны строиться в соответствии с синергетическими универсалиями, опирающимися на следующие принципы:

- системности – ключевого для понимания всех природных и социальных процессов;

– неопределенности и случайности – позволяющего понять сущность процессов самоорганизации и саморазвития в природе и обществе;

– информационной первоосновы организованной материи – способствующего познанию природы живого вещества, и также законов эволюции неживой природы; позволяющего постичь сущность феномена сознания [249, с. 47–55].

Для решения всех этих сложных задач современно-ориентированное социокультурное пространство принуждается к обладанию смыслообразующим потенциалом, философско-дидактическим смыслом, в котором актуализируется и выражается специфика понимания мира человеком и себя в этом мире. Это связано с философским пониманием личности, которое формирует новые значения, задает современные ориентиры в трактовке человека, становится ядром для понимания человека как объекта воздействия для социокультурной системы. Гуманистические проблемы, приобретающие сегодня чрезвычайную значимость, связаны с раскрытием личностного начала. Социокультурная сфера– это способ гармонической соотнесенности природного и духовного в человеке. И в таком своем понимании социокультурное пространство вполне философски насыщено. При этом предназначение феномена социокультурного пространства заключается в становлении личностного начала, характеризуемого как творчество.

Очевидно, что личность как творческая субстанция сформировывается вполне самостоятельно. В противном представлении формирование личности должно происходить под влиянием извне, а это исключает из процесса поставленную в данном исследовании в качестве проблемы парадигму мультикультурализма и толерантности и не может иметь ничего общего со становлением самостоятельной, неординарно-выраженной личности, представляемой как «человеческая конструкция самосозидания». Новейшие социально-философские парадигмы социокультурного пространства должны позволять с наибольшей полнотой раскрыть внутренний мир человека как воплощенную духовность. Социокультурное пространство в этой ситуации

должно быть направлено на становление индивидуальности человека; ему надлежит содействовать развитию самосознания личности, а также — стремиться к цели создания человека, который желает и умеет сосуществовать с другими людьми, т.е. вырабатывать в человеке гуманистические нормы и идеалы. Интерпретируемая в данном исследовании проблема проецируется на феномены мультикультурализма и толерантности современного глобального мира, что, в свою очередь, побуждает к появлению и развитию постмодерные синергетически обусловленные социокультурные концепции [18, с. 12–18].

По мнению современных исследователей, грядущее столетие будет связано с ростом регионального национализма и утверждением прав различных меньшинств во всем мире. Данная проблема обстоятельно рассмотрена Д. Бэнксом. В работе «Мультиэтническое образование» он пишет, что необходимо научиться понимать зависимость судеб наций в современном мире, выяснять свои позиции по отношению к другим нациям и отражать свою идентификацию с мировым сообществом [488]. Осмысливая социокультурное пространство с позиций данной мультикультурной концепции, необходимым видится проникновение идей мультикультурности и толерантности в культурно-образовательные, исследовательские, учебные программы. Важно превратить мультикультурно-толерантную проблематику в составную часть культурной жизни и исследовательских планов, не ограничиваясь только образовательными мероприятиями и курсами. Все субъекты социокультурного пространства должны знать о проблемах мультикультурализма и быть готовыми к проявлению предубеждений, недооценке и негативного отношения к этническим, расовым, религиозным, общекультурным особенностям людей, существующих рядом. В этой связи в социокультурном поле не существует нейтральных явлений. Особое значение приобретают такие феномены, как искусство, музыка, литература, наука, право, этика, спорт, социальные и правовые исследования. Главные требования выражаются в обладании равными возможностями. Особое внимание в программе осмысления равных

возможностей уделяется формированию основ культуры мира и обучению правам человека [36, с. 84–89].

Для обучения правам человека в Украине уже заложена достойная законодательная база. Обучение правам человека средствами современного социокультурного пространства представляется как непрерывный процесс, начиная с самого раннего возраста. Подобное обучение правам человека предполагает воспитание человеческого достоинства, формирование межличностных отношений в духе терпимости, ненасилия и солидарности; также предполагается понимание неразрывной связи прав и обязанностей личности с вопросами поддержания мира на планете. Толерантность является ключом к гражданскому самосознанию в демократическом обществе. Культура толерантности возрастает до неотъемлемой части общей культуры личности в любом месте современного мира.

Таким образом, обобщая данные исследований в области прогрессивных изменений на пути формирования современной личности и общества, в условиях повышающейся мультикультурности большинства стран вследствие глобальных мировых изменений и укрепления статуса принципов неопределенности и толерантности, представляется возможным предложить новейшую социокультурную парадигму, напрямую связанную с постмодерными изменениями в общественном сознании и отвечающую глобальным вызовам современности. Название такой парадигмы может заключать в себе следующую триаду: постмодерно-информационная, синергетико-мультикультурная, глобально-толерантная.

Основными направлениями в реализации предложенной социокультурной парадигмы представляются:

– предложение, популяризация и активная поддержка идеи диалога культур и диалога религий с ориентацией на все возрастающую детализацию взаимодействующих компонентов культуры и всеобщую позитивность от их интеграции в целостном социокультурном пространстве цивилизации;

– пропаганда и поддержка теории и практики постепенного совмещения и унификации различных политических доктрин, интеграция которых способствует мирному сосуществованию различных государств, стран и народов, отвержение силовых методов решения межгосударственных и внутригосударственных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов и конфликтных ситуаций;

– популяризация и развитие в социокультурном пространстве человеческих контактов с акцентом внимания на активных формах взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах человеческой деятельности (наука, искусство, туризм, спорт, досуг и т.п.);

– предложение и формирование в социокультурном пространстве международных научно-исследовательских проектов и разработок, направленных на решение глобальных общецивилизационных проблем;

– разработка и активная поддержка в социокультурном пространстве подлинно гуманных законов и норм, регулирующих толерантные отношения на индивидуальном, общественном и межгосударственном уровне;

– предложение и активная поддержка поиска в социокультурном пространстве поливариантных социокультурных идеалов и ценностей на всех ступенях развития человека, систематического изучения, обобщения, оценки и распространения международного инновационного опыта.

Данная, постмодерно-информационная, синергетико-мультикультурная, глобально-толерантная социокультурная парадигма необходимо содержит в себе социально-философские концепции, определяющие основу структурирования и функционирования глобализированного социокультурного пространства. Согласно реалиям современной глобализированной действительности, мультикультурализм и толерантность усматриваются в качестве главных социально-философских концептов, способных определить построение и принципы действия подобной социокультурной парадигмы, а, следовательно, и в целом социокультурного пространства эпохи постмодерна и глобализации.

В настоящее время социальные и культурные реалии мира и Украины располагают философскими подходами, которые являются концептуальной основой выбора задач и ценностей культурного развития представителя современного мира:

- догматический реализм. В рамках данного подхода ставится задача – сформировать рациональную личность с развитым интеллектом, дать знания фактов и принципов, которые якобы «не поддаются влиянию времени». Старшее поколение помогает будущему члену сообщества научиться рационально мыслить; разъяснения построены по сократическому методу, они эксплицитно передают традиционные ценности. Образовательные планы строятся классически: анализ литературы, все предметы для изучения являются обязательными. Выделяются, как правило, «большие, вечные книги». Философская основа этого направления – различные версии реализма;

- академический рационализм. Задача этого подхода: содействовать интеллектуальному росту личности, развивать ее компетентность. Социокультурный идеал – гражданин, способный к сотрудничеству с целью его социальной эффективности. Основное внимание уделяется овладению общими понятиями и принципами академических знаний. Будущий член сообщества формируется как специалист, авторитет в своей области, эксплицитно передающий традиционные ценности. Главные феномены для рассмотрения: родной язык, математика, естественные науки, история и иностранные языки. При этом подходе существует стремление дать основополагающие знания; с другой стороны, происходит дифференциация способных и неспособных их усвоить;

- прогрессистский прагматизм. Задача, решаемая с помощью этого подхода: совершенствование демократических начал социальной жизни. Социокультурный идеал: личность, способная к самореализации. Программы формирования сообщества ориентированы на возможность осуществления личностью в будущем такого жизненного плана, который будет сосредоточиваться на развитии себя и подчиненных, ориентироваться на

интересы работы, стремиться соответствовать реальным жизненным проблемам, включая междисциплинарные знания. Представители прогрессистского прагматизма считают, что знание способствует росту и развитию личности, процесс развития происходит не только в образовательной системе, но и в жизни. Основное внимание уделяется активным и интересным занятиям. В связи с этим используются развивающие школы, дополнительное образование, факультативные предметы, спецкурсы, гуманистические методы преподавания, альтернативное и свободное обучение;

- социальный реконструкционизм. Цели, намечаемые для решения в рамках данного подхода: улучшение и преобразование общества, научение человека для изменений и социальных реформ. Отсюда задача – учить таким навыкам и знаниям, что позволили бы сформулировать проблемы, от которых страдает общество, и решить их. Активное научение направлено на общественное развитие. Личность выступает как агент социальных изменений, как руководитель проектов и лидер исследований, помогает осознать вопросы, стоящие перед человечеством. В воздействии на личность значительное место отводится общественным наукам и методам социального исследования, подчеркиваются тенденции будущего развития, национальные и международные проекты. В личностном развитии пропагандируются идеалы равенства, культурного плюрализма.

Общеизвестно, что ни одно государство и ни одна структурная составляющая социокультурного пространства не опирается в своей деятельности на единый философский подход: обычно комбинируют различные принципы. Чтобы добиться успеха, привлечь максимальное количество последователей, в борьбе за качество социокультурных обретений социокультурные пространства различных стран реализуют свою социокультурную философию. В странах с известными классическими университетами применяют преимущественно философию догматического реализма или академический рационализм. Прогрессистский прагматизм господствует в государствах с развитой системой отраслевых и

узкоспециализированных культурных и учебных учреждений и исходящей из этого системой обеспечения рабочими местами. Социальный реконструкционизм – философский подход, наименее используемый в технологически развитых государствах и приемлемый в странах с разработанной системой гуманитарного образования, а также с традициями в педагогике и психологии [23, с. 103–107].

Следовательно, при наличии самых разных теоретических концептов, которые функционируют сегодня в социокультурном пространстве мира и Украины, в частности, единственную реальную философию социокультурного развития современности можно определить как инкрементальную (т.е. направленную на незначительное увеличение) философию конвейерной линии. При этом нужно иметь в виду, что социокультурная философия – сфера, которая вместе с эволюцией предполагает определенные стабильные основы, сохраняющие свое значение и развивающиеся на любых этапах развития человечества. Но под влиянием тех или иных исторических, общественных процессов отдельные из этих идей приобретают особое значение.

В современной ситуации глобализирующегося мира, развития парадигмы постмодерна, становления процессов отчуждения личности, которые коснулись и социокультурного пространства нашей страны, особое значение приобретают концептуальные походы в социальной философии, основанные на идее и принципах мультикультурализма и толерантности. Развивая понятия о мультикультурном сообществе и толерантности и проецируя их значения на социокультурное пространство Украины, можно представить принципы мультикультурализма и толерантности в качестве инновационных концепций философии социокультурного пространства. Возможности мультикультурализма и толерантности в сфере прогресса социокультурного пространства представляются самыми широкими. Это связано с тем фактом, что сегодня возникает социальная потребность в организации целенаправленной работы по формированию мультикультурной личности, сочетающей в себе системные знания в области этнокультуры, гармоничное

национальное самосознание, ориентацию на духовные ценности, толерантность и способность к межэтническому диалогу. Это своеобразный социальный заказ эпохи, настоятельно требующий освоения новым поколением общечеловеческих ценностей, приобщения к культуре других народов, сохранения многовековых традиций, создания необходимых условий для их дальнейшего развития. Социально-философским основанием для утверждения принципов мультикультурализма и толерантности в качестве концепций социокультурного пространства усматривается феномен мультикультурной толерантности. Можно выделить следующие сферы реализации этого социально-философского феномена, которые находят свое отражение в социокультурном пространстве:

- гендерная мультикультурная толерантность – непредвзятое отношение к представителям другого пола в социокультурном пространстве;
- возрастная мультикультурная толерантность – непредвзятость к априорным «особенностям» человека, связанным с его возрастом, что проявляется во взаимодействии личности с социокультурным пространством;
- образовательная мультикультурная толерантность – терпимое отношение высокообразованных людей к внешним проявлениям у людей с более низким образованием;
- межнациональная мультикультурная толерантность – отношение принятия представителей различных наций в социокультурном пространстве;
- расовая мультикультурная толерантность – отсутствие предубеждений к представителям другой расы в социокультурном пространстве;
- религиозная мультикультурная толерантность – отношение к догматам различных конфессий, религиозности, особенностям литургии и т. д. со стороны верующих и неверующих, представителей различных конфессиональных групп и проявлением этих факторов в социокультурном пространстве;

- географическая мультикультурная толерантность – непредвзятость к жителям провинции либо других регионов со стороны столичных жителей и проявлением этих особенностей в социокультурном пространстве;
- межстратовая мультикультурная толерантность – терпимое отношение к представителям различных статусных и имущественных слоев в социокультурном пространстве;
- физиологическая толерантность – отношение к больным, инвалидам, физически неполноценным людям и т. д. и проявлением этих особенностей в социокультурном пространстве;
- политическая толерантность – отношение к деятельности различных партий и объединений, высказываниям их членов и т. д. в условиях социокультурного пространства;
- сексуально-ориентационная толерантность – непредвзятость по отношению к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией в условиях социокультурного пространства;
- маргинальная толерантность – отношение к бездомным, нищим, наркоманам, алкоголикам, заключенным и т. д. как возможным субъектам социокультурного пространства.

В отличие от системы, ограничивающей жизнедеятельность социально-культурного учреждения определенными рамками, нормами, стереотипами, мультикультурализм, применительно к социокультурному пространству, создает такую форму жизнедеятельности, которая выводит структурное заведение, а вместе с ним и сообщество в широкий мир этнической и мировой культуры, намного расширяет возможности личностного и профессионального саморазвития, самореализации и самоопределения. Отсюда возникает необходимость всестороннего исследования вопросов мультикультурализма в рамках социальной философии с целью обогащения украинской и мировой социально-философской, социологической, психологической и педагогической науки, аксиологии, права и его практики. Социально-философский подход,

основанный на такой идее, может быть назван «гуманистическим мультикультурализмом» [9, с. 5–11].

Социально-философский подход, основанный на идее толерантности, (условно назовем его «толерантный глобализм») направлен на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Данное воздействие способствует формированию навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях. Исходя из этого – социокультурное пространство с реализацией в нем основ толерантности – интегрирующая идея, вокруг которой возможно выстроить стратегию общественного развития [23, с. 103–107].

На наш взгляд, социально-философские концепции, основанные на идее толерантности в мультикультурном сообществе, интегрируют вокруг себя известные концептуальные подходы, обогащая и осовременивая их. Думается, что принятие таких подходов в качестве определяющих концептов социокультурной системы продиктовано большим количеством возможностей, касающихся ситуаций проявлений интолерантности и нетерпимости при условии повышения социального разнообразия в мире, и в Украине, в частности. В числе таких возможностей можно выделить три основных: 1) толерантность – это механизм осуществления социального согласия в мультикультурном мире; 2) толерантность – это социальная норма, устанавливающая баланс интересов конкурирующих сторон мультикультурного сообщества; 3) толерантность – результат договоренности сторон, составляющих в своей совокупности мультикультурное сообщество, где в качестве нормы отношений принято уважение к правам человека.

В случае принятия подходов гуманистического мультикультурализма и толерантного глобализма в качестве определяющих концепций философии социокультурного пространства все известные общественно-структурирующие подходы социокультурной жизни приобретают качественные преобразования:

- догматический реализм, формируя разумную личность с развитым интеллектом, сообщая неизменные во времени знания фактов и принципов, в

случае использования принципов мультикультурализма и толерантности в основе социокультурной системы, ведет состоявшуюся личность к оперированию знаниями как инструментом социального согласия;

- академический рационализм, содействуя интеллектуальному возрастанию человека, развивая его компетентность, используя принципы мультикультурализма и толерантности, приводит свой социокультурный идеал от гражданина, способного к сотрудничеству с целью его социальной эффективности к социально-ориентированной личности, способной действовать в балансе интересов конкурирующих сторон;

- прогрессистский прагматизм, стремясь к социокультурному идеалу «личность, способная к самореализации», беря за основу идею толерантных отношений в мультикультурной среде, формирует личности, образующие международное сообщество, в котором нормой отношений является первенство прав человека. В данном случае с большей эффективностью реализуется задача совершенствования демократических начал социальной жизни;

- социальный реконструкционизм, имея в качестве цели улучшение и преобразование общества, научает специалистов основам изменений и социальных реформ.

Представляется, что именно идеи толерантности и мультикультурализма лежат в основе обучения таким знаниям, которые позволяют сформулировать проблемы современного общества и находить пути их решения. Формирование основ толерантного сознания в мультикультурной среде в данном случае рассматривается как тенденция современного и будущего развития, как ведущий национальный и международный проекты [9, с. 5–11].

Таким образом, из всего вышеизложенного исходит цель принятия гуманистического мультикультурализма и толерантного глобализма в качестве определяющих концептов философии глобального социокультурного пространства – это формирование установок толерантного сознания, определяющего устойчивость функционирования моральной личности в мультикультурном обществе.

Являясь страной, объединившей множество культур, Украина сейчас переживает сложные в культурно-идентификационном отношении времена. Естественным выходом из создавшегося положения является переход от традиционных социокультурных систем к созданию инновационных социокультурных пространств с новыми концептуальными подходами, содержащими в своей основе идеи мультикультурализма и толерантности, т. е. такое преобразование социокультурной жизни страны, которое направлено на изменение формы культурного бытия социума в пространстве и времени. В связи со всем этим, можно выделить значимые перспективы трансформации социокультурного пространства периода глобализации и роль в этом процессе новейших социально-философских концепций:

1) усиление значения социализирующей роли социокультурного развития и регуляции в социокультурных системах, к реализации чего в полной мере ни мировое, ни украинское социокультурное пространство в его современном состоянии еще не готово;

2) в условиях вызываемых глобализацией изменений традиционных форм социальных связей, индивидуализации и отчуждения личности, снижения духовного потенциала человека возрастание социального запроса на выполнение социокультурными институтами функций гуманизации общественных отношений;

3) диверсификация моделей социокультурного развития, которое становится все более многовариантным, что выражается в дистанцировании морально-ценностных систем, отражается в многоликости университетского и профессионально направленного образования;

4) приобретение сферой науки и образования как частью социокультурной жизни качества непрерывности, образования «вне возраста», что делает образовательное пространство наиболее значимой структурной составляющей социокультурного пространства в мире и в нашей стране;

5) усиление развития транснациональных социокультурных структур, что должно обеспечить повышение культурного уровня населения различных

регионов планеты в соответствии с интересами современной глобальной политики и экономики: крупного бизнеса, транснациональных финансово-промышленных корпораций, осуществляющих инвестиции в развитие высоких технологий;

6) реализацию запроса мирового сообщества на культууроформирующую функцию социокультурного пространства, которое призвано в определенной мере нейтрализовать негативные аспекты влияния глобализации на культуру: давление поп-культуры, развитие общества потребления, вестернизацию европейской и мировой культуры;

7) отыскание европейским социокультурным пространством механизмов интеграции и модернизации культурных, ценностных, правовых, образовательных систем. В данном контексте Болонский процесс представляется конструктивным ответом Европы на социальные вызовы глобализации. Ясно просматривается его гуманистический потенциал, состоящий в стремлении реализовать возможности культуры и образования как социального института, использовать образовательное пространство для развития европейской культуры, основы которой в условиях глобализации оказались под угрозой вырождения;

8) основание новейших, продиктованных процессами глобализации, порожденных условиями парадигмы постмодерна, социально-философских концепций социокультурного пространства на идеях мультикультурализма и толерантности. Данные концепции социокультурного пространства обеспечивают формирование установок толерантного сознания, что определит устойчивость функционирования в мультикультурном обществе отдельных личностей. Социализированные, получившие современное культурное развитие личности сформируют общественные группы, которые представляются основой реализации гражданского согласия в демократических государствах.

Украина стремится, в том числе благодаря и технологиям в области социокультурной жизни, войти в созвездие развитых стран мира – экономически стабильных, культурно неповторимых, с соответствующим

материальным и духовным благополучием своих граждан. Поэтому современный человек должен соответствовать оценкам, основанным на представлениях о моральной, развитой и наученной личности, которая может осуществлять эффективную профессиональную практику. В условиях украинских реалий представление о том, каким должно быть достойное социокультурное развитие, определяет общественный заказ на члена сообщества в Украине: морального человека с развитыми ценностными ориентациями и правовыми знаниями, высококлассного профессионала в своей области, способную к дальнейшему обучению личность, а главное – достойного гражданина, стремящегося к преобразованию общества своей страны.

Выводы к V разделу

1. Обострение социокультурных противостояний в мире в целом, и в нашей стране, в частности, сделали исследования в сфере изучения процессов мультикультурализма и толерантности особенно востребованными. Гражданские конфликты, усугубленные этническими проблемами, увеличение миграционных потоков привели в настоящее время к тому, что одной из самых сложных в общечеловеческой духовной плоскости стала проблема формирования мультикультурной толерантности. Возможности социокультурного пространства при этом рассматриваются как единственно возможный путь к наиболее верному решению вопросов взаимодействия личности и общества.

2. Современные социальные реалии в мире и в нашей стране позволяют говорить о существующих противоречиях между:

– потребностью общества в личности гармоничной, корректно относящейся к представителям иных культур, и наличествующими условиями социокультурной среды, которые не способствуют формированию подобной личности;

– провозглашаемой необходимостью формирования толерантного сознания и недостаточной реализацией данной задачи в мультикультурной среде современного социокультурного пространства;

– требованием социальной практики решать острые проблемы современности и недостаточной научной разработанностью вопросов, раскрывающих пути и средства формирования мультикультурной толерантности в современном социуме.

3. Необходимость сохранения межкультурного согласия во всем мировом сообществе выводит на первый план проблему аксиологических предпосылок применительно к формированию новейшего социокультурного пространства. Основываясь на ценностных основаниях гуманизма, логики бытия и прогресса, многие цивилизованные страны мира уже в настоящее время с необходимостью следуют канонам мультикультурно-толерантной парадигмы при вхождении в глобальное социокультурное пространство. Все это позволяет выделить сущностные особенности мультикультурализма как аксиологической составляющей в концептуальной системе глобализированного социокультурного пространства.

4. Реалии глобализированного мира следующие: чтобы сохранить существующее культурное и этническое многообразие, новое поколение должно быть готово выживать в предложенных природных, социальных, религиозно-культурных, политико-экономических обстоятельствах. К этому может привести основание такого социокультурного пространства, которое «поднимало» бы культуру до уровня ведущего фактора всеобщего развития. Статус, структура и функции глобального социокультурного пространства, построенного с учетом мультикультурно-толерантной парадигмы, включает информационно-методический, эргономический, этногенетический, экономический и правовой компоненты.

5. В настоящее время действует более ста международно-правовых документов по правам человека. Одним из фундаментальных прав личности провозглашено право на толерантное отношение к себе в условиях

мультикультурной среды. Одной из фундаментальных обязанностей личности в демократическом обществе является обязанность толерантного отношения к окружающему сообществу в условиях, если это сообщество представляет собой множественность наций, религий, возрастов, политических представлений, мировоззрений и т.п. Данное обстоятельство привело цивилизованный мир к тому, что принципы толерантности приняты законодательно в правовых системах большинства демократических государств.

6. Украинский социум осознает необходимость утверждения общепризнанных норм в области мультикультурных связей и толерантных отношений. Однако украинское законодательство не содержит документов, прямо отвечающих на вопросы урегулирования проблем в области реализации принципов толерантности и мультикультурализма. Законы Украины лишь опосредованно определяют реализацию данных принципов общественного устройства на практике. Это подтверждает и признание Украиной основополагающих прав человека, ратификацию международных документов, приведение в соответствие с ними национального законодательства и включение этих положений в программные документы большинства политических партий и общественных объединений, последовательное отстаивание государством Украины цивилизованных подходов к проблемам сосуществования представителей различных культур.

7. В настоящее время остро стоит проблема быстрой интеграции Украины в мировое содружество. Фактор мультикультурных связей и толерантных отношений, в том числе, и в сфере социокультурной политики играет здесь значительную роль. В условиях повышающейся мультикультурности большинства стран и повышения статуса принципов неопределенности и толерантности, представляется возможным предложить новейшую социокультурную парадигму, напрямую связанную с постмодерными изменениями в общественном сознании и отвечающую глобальным вызовам современности. Название такой парадигмы может заключать в себе следующую триаду: постмодерно-информационная, синергетико-мультикультурная,

глобально-толерантная. Толерантность и мультикультурализм усматриваются в качестве главных социально-философских концепций, способных определить построение и принципы действия социокультурного пространства эпохи постмодерна и глобализации.

8. Феномен мультикультурализма, применительно к социокультурному пространству, создает такую форму жизнедеятельности, которая выводит сообщество в широкий мир этнической и мировой культуры, намного расширяет возможности личностного и профессионального саморазвития, самореализации и самоопределения. Социально-философский подход, основанный на такой идее, может быть назван «гуманистическим мультикультурализмом».

9. Социально-философский подход, основанный на идее толерантности, направлен на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к «иному». Данное воздействие способствует формированию навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях. Социально-философский подход, основанный на такой концепции, может называться «толерантный глобализм». Исходя из этого – социокультурное пространство с реализацией в нем основ мультикультурализма и толерантности – интегрирующая идея, вокруг которой возможно выстроить стратегию общественного развития.

10. Цель принятия гуманистического мультикультурализма и толерантного глобализма в качестве определяющих концептов философии современного социокультурного пространства – это формирование установок толерантного сознания, определяющего устойчивость функционирования в мультикультурном обществе отдельных личностей. Социализированные, получившие современное образование и правовую защищенность личности формируют общественные группы, которые становятся основой гражданского согласия в демократических государствах.

Как страна, объединившая множество культур, в настоящих условиях Украина может явить собой образец перехода от традиционных социокультурных систем к созданию инновационных социокультурных пространств с новыми концептуальными подходами.

Исследования, представленные в 5 разделе, отражены в следующих публикациях автора:

в монографиях:

«Развитие принципов свободы совести в процессах демократизации»: [монография] / Елена Павловна Ананьева – Севастополь: издательство «Рибэкс», март 2014. – 170 с.

«Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции образовательного пространства»: [монография] / Елена Павловна Ананьева – Одесса: издательство «ВМВ», 2015. – 322 с;

в учебном пособии:

«Основы этико-религиозной толерантности» / Е. П. Ананьева, Н. В. Левинская – Изд-во АВМС Украины имени П.С. Нахимова, 2012. – 159 с;

в статьях:

Принцип толерантности в современной концепции подготовки специалистов в вузе / Е. П. Ананьева // Вісник Запорізького національного університету. Серія Педагогічні науки. – Вип. № 2. – 2012. – С. 103–107;

Влияние современных философско-образовательных концепций на прогрессивные изменения в системе образования / Е. П. Ананьева // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Вип. 1 (32). – 2014. – С. 5–11;

Социально-правовые основы реализации принципов мультикультурализма и толерантности в образовательной политике Украины / Е. П. Ананьева // Сб. материалов международной научно-практической конференции «Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты». – Прага: Изд-во «Vědeckovýdavateľské centrum «Sociosféra-CZ». – 2014. – С. 84–89;

Мультикультурная толерантность как фактор синергетики глобализованного мира / Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал. –Вип. 3 (61). – 2014.–Одеса. – С. 12–18;

Развитие идеи мультикультурализма и толерантности в свете глобализации социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції НАНР «Соціально-гуманітарні виклики 2015 року». –Львів. – 2015.–С. 12–15;

Парадигма толерантності в епоху глобалізованих змін соціокультурного простору / О. П. Ананьева // Матеріали VII Міжнародної науково-практичної заочної конференції «Сучасна наука: теорія і практика». –Київ. –2015. –С. 38–41;

Зміни суспільної свідомості в глобалізованому соціокультурному просторі / О. П. Ананьева // Матеріали заочної міжнародної наук.-практ. конференції «Інновації в сучасній науці». – Київ. – 2015. –С. 72–75;

Развитие парадигмы мультикультурализма и толерантности как фактор прогресса современного образовательного пространства / Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал. –Вип. 1 (63). – 2015.–С. 6–12;

Образовательно-педагогическое прогнозирование. Прогностические концепции образовательного пространства / Елена Павловна Ананьева // В колл. монографии: «Прогнозирование, планирование и моделирование: междисциплинарный подход и конвергенция знаний». – Самара, 2015. – С. 26–34;

Парадигма мультикультурализма и толерантности как фактор прогресса социокультурного пространства Украины / Е. П. Ананьева //Сб. научных докладов международной конференции «Осуществление научных исследований и реализация проектов».– Краков. Польша. – 2015. – С. 58–61;

Ценности мультикультурно-толерантной парадигмы в развитии социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Актуальні проблеми філософії та соціології.–Національний університет «Одеська юридична академія».– №6. –2015. –С. 7–10;

Мультикультурное социальное пространство как социокультурная тенденция / Е. П. Ананьева // Матеріали наукової конференції «Сучасні тенденції в історії, соціології, політології та філософії».– Львів. –2015.– С. 6–9

Место и роль образования в социокультурном пространстве / Е. П. Ананьева // International Research Journal. Раздел «Философские науки». – Екатеринбург. – №8 (39). – 2015.–С. 83–85;

Мультикультурно-толерантная парадигма как фактор построения социокультурного пространства современности / Е. П. Ананьева // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні питання сучасної науки». – Львів. – 2015. –С. 155–158.

ВЫВОДЫ

1. Глубокие перемены современности ведут к становлению глобализированного социокультурного пространства. Социокультурное пространство становится одним из наиболее значимых институтов, который имеет принципиально новые концептуальные основания: открытость, толерантность, взаимодействие и взаимозависимость культур. Социокультурное пространство современности определяется как часть глобализированных трансформаций общества, что рождает понятие «глобализации социокультурного пространства».

Сущность понятия «социокультурное пространство» объединяет две составляющие: идею пространства и идею воплощения духовности. В структуре социокультурного пространства выделяются: образовательное пространство, ценностное пространство, моральное пространство, правовое пространство, религиозное пространство, информационное пространство.

Концептуальные основания глобализации социокультурного пространства и противоречия, порожденные глобализированными трансформациями общества, поднимают вопрос о модели новейших социально-философских концепций социокультурного пространства современности.

2. В мировой социально-философской мысли еще не сформировалось однозначного толкования мультикультурализма. Мультикультурализм в настоящее время видится не только объективно существующей социальной проблемой, но и теоретическим концептом, требующим и отвлеченного отражения, и практического решения. Анализ проявлений мультикультурализма и современное социально-философское знание позволяют предложить принципы мультикультурализма как основы социального явления и как философской категории, а именно: утверждение концепции многополюсной структуры мира; отказ от встраивания в иную культуру, признание уникальной цивилизационной ценности каждой культуры; формирование межкультурной коммуникации на основе диалога либо полилога культур как новой интерпретации культурной вариативности;

становление национальных культурна собственной ценностной основе; толерантность по отношению к «иному»; неэтноцентрированная культурная идентичность как способ реагирования на угрозу культурного нивелирования.

Мультикультурализм, как концептуальная парадигма глобализированного социокультурного пространства, распространяется на систему науки, образования, права, ценностей, морали, религии, информации. Мультикультурная парадигма обращена к предельным основаниям цивилизации – к системам формирования личности. Это согласованность с мотивациями, с целями, с мечтами, с социокультурной политикой в рамках мультикультурного общества.

Исследования доказывают необходимость парадигмы мультикультурализма для прогрессивных изменений в глобальном социокультурном пространстве. Несоблюдение концептуальной парадигмы мультикультурализма ведет к развитию процессов, которые угрожают социальной идентичности, ведут к столкновению несовместимых интересов, потребностей, ценностей.

3. В глобальной социосистеме культуры толерантность становится наиболее современной проблемой. Толерантность в эпоху глобализации определяется как универсальное понятие, идея, свидетельство того, что не существует единственного культурно-экзистенциального фундамента существования человечества. Формирование новейшей модели толерантных отношений может быть заложено в полной мере в рамках ориентированных в сторону глобализированного мультикультурного пространства социокультурных концепций. Осмысление этой проблематики и наработки по развитию толерантности в мультикультурной среде представляет для социокультурного пространства мира и Украины стратегически значимую цель.

4. Теория межкультурной справедливости тесно увязана с моральными установками общества и приводит осмысление вопросов мультикультурализма к современному представлению о морали. В соответствии с парадигмой мультикультурализма, познание культурных

различий есть условие справедливости как моральной ценности. Становление глобализированного социокультурного пространства в парадигме мультикультурализма предполагает формирование моральной личности эпохи глобализации – обладающей философским мировоззрением, свободным мышлением, способной ответить на вызовы мультикультурного мира, быть толерантной и открытой, не утрачивая при всем этом своей идентичности.

5. Роль мультикультурализма и толерантности возрастает в переходные периоды в развитии общества, когда возникает необходимость достижения общественного согласия. Для органического функционирования мультикультурализма как концепции глобализированного социокультурного пространства необходимы определенные трансформации в общественном сознании, обновленные нравственные позиции. Эти принципы принимаются социумом демократических государств и выражаются в феномене мультикультурной толерантности. Мультикультурная толерантность определяется как понимание образа жизни, направленного на развитие и сохранение культурных различий в виде поведения, эмоций, идей, верований без чувства дискомфорта, а также принятие обосновывающей такую политику идеологии. Мировоззрение, основанное на мультикультурно-толерантной парадигме, является обязательным условием перехода к новейшему обществу. Следование социокультурной стратегии, основанной на функционировании мультикультурной толерантности, представляет собой один из факторов разрешения противоречий глобализированного мира.

6. Мультикультурализм в эпоху постмодерна может быть сформулирован как концепция, порожденная глобализацией. Для осмысления мультикультурализма как социально обусловленного феномена и философской категории необходима его типологизация, основанная на следующих компонентах: вопросы стабильности и интеграции в мультикультурном обществе; ценности в мультикультурном обществе; политика, религия, права и свободы; политическая делиберация в мультикультурном обществе. В социокультурной ретроспективе выделяются следующие типы

мультикультурализма: античный мультикультурализм – слияние представителей всевозможных культур в рамках колоссального государства; ренессансный мультикультурализм – разнообразие, вызванное переходом от традиционной культуры к персоналистскому, лично-креативному типу культуры; мультикультурализм Нового времени – европейская концепция свободы совести, понимание необходимости толерантности к представителям иной культуры; мультикультурализм постмодерна – понимание иной культурной позиции как «чужой правды» и восприятие своей правды как «незавершенной».

Интеркультурализм и транснационализм, будучи новейшими социокультурными феноменами, представляются формами реализации мультикультурализма; механизмом же такого функционирования является мультикультурная толерантность.

7. Базисные основания феномена толерантности коррелируют с основными чертами цивилизационной социокультурной системы: социально-политический плюрализм; парламентаризм; секуляризм; конституционные свободы; институт прав человека; социальная мобильность; стремление к инновационному развитию. Выделяются следующие типы толерантности, обусловленные социокультурным развитием: 1) полисная толерантность: толерантность многонациональных империй; толерантность международных сообществ; толерантность консоциаций; толерантность иммигрантских сообществ; 2) имперская толерантность: толерантные отношения в СССР; толерантность национальных государств. Видовая классификация толерантности зависит от характера социокультурных трансформаций: античная толерантность – возникает в ситуации взаимопользования свободой (полисная толерантность), в обстоятельствах функционирования плюрализма различных видов (имперская толерантность); ренессансно-реформационная толерантность – возникает на мировоззренческой основе эпохи Ренессанса, плюрализации христианства, рационализма Просвещения; толерантность Нового времени – возникает на трансформационных этапах общества,

отмеченных ситуацией нестабильности; толерантность модерна – возникает на основе появления новых субъектов социокультурной жизни, становления современных движений, процесса отчуждения человеческой личности; толерантность постмодерна и эпохи глобализации – возникает на основе новейшего состояния мира, специфически новых культурных феноменов, в числе которых и глобальный кризис.

Эпоха глобализации выражается в появлении новейших разновидностей толерантности. Обозначенная социально-философским знанием толерантность к неопределенности, а также предлагаемая в данном исследовании толерантность к идентичности обуславливаются всей культурогенетической активностью человека.

8. Противоречия, порожденные системой отношений, построенной на господстве и подчинении, ведут к необходимости нового типа связей, основанных на плюрализме и толерантности. Специфика толерантных отношений реализуется в возникновении баланса интересов индивидов и социальных групп, что выступает в виде принятия т. н. «толерантного кодекса» взаимодействия. Толерантное взаимодействие личности и общества в условиях мультикультурной среды можно рассматривать как особое социальное явление, социально-личностную ценность, включающую постижение всеобщего социокультурного опыта каждой отдельной личностью. Готовность к подобному взаимодействию, которое может быть определено, как сформированная мультикультурная компетентность, ведет к адекватному функционированию гражданского общества.

Развитие мультикультурной компетенции современного социума предполагает становление новейшего социокультурного феномена – мультикультурной личности, которая имеет представление о ценностях мировой культуры; обладает социальными и ценностно-ориентационными способностями к межкультурной коммуникации; испытывает толерантность и эмпатию по отношению к другим культурам и социальным группам; активно

взаимодействует с представителями различных культур при сохранении собственной культурной идентичности.

9. Развитие мультикультурных сообществ в крупнейших странах мира порождает необходимость развития мультикультурного социального пространства. Мультикультурное социальное пространство определяется как реальный континуум функционирования системы регионально-этнических и мировых культурных, научных, образовательных и правовых событий, объективной совокупности факторов и условий, отражающих специфические характеристики многообразия. Это структурированная система социально-культурных, социально-образовательных и социально-правовых факторов, обеспечивающих взаимодействие и осмысление личностью всеобщего познания в процессе ее развития в глобализированной среде. Мультикультурное социальное пространство создается интегрированным функционированием сфер культуры, науки, образования, права, ценностно-моральной, религиозной, информационной системы в каждом регионе, стране в целом и включает в себя этническую и общемировую компоненту. В связи с этим возникает феномен проектирования мультикультурного социального пространства – это организационная основа инновационного развития сферы культуры, науки, образования, религии, права, информации на основе мультикультурно-толерантной парадигмы в условиях глобализации.

10. Страны, где политика мультикультурализма отражена в социокультурных пространствах, подразделяются на несколько групп: страны с историческими культурными различиями (Россия, Испания); страны, вынужденно ставшие мультикультурными вследствие колониальных процессов (Великобритания, Франция, Голландия); страны, ставшие мультикультурными в результате массовой иммиграции (США, Канада, Австралия).

В целом в странах классической иммиграции (США, Канада, Австралия) социокультурное пространство, созданное на многообразной этнической основе, стало мощным средством модернизации общества. Положительный опыт межкультурной ассимиляции этих стран может учитываться при

выработке новых подходов к созданию мультикультурного социального пространства в других странах. Опыт реализации принципов толерантности в социокультурном пространстве обществ этнического плюрализма (стран Западной Европы) доказывает целесообразность использования таких стратегий социокультурной политики, как: отстаивание государственного языка как средства межнационального общения; повышение статуса государственного образования как престижного интернационального института; воспитание патриотического отношения у иммигрантов к стране проживания; развитие стратегий обучения представителей национальных меньшинств. Бережное отношение к культурно-языковым вопросам может служить примером применения стратегии толерантности в социокультурной практике; что имеет первостепенное значение для развития плюралистического либерального общества.

Применительно к современным полиэтническим сообществам, к которым можно отнести общество Украины, преждевременно утверждать, что политика мультикультурализма исчерпала свой позитивный потенциал. Политика мультикультурализма представляет собой один из возможных демократических способов решения проблемы культурного многообразия. В этой связи новаторским приемом и интересной возможностью развития социокультурного пространства видится вариант билингвального обучения, что позволяет утверждать европейские ценности толерантности, гуманизма и свободы.

11. Основываясь на ценностных основаниях гуманизма, логики бытия и прогресса как аксиологических предпосылок мультикультурно-толерантной парадигмы, цивилизованные страны мира уже в настоящее время формируют свое вхождение в глобальное социокультурное пространство. Это позволяет выделить мультикультурно-толерантную парадигму как аксиологическую составляющую в концептуальной системе глобализованного социокультурного пространства. Статус, структура и функции глобализованного социокультурного пространства, формируемого с учетом ценностей мультикультурно-толерантной парадигмы, включает

информационно-методический, эргономический, этногенетический, экономический и правовой компоненты. Аксиологическая сущность мультикультурно-толерантной парадигмы способна реализовать эффект инновационного становления в глобальных системах любой природы, включая и само социокультурное пространство.

12. В настоящее время одним из фундаментальных прав личности является право на толерантное отношение к себе в мультикультурной среде. Одной из фундаментальных обязанностей личности в демократическом обществе является обязанность толерантного отношения к окружающему сообществу, если это сообщество представляет собой множественность культур и мировоззрений. Данное обстоятельство привело мир к принятию мультикультурно-толерантных подходов в правовых системах большинства демократических государств.

Украинский социум также осознает необходимость утверждения общепризнанных норм в области мультикультурных связей и толерантных отношений. Однако украинское законодательство не содержит документов, прямо отвечающих на вопросы урегулирования проблем в области реализации принципов толерантности и мультикультурализма. Законы Украины лишь опосредованно определяют реализацию данных принципов общественного устройства на практике. Это ведет к необходимости признания Украиной основополагающих прав человека, ратификацию международных документов, приведение в соответствие с ними национального законодательства и включение этих положений в качестве правовых концептов в программные документы политических партий и общественных объединений, последовательное отстаивание цивилизованных подходов к проблемам сосуществования различных культур и мировоззрений.

13. В условиях трансформации глобализированного социокультурного пространства представляется возможным предложить новейшую концептуальную парадигму, связанную с постмодерными изменениями в общественном сознании и отвечающую вызовам современности: постмодерно-

информационную, синергетико-мультикультурную, глобально-толерантную. Толерантность и мультикультурализм усматриваются в качестве главных социально-философских концепций, способных определить построение и принципы действия социокультурного пространства эпохи постмодерна и глобализации. Социально-философский концепт, основанный на мультикультурной идее, может быть назван «гуманистическим мультикультурализмом». Социально-философский концепт, основанный на идее толерантности, направленный на противодействие отчуждению по отношению к «иному», может называться «толерантный глобализм».

Социокультурное пространство с реализацией в нем основ мультикультурализма и толерантности – интегрирующая идея, вокруг которой возможно выстроить стратегию общественного развития. Цель принятия гуманистического мультикультурализма и толерантного глобализма в качестве определяющих концептов философии современного социокультурного пространства – это формирование установок толерантного сознания, определяющего устойчивость и моральность функционирования личности в мультикультурном обществе. Социализированные, получившие правовые знания и защищенность личности сформируют общественные группы, которые становятся основой согласия в демократических государствах. Таким образом, парадигма мультикультурализма и толерантности становится фактором прогресса социокультурного пространства современного социума.

14. В настоящее время остро стоит проблема быстрой интеграции Украины в мировое содружество. Поэтому так актуальна исследовательская и законодательная деятельность в области концептологии социокультурного пространства, которая бы учитывала мультикультурную специфику страны, способствовала улучшению взаимоотношений между различными общественными слоями. Эти задачи могут быть решены в процессе реализации и законодательного закрепления парадигмы толерантности и мультикультурализма в общественной жизни современной Украины. Сегодня не существует социально-философской концепции, в рамках которой

разрешится проблемный вопрос сосуществования различных культур в Украине на основе равноправного диалога. Идеи мультикультурализма и толерантности в качестве социально-философских концепций становятся наиболее адекватным теоретическим ответом на такой вызов современности.

Как страна, объединившая множество культур, в настоящих условиях Украина может явить собой образец перехода от традиционных социокультурных систем к созданию новейшего социокультурного пространства с инновационными концептуальными подходами. Предложенные концепции социокультурного пространства сообщают миру такое преобразование социокультурной жизни нашей страны, которое направлено на прогрессивное изменение формы культурного бытия всего глобального социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин «О Граде божьем» / Блаженный Августин // Творения. – Том 3–4. –СПб.: «Алетейя». – 1998. – 592 с.
2. Аверина М. В. Социокультурное пространство дворового спорта: дисс. ... канд. социол. наук:22.00.00. / М. Аверина. – Тамбов, 2004. – 150 с.
3. Агадуллин Р. Р. Принцип интеркультурности образования // Крымский республиканский институт повышения квалификации... [Электронный ресурс] / Агадуллин Р . Р. – Режим доступа : URL:www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc...2.../agadyllin.pdf.
4. Агадуллина Е. Р. Минимальная групповая парадигма: история создания и современное развитие [Электронный ресурс] / Е. Р. Агадуллина, М. В. Котова // Психологические исследования: электрон.науч. журн. – 2010. – N 6 (14). – Режим доступа: URL: <http://psystudy.ru>.
5. Актуальные вопросы глобализации («круглый стол»). Выступление Г. Дилигенского / Г. Дилигенский // Мировая экономика и международные отношения. –1999. – № 4. – С. 37.
6. Актуалізація лінгвокраїнознавчих знань студентів як чинник розвитку... І.Ю.Пассова, Н.К.Скляренко. [Електронний ресурс]– Режим доступу: URL: www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/.../37-23.pdf
7. Алиев Р. Билингвальное образование. Теория и практика / Р. Алиев, Н. Каже. – Рига.: "RETORIKA A", 2005. – С. 65–80.
8. Ананьева Е. П. Акмеологический аспект толерантности и проблема зрелости личности / Е. П. Ананьева // Толерантність як соціогуманітарна проблема сучасності: мат-ли IV Міжн. науково-теоретичної конф., (Житомир, 1–2 жовтня 2015 р.).– Житомир, 2015. – С. 8–11.
9. Ананьева Е. П. Аспектное изучение феномена толерантности в пределах социокультурного пространства / Е. П. Ананьева//Вісник Маріупольського державного університету. Серія: філософія, культурологія, соціологія. – 2015. – Вип. 9. – С. 9–14.

10. Ананьева Е. П. Влияние современных философско-образовательных концепций на прогрессивные изменения в системе образования / Е. П. Ананьева // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. – 2014.–Вип.1 (32). – С. 5–11.
11. Ананьева Е. П. Интеркультурализм и толерантность стран Западной Европы в условиях новейших миграций / Е. П. Ананьева// «Актуальні проблеми філософії та соціології».– 2015. – №8. – С. 3–6.
12. Ананьева Е. П. Личность и общество в эпоху глобализации: толерантность как принцип взаимодействия / Е. П. Ананьева // Вісник СевНТУ: зб. наук.пр. –2013.–Вип. 146. Філософія. – С. 7–11.
13. Ананьева Е. П. Методологические проблемы философии образования в свете развития глобализации / Е. П. Ананьева// European Conference of Education and Applied Psychology. Section 16 – Philosophy of Education, (Vienna 20 February 2014). – Austria, Vienna, 2014. – С. 350–356.
14. Ананьева Е. П. Многоаспектность исследования толерантности применительно к социосистеме образования / Е. П. Ананьева // Современные концепции научных исследований: мат-лы ШМежд. науч. конференции ЕНО, (Москва, 28 февраля 2015 г.). Серия «Философские науки», часть 2. – М.,2015.– С. 177–179.
15. Ананьева Е. П. Мультикультурализм – парадигма образовательных систем глобализированного общества знаний / Е. П. Ананьева // Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований: мат-лы XV Всероссийского науч. семинара, (Краснодар-Анапа, 9-12 октября 2014 г.)– Краснодар, 2014. – С. 57–60.
16. Ананьева Е. П. Мультикультурализм и мораль в глобализированном общественном пространстве / Е. П. Ананьева// Вестник Балт федерального ун-та им. Канта. Гуманитарные науки. –Калининград. –2014.– Вып 12. – С.136–142.
17. Ананьева Е. П. Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции образовательного пространства: [монография] / Елена Павловна Ананьева – Одесса: издательство «ВМВ», 2015. – 322 с.

18. Ананьева Е. П. Мультикультурализм как философско-образовательная концепция эпохи глобализации [Электронный ресурс]/ Е. П. Ананьева // UNIVERSUM: Общественные науки. –2014. –№ 7(8). – С. 7–11.– Режим доступа: URL: <http://www.7universum.com/ru/social/archive/category/>.

19. Ананьева Е. П. Мультикультурная толерантность как путь и средство прогресса украинской национальной идеи в начале 21 столетия / Е. П. Ананьева//Историческая и соц.-образовательная мысль. – Краснодар.– 2014. – № 6.– С.15–21.

20. Ананьева Е. П. Образовательно-педагогическое прогнозирование. Прогностические концепции образовательного пространства / Е. П. Ананьева // Коллективная науч. монография «Прогнозирование, планирование и моделирование: междисциплинарный подход и конвергенция знаний». – Самара, 2015.– С. 26–34.

21. Ананьева Е. П. Определение предмета психологии религии и ее места в системе научного знания. / Е. П. Ананьева// Вісник СевНТУ: зб. наук.пр. – 2011.– Вип. 115. Философия. – С. 137–140.

22. Ананьева Е. П. Парадигма мультикультурализма и толерантности как фактор прогресса социокультурного пространства Украины / Е. П. Ананьева // Осуществление научных исследований и реализация проектов: сб. науч. докл.межд. конференции, (Краков, 30 июля 2015). – Краков. Польша, 2015. – С. 58–61.

23. Ананьева Е. П. Принцип толерантности в современной концепции подготовки специалистов в вузе / Е. П. Ананьева // Вісник Запорізького національного університету: серія «Педагогічні науки». – 2012. – Випуск № 2. – С. 103–107.

24. Ананьева Е. П. Принципы мультикультурализма в образовательных системах стран классической иммиграции[Электронныйресурс]/ Е. П. Ананьева// Наукове літо: зб. наукових праць. – К.: НАИРИ, 2014. – С. 31–34. – Режим доступа:<https://e.mail.ru/attaches-viewer/?x->

email=filosvit%40mail.ru&offset=0%3B1&id=14071648720000000210&_av=14071648720000000210%3B0%3B1.

25. Ананьева Е. П. Принципы мультикультурализма и толерантности в системах образования современных полиэтнических сообществ / Е. П. Ананьева//Перспективи. Соціально-політичний журнал.– 2014. –Вип.2 (60).– С. 5–9.

26. Ананьева Е. П. Проблемы и перспективы классификации толерантности в процессе развития социальной реальности / Е. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал.– 2014. –Вип. 4 (62).– С. 13–22.

27. Ананьева Е. П. Проблемы формирования интеллектуальной элиты в свете работы К. Д. Ушинского «Письма о воспитании наследника русского престола» / Е. П. Ананьева // Науковий вісник ПНПУ: зб. наук.пр. – 2013.– Спецвип. – С. 3–9.

28. Ананьева Е. П. Развитие глобализационных тенденций в концептологии научного знания / Е. П. Ананьева // Вісник Житомирського державного університету. – 2015. –Вип 3 (81). – С. 3–9.

29. Ананьева Е. П. Развитие гражданского сознания на фоне религиозных конфликтов в Украине / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. – 2010. – №187. – С. 172–175.

30. Ананьева Е. П. Развитие парадигмы мультикультурализма и толерантности как фактор прогресса образовательного пространства/ Е. П. Ананьева //Перспективи. Соціально-політичний журнал.– 2015.–№ 1 (63). – С. 6–12.

31. Ананьева Е. П. Развитие принципов свободы совести в процессах демократизации: [монография] / Елена Павловна Ананьева – Севастополь: издательство «Рибэкс», март 2014. – 170 с.

32. Ананьева Е. П. Развитие принципов толерантности в процессе глобализации / Е. П. Ананьева // Вісник СевНТУ: зб. наук.пр. – 2012. – Вип. 126.Філософія. – С.3–6.

33. Ананьева Е. П. Роль гуманистического прагматизма в развитии принципа толерантности / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. – 2012. – № 225. – С. 120–124.

34. Ананьева Е. П. Свобода совести в контексте взаимодействия процессов секуляризации и клерикализации общества. / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. – 2009. – №169. – С. 135–137.

35. Ананьева Е. П. Свобода совести в эпоху секуляризации и парадигмы постмодерна / Е. П. Ананьева // Політологічний вісник: зб. наук.праць. – К.: «ІНТАС», 2008. – Вип.38. – С. 7–15.

36. Ананьева Е. П. Социально-правовые основы реализации принципов мультикультурализма и толерантности в образовательной политике Украины / Е. П. Ананьева // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: сб. мат-лов межд. науч.-практ. конференции, (Прага, 5–6 июня 2014). –Прага: Изд-во Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014.– С. 84 –89.

37. Ананьева Е. П. Социальные, религиозные и психологические основания понятия о толерантности / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. – 2011. – № 198. – С.10–13.

38. Ананьева Е. П. Структура социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал. –2015. –Вип. 3 (65). – С. 6–14.

39. Ананьева Е. П. Сущностные характеристики социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Перспективи. Соціально-політичний журнал. – 2015. – Вип. 2 (64).– С. 6–12.

40. Ананьева Е. П. Теоретические аспекты исследования толерантности: проблема методологии / Е. П. Ананьева // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія.– 2013. – № 2 (31).– С. 5–12.

41. Ананьева Е. П. Типология мультикультурализма в структуре социальных изменений / Е. П. Ананьева // ВЕСТНИК КазНУ. Серия философия.

Серия культурология. Серия политология. – Алматы.–2014.–№4 (49). – С.233–240.

42. Ананьева Е. П. Толерантность в развитии образовательных систем стран этнокультурного плюрализма (западноевропейских обществ) / Е. П. Ананьева // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія.–2014. – № 2 (33).– С.11–21.

43. Ананьева Е. П. Толерантность как культурная универсалия глобализированного мира / Е. П. Ананьева // Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы: сб. мат-лов международной науч.-практ. конференции, (Прага, 13–14 мая 2014 г.)– Прага: Изд-во Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – С. 167–169.

44. Ананьева Е. П. Толерантность как фактор регулирования общественных отношений в современной Украине / Е. П. Ананьева // Проблемы науки и образования. Научно-методический журнал. – 2014.– №10 (28). – С.82–84.

45. Ананьева Е. П. Традиционное и инновационное взаимодействие как фактор формирования толерантного сознания в Украине / Е. П. Ананьева // Культура народов Причерноморья: науч. журн. – 2012. – №187.– С. 140–144.

46. Ананьева Е. П. Феномен научного знания в системе глобализированного социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – №7. – С. 3–6.

47. Ананьева Е. П. Ценности мультикультурно-толерантной парадигмы в развитии социокультурного пространства / Е. П. Ананьева // Актуальні проблеми філософії та соціології.–2015. – №6. – С. 7–10.

48. Ананьева О. П. Мультикультурність і толерантність як фактори взаємодії в період глобалізації / О. П. Ананьева // Сучасні проблеми гуманітаристики: світоглядні пошуки, комунікативні та педагогічні стратегії: мат-ли IV Всеукраїнської наук.-практ. конференції, (Ровно, 11 грудня 2014 р.)–Ровно, 2014. – С. 77–80.

49. Андрусин Б. І. Церква в Українській державі 1917–1920 (доба Директорії УНР) [Електронний ресурс]. / Б. І. Андрусин. – Режим доступу: URL: books.zntu.edu.ua/book_info.pl?id=21054.
50. Андрущенко В. Соціальна філософія. Історія, теорія, методологія / В. Андрущенко, Л. Губерський, М. Михальченко. – К.: Генеза, 2006. – 656 с.
51. Апресян Р. Г. Проблема справедливости в глобальной перспективе / Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов, А. В. Прокофьев // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие основания и ценностные приоритеты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. – М.: Наука, 2005. – С. 122–150.
52. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества / А. Г. Асмолов // Вопросы образования. –2008. – № 1.– С. 65–86.
53. Асмус В. Ф. Жан-Жак Руссо (К 250-летию со дня рождения) / Асмус В. Ф. – М.: Знание, 1962.– 48 с.
54. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта . Т. 1. / А.С. Ахиезер – М., 1991.– С. 711–736.
55. Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер. – 2-е издание, перераб. и доп. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – С. 176.
56. Афонасенко И. М. Этнопедагогические исторические особенности традиционного поликультурного семейного и школьного воспитания в образовательных учреждениях и социуме: [монография] / И. М. Афонасенко. – М., 2007. – 170 с.
57. Ахтямова А. С. Мультикультурализм в образовательной политике США конца XX– начала XXI веков: дис... канд. культурологии: 24.00.01. – теория и история культуры (культурология). Моск. пед. гос. ун-т / Айгуль Салаватовна Ахтямова. – Москва, 2007. – 210 с.

58. Ачкасов В. А. Мультикультурализм и этническая толерантность: опыт стран Запада / В. А. Ачкасов // Толерантность и интолерантность в современном обществе: сб. ст. – СПб., 2005. – С. 134–145.
59. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: «Академический проект», 2003. – 400 с.
60. Бабинов Ю. А. Межрелигиозный диалог в условиях модернизации современного общества. /Ю. А. Бабинов // Вісник СевНТУ: зб. наук.пр. –2012. – Вып. 126. Философия. – С. 145–148.
61. Баграмов Э. А. Национальный вопрос: две системы – два подхода / Э. А. Баграмов, И. А. Геевский. – М. Знание, 1985. – 92 с.
62. Бандурка А. С. Строката ковдра мультикультуралізму: [монографія] / А. С. Бандурка. – Х.: Золота миля, 2013. – 197 с.
63. Бардиер Г. Л. О соотношении понятий толерантность и идентичность / Г. Л. Бардиер // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Малиновой и А. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005 – С. 72– 80.
64. Бардиер Г. Л. Типы толерантности в контексте социального развития / Г. Л. Бардиер // В кн.: Защита прав человека на Кавказе глазами ученых и правозащитников / Под ред. А. Ю.Сунгурова. – СПб.: Норма, 2002. – С.155–161.
65. Бастун Н.В. Культурологический подход в образовании: личность как субъект культуры // Личность и ее жизненный мир: материалы Всерос.науч.-практ. конференции с межд. участием (Омск, 3–4 октября 2013 г.) / под ред. Л. И. Дементий. – Омск: Изд-во Ом.гос. ун-та, 2013.–С. 182–187.
66. Баткин Л. М. Неуютность культуры / Л. М. Баткин // Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 20.
67. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. под.ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
68. Бахин С. В. Всеобщая декларация 1948 года / С. В. Бахин // Правоведение. – 1998. – №4. – С. 10.

69. Бахметьев Я. А., Паин Э. А. Модели культурной политики: крах мультикультурализма и перспективы интеркультурализма [Электронный ресурс] / Я. А. Бахметьев, Э. А. Паин. – Режим доступа: URL: regconf.hse.ru/.../7529fb2578f97306e53f5a3ef26dbf6d392ea1a8.pdf.

70. Бейль П. Исторический и критический словарь: В 2-х т. / П. Бейль / ред. В. М. Богуславский; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1968. – Т.1. – 391 с.

71. Белая книга Совета Европы по межкультурному диалогу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rus-eu-culture.ru/publ/639.

72. Беліцер Н. Українська, російська і «радянська» ідентичності в сучасній Україні / Н. Беліцер // Україна – проблема ідентичності: людина, економіка, суспільство: конференція випускників програм наукового стажування у США, (Львів, 18-21 вересня 2003 р.) – Київ: «Стилос», 2003. – С. 86–93.

73. Белл Д. Культурные противоречия капитализма (Фрагмент из книги). Перевод А. К. Оганесяна. Выпущено изданию: Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y., 1976. – P. 146–158. [Электронный ресурс] / Д. Белл – Режим доступа: URL: www.vuzlib.org/beta3/html/1/25043/25085/.

74. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – С. 9–31.

75. Бердій Т. С. Співвідношення етнічної та національної ідентичностей: автореф. дис.... канд. філос. наук: спец.09.00.03.«Соціальна філософія та філософія історії» / Т. С. Бердій – Донецьк, 2007. – 20 с.

76. Бессонов Б.Н. Философия. История и современные задачи: учебник для вузов / Б.Н. Бессонов. – М.: Норма, 2009. – 560 с.

77. Бетти Р. Толерантность – дорога к миру / Р. Бэтти – М., 2001. – С. 262.

78. Биддульф Г. Религиозная терпимость и толерантность в новой Украине: перспективы внешнего обозревателя / Г. Биддульф // Релігійна свобода: мас-медіа, школа і церква як суспільні фактори утвердження. Наук.щорічник. / За заг. ред. д-ра філос. наук А. Колодного. – К., 2001.– С. 27–

32.

79. Біла книга національної освіти України / Т. Ф. Алексєєнко, В. М. Аніщенко, Г. О. Балл [та ін.] / За заг. ред. акад. В. Г. Кременя; НАПН України. – К.: Інформ. системи, 2010. – С. 141 – 145.

80. Богуш А.М. Методика розвитку рідної мови і ознайомлення з навколишнім у дошкільному закладі. Навч. посібник / А.М. Богуш, Н.П. Орланова, Н.І. Зеленко, З.К. Лихолєтова. – К.: Вища шк., 1992. – 414 с.

81. Бодрийяр Жан. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр / Издательский дом: У-Фактория., 2006. – С. 89–127.

82. Большой толковый социологический словарь: Collins. В 2-х т. Т. 2 (П-Я): пер. с англ. – М.: Вече; АСТ, 1999. – С. 58.

83. Большой энциклопедический словарь: [А – Я]. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Большая рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997. – С. 589.

84. Бондаревская Е.В. Ценностные основания личностно ориентированного воспитания гуманистического типа / Е. В. Бондаревская // Образование в поисках человеческого смысла. – Ростов н/Д., 1995. – С.11–26.

85. Бондырева С. К. Миграция (сущность и явление) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Изд-во МПСИ, Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – С. 280–281.

86. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – С. 251–264.

87. Боринштейн Е. Р. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Боринштейн, А. И. Кавалеров. – Одеса: Астропринт, 2001. – 168 с.

88. Борисенков В. П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / В. Борисенков, О. Гукаленко, А. Данилюк // РАО, Междунар. славянская акад. образования. – М.; Ростов-на-Дону: РГПУ, 2004. – 576с.

89. Борисов А. А. Мультикультурализм: американский опыт и Россия / А. А. Борисов // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. – М.: Изд-во Аспект-пресс, 2003. – С. 8–9, 23.
90. Борінштейн Є. Р. Нова соціокультурна реальність в Україні та її характеристики / Є. Р. Борінштейн // Перспективи. – 2005. – № 4(24). – С. 18–24.
91. Борінштейн Є. Р. Трансформаційні процеси в суспільстві. Навчально-методичний посібник / Є. Р. Борінштейн –Одеса: «ВМВ», 2014. – 46 с.
92. Бочкарева Т. С. Мультидисциплинарные дидактические комплексы как средство формирования инновационной культуры студентов вузов / Т. С. Бочкарева // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки – Ростов-на-Дону. – 2008. – № 6.– С. 150–160.
93. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков / Л. М. Брагина. – М.: Высшая школа, 1977. – 257 с.
94. Брэддж Б. Качру Мировые варианты английского языка: агония и экстаз (перевод Т.А. Иванковой) / Б. Качру // ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО – Том XIV. –2012.–Вып. 4 (№№ 75–76). – С. 145–164.
95. Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) / О. Бредникова, М. Кайзер // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. – СПб., 2004. – С. 133–146.
96. Бурмистров К. Владимир Соловьев и Каббала. К постановке проблемы / К. Бурмистров // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год / под ред. М. А. Колерова. – М.: ОГИ, 1998. – С. 7–104.
97. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. – 288 с.
98. Бьюкенен П. Дж. На краю гибели [пер. с англ.] / Патрик Бьюкенен. – М.: АСТ, 2007. – С. 349.
99. Бэнкс Д. Мультикультурное образование: цели и измерения / Д. Бэнкс // Новые ценности образования. – 1996. – Вып. 4. – С. 15–19.

100. Валитова Р. Р. Толерантність: порок или добродетель? / Р. Валитова // Вестник Моск. унта. Сер. 7, Философия. – 1996. – № 1. – С. 33–37.
101. Валлерстайн И. Возможна ли всемирная культура? / И. Валлерстайн // Хрестоматия по культурологии под ред. Кравченко А. И. – М., 2006. – С. 15–27.
102. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI в. [пер. с англ.] / под ред. В. Иноземцева / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003. – С. 5–9.
103. Васильев В. А. К вопросу о толерантности в современной России / В. А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 3. – С. 249.
104. Ващенко Л. Ф. Культура міжнародних відносин / Л. Ф. Ващенко // Науковий вісник : зб. наук.праць. – 2003. – Вип. 1–2. – С. 206–209.
105. Вебер А. Б. В поисках новой парадигмы развития [Электронный ресурс] / А. Б. Вебер // Век глобализации. – 2013. – № 1. // Центр гуманитарных технологий. – 2013.05.03. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5907>.
106. Вебер М. Социология религии. (Типы религиозных сообществ) / М. Вебер // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 78–280.
107. Вевьерка М. Формирование различий // Социс: научный и общественно-политический журнал. – М.: Наука, 2005. – № 8. – С. 13–24.
108. Вернадский В. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / В. Вернадский. – М., 1993. – С. 533–538.
109. Висоцька Н. Виклики розмаїття: яким бути багатокультурному сценарію для України / Н. Висоцька // Агора. Подолання розбіжностей – розвиток особливостей. – К.: Стилос, 2006. – Вип. 4. – С. 5–11.
110. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии [пер. В. Калиниченко] / Л. Витгенштейн // Логос. – 1995. – № 6. – С. 217–230.
111. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г. Н. Волков. – М.: Изд. центр «Академия», 1999. – 168 с.
112. Волкова Д. Всеобщая декларация прав человека и Украина: (материалы обсуждения) / Д. Волкова, О. Корчевская // Юридичний вісник. – 1997. – № 1(XII). – С. 56–101.

113. Волкова Т. В. Социально-философский анализ толерантности как фактора социокультурной интеграции общества: дис.... на соискание степени кандидата филос. наук: 09.00.03. [Электронный ресурс]/ Т. Волкова– Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskii-analiz-tolerantnosti-kak-faktora-sotsiokulturnoi-integratsiibshchest#ixzz3fg4855WE>.

114. Волкова Т. П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности / Т. П. Волкова // Вестник МГТУ. – 2011. – Том 14. – №2. – С. 254–259.

115. Волошина О.В. Основы корекційної педагогіки / О. В. Волошина. – Вінниця: ВДПУ ім. М. Коцюбинського, 2012. – 168 с

116. Ворожейкина Т. Гражданское общество и религия / Т. Ворожейкина и др. // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 7. – С. 74–82.

117. Всемирная Конференция по правам человека. Венская Декларация и программа действия (извлечения) / Корбут Л. В., Поленина С. В. // Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей. Сборник универсальных и региональных международных документов. – М., ИЦ-Гарант, 1997. – С. 71–75.

118. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

119. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/ru/documents/decl.../declarations/cultural_diversity.shtml 2001 года.

120. Вульф Б. З. Воспитание толерантности: сущность и средства / Б. Вульф // Воспитание школьников. – 2003. – №3. – С. 33–35.

121. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. / Л. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – С. 331.

122. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 86 с.

123. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – №7. – С. 19–36.

124. Галецкий В. Ф. Демографические проблемы глобализации: автореферат диссертации канд. экон. наук: спец. «Экономическая теория» 08.00.01. / В. Ф. Галецкий. – М.: 2001. – С. 3.

125. Гальскова Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 1. – С. 3–8.

126. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 336 с.

127. Гараджа Н. Толерантность и религиозная терпимость [Электронный ресурс] / Н. Гараджа // Русский Журнал / Обзоры.– Режим доступа: URL: /www.russ.ru/culture/20041214_names.html.

128. Гарибян К. Размышления о перспективах реализации политического проекта мультикультурализма в постсоветском пространстве: да или нет? [Электронный ресурс] / К. Гарибян.– Режим доступа: URL: http://www.intelros.ru/pdf/gender_issledovaniya/2008_18/18.pdf.

129. Гаюрова Ю. А. Толерантность: психологический и философский анализ феномена / Ю. Гаюрова // Из сб.: «Педагогика в этнокультурных традициях народа». – Изд-я Академии пед. наук. – Воронеж, 2003. – С. 90–101.

130. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель.– М., 1990.– С. 228.

131. Гегель как практик и теоретик образования [Электронный ресурс] / Г. В. Ф. Гегель. – Режим доступа : URL: www.bimbad.ru/docs/hegel.../hegel_vvedenie.pdf.

132. Гезалов Ариз Авяз Оглы. Трансформация общества в эпоху глобализации: социально-философский анализ / А. А. Гезалов. – Рос.акад. наук,

Ин-т философии, Нац. акад. наук Азербайджана, Ин-т философии, социологии и права. – М.: Канон+, 2009. – 286 с.

133. Гершунский Б. С. Философия образования: Учеб.пособие для высш. и сред. пед. учеб. заведений / Б. С. Гершунский. – М.: МПСИ: Флинта, 1998. – 432 с.

134. Гинецинский В. И. Проблема структурирования мирового образовательного пространства / В. И. Гинецинский // Педагогика. – 1997. – № 3. – С. 10–15.

135. Глебкин В. Интеллигенция в современном обществе / В. Глебкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ec-dejavu.ru/i/Intelligentsia.html>. – Название с экрана.

136. Глобальные проблемы человечества как фактор трансформации образовательных систем / Под общ.ред. проф. В. И. Астаховой. – Харьков: Изд-во НУА, 2008. – 395 с.

137. Глузман А. В., Анисимова Л. С., Давкуш Н. В. та ін. Педагогічне моделювання в професійній освіті: колективна монографія / А. В. Глузман та ін. – Симферополь: Изд. «АРИАЛ», 2014. – 204с.

138. Головаха Е. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е. Головаха. – К.: Абрис, 1994. – 168 с.

139. Головаха Є. Суспільство, що трансформується. Досвід соціологічного моніторингу в Україні / Є. Головаха. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 1997. – 143 с.

140. Гольдман Р. Верховный Суд США: Права и свободы граждан / Р. Гольдман, Е. Лентовска, С. Франковски // Аналіз рішень Європейського суду з прав людини. – Варшава, 1997. – С. 58–68, 99–100, 105–107, 136–144, 174–178, 227–240.

141. Гомьен Д., Харрис Д., Зваале Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная Хартия: право и практика / Д. Гомьен – М.: Изд-во Моск. независимого ин-та межд. права, 1998. – 518 с.

142. Горбачов М. С. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития / М. С. Горбачов [и др.]. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 592 с.

143. Гордієнко А. В. Концепція мультикультуралізму в сучасному науковому дискурсі [Електронний ресурс]/ А. В. Гордієнко // Наукові праці Чорноморського держ.ун-ту імені П. Могили. Сер. Політологія. – 2012. – Т. 178, Вип. 166. – С. 17–20.– Режим доступу: URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Npchdupol_2012_178_166_6.pdf.

144. Государственная национальная программа “Образование” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: banauka.ru/4492.html.

145. Гофман А. Б. Социальное – социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» / А. Б. Гофман// Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / [Ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко].– М., 2010. – С. 185–198.

146. Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности / Джон Грей. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.

147. Грива О. А. Толерантність в полікультурному середовищі: [монографія] / О. А. Грива. – К.: Нац. пед. ун-т імені М. П. Драгоманова, 2007. – 275 с.

148. Григорьева Е. Н. Современное социокультурное пространство: социальный аспект // Международный журнал экспериментального образования: материалы конф. – Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2011. – № 5. – С. 97–98.

149. Грищенко О. А. Державна політика щодо культурного різноманіття та етнічних меншин: порівняльний аналіз вітчизняних та зарубіжних підходів (мультикультуралізм, багатокультурність, полікультурність) [Електронний ресурс] / О. А.Грищенко, Н. К. Гончаренко, Є. А.Мягка – Режим доступу: URL: http://www.culturalstudies.in.ua/zv_2005_1_9.php.

150. Грищенко О. М. Мас-медіа у відкритому інформаційному суспільстві й гуманістичні цінності: [монографія] / О. М. Грищенко. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. – 204 с.

151. Гукаленко О.В. Воспитание в современной России / О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк // Педагогика : научно-теоретический журнал / Ред. В.П. Борисенков, В.О. Кутьев. – 2005. – №10 2005. – С. 3–17.
152. Гусев А. И. Толерантність до невизначеності як чинник розвитку ідентичності / А. Гусев. – Дис. канд. психол. наук. – К., 2009. – 233 с.
153. Гуткина И. М. К вариативности связи понятий «пространство» и «культура» / И. М. Гуткина // Пространство цивилизаций и культур на рубеже ХХІв. Саратов, 1999. – С. 64–66.
154. Дакарские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших коллективных обязательств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/ru/events/literacy/dakar.htm.
155. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Данилевский Н. Я. – М.: «Книга», 1991.– С. 123–558.
156. Дацюк С. Теории перспективы [Электронный ресурс] / С. Дацюк. – Режим доступа: URL: lit.lib.ru/d/dacjuk_s_a/text_0050.shtml.
157. Декларация «Об общих основах государственной молодежной политики в Украине», принята Законом Украины от 15 декабря 1992 года, № 2859-ХІІ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.coe.int/t/dg4/youth/Source/.../N10_Youth_policy_Ukraine_ru.pdf.
158. Декларация Мехико по политике в области культуры//Культуры: диалог народов мира. ЮНЕСКО. –1984. № 3. –С. 77.
159. Декларация о культуре мира [Электронный ресурс]– Режим доступа: URL: www.tolz.ru/library/?id=440.
160. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php/.
161. Декларация прав национальностей України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: zakon.rada.gov.ua/laws/show/1771-12.
162. Делез Ж. Ризома / Ж. Делез,Ф. Гваттари // Сб. переводов и рефератов. – Минск.: Красико-принт, 1996. – С. 12.

163. Деррида Ж. Поля философии. Пер. с фр. Д. Кралечкина / Ж. Деррида. – М.: Академический проект, 2012. – 376 с.
164. Дженіс М. Європейське право у галузі прав людини: джерела і практика застосування / М. Дженіс, Р. Кей, Е. Бредлі. – Київ – Будапешт, 1997. – С.137.
165. Джури́нский А. Н. Воспитание в России и за рубежом [Электронный ресурс] / А. Н. Джури́нский.– Режим доступа: URL: window.edu.ru/resource/091/28091/files/prosv028.pdf.
166. Джури́нский А. Н. Поликультурное воспитание в современном мире / А. Н. Джури́нский. – М.: Прометей. 2002. – 72 с.
167. Джури́нский А. Н. Проблемы образования в многонациональном социуме России и на Западе / А. Н. Джури́нский // Инновационные проекты и программы в образовании – 2012. – №4. – С.13–23.
168. Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса / Г. Г. Дилигенский – М.: Институт фонда "Общественное мнение", 2002 – 285 с.
169. Дмитриев Г. Д. Многокультурность как дидактический принцип / Г. Д. Дмитриев // Педагогика. – 2000. – № 10. – С. 34.
170. Довгополова О. А. Принцип толерантности в контексте духовной культуры переходных эпох: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. / Оксана Андреевна Довгополова. – Одесса, 1997. – С. 7–14.
171. Доклад о положении коренных народов мира. Подгот. семью независимыми экспертами и опубликован Секретариатом Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/indigenous.
172. Доклад о развитии человека «Культурная свобода в современном многообразном мире». 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.vesmirbooks.ru.
173. Донбасс и Галичина: межрегиональное взаимодействие и изменения пространственных характеристик украинского общества // Методологія, теорія

та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. пр. – Х.: ВЦ Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна, 2005. – С. 276–287.

174. Драгоевич С. Как разработать культурную (городскую) политику широкого участия / С Драгоевич // Jordi Pascuali Ruiz, Sanjin Dragojevic', Philipp Dietachmair, European Cultural Foundation, Interarts Foundation, ECUMEST Association. [Пер. Б. Аленьев]. – Киев. Центр развития «Демократия через культуру», 2007.– С. 83–118.

175. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л. М. Дробижева // В сб.: Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. – М.: Изд-во РАН, 2006. – С. 10–30.

176. Дрожжина С. В. Культурна політика сучасної полікультурної України: соціально-філософський та правовий аспекти: [монографія] / С. В. Дрожжина. – Донец. держ. ун-т економіки і торгівлі імені М.Туган-Барановського. – Донецьк, 2005. – 198 с.

177. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / Друкер П. – М.: Вильямс, 2003. – 272 с.

178. Дубасенюк О.А. Професійна педагогічна освіта: інноваційні технології та методики. Монографія / За ред. О. А. Дубасенюк. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – 564с.

179. Дулуман Є., Закович М., Рибачук М. Релігієзнавство [Підручник] / Є. Дулуман, М. Закович, М. Рибачук та ін.; за ред. М. Заковича. – К.: Вища школа, 2000. – 315 с.

180. Духи русской революции... Н. А. Бердяев [Электронный ресурс] / Бердяев Н. А. – Режим доступа: URL:www.yabloko.ru/Publ/Articles/berd-1.html.

181. Дьюи Д. Школа и общество: прагматическая педагогика [Электронный ресурс]./ Д. Дьюи. – Режим доступа: URL:www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/.../28.php.

182. Эйне А. Некоторые проблемы истории эллинизма / А. Эйне // Вопросы истории. –1976. – № 4. – С. 72.

183. Еременко А. М. Размышления о луганской Вандее. Взгляд очевидца событий / А. Еременко. – Just A Life, 25.05.2015. – 116 с.
184. Ершова-Бабенко И. В. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности. (Концептуальная модель) [монография] // И. В. Ершова-Бабенко. – Вінниця: NOVAКНУНА, 2005. – 360 с.
185. Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ad Marginem, 2003. – 255с.
186. Жижина М. В. Структурно-функциональный подход к исследованию культурно-психологической компетентности личности [Электронный ресурс]. / М. В. Жижина – Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktsionalnyu-podhod-k>.
187. Жукова Т. А. Актуальные проблемы разработки системы мультикультурного образования в высшей школе / Т. А. Жукова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. –2012. –Выпуск № 153-1. – С. 97–103.
188. Заїнчковський М. Л. Права людини як новоевропейський філософський та політико-правовий феномен: автореф. дис. на здобуття ступеня канд. філос. наук: спец. 12.00.12. «Філософія права»/ М. Л. Заїнчковський. – К., 2003. – С. 3–20.
189. Закон Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите». От 8 июля 2011 года // Газета «Голос Украины» от 3 августа 2011 года, № 142.
190. Закон Украины «О национальных меньшинствах в Украине» от 25 июня 1992 г. № 2495-ХІІ (2495-12) от 25.06.92 // ВВР. – 1992. – № 36. – Ст. 530.
191. Закон Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства». С изменениями, внесенными в соответствии с Законами ВР от 08.06.2000 – до 2005 // ВВР – 2005. – N 35–36. – ст. 446.

192. Закон Украины «О принципах предотвращения и противодействия дискриминации в Украине»... 6 сент. 2012 г. [Эл.ресурс]. – Режим доступа: URL: base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=55125.

193. Закон Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года // ВВР. – 1991. – № 22. – Ст. 262.

194. Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» от 23 апреля 1991 года // ВВР. – 1991. – № 25. – Ст. 283.

195. Закон Украины «О социальной адаптации лиц, отбывающих или отбывших наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок». 21 апр. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.eurasialegal.info.

196. Закон Украины «Об альтернативной (невоенной) службе» от 12 декабря 1991 года № 1975-ХІІ // ВВР. – 1992. – № 15. – С. 188.

197. Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан на временно оккупированной территории Украины» от 10 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.kavkaz-uzel.ru/articles/242360/.

198. Закон Украины «Об образовании» от 23 мая 1991 года, № 1060-ХІІ // ВВР. – 1991. – № 34. – С. 451.

199. Закон Украины «Об объединениях граждан» от 16 июня 1992 года № 2460-ХІ // ВВР. – 1992. – № 34. – Ст.504, с изменениями и дополнениями, внесенными: Законом Украины от 11 ноября 1993 года № 3582-ХІІ // ВВР. – 1993. – № 46. – Ст.427.

200. Закон Украины «Про громадянство України» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.zoda.gov.ua/.../zakon-ukrajini-pro-gromadyanstvo.html.

201. Закон Украины о воинской обязанности и военной службе. От 25 марта 1992 г., с изменениями и дополнениями, в последней редакции от 06.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: uazakon.ru/zakon/zakon-o-voennoy-sluzhbe-2.html.

202. Закон України «Про вищу освіту» // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2002, N 20, ст.134 – 18.09.2012, N 5460-VI (5460-17) від 16.10.2012. // ВВР. – 2014. N 2-3. – Ст.41.

203. Закон України «Про загальну середню освіту» Верховна Рада України; Закон від 13.05.1999. № 651-XIV (Редакція станом на 05.12.2012) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: zakon.rada.gov.ua/laws/show/651-14.

204. Закон України «Про захист суспільної моралі» // ВВР. – 2004. – N 14, ст.192.

205. Законодательство о правах человека [Электронный ресурс]/ Свобода совести. – Режим доступа: URL: www.memo.ru/PRAWO/1_27.htm.

206. Законодательство Украины «Об основах государственной языковой политики» № 5029-VI. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: uazakon.ru/zakon/zakon-ob-yazikovoy-politike.htm.

207. Западный мультикультурализм после кризиса: новые вызовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: inosmi.ru/world/20140711/221603653.html?id.

208. Зарівна О. Толерантність як елемент світогляду і культури / О. Зарівна // Рідна школа. – 2008. – № 6. – С. 21–23.

209. Заславская Т. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: [уч. пособие] / Т. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

210. Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса (ст. и докл. 90-х годов) / А. Г. Здравомыслов. – М., 1999. – С. 59.

211. Зимбули А. Е. Почему терпимость и какая терпимость? / А. Е. Зимбули // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 6. – Вып. 3. – С. 23.

212. Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – 607 с.

213. Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Социологический журнал. –1992. –№ 2. –С. 102–114.

214. Зиновьев Д.В. Социокультурная толерантность – ее сущностные характеристики / Д. В. Зиновьев // Парадигма. –1998. –№ 1. – 51–60 с.

215. Золотухин В. М. Толерантность как проблема философской антропологии: автореф. дис. на соискание степени докт. филос. н.: спец. 09.00.13. «Религиоведение, философская антропология, и философия культуры» / В. М. Золотухин. – Екб., 2006. – 33 с.

216. Игнатов В. С., Пименова Д. В. Информационное пространство. Структура и функции / В. С. Игнатов, Д. В. Пименова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Вып. № 3. – 2007. –С. 3–10.

217. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 249–260.

218. Иноземцев В. Л., Кричевский Н. А. Экономика здравого смысла / Никита Кричевский, Владислав Иноземцев. – М.: Эксмо, 2009. – 221 с.

219. Интеркультурализм – Либеральная Миссия [Электронный ресурс] / Интеркультурализм. – Режим доступа: URL: www.liberal.ru/articles/5596.

220. Информационное пространство. Структура и функции – Режим доступа: URL: cyberleninka.ru/.../informatsionnoe-prostranstvo-struktura-i-funktsii.

221. Исаев В. А. Образование взрослых: компетентностный подход [уч.-метод. пособие] / В. А. Исаев, В. И. Воротилов –СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2005.–92 с.

222. Ірхіна Ю. В. Формування у учнів ставлення до толерантності як соціально значущої цінності в навчанні гуманітарним дисциплінам / Ю. В.Ірхіна // Новітні педагогічні технології: проблеми та перспективи початкової школи: всеукр. наук.-практ. конф. (Одеса, 19–20 квіт. 2006 р.). – Одеса, 2006. – С. 111–114.

223. Іщенко В. О. Структура та динаміка етнічної толерантності населення України / В. О. Іщенко, А. Ю. Чепур // Наук.записки. Соціологічні науки. – НУ «Києво-Могилянська академія». – 2002. – Т. 20. – С. 17–36.

224. Кавалеров А. И. Цінність у соціокультурній трансформації: [монографія] / А. И. Кавалеров. – О.: Астропринт, 2001. – 224 с.
225. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. Каган. – М., 1988. – С. 90–91.
226. Каган М. Философская теория ценности / М. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
227. Казачинський Є. Г. Проблема толерантності під час проведення виборчих кампаній в Україні / Є. Г. Казачинський // Наукові праці. – 2006. – Вип. 27. – Т.40. – С.17–20.
228. Кальной И. И. Философия права [учебник]. / И. И. Кальной. – М.:ЮЦ Пресс. – 2006. – 259 с.
229. Кальной И. И. Гражданское общество. Истоки и современность / И. И. Кальной, И. И Лопушанский. – М.: Изд-во ЮЦ Пресс.– 2006. – 490 с.
230. Канарская О. В. Теоретические основы формирования положительной учебной мотивации (инновационный подход) / О. В. Канарская. – СПб, 2002. – С. 58–59. Кант И. К вечному миру // Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 5–56.
231. Канарш Г. Ю. Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики / Г. Канарш // Культура и общество. – 2011. №1. – С. 87–95.
232. Кант И. К вечному миру / И. Кант // Соч.: в 8 т. –М., 1994. –Т. 7.– С. 5–56.
233. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Каптерев. – М., 1982. – С. 250.
234. Кара-Мурза С. Г. Россия как цивилизация / С. Г. Кара-Мурза // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: мат-лы всерос. научно-практ. конф. – М.: Научный эксперт. – 2010. – с. 132 .
235. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]/ М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

236. Кац М. Н. Формы современной украинской семьи: аксиологический аспект / М. Н. Кац // Вісник СевНТУ: зб. наук.пр. –2012. – Вип. 126. Філософія.– С. 54–58.

237. К вопросу о толерантности как к принципу гуманизма... Н.Кузанский, Т.Мор, Аконцио, Кастельон, Д.Коонгерт, В.Вильямс, Б.Спиноза, Дж.Локк, Вольтер[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.rusnauka.com/14_ENXXI.../2_138011.doc.htm.

238. Кимлика У. Либеральное равенство / У.Кимлика // Современный либерализм[пер. с англ. Л. Б. Макеевой]. – М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 36–145.

239. Кирабаев Н.С. Мультикультурализм – это теория, практика и политика... [Электронный ресурс] / Н. С. Кирабаев – Режим доступа: URL: sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/Kirabaev.htm.

240. Кислюк К. В. Історіософія в українській культурі: від концепту до концепції / К. Кислюк.– Х.: ХДАК, 2008. – 288 с.

241. Кирюхин Д. Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // В кн.: Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики: [монография] / [ред.: М. Б. Погребинский, А. К. Толпыго] / Д.Кирюхин – М.: Весь Мир, 2013. – С. 219 – 236.

242. Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности [уч. пособ.] / Е.Ю. Клепцова. –М.: Академ. проект, 2004. – 176 с.

243. Князева Е. Н. Конструирование будущего [Электронный ресурс]/ Е. Н. Князева // Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды: мат-лы международной конференции (Москва, 26–28 ноября, 2007 г.). –Режим доступа: URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/>.

244. Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса/ Е. Н. Князева. – М, 1995.– 228 с.

245. Коадик Р. Л. Мультикультурализм // EAWARN — Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

[Электронный ресурс]. / Р. Л. Коадик. – Режим доступа: URL: http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/02_Multiculturalizm.htm.

246. Козловець М. А. Феномен національної ідентичності: виклики глобалізації [Монографія]/ М. Козловець. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – 558 с.

247. Козлова О. Н. Социология духовной жизни/ О. Н. Козлова. – М.: Рос.гос. гуман. ун-т. – 2004. – 197 с.

248. Колесник О. Г. Ідеї толерантності в філософсько-етичних навчаннях / А. Г. Колесник // Виховання і культура. – 2014. – №2–3 (37–38). – С. 26–28.

249. Колин К. К. Приоритетные направления развития системы обучения и воспитания / К. К. Колин // Синергетика и учебный процесс. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – С. 47–55.

250. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: [учебное пособие] / З. И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

251. Компанієць В. В. Управління розвитком соціально-економічних систем у духовно-моральному та соціокультурному вимірі [монографія] / В. В. Компанієць – Х.: УкрДАЗТ, 2011. – С 134.

252. Кононов І. Донбас: етнічні характеристики регіону / І. Кононов // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2003. – № 2. – С. 7–12, 72–98.

253. Конституция Украины с изменениями от 21.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: meget.kiev.ua > Законы.

254. Конфліктний вимір етнонаціонального розвитку України... О. Кривицька [Электронный ресурс]/ О. Кривицька – Режим доступа: URL: www.dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/handle/123456789/8735.

255. Концептуальні засади гуманітарної освіти в Україні (вища школа) // Інф. бюлетень Міністерства освіти і науки України. – К., 1996. – С. 215–216.

256. Концепция (теория) Тойнби: вызов-и-ответ [Электронный ресурс] / А. Тойнби. – Режим доступа: URL: www.vikent.ru/enc/814/.

257. Корогодов И. Политика мультикультурализма как политика интеграции иммигрантов в национальное социальное государство [Электронный ресурс] / И. Корогодов // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2. – Режим доступа : URL: www.beljournal.evolutio.info/.

258. Косиченко А. Г. Влияние глобализации на культуру и ценности человека [Электронный ресурс] / А. Косиченко. – Режим доступа: URL: <http://www.kisi.kz/old/Parts/Globaliz/12-29-01Kosichenko.htm>.

259. Котельников В. С. Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции [Электронный ресурс] / В. С. Котельников // Доклад «Государство и антропоток»: демография, миграция, идентичность. – Режим доступа: URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/>.

260. Кравцов Ю. С. Філософське призначення освіти у процесі морально-правової ідентифікації людини: [монографія] / Ю. С. Кравцов – Дніпродзержинськ: Видавництво ДДТУ, 2012. – 225 с.

261. Красин Ю. А. О конфликте цивилизаций и практических шагах к устойчивому миру миров / Ю. А. Красин // От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. наброски проблемного анализа/ [Под общ.ред. С. С. Сулакшина]. – 2-е изд-е. – М.: Научный эксперт, 2006. – С.125–130.

262. Кремень В. Філософія людиноцентризму в освітньому просторі. Філософія людини і освіти / В. Кремень. – К.: «МП Леся», 2012. – С. 511–519.

263. Кричевский С. В. Насилие и толерантность в отношениях с окружающей природной средой // С. В. Кричевский / Насилие и толерантность: история, современность, перспективы: докл. и выст. Международный научно-практический семинар, (Москва, 20-21 октября 2006 г.) / [Сост. и ред. У. Новотный, А. Назаретян, О. Андреева]. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 105–109.

264. Кротков Е. А. Анатомия толерантности: феноменологический анализ / Е.А. Кротков // Толерантность – мировоззрение современного общества: сборник научных трудов / [под ред. И. Ф. Исаева]. – Белгород, 2002. – С. 30–45.

265. Круглова Н. В. Актуализация толерантности к неопределенности в эпоху кризиса / Н. В. Круглова // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. – 2009. – № 110. – С. 298–304.

266. Круглова Н. В. К вопросу о первом историческом типе толерантности / Н.В. Круглова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009 г. – № 97. – С 131–137.

267. Круглова Н. В. Этапы становления толерантности как социокультурной нормы / Н. В. Круглова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – №4 (29) – С. 109–112.

268. Крутий И. А. Транснациональное взаимодействие и качество человеческого капитала / И. А. Крутий, И. К. Зангиева // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 1. (январь-февраль). – С. 77–85.

269. Кузина И. Г. Социальные и личностные факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе / И. Г. Кузина, А. В. Винокурова // Вестник Дальн. гос. техн. ун-та. – 2009. – № 1 (1). – С. 156.

270. Кукарцева М.А. Философия истории в США второй половины XXвека: Социально-эпистемологический аспект. Автореф. дис...д-ра. филос. наук. [Текст] / М.А. Кукарцева –М., 1999. – 45 с.

271. Кузнецов В. Что такое глобализация? / В. Кузнецов // МэиМО. – 1998. – № 2. – С. 13–14.

272. Культура, культурология и образование (мат-лы «круглого стола»). Выступление В. А. Лекторского // Вопросы философии. – 1997. № 2. –С. 4.

273. Культурное разнообразие: политика интеркультурализма [Электронный ресурс] / Культурное разнообразие. – Режим доступа: URL: www.miscp.ru/assets/docs/interculturalism.pdf.

274. Культурология: учебник / [Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана]. – М., 2007. – С. 360.

275. Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ /А. И. Куропятник //

Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. 3. – 2000. – №2. – С. 55–66.

276. Лебедева Н. М. Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления / Н. М. Лебедева // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С. 104–115.

277. Левитт Т. Маркетинговая миопия / Т. Левитт // В кн.: Классика маркетинга: сборник работ, оказавших наибольшее влияние на маркетинг: Пер. с англ / Сост. Б. М. Энис, К. Т. Кокс, М. П. Моква; Пер. Т. Виноградова, Д. Раевская, Л. Царук, А. Чех; Под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 2001. – С. 11–34.

278. Левицька Л. А. Розвиток полікультурної освіти у вітчизняній та зарубіжній педагогіці /Л. А. Левицька // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах. – 2013. – Вип. 29 (82). – С. 276–281.

279. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 27.

280. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 44–58.

281. Леонова О. Социокультурное пространство как педагогическая реальность. / О. Леонова // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2006. – № 1. – С. 36–40.

282. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. / В. Леонтович. – М., 1995. – С. 4–5.

283. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. / А. Н. Леонтьев. – М.: Приор. – 1983. – 117 с.

284. Леонтьев Д. А. К операционализации понятия «толерантность» / Д. А. Леонтьев // Вопр. психологии. – 2009. – № 5. – С. 3–16.

285. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев. – Режим доступа: URL: mary1982.narod.ru/leontiev.html/.

286. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер, с фр. Н.А. Шматко / Ж.-Ф. Лиотар.– М.: Институт эксп. социологии, Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
287. Липкин А. И. К вопросу о понятиях национальной общности и национального культурного ядра / А. И. Липкин // Вестник российской нации. – 2012. – № 4 – 5. – С. 155–176.
288. Лихачев Б. Т. Педагогика / Б. Т. Лихачев. – М.: Юрайт, 2003. – С 31.
289. Лиферов А. П. Корпоративные структуры в системе непрерывного профессионального образования / А. П. Лиферов. – Москва: Изд. дом Рос. академия образования, 2009. – 255 с.
290. Локк Дж. и др. Английское свободомыслие / Дж. Локк, Д.Толанд, А. Коллинз / [Ред. колл.: А. Ф. Окулов и др.] – М.: Мысль, 1981. – С. 26–78.
291. Лосский Н. О. Экономический строй и интеллектуализация общества / Н. О. Лосский // Новый Град. – 1939. – № 14. – С. 69–78.
292. Лотман Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. / Ю. М. Лотман. – СПб., 2000. – 704 с.
293. Лукашева К. А. Право, мораль, личность / К. А. Лукашева. – М.: "Наука", 1986. – 264 с.
294. Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – М., 2004. – 356 с.
295. Мадатов А. С. Теория и история демократии / А. С. Мадатов // Авторские программы учебных курсов по политологии / [Под общ.ред. проф. Ирхина Ю. В.] / Мадатов А. С. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 147–166.
296. Малахов В. С. Грозит ли Европе исламизация? / В. С. Малахов // Отечественные записки. – 2013. – № 1 (52). – С. 281–301.
297. Малахов В. С. Национализм и культурный плюрализм / В. С. Малахов // Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – С. 257–260.
298. Малхозова Ф. История местного самоуправления в России /Малхозова Ф. –М.:РАГС, 2010. – 100 с.
299. Мамедова Н. А., Иванов А. А. Совершенствование механизмов государственной поддержки инвестиционных проектов в сфере инноваций / Н.

А. Мамедова, А. А. Иванов // Всероссийская научно-практическая конференция "Развитие инновационной экономики в России". Труды вольного экономического общества России // Москва, 2010. – 1001 с. – С. 979-983.

300. Мамонова В. А. Мультикультурализм: разнообразие и множество. [Текст] / В. А. Мамонова // Интелрос. – 2007. – №2. – С. 29–38.

301. Манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму //Здравый смысл. – 1999. – № 13.– С. 2–36.

302. Маркс К. К еврейскому вопросу / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М., 1962. – Т. 1. – С. 390–404.

303. Маркус В. Рівні перед Богом і державою / В. Маркус // Віче. –1993. –№3. – С. 33.

304. Маслова Н. В. Ноосферное образование / Н. В. Маслова. – М.: Инст. Хододинамики, 2002. – С. 32–35.

305. Масловский В. М. Веберовская концепция патримониализма и ее современная интерпретация / В. М. Масловский // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 18–24.

306. Маслоу А. Психология бытия / А. Маслоу. – К.: Ваклер, 1997. – 300 с.

307. Мацик К. В. Крос-культурна комунікація в освітньому сегменті інформаційного суспільства: автореф. дис. ... на здобуття ступеня канд. філос. наук: спец.09.00.10. «Філософія освіти» / К. Мацик – К., 2007. – 20 с.

308. Межуев В. М. Философия культуры: Эпоха классики: Курс лекцій. / В. Межуев / 2 е изд.–М., 2003. –С. 25–26.

309. Международные акты о правах человека // Юридический вестник. – 1998. – № 4. – С. 56–60.

310. Мейен С. В. Принцип сочувствия / С. Мейен // Пути в неизвестное. – М., 1977. – С.47.

311. Меркель заявила о провале мультикультурализма. [Электронный ресурс] / Меркель. – Режим доступа: URL: www.bbc.co.uk/russian/.../101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml.

312. Микитинец А. Ю. О методологическом значении метаантропологии в современном философском дискурсе / А. Ю. Микитинец. // Ученые записки ТНУ им. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2009. – Том 22 (61). – № 1. – С. 76–81.
313. Милль Дж. Ст. Утилитарианизм / Дж. Милль // Утилитарианизм. О свободе. – С.-Петербург: Издание книгопродавца И. П. Первозникова. – 1990. – С. 188–189.
314. Министерство Образования и Науки РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: минобрнауки.рф.
315. Мнения и взгляды жителей юго-востока Украины: апрель 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: slon.ru/.../na-yugo-vostoke-ukrainy-v-sotsoprosakh-70-vyskazalis-protiv.
316. Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. [Электронный ресурс] / У. Монтер. – Режим доступа: URL: www.krotov.info/libr_min/13_m/on/ter_00.htm.
317. Монтескье Ш. Избранные сочинения / Монтескье Ш. / Под ред. М.П. Баскина. – М. : Изд-во политической литературы, 1955. – 799 с.
318. Мороз В. Загроза європейській толерантності в умовах інтеграційних процесів / В. Мороз // Молода нація. – 2003.–№4 (29).–С.71–78.
319. Мультикультурализм в Украине. [Электронный ресурс] / Мультикультурализм. – Режим доступа: URL: polemika.com.ua/news-121768.html.
320. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / [Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова]. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 48–251.
321. Муляр В. Самореалізація особистості як соціальна проблема (філософсько-культурологічний аналіз) / В. Муляр.– Житомир: ЖІТІ, 1997. – 214 с.
322. Мысык И. Г. Культура философствования и обучение / И. Г. Мысык // Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія. – 2011.–№ 1 (13). –С. 12–14.

323. На фоне оранжевой революции: Украина между Востоком и Западом: Вчера, сегодня, завтра / [Под ред. К. Ф. Затулина]. – М.: ОАО «Московские учебники и картолитогрфия». – 2005. – С. 135.

324. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения [Электронный ресурс]/ Дж. Най // Свободная мысль – XXI». –2004. – № 10.– Режим доступа: URL: <http://www.postindustrial.net>.

325. Наталуха В. В. Трудный диалог внутри общечеловеческой цивилизации / В. В. Наталуха // Діалог цивілізацій: нові принципи організації світу: мат-ли Всесв. конф. Київ (24.05.2002 р.). – К.: МАУП, 2002. – С. 73–84.

326. Национализм в эпоху глобализации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: All-politologija.ru/all-politologija.ru/.../nacionalizm-v-epoxu-globalizacii.

327. Национальная доктрина развития образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.chelatt.ru/.../natsionalnaya_doktrina_razvitiya_obrazovaniya_izvlechenie/.

328. Начев А. П. Ценностные ориентации личности в контексте информатизации общества: дис. ... канд. филос. наук:09.00.03. / А. Начев. – Одесса, НПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. – 172 с.

329. Николсон П. П. Толерантность как моральный идеал / Питер П. Николсон // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация. О книгах / науч. ред. М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. – С. 129–146.

330. О положении цыган [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [minelres www.minelres.lv/.../FCNM%20NGO%20report%202006%20roma-anne](http://minelres.lv/.../FCNM%20NGO%20report%202006%20roma-anne).

331. О практике двойного гражданства в Германии и России [Электронный ресурс]/ О практике двойного гражданства.– Режим доступа: URL: www.regnum.ru.

332. Об обеспечении доступности получения высшего образования абитуриентами и студентами высших учебных заведений из Автономной Республики Крым и города Севастополя. Проект постановления Верховной

Рады Украины от 21.03.2014 № 4517. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
URL: search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/.../DG3HH00A.html

333. Образование — Декларации — Декларации, конвенции ...
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
URL: www.un.org/ru/documents/decl.../decl_education.shtml.

334. Огороков В. Б. Очевидность как фундаментальная проблема "чистых наук"» (Декарт и Гуссерль у истоков сознания) / В. Огороков // *Sententiae: Збірка наукових праць спілки дослідників модерної філософії (Паскалівського товариства)*. – Вид. «УНІВЕРСУМ-Вінниця», 2001. – № 1. – С. 30–39.

335. Орлов Б. Европа с человеческим лицом (Социокультурные аспекты европейской цивилизации) / Б. Орлов // *Мировая экономика и международные отношения* / РАН. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – 2005. – N 12. – С. 67–75.

336. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Р. Осборн. – М.: АСТ; Астрель, 2010. – 764 с

337. Осипов А. М. Социология образования перед новыми проблемами / А. М. Осипов, В. В. Тумалев – Омск, 2003. – 100 с.

338. Паин Э. А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму / Э. А. Паин // *Вестник Института Кеннана в России*. – 2011. – № 20. – С. 78–85.

339. Палаткина Г. В. Этнопедагогические факторы мультикультурного образования: дис ... доктора пед. наук: 13.00.01. / Г. Палаткина. – М., 2004. – С.195.

340. Палаткина Г. В. Сущностные характеристики мультикультурного образовательного пространства / Г. В. Палаткина, Г.В.Миронова // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. – 2006. – Выпуск № 4. – С. 349–353.

341. Пальчевський С. С. Сугестопедагогіка / С. Пальчевський. – Рівне : РДГУ, 2002. – 393 с.

342. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование [Электронный ресурс] / А. С. Панарин // Фрагменты выступления на методологическом семинаре в МосГУ . – Режим доступа : URL: www.hdirussia.ru/373.
343. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М., 2003. – С. 427–428.
344. Паніна Н. Молодь України: структура цінностей, соціальне самопочуття і морально-психологічний стан в умовах тотальної аномії / Н. Паніна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – К.– 2001. – № 1. – С. 5–26.
345. Парех Б. Переосмысливая мультикультурализм: культурное разнообразие и политическая теория (фрагмент) / Б. Парех // Хрест. по дисциплине «Современная политическая философия: либерализм, коммунитаризм, мультикультурализм» / [авт., сост. Хомяков М. Б.]. – Екатеринбург, 2007.– С. 60–95.
346. Патриотизм или Мир? – Толстой Лев Николаевич [Электронный ресурс] / Лев Толстой. – Режим доступа: URL: www.levtolstoy.org.ru/lib/sb/book/3148.
347. Певзнер М. Н. Билингвальное образование в контексте мирового опыта / М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин. – Новгород, 1999. – 263 с.
348. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – С. 183–184.
349. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Ч. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 412 с.
350. Покровская Н. Н. Глобализация как проблема культуры / Н. Покровская // ЛиК. – 2000. – №3. – С. 12.
351. Покровский Н. Е. Глобализация и конфликт / Н. Покровский // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1999. – № 2. – С. 21–36.
352. Полежаев Д. В. Философско-образовательные аспекты толерантности: понимание и осуществление [Электронный ресурс] / Толерантность в

современном мире: опыт междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. I Межд. науч.-практ. конф. / [под научн. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой]. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011.–С.74–76–Режим доступа: URL:<https://www.hse.ru/.../Сборник.Толерантность%20в%20современном%20обществе.pdf>.

353. Политическая декларация совещания Генеральной Ассамблеи высокого уровня в ознаменование десятой годовщины принятия Дурбанской декларации и Программы действий «Вместе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», Нью-Йорк 22. 09 2011г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/racism2011.shtml.

354. Понарина Н. Н. Глобализация высшего образования и проблемы интернационализации образовательных систем / Н. Понарина // Общество, социология, психология, педагогика. – М.: ХОРС. – 2012. № 3. – С. 37–41.

355. Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В. Н. Садовский / К. Поппер – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

356. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. –Киев: Ваклер, 2000. – 352 с.

357. Приянчук И. Место Украины в формировании европейского правового пространства / И. Приянчук // Право України. – 1998. – № 7. – С. 68–72.

358. Прокофьев А. В. Теория межкультурной справедливости: поиск нормативных оснований / А. В. Прокофьев // Человек. 2006. – № 1. – С. 216–237.

359. Разлогов К. Геополитика культуры / К. Разлогов // Свободная мысль. – 2002. – N 9. – С. 93–99.

360. Раскол или новая идентичность? – Русская линия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: rusk.ru/st.php?idar=23045.

361. Растоу Д. А. Переходы к демократии. Попытки динамической модели

/ Д. А. Растоу // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5–6.

362. Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. В 3-х томах. Том 3. / Дж. Реале, Д. Антисери. – 1996. – С. 117.

363. Резнік О. Політична самоідентифікація особистості за умов становлення громадянського суспільства / О. Резнік. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 2003. – 184 с.

364. Рибка Н. М. Єдиний освітній простір як інтегративна система: соціально-філософський аспект: дис. ... канд. філос. наук: 09.00.03 / Н. М. Рибка. – Одеський нац. політехнічний університет. – Одеса, 2005. – 286 с.

365. Ризниченко Г. Ю. Нелинейное мышление и экологическое сознание / Г. Ризниченко // Синергетическая парадигма. – М. – 2000. – С. 474–476.

366. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логич. введ. в ист. науки / Г. Риккерт / Вступ. ст. Б. Маркова. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.

367. Риктор Т. Л. Глобализация или шаг в рисковость // Интеллект. Особистість. Цивілізація: тематичний збірник наукових праць із соціально-філософських проблем. Випуск 3. / [Головн. ред. О. Шубін]. – Донецьк: Дон ДУЕТ, 2005. – 323 с.

368. Розов Н. С. Философия гуманитарного образования: ценностные основания и концепция базового гуманитарного образования в высшей школе / Н. С. Розов. – М., Исследоват. Центр. – 1993. – С.12–44.

369. Романенко И. Б. Образовательные парадигмы в истории философии: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня докт. филос. наук: спец: 09.00.11 «Социальная философия» / И. Б. Романенко. – СПб., 2003. – С. 7–8.

370. Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм / Р. Рорти // Логос. Избранное, 1991–2005. Т. 2., М. – С. 162–259.

371. Ростецька С. І. Проблема толерантності в транзитних демократіях / С. І. Ростецька // Наука і освіта. – 2010. – №1. – С. 64–68.

372. Рубинштейн С. Принципы творческой самодеятельности / С. Рубинштейн // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 89–95.

373. Рудь М. В. Формування громадянських якостей старшокласників у навчально-виховному процесі загальноосвітньої школи (в умовах полікультурного регіону): дис. ...канд. пед. наук: 13.00.05/ М. В. Рудь. – Луганськ, 2002. – С. 18.

374. Рукавишников В. О. Социальная динамика и социальная напряженность в обществе переходного периода / В. О. Рукавишников // Демография и социология. – М., 1994. – Вып. 11. – С. 31.

375. Русские школы Латвии готовят к «Реформе-2018». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: rus.tvnet.lv/.../251510-russkije_shkoli_latvii_gotovjat_k_rjeformje2018.

376. Ручка А. Особенности системной трансформации современного украинского общества / А. Ручка // Современное общество.– 1994.– № 4. – С. 6–15.

377. Сагатовский В. Н. Храм и путь к нему. (О ключевых ценностях образования) / В. Сагатовский // Философия образования для XXI века. – М., 1992. – С. 82–87.

378. Сарапульцев П. А. Крах мультикультурализма [Электронный ресурс] / П.А. Сарапульцев. – Режим доступа: URL: lib.rus.ec/b/397634/read.

379. Свобода убеждений, совести и религии в современной России / Специализированный инф.-аналитический доклад – М., 2007. – С.12.

380. Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах / И. Семененко // МЭ и МО. – 2006 – №10. – С. 58–71.

381. Сен А. Развитие как свобода. [Пер. с англ. Е. Полецкой; ред. и послесл. Р. М. Нуреева] / А. Сен.– М.: Новое издательство, 2004. – 425 с.

382. Сергеева О. Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) / О. Сергеева // Вест. Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. –№ 2 (17). –С. 74–79.

383. Силкина Л. В. Социально-философские основания анализа культурного пространства: дисс.... канд. филос. наук: 09.00.11./ Л. В. Силкина. – Саратов, 1999.–130 с.
384. Система образования Швейцарии – Современная школа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: russia-school.com/index.php/archives/2072.
385. Скворцов Л. В. Толерантность: иллюзия или средство спасения?/ Л. В. Скворцов // Октябрь.–1997. – № 3. – С. 97–141.
386. Скирбекк С. Неадекватная культура: Современная идеология и человек / С. Скирбекк. – М.: Изд-во «МИК», 2003. – С. 91.
387. Скловський І. З. Метафізика української ідеї в контексті її етносоціальних змін на межі тисячоліть: дис. ... доктора філос. наук: 09.00.03 / І. З. Скловський. –Кіровоград, 2013. – 401 с.
388. Слободчиков В. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры / В. Слободчиков // Новые ценности образования: культурные модели школ. Вып. 7. Инноватор-Bennet college.– М., 1997.–С. 177–184.
389. Слющинський Б. Процеси акультурації і декультурації в українському Приазов'ї як чинник формування специфічної міжкультурної комунікації / Б. Слющинський // Соціологічні дослідження культури: концепції та практики: кол. монографія. – К.: Ін-т культурології Нац.акад. мистецтв України, 2010.– С. 162–200.
390. Согрин В. Демократия в США: от колониальной эры до XXI в. / В. Согрин. – М.: Весь Мир, 2011. – 368 с.
391. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова –М.: Смысл, 1998. – 389 с.
392. Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич.– М.: Алгоритм, 2011. – 624 с.
393. Сорокин П. А. Система социологии / П. А. Сорокин. – М.: Астрель, 2008. – С. 160–168.

394. Софія Русова – педагог, державний діяч, просвітител ь [Електронний ресурс]/ С. Русова. – Режим доступу: URL: www.dnrb.gov.ua/datas/upload/files/Rusova_pokazchuk.pdf.

395. Социально-философские основания толерантности ... Балханов Гавриил Иванович [Электронный ресурс]/ Г. И. Балханов. – Режим доступа: URL: cheloveknauka.com/sotsialno-filosofskie-osnovaniya-tolerantnosti.

396. Социологическая энциклопедия: В 2-х т. // Национальный общественно-научный фонд / [Руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов]. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.

397. Ставицкий А. В. Украина и проблема национальной идентичности [Электронный ресурс]/ А. В. Ставицкий. – Режим доступа: URL: <http://www.rusprostranstvo.com/article/view/58>

398. Степанов П. У нации своя душа, свое духовное начало (цикл уроков в старших классах) / П. Степанов // Учительская газета. – 2001. – № 35. – С. 12–13.

399. Степин В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП – 2011. – 408 с.

400. Стігліц Дж. Глобалізація та її тягар / Дж. Стігліц; [пер. з англ. А. І. Іщенко]. – К.: Вид.дім «КМ Академія», 2003. – 252 с.

401. Стрелкова Ю. А. Современное социокультурное пространство Украины и славянофилы / Ю. А. Стрелкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – Вып. 6-2, Ноябрь, Философские науки. – С. 12–14.

402. Сукиасян Э. Р. Воспитайте в себе толерантность / Э. Р. Сукиасян // Школьная библиотека, 2007. – № 2. – С. 35–37.

403. Сэндел Майкл Дж. Либерализм и пределы справедливости/ М. Дж. Сэндел // Современный либерализм; [пер. с англ. Л. Б. Макеевой]. – М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 203–213.

404. Табачківський В. Г. Людина в цивілізації ХХІ століття: проблема свободи / В. Г. Табачківський, М. О Булатов, Т. В. Лютий. – Київ: Наук. думка –

2005. – 272 с.

405. Табачник Д. Мир без Украины? Д. Табачник. – К.: Фоліо, 2009. – 544 с.

406. Тарасенко В. Социальная идентификация украинского общества / В. Тарасенко, Д. Иваненко // Общественная трансформация: концептуализация, тенденции, украинский опыт. – К., 2004. –С. 175.

407. Тарнопольський О. Б. Навчання через зміст спеціальності в курсах іноземної мови для спеціальних цілей у немовних вишах / О. Б. Тарнопольський // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Педагогічні науки. Частина II. – Луганськ, 2011. – № 12 (223). – С. 147–156.

408. Тейлор Ч. Пересечение целей: Спор между либералами и коммунитаристами / Ч. Тейлор // Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция. – С. 219–248.

409. Терборн Г. Глобальное неравенство: возвращение класса / Г. Терборн // Глобальный диалог. – 2011. – Т.2. –№1.– С. 3–5.

410. Тишков В. А. Теория и практика мультикультурализма / В. А. Тишков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ; [под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова]. – М., 2002. – С. 335–340.

411. Глостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации/ М.В. Глостанова // Вопросы социальной теории. –2011. –Том V. –С. 126–149.

412. Толерантность и разрешение... Сьюзен Мендус, Локк: толерантность, мораль и рациональность. elar.ufrj.br/bitstream/10995/1440/6/1324430_methodbooks_Vol1.pdf [Электронный ресурс] / Сьюзен Мендус. – Режим доступа: URL: www.vevivi.ru/.../Tolerantnost-i-multikulturalizm-kak-protsessy-sovremennogo-obshchestva-ref228268.html.

413. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008 – 560 с.

414. Трыков В. П. Формирование теоретической модели современной высшей школы: постмодернистская концепция высшего образования Жана-Франсуа Лиотара // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – № 3 (май — июнь).[Электронный ресурс] /В. П. Трыков – Режим доступа: URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/.
415. Тхагапсоев Х. Г. О новой парадигме образования / Х. Тхагапсоев // Педагогика. – 1999. – № 1. – С. 105, 109.
416. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. – М: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги (ДИК), 2000. – 160 с.
417. Уроки мультикультурализма от Баку – Кавполит[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: kavpolit.com/.../uroki_multikulturalizma_ot_baku-24112/.
418. Урсул А. Д. На пути к модели образования XXI века / А. Д. Урсул // Синергетика и учебный процесс. – М., 1999. – С. 128.
419. Урсул А. Д. Культура, образование, безопасность в новой парадигме развития / А. Д. Урсул, А. Л. Романович // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. –М., 2003. – С. 438.
420. Условие выживания – Каббала, наука и смысл жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.laitman.ru/crisis/46856.html.
421. Устав ООН – многостороннее международное соглашение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm.
422. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.un.org/ru/documents/charter/.
423. Ушинский К. Д. Педагогические приложения к специально-психологической части / К. Д. Ушинский // Собр. соч. в 11 т.– М.: 1950. – Т.10. – С. 178–181.
424. Уэйн К. Образование и толерантность / К. Уэйн //Высшее образование в Европе. – 1997. – Т. XXI. – № 2. – С. 14–15.
425. Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И.

Е. Фарбер. – Саратов, 1974. – 134 с.

426. Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: base.garant.ru/135765.

427. Фельдман А. Взвешенная этнонациональная политика украинского государства...» [Электронный ресурс]/ А. Фельдман. – Режим доступа: URL: podrobnosti.ua/society/2012/10/02/861311.htm.

428. Философия Ильина [Электронный ресурс] / И. Ильин. – Режим доступа: URL: www.grandars.ru/college/filosofiya/filosofiya-ilina.htm.

429. Філософський словник / [за ред. В. Шинкарука]. – 2-ге вид., перероб. і допов. – К.: Головна редакція УРЕ, 1986. – 800 с.

430. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / [пер. с англ]. – М: Издательство «Весь Мир», 2003. — с. 30.

431. Форсова В. В. О религиозных корнях толерантности / В. В. Форсова // Социс. –2001. – №1. – С. 54–61.

432. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.– С. 25–97.

433. Франц А. С. Нравственная культура: стратегия исследования идеального образа / А. Франц. – Екатеринбург: РГППУ, 2005. – С. 160–165.

434. Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века / Т. Фридман. – Public Affairs, New York, 2008. – С. 45.

435. Фромм Эрих. Концепция человека у К. Маркса [Электронный ресурс]/ Э. Фромм. – Режим доступа: URL: avtonom.org/lib/theory/fromm/marx.html.

436. Фрумин И.Д. Гражданское образование: спорные моменты и возможные тенденции / И. Д. Фрумин // Директор школы. –1997. –№ 5.– С. 57–66.

437. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 84–118.

438. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – К.:Ника-Центр, 1996. –С. 25–195.

439. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас.– СПб.: Наука, 2001. – С.107, 169, 170.

440. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.

441. Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 38–52.

442. Халілова-Чуваєва Ю. О. Європейська політика мультикультуралізму і криза національної ідентичності: політичний аспект / Ю. О. Халілова-Чуваєва, І. В. Бубнов // Вісник Донецького національного університету економіки і торгівлі ім. Михайла Туган-Барановського. Сер.: Гуманітарні науки. – 2013. – Вип. 2. – С. 66–77.

443. Хамитов Н. Философия человека: от метафизики к метаантропологии / Н. Хамитов. – Ника-Центр, Институт общегум. исследований. – 2002. – 336 с.

444. Хамитов Н. Метаантропология как философия морального воспитания в условиях мультикультурного мира // Тезисы выступления на Всемирной философской конференции в Южной Корее, в городе Джинджу 18–20 июля 2011 г. [Электронный ресурс]/ Н. Хамитов, С. Крылова. – Режим доступа: URL: aphy.net/texts/578-International-cooperation.

445. Ханстантинов В. О. Проблема толерантности в контексті політичної культури сучасного українського суспільства / В. Ханстантинов // Наукові праці. – 2006. – Вип. 27. – Т. 40. – С.21–23.

446. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова] / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

447. Хлыщева Е. В. Специфика российского мультикультурализма: региональный подход / Е. В. Хлыщева // Фундаментальные проблемы культурологии. М.– СПб.: «Новый хронограф, Эйдос», 2009. – Т.7: Культурное многообразие: теории и стратегии. – 256 с.

448. Хома О. Філософські культури: терпимість, толерантність і визнання / О. Хома // Філософська думка. – 2011. – № 4. – С. 76–91.

449. Хомутова Т. Н. Научный текст: моральный аспект / Т. Н. Хомутова // «Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели»: мат-лы V международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (1 июля 2011 года) / [ред. Н.В. Иванов]. – М.: Книга и бизнес, 2011. – С. 263–271.
450. Хомяков М. Б. Брайан Бэрри: Либеральный универсализм против мультикультурализма и национализма / М. Б. Хомяков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X. № 1. – С. 73–100.
451. Хомяков М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства / М. Б. Хомяков // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – С. 30–56.
452. Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность [Электронный ресурс] / М. Б. Хомяков. – Режим доступа: URL: www.old.jourssa.ru/2003/4/4aHomiakov.pdf.
453. Хомяков М. Б. Анализ современной англоязычной литературы по направлению «толерантность и мультикультурализм» / М. Б. Хомяков, И. Г. Полякова / Сборник методических материалов «Толерантность в современной цивилизации». – Том 4. – Екатеринбург, 2007. – 114 с.
454. Хрох М. Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточноевропейских странах / М. Хрох // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: в 3-х т. – Т. 1. – М: РОССПЭН, 2010. – С. 119.
455. Хуторской А. В. Социокультурное пространство СНГ: проблема сравнительной педагогики / А. В. Хуторской. – М.: ИНЭК. – 2006. – 247 с.
456. Цибра М. Ф. Основи філософії. Навч.-мет. комплекс для самостійної роботи студентів / М. Цибра. – Одеса.: Автограф, 2007. – С. 25–48.
457. Цивилизационная структура современного мира. Кн. 1. Мусульманско-афразийская и индийско-южноазиатская цивилизации / [Под ред. Ю. Н. Пахомова, Ю. В. Павленко]. – К.: Наукова думка, 2008. – 544 с.

458. Цимбалару А. Д. Компонентно-структурний аналіз поняття “освітній простір” [Електронний ресурс]/ А. Д. Цимбалару. – Режим доступу: URL: www.rusnauka.com/20_PRNiT_2007/Pedagogica/23997.doc.htm.

459. Цыганков А. П. Плюрализм или обособление цивилизаций? Тезис Хантингтона о будущем мировой политики в восприятии российского внешнеполитического сообщества / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 24–30.

460. Чандрани Кукатас. Теоретические основы мультикультурализма / Чандрани Кукатас. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: inliberty.ru/library/study/327/.

461. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы / М. Чешков // Pro et Contra.– Осень 1999. – Том 4. – № 4.– С. 125–126.

462. Чхеайло І. Самореалізація особи (соціально-філософський аналіз): дис. ... канд. філос. наук:09.00.03 / І. Чхеайло. –Харківський військ. ун-т. – Х., 2000. –181 с.

463. Шакурова М. В. Социокультурное пространство как условие становления социокультурной идентичности личности [Электронный ресурс] / М. В. Шакурова. – Режим доступа: URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf>.

464. Шалин В. В. Социально правовые аспекты толерантности в эпоху глобализации / В. В. Шалин // Вестник Тюменского нефтегазового ун-та «Региональные социальные процессы». –2006. – № 1. – С. 35 – 39.

465. Шафрикова А. В. Мультикультурный подход в обучении и воспитании школьников: автореф. дис. канд. пед. наук: спец 13.00.02«Теория и методика обучения и воспитания»/ А. В. Шафрикова. – Казань, 1998. – 21 с.

466. Шаюк О. Особливості формування поведінкового компонента толерантності у майбутніх економістів / О. Шаюк // Психологія і суспільство. – 2013. –№ 4. – С. 143–146.

467. Шелер М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 490 с.

468. Шишмарева М. В. Иммиграционные процессы в Европе в условиях глобализации: дисс. ... кандидата полит.наук: 23.00.04 –Дипломат. акад. МИД РФ. [Электронный ресурс]/ М. В. Шишмарева / Режим доступа: URL: www.dissforall.com/_catalog/t25/_science/231/9379788.html.

469. Школьные реформы в Англии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: magazines.russ.ru/nz/2001/5/los.html.

470. Шкуратова И. П. Толерантность как проявление зрелости личности // Толерантность в межличностном общении: материалы регионального научно-практического семинара (16-17 мая, 2002 г.). – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 51–55.

471. Шмидт К. К вопросу о генезисе иммиграционной политики Великобритании // Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение / [Под ред. И. Ф.Черникова]. – Киев: Наук.думка. – 1990. – С. 94–95.

472. Шнекендорф З. К. Воспитание учащихся в духе культуры мира, взаимопонимания, прав человека [Текст]: [В свете междунар. прогр., разраб.ЮНЕСКО] / З.К. Шнекендорф // Педагогика. – 1997.– N 2. – С. 43–50.

473. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер // Самосознание европейской культуры XX века. – М. – 1991. – С. 23–26.

474. Шрейдер Ю. А. Лекции по этике: Учебное пособие / Ю. Шрейдер. – М.: МИРОС, 1994. – 136 с.

475. Шуба А. Православие и национальные отношения: Проблемы взаимоотношения этноса и религии / А. Шуба – К: Либідь, 1992. – 131 с.

476. Шукшунов В. С. Инновационное образование (парадигма, принципы реализации, структура научного обеспечения) / В. С. Шукшунов, В. Ф. Взятышев, А.Я. Савельев // Высшее образование в России. – 1994. –№ 2. – С. 13–28.

477. Шульга Р. П. Соціокультурне середовище як простір ідентичностей та ідентифікацій / Р. П. Шульга / Соціокультурні ідентичності та практики. – К.: ІС НАНУ, 2002. – С. 124–141.

478. Щербак С. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине / С. Щербак // В кн: «Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики»; [под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго]. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. – С. 219–236.

479. Экономико-правовая библиотека: Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: vuzlib.net/19458/.

480. Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы / М. Л. Энтин – М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997. – 294 с.

481. Энтин М. Л. Актуальные проблемы европейского права / М. Л. Энтин, С. А. Трыканова – М.: Изд-во Моск. психолого-соц. инст., 2008. – 168 с.

482. Ядов В. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества / В. Ядов // В кн.: Россия реформирующаяся / [Под редакцией Л. М. Дробижевой]. – М.: Academia, 2002. – С. 349–355.

483. Якса Н. В. Теоретичні засади професійно-педагогічної підготовки майбутніх учителів до взаємодії суб'єктів освітнього процесу в умовах полікультурності Кримського регіону [Текст] / Н. В. Якса. – Житомирський держ. ун-т ім. Івана Франка. – Житомир: Видавництво ЖДУ ім. І. Франка, 2006. – 433 с.

484. Ярмусь С. Кордоцентризм – підстава української духовності й філософії / С. Ярмусь // «Ювілейний зб. праць Наукового Конгресу у 1000-ліття хрищення Руси-України»: доповіді і матеріали / Редкол.: Г. Васькович, В. Домашовець, А. Жуковський та ін.; [за ред. В. Яніва]. – Мюнхен, 1988–1989. – С. 402–417.

485. Яроцький П. Міжконфесійна толерантність, правова коректність в інституалізаційно-конфесійних означеннях і стосунках / П. Яроцький // Релігійна свобода: мас-медіа, школа і церква як суспільні фактори утвердження: наук. щорічник / [За заг. ред. д-ра філос. наук А. Колодного]. – К., 2001. – С. 156–160.

486. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Яценко. – СПб., 1999. – 524 с.
487. Arnold M. God and the Bible: A Review of Objections to Literature and Dogma, 1875. – In The Yale book of quotations / M. Arnold, 2006. – P. 29.
488. Banks J.A. Multiethnic education: Theory and practice (3rd ed.) / J.A. Banks. – Massachusetts, 1994. – P. 118.
489. Banks J. A., & McGee Banks C. A. Handbook of research on multicultural education (2nd ed.) / J.A. Banks, C. A. Banks. – California: Jossey-Bass, 2004. – P. 114.
490. Barry B. Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism / B. Barry. – Polity Press, 2013. – P. 131.
491. Benhabib Seyla. Democracy and Difference / Seyla Benhabib. – Princeton, 1996. – P. 180–185, 254–255, 282–283.
492. Bloom A. The Closing of the American Mind / A. Bloom. – N. Y.: Simon and Schuster, 1988. – 400 p.
493. Dhillon P. A. What is multiculturalism? Key Question for Educators / P. A. Dhillon – Halifax, NS, Canada: Edphil Books, 2005. – P.78.
494. Fedullo M. Light Of The Feather Pathways Through Contemporary Indian America. / M. Fedullo. – Morrow/ HarperCollins, 1992. – P.75–76.
495. Fonte J. To "Possess the National Consciousness of an American" / US Center of Immigration Studies. Cantigny Conference Series. Immigration and Citizenship in America. July, 2000. Wheaton, IL. URL: <http://www.cis.org/articles/cantigny/fonte.html//>.
496. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology / A. Giddens – Stanford: Stanford University Press, 1987. – P. 68–98.
497. Gollnick D. Multicultural Education in a Pluralistic Society & Exploring Diversity Package / D. Gollnick, P. Chinn. – Prentice Hall, 2005. – 432 p.
498. Gundara J. Intercultural Education, Citizenship and Civicism in a Multicultural Europe. In: Mapping the Broad Field of Multicultural and Intercultural

Education Worldwide: Cambridge Scholars Publishing / J. Gundara – UK, 2012.– P.45–63.

499. Heller T. Modernity, membership, and multiculturalism / T. Heller. // Stanford Humanities Review. Vol. 5.2, 1997. – P. 2–69.

500. Kukathas Ch. Are There any Cultural Rights? / Ch. Kukathas // The Rights of Minority Cultures. –Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 28–56.

501. Kymlicka W. Multicultural Citizenship / W. Kymlicka // A Liberal Theory of Minority Rights. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 296 p.

502. Lynch J. Multicultural Education: Principles a. Practice / J. Lynch. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1986. – P. 42.

503. Mc Clelland D. C. Managing motivation to expand human freedom /D. C. Mc Clelland.–American Psychologist, 1978. – P. 12–33.

504. Nieto S. Affirming Diversity: The Sociopolitical Context of Multicultural Education / S. Nieto // White Plains, N.Y.: Longman, Inc. – 1992. – 496 p.

505. Pincus F. Sociology of Education: Marxist Theories / F. Pincus // Education and Sociology: an encyclopedia / D. L. Levinson, A. Sadovnik, P. W. Cookson, Jr. (eds.). – NY: RoutledgeFalmer, 2002. – P. 587–593.

506. Pries L. The Disruption of Social and Geographic Space Mexican-US Migration and the Emergence of Transnational Social Spaces. / International Sociology. March 2001. Vol 16(1). – P. 55–74. –URL: http://club.fom.ru/books/Pries01_1.pdf/.

507. Ravitch D. The Language Police: How Pressure Groups Restrict What Students Learn / D. Ravitch. – New York: Knopf, 2003. – P. 103.

508. Ravitch D. The Schools We Deserve: Reflections on the Educational Crises of Our Times / D. Ravitch. – New York: Basic Books, 1985. – P. 11–32.

509. Rawls J. Lectures on the History of Political Philosophy / J. Rawls. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 2007. – 496 p.

510. Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice / M. Sandel. – Cambridge University Press: Cambridge, 1982. – P. 45–68.

511. Sherif M. *Group Conflict and Cooperation: Their Social Psychology* / M. Sherif. – London: Routledge & Kegan Paul, 1966. – P. 145–157.
512. Sztompka P. *Socjologia* / P. Sztompka. – Krakow, 2005. – P. 255.
513. Troyana B. *Racism. Education and the state: the realization of educational policy* / B. Troyana, J. Williams. – L.: Croom helm, 1986. – P. 91.